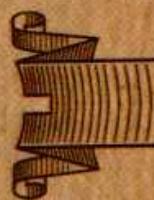

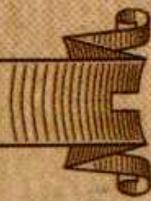
Бѣлогвардейскій романъ

Походы и кони

С. МАМОНТОВ

Сергей Мамонтов. Походы кони

Воспоминания юнкера, прапорщика, поручика Сергея Мамонтова о Гражданской войне. Автор девятнадцатилетним юношей, окончив юнкерское училище, попадает на фронт летом 1917 года. Весной 1918 года они с братом пробираются через Украину на Дон и сражаются в Добровольческой армии офицерами знаменитой 2-й Конной батареи до эвакуации Русской Армии из Крыма. Воспоминания написаны на основе дневника Сергея Мамонтова периода Гражданской войны, поэтому события начала века в России мы видим глазами юноши, на долю которого выпали испытания, часто непосильные и для взрослых, сформировавшихся натур.

Памяти всей Белой Молодежи, сложившей голову за Отечество, посвящается...

Часть 1. До Гражданской войны. Главы: Военное училище. Война. Москва.

Часть 2. Гражданская война. Главы: Северный Кавказ, Против Махно на Украине, В Донецком каменноугольном бассейне, Мариуполь-Феодосия, Большое наступление.

Часть 3. Главы: В тылу у красных, С регулярной кавалерией, В Северной Руси, Сумы, Отступление, По Дону.

Часть 4. Главы: По Кубани, Крым, Десант на Кубань, Таврия

Сергей Иванович Мамонтов

Материал из свободной русской энциклопедии «Традиция»

Сергей Иванович Мамонтов (родился в 1898 году — умер 3 марта 1987 года) — участник гражданской войны в 1917—1920 годах на стороне Добровольческой армии, конный артиллерист, закончивший войну поручиком в Галлиполи. Мамонтов родился в коренной московской купеческой семье. Известный меценат Савва Иванович Мамонтов был братом его деда. Жизненный путь С. И. Мамонтова — обычный путь молодёжи того времени: фронт, Белая Армия, эмиграция.

В 1917 году поступил в Константиновское Артиллерийское училище в Петрограде за несколько дней до революции и был произведен в прапорщики. Служить начал в первой Запасной Артиллерийской Бригаде в Москве. Его тотчас же отправили на Юго-Западный фронт. В середине 1918 года С. Мамонтов уехал на Юг. В Екатеринодаре он присоединился к Добровольческой армии и попал в Первую конно-горную батарею генерала Дроздовского. Три года он воевал, не слезая с коня. Он покинул Россию в ноябре 1920 года, прошел через Галлиполи и попал сначала в Париж, затем переехал в Берлин. Работал архитектором. Затем жил 15 лет в Центральной Африке.

Позднее переехал жить на юг Франции, где он оставил записки о войне в книге под названием «Походы и кони»[2], удостоившейся в 1979 году литературной премии имени В. Даля в Париже.

Простота стиля, потрясающие натурализмом подробности и эпизоды войны и фронтового быта и подкупающая искренность автора заставляют читать книгу на одном дыхании!

Сергей Мамонтов. Походы и кони.

Все очень быстро забывается.

Мне же повезло — у меня сохранился дневник, и я остался жив. Поэтому считаю своей обязанностью изобразить все, что видел.

Может быть, это пригодится будущему историку.

С. Мамонтов

Часть 1. До гражданской войны.

ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ

ПЕРВЫЙ УРОК ВЕРХОВОЙ ЕЗДЫ

Половина нашего отделения выстроена в “маленьком манеже” (он громадный) для первого урока верховой езды. Нас шестнадцать человек. Мы волнуемся, потому что думаем, что верховая езда — это главный предмет.

Перед нами прохаживается наш отделенный офицер — штабс-капитан Жагмен. В глубине манежа солдаты держат орудийных лошадей. Вначале обучение происходит на громадных и грубых упряжных лошадях, и это оказалось очень хорошо. После обучения на этих мастодонтах, строевые лошади были для нас игрушками.

— Кто умеет ездить верхом — три шага вперед — говорит Жагмен.

Некоторые юнкера из вольноопределяющихся, побывавшие уже в батареях, выступили вперед. Остальные из студентов. Я был уверен, что умею ездить, и, преодолевая застенчивость, шагнул вперед. Мне думалось, что нас поставят в пример другим и дадут шпоры, которые мы еще не имели права носить.

Но Жагмен взглянул на нас со скукой, повернулся к унтер-офицеру и сказал:

— Этим вы дадите худших лошадей и поставите в конце колонны. Их будет трудней всего переучить.

Все мое вдохновение слетело, и, шлепаясь на строевой рыси, без стремян, на грубейшем мастодонте, я понял, что ездить не умею.

Долгие месяцы обучение состояло в ненавистной строевой рыси без стремян. Нужно научиться держаться коленями и не отделяться от седла, придав корпусу гибкость. Вначале мы зло трепыхались в седле, все почки отобьешь, мучаясь сами и мучая лошадь. После езды ноги были колесом, и старшие юнкера трунили над нашей походкой.

Но постепенно мы привыкли и даже могли без стремян ездить облегченной рысью. Мы стали чувствовать себя “дома” в седле и мечтали о галопе и препятствиях. Но Жагмен упорно продолжал строевую рысь без стремян. Только позднее я оценил его превосходную систему.

Когда впервые он скомандовал: “Галопом ма-а-рш!” (исполнительная команда растягивается, чтобы лошадь имела время переменить аллюр), поднялся невообразимый кавардак. Только немногие всадники продолжали идти вдоль стены манежа. Большинство же юнкеров потеряли управление лошадьми и скакали во всех направлениях. Жагмен посреди манежа защищал свою жизнь, раздавая длинным бичом удары по лошадям и по юнкерам.

Я шел галопом вдоль стены, когда юнкер Венцель на громадном коне врезался перпендикулярно в моего коня и отбросил нас на стенку. Стукнувшись о стену, я снова попал в седло и был удивлен, что это столкновение не причинило никакого вреда ни мне, ни моей лошади. Вообще не припомню в нашем отделении несчастных случаев за все время обучения.

Конечно, вскоре мы научились не балдеть на галопе и спокойно брать барьер без стремян.

Было одно исключение. Юнкер Смирнов бледнел каждый раз, когда слышал команду: “Перемена направления на барьер. Ма-а-рш!”. У барьера он неизменно бросал повод и обеими руками вцеплялся в луку. Конь прыгал, а Смирнов, раскинув руки и ноги, как самолет, летел над конем и зарывался лицом в песок манежа. Ни уговоры, ни наказания не могли его отучить хвататься за луку. Хоть мы его жалели, но с нетерпением ждали этого зрелища, потому что это было смешно. Для него верховая езда была мукой.

Мы любили вольтижировку. Лошадь гоняли на корде. На ней была подпруга с двумя рукоятками. Юнкера по очереди подбегали к лошади изнутри круга, хватались за рукоятки, отталкивались от земли и садились на лошадь. Вновь спрыгивали, отталкивались и садились. Так несколько раз. Потом перепрыгивали через лошадь и, что трудней, извне снова садились на ее спину. И уступали место следующему юнкеру. Вначале ничего не получалось. Но стоило уловить темп — все делалось само собой одним галопом лошади.

Очень интересна была типология — наука сложения и болезней лошади. Приводили вороную лошадь, и лектор рисовал мелом на ней ее внутренности. Он начинал свои лекции (конечно, нарочно) с фразы:

- Лошадь делится на три неравные половины. Голова, туловище и ноги.

Тут мы кое-чему научились.

Наука была очень хорошо поставлена. Особенно блестящ был профессор артиллерии полковник Гельбих. С интересом мы слушали теорию вероятности.

В училище были две батареи и два курса. Старший, 9-й ускоренный курс, состоял из кадет и был очень дисциплинированный. Нашего, младшего, 10-го курса немного побаивались, потому что мы были студентами. Но мы оказались тоже дисциплинированы, и юнкера сумели во время революции сохранить порядок и всех офицеров, обуздать склонных к расхлябанности солдат и сохранить даже наши лагеря в Дудергофе. Не все училища показали такую спайку.

Цука* у нас почти не было, хоть мы относились с почтением к старшим юнкерам. Когда мы стали старшими, то я раз цукнул молодого юнкера, не уступившего места в трамвае раненому офицеру. Я был младшим фейерверкером с двумя лычками, то есть портупей-юнкером.

В каждой батарее было по 10 отделений по 32 человека, которые составляли по четыре взвода в батарее. Два старших и два младших. Всего юнкеров было 640 человек, 150 солдат и человек 35 офицеров.

Я попал во вторую батарею, в 8-е отделение, номер 258.

Строились обе батареи в белом зале — огромном и красивом помещении, выходившем на Забалканский проспект, сад выходил на Фонтанку.

Первая батарея шла размеренным шагом, мы же, вторая, семенили.

Позднее, чтобы “товарищи” не завладели зданием, мы, юнкера, спали в белом зале.

Кормили нас хорошо и прекрасно учили. Я сохранил самые теплые чувства к училищу.

РЕВОЛЮЦИЯ

Поступил я в Училище 21-го февраля 1917 года. 28-го февраля сидел я на подоконнике в белом зале и зубрил, с полным отчаянием, тезоименитства всего дома Романовых. Это должен был быть первый экзамен, и я боялся получить плохую отметку. Я даже точно не знал своих собственных именин, а семья Романовых была многочисленна, и дело казалось мне безнадежным. Запомнить все даты просто невыносимо. А получить хорошую отметку на первом экзамене было важно — ведь по ней будут судить остальные профессора.

Было часов 5 вечера. Вдруг по улице проехал какой-то странный грузовик... еще один, полный расхлябанными солдатами. Очень странно. Публика на тротуарах тоже на них смотрела. Подошел юнкер и вполголоса сказал, что в городе беспорядки. Через некоторое время другой сказал, что казаки вместо разгона братаются с демонстрантами. Потом появились на улице люди с красными бантами. Кое-где в городе стали слышны выстрелы.

Первое чувство было беспокойство. Неужели революция? О ней давно говорили, но все же она случилась неожиданно. Зубрить тезоименитства я уже не мог. Мелькнула мысль: если революция, то этого экзамена ведь не будет. Из-за этого я стал ожидать революцию. Как мелки и эгоистичны человеческие побуждения!

Мой сосед по кровати юнкер Радзиевич, грузин, оказался большевиком, но объяснить мне сущность большевизма не мог. Был дубоват. Как-то так случилось, что его послали представлять Училище в Думе. Но он говорил совсем не то, что думали юнкера. Юнкера его выгнали из Училища.

На второй или третий день революции вооруженная и возбужденная толпа потребовала роспуска юнкеров. Помню трясущегося начальника Училища генерала Бутыркина, а я вышел со счастливой улыбкой, потому что получил неожиданный отпуск. Но моя улыбка и мой восторг вскоре исчезли. Революция хороша лишь в книгах, много позже, но не на улице, когда она происходит. Тут грабили, громили магазины, избивали все одного, совершенно неизвестно за что. На улицу вышли подонки, чернь и солдатня, потерявшие человеческий образ. Все искали, чем бы попользоваться, украсть, а то и просто ограбить. Народ, крестьяне, в революции не участвовали. И на каждом углу демагогические речи. Просто какой-то понос речей с бесстыднейшим враньем и подлой лестью. Грязь, вонь, глупость, злость и безграничное хамство. Все худшие чувства вылились потоком наружу, как только исчез с угла городской и появилась безнаказанность. Потом говорили, что революцию сделали наполовину социалисты, по глупости, и наполовину агенты центральных держав, с которыми мы были в войне. Немцам русская революция обошлась дорого. Но и союзники давали на нее деньги.

Мы стояли на углу улицы, когда окна над нами разлетелись. Толпа разбежалась, а мы, юнкера, ничего не понимая, продолжали стоять. Это была пулеметная очередь. Другие думали, что мы храбрецы, а мы были всего только дураками.

Я пошел к дяде Федору Николаевичу Мамонтову и провел у него на квартире три дня. Конечно, больше на улице, чтобы все видеть. Повидал я многое: убийства, грабежи, поджоги и хамство. Ничего красивого и героического не видел. В книгах, думается, все красивое придумано.

Вернулся я в Училище гораздо меньшим революционером, чем вышел из него три дня назад. Какая прекрасная вещь порядок. Его только начинаешь ценить, когда его нет. Все же эти три дня принесли мне немалую пользу — никакая

пропаганда меня больше не прошибет. Я видел революцию воочию и во всей ее “красоте”.

Случилось так, что я никогда никому не присягал. Ни царю, ни Временному правительству, ни большевикам. Другим приходилось присягать всем трем. Я никогда не принадлежал к политической партии и не голосовал. Нет вещи гаже политики.

А не присягал я вот почему. В день присяги меня назначили караульным начальником к денежному ящику, в отдаленной части Училища. У меня были три юнкера часовых. Пришел адъютант начальника Училища, сказал пароль и велел увести часового.

— Мне надо тут работать, — сказал он.

Мы находились в соседней комнате. Я заметил, что прошло немало времени, а адъютант меня все не зовет. Пошел взглянуть и ахнул. Дверь канцелярии раскрыта, в комнате никого, и дверь денежного ящика распахнута.

Я взял двух часовых и поставил их в раскрытых дверях, запретив входить в комнату и впускать кого-нибудь. Сам же стремглав помчался к дежурному офицеру, моему прямому начальству, доложил и так же бегом к моим часовым. Я был обеспокоен: не пропали ли деньги или документы из денежного ящика. Вскоре явился адъютант и запер денежный ящик. Никакой истории, слава Богу, не было. А для присяги нас четырех просто забыли. А мы и не протестовали.

ГЕНЕРАЛ МАМОНТОВ

Первым экзаменом была фортификация. Было важно получить хороший балл.

— Мамонтов... Мамонтов... Вы не родственник инспектору артиллерии генералу Мамонтову? — спросил меня капитан-экзаменатор.

Я знал, что не родственник, но генерал, да еще инспектор артиллерии мог оказать протекцию в Училище. (Инсп. Арт. — высшая должность артиллериста.)

- Так точно, господин капитан, — ответил я без запинки.
- Как он вам приходится?
- Двоюродным дядей, господин капитан.
- А где его старший сын?

Где он мог быть, сын генерала?

- На фронте, господин капитан.
- А второй сын?

Капли пота выступили на моем лбу. Вдруг спросит, как их зовут. Что я отвечу?

- Тоже на фронте, господин капитан.

Пот все сильнее выступал на лбу. Я стоял “смирно” и отереть его не мог.

— А третий сын?

Господи, да сколько же их? Пот стал капать с носа.

— Не знаю, господин капитан.

Увидя капающий пот, капитан прекратил расспросы и приступил к экзамену.

Я получил 12 — высший балл.

На Пасху я получил отпуск на несколько дней в Москву. На Арбатской площади я услышал военную музыку. Хоронили кого-то на лафете орудия. Меня интересовало, как прикрепляется гроб к орудию. Ведь раз я стал артиллеристом, то и меня будут хоронить на лафете. Я прихвостился к идущим за гробом и помаленьку стал продвигаться вперед. Но рассмотреть было трудно, потому что гроб был завален венками. Вот уж я в первом ряду, рядом со вдовой. Нарочно роняю перчатку и, поднимая ее, стараюсь взглянуть снизу, на чем же стоит гроб? В это время ветер разворачивает ленту венка, и я читаю: Генералу Мамонтову. Не верю глазам. Мелькает мысль, не на свои ли похороны попал каким-то оккультным образом? Смотрю внимательно на вдову и на окружающих — никого не узнаю. Замедляю шаг и в задних рядах спрашиваю кого-то:

- Скажите, пожалуйста, кого хоронят?
- Генерала Мамонтова, инспектора артиллерии из Гродно.
Тогда я вспомнил экзамен фортификации, зашел вперед и встал на тротуаре во фронт и отдал честь генералу, оказавшему мне невольную протекцию.

НЕУДАВШИЙСЯ ПЕРЕВОРОТ

Вскоре выяснилась полная бездарность министров Временного правительства. Они говорили речи и бездействовали. Далеким им было до прежних министров, которых они так ругали. Великая Россия поручила свою судьбу маленькому болтливому присяжному поверенному Керенскому. Разруха увеличивалась. На этом фоне ничтожеством вдруг появился генерал Корнилов, бежавший из плена. Все надежды обратились к нему. Его назначили начальником Петроградского военного округа.

13-го марта 1917 года я был дневальным и с шашкой на боку и в фуражке шел по бесконечным коридорам Училища. Мне навстречу шел офицер. Это не был офицер Училища. Он был в защитном полушубке и в серой папахе. Сердце мое дрогнуло — я узнал по фотографиям генерала Корнилова. Я встал во фронт.

- Вы в наряде, юнкер?

- Так точно, Ваше Превосходительство! (А не “господин генерал”.)
- Скажите юнкерам уйти из оружейной каморы, мне она нужна.

Две комнаты с моделями орудий служили курительной и всегда были полны юнкерами. Мелькнула мысль: значит, он окончил наше Училище, раз знает об оружейной каморе. Я влетел туда вихрем.

— Выходите все. Генерал Корнилов тут и хочет камору для себя.

Все расхохотались, приняв это за шутку.

- Не валяйте дурака. Он тут в коридоре, посмотрите сами. Некоторые посмотрели и вышли, другие же продолжали

готовать. Но Корнилов вошел, и они вскочили в положении “смирно”.

- Оставайтесь перед дверью и отгоняйте любопытных. Я жду офицеров.

Примчался начальник Училища генерал Бутыркин, застегивая мундир. Я хотел было ему рапортовать, но он отмахнулся и повторил приказание Корнилова. Офицеры стали прибывать один за другим. Генералы и полковники. Было их человек 25—30. Было ясно, что в нашей каморе происходит какое-то важное совещание. Там даже стульев не было, сидеть можно было на лафетах и на подоконниках. Совещание длилось минут двадцать, затем так же разошлись по одному, по два. Вышел и Корнилов, не обратив на меня внимания. Я заглянул в камору, она была пуста.

На следующий день, 14-го марта 1917 года, с утра, старший курс запряг обе наши батареи, мы же, 10-й курс, шли пешком в строю. Все вышли на улицу. В то время дефилировать по городу было модно, и это никого не удивило.

Но проходя мимо Владимирского пехотного училища, мы увидели, что юнкера с винтовками на плечах вышли из Училища и пошли за нами. А когда мы подходили к Павловскому пехотному училищу, то увидели все Училище, построенное уже на улице. Оно дожидалось нашего прихода и тотчас же двинулось дальше. Тут мы наострили уши — это неспроста. Образовалась очень внушительная колонна из трех Училищ: Павловское, наше и Владимирское. Мы вышли на обширную Дворцовую площадь перед Зимним дворцом. Тут уже были выстроены несколько юнкерских Училищ. Мы пристроились. Все новые колонны юнкеров подходили и выстраивались. Под конец тут были собраны все военные училища Петрограда и окрестностей. Во всех Училищах были знакомые, и мы вскоре узнали, что все вооружены и с патронами. По нашим расчетам нас было 14 000 человек, лучших в то время войск в России: дисциплинированных, молодых, храбрых и не рассуждающих. Корнилову удалось собрать такую силу в центр города, и собрать тайно ото

всех. Сомнений не было: будет переворот. Мы были в восторге. В Петрограде нет силы, способной оказать нам сопротивление. Полки потеряли дисциплину, порядок и офицеров, а многие, вероятно, к нам присоединятся.

Мы были настроены воинственно.

Но драгоценное время шло, а Корнилов все не являлся.

Преимущество неожиданности терялось. Красные успели принять меры, а мы изнывали от бездействия. Пыл наш падал.

Как мы потом узнали, против нас в Зимнем дворце Керенский уговаривал Корнилова ничего не делать и... уговорил. Единственным, кто показал нерешительность, оказался сам Корнилов. Такой благоприятный момент был им непростительно упущен.

Наконец Корнилов показался на балконе Зимнего дворца. Мы встrepенулись. Он пропустил нас как на смотр и вместо приказа действовать, заговорил...

Речи мы не слушали, всем уже осточертели речи.

Нас разрозненными колоннами провели по городу для демонстрации. (Разрозненными, чтобы легче с нами справиться, если мы чего устроим.)

Шли мы плохо, хотелось есть, рыхлый снег промочил ноги, а главное, было досадное чувство провороненного переворота. Воинственности больше не было. Поздно вечером вернулись в Училище голодные, мокрые и злые.

Корнилова, конечно, удалили из Петрограда. Юнкерские училища взяли под красный надзор, чтобы они не могли больше собраться воедино. Когда в сентябре Корнилов двинул против Петрограда конный корпус генерала Крымова, было уже поздно. Казаки замитинговали, а училища не могли прийти на помощь, да и состав юнкеров был уже не тот. Генерал Крымов застрелился. Корнилов был арестован в Быхове. Он бежал на юг, организовал и возглавил Белое Движение на Дону. Он был хорошим генералом и организатором. Корнилов был убит под Екатеринодаром. Зная его, непонятно, как мог он проявить слабость 14-го марта 1917 года.

В БОЛЬШОМ МАНЕЖЕ

Старший курс, 9-й, пошел в лагерь в Дудергоф, чтобы не дать “товарищам” занять их. Нас, 10-й, перевели из малого в большой манеж для верховой езды. Тут мы получили хорошо выезженных строевых лошадей, седла со стременами, оголовье с трензелем и мундштуком (в малом были только трензели).

Должен сказать, что я так привык в малом манеже ездить без стремян, что они мне были не нужны и мешали крепко сидеть в седле. Сколько раз Жагмен мне кричал:

- Юнкер, возьмите стремяна!

Только тогда я замечал, что стремяна где-то болтаются. Очевидно, что тогда я ездил прилично, потому что Жагмен поместил юнкера Нарейко во главе колонны, а меня замыкающим. Нарейко был природным кавалеристом. Он шел первым, и вся колонна равнялась по нему. После поворота я оказывался во главе колонны на несколько минут.

Манеж был громадный, с очень сильным резонансом, и случалось, что, находясь в конце колонны, я не мог разобрать слова команды. Тогда я предоставлял моей лошади исполнять движение вместо меня. Лошади прекрасно знали команды и обладали тонким слухом и, если им не мешать, выполняли движения куда лучше юнкеров.

Если я многому научился в малом манеже на грубейших лошадях без стремян, то я сделал очень мало успехов в большом манеже на прекрасно выездженных строевых лошадях, которые могли делать все сами и лучше меня. На самом деле, чтобы заставить грубейшую упряжную лошадь переменить ногу на галопе или заставить ее взять барьер без шпор и стремян, нужно было уметь. А строевые лошади делали все сами и иногда поправляли ошибку юнкера. Что же было трудного на них ездить?

Как я был удивлен и обрадован, когда я оказался одним из трех юнкеров, вызванных перед фронтом и получивших шпоры. Другие не имели еще права их носить. Я был очень горд, юнкера мне завидовали.

Конечно, у меня был один секрет. Никогда я не выбирал коня, а брал того, который был передо мной. Даже я старался менять лошадей. Если юнкер жаловался на свою лошадь, я предлагал ему меняться конями.

Благодаря этому мне пришлось ездить на всяких лошадях. Были и спокойные, тряские, злые, становящиеся на дыбы, бьющие задом, даже лежащиеся. Были закидывающиеся, дающие козла, кусающие коленку и с больными почками. Я приучился внимательно следить за лошадью и распознавать ее характер, достоинства и недостатки и обращаться с ней соответственно. У меня накопился опыт, больший, чем у юнкеров, которые всегда старались заполучить ту лошадь, которую они считали хорошей.

Я упомянул лошадей с больными почками. Их порядочно. Первый раз в большом манеже мы получили незнакомых нам лошадей. Нарейко, прекрасный наездник, был в голове колонны на Жемчуге. После команды: “Справа по одному!”, Нарейко тронул Жемчуга шпорой. Жемчуг нагнул голову, дал два козла и ударил задом. Не ожидавший этого Нарейко кубарем вылетел через

голову Жемчуга и сделал еще кульбит в песке. Солдаты-конюхи загоготали. Оказалось, что у Жемчуга больные почки и он не выносит прикосновения шпор. С каждым новым, впервые садящимся на Жемчуга, случалось то же самое. Нарейко тотчас же вскочил и сел на Жемчуга. Он всегда на нем ездил и говорил мне, что никогда не пользуется шпорами и даже не откидывается в седле. В остальном Жемчуг был красавцем.

ЭКЗАМЕН

Постоянная перемена лошадей дала мне опыт, но иногда преподносила неприятные сюрпризы. Приближался экзамен верховой езды. Юнкера волновались: какая им достанется лошадь? Они подкупали солдат-конюхов, менялись местами в строю и удивлялись моему безразличию.

В день экзамена в большом манеже присутствовали начальник Училища генерал Бутыркин, командир батареи полковник Ключарев и еще офицеры. Мы стояли строем, против нас солдаты держали лошадей.

— По коням.

Мы пошли к лошадям, и каждый взял лошадь, которая находилась перед ним. Солдат, державший мою, шепнул:

— Осторожно, она...

Он не успел договорить. Раздалась команда:

— Смирно!

Мы замерли, солдаты исчезли.

— Садись!

Я был заинтригован недоконченным предупреждением солдата. Привычным жестом огладил почки — никакой реакции. Тронул кобылу шпорой — тоже ничего.

— Справа по одному на две лошади дистанции...

Мы двинулись. Я был начеку и ожидал от моей кобылы какой-то пакости. Но подвергнув ее всяким манипуляциям, я убедился, что она очень хорошая, спокойная лошадь. Все шло лучшим образом, и я успокоился. Может, солдат хотел надо мной подшутить, напугать? В конце экзамена мы должны были брать барьер. По команде моя кобыла без моего участия, а сама собой, пошла галопом с левой ноги, как полагалось. Я был последним в колонне и решил блеснуть. Офицеры смотрели на препятствие, повернув мне спину. Я попридержал кобылу, увеличил дистанцию между мной и предпоследним всадником и потом пустил ее хорошим полевым галопом, рассчитывая, что у

препятствия я буду на нужной дистанции. Как полагалось, я принял положение “смирно”, повернув голову на начальника Училища, но скосив один глаз на препятствие.

Тут-то оно и случилось, о чем хотел меня предупредить солдат.

Моя кобыла закинулась. То есть вместо прыжка, она уперлась всеми четырьмя ногами в землю, опустила голову и пыталась вильнуть вправо. Я с ужасом почувствовал, что отделяюсь от седла. С отчаянием я вонзил шпоры. Шпоры и хороший ход заставили кобылу прыгнуть. Но мы взяли барьер раздельно друг от друга. Я летел над кобылой, но в положении “смирно”. Случаю было угодно, чтобы на другой стороне препятствия я упал на наклоненную шею лошади. Могучим движением шеи она отбросила меня опять в седло. За все время происшествия я не двинулся, оставаясь все время в положении “смирно”.

Юнкера были впереди меня и не видели моего позора, но офицеры!..

Я был в отчаянии, считая, что провалился на экзамене.

Каково же было мое изумление, когда читали баллы, и я услышал, что получил 12 — высший балл — и произведен в младшие портупей-юнкера.

Я пошел к Жагмену, которого мы искренне любили, и спросил, не ошибка ли это? Он же видел, что со мной случилось.

— Нет, это не ошибка. Вам дали 12 за то, что вы дали вашей лошади шпоры и заставили ее прыгнуть. За то, что не выпустили поводьев из рук, и за то, что в конце концов все же остались в седле... Лошадь может закинуться у любого всадника. А Даная, ваша кобыла, известна в Училище своими закидками, и редко юнкеру удавалось заставить ее прыгнуть, да еще на экзамене.

Хотя по возрасту я был младшим в моем отделении, меня назначили старшим, то есть я командовал отделением. А в нем был старший портупей-юнкер Назаров, командовавший всем нашим взводом (тремя отделениями).

Многие мне завидовали. Кажется, один Назаров, тоже москвич, мне не завидовал.

ДУДЕРГОФ

В лагерях, в Дудергофе, было очень хорошо. Наши казармы были очень благоустроены. Юнкера спали на нарах, а у меня, как портупея, была кровать. Всюду были газоны “ цветы. Внизу наш участок выходил на озеро, были парусные лодки. Перед лагерем был наш оружейный парк и дальше — громадное поле-полигон.

Соседние лагеря других училищ были заняты солдатами (самовольно). Наш старший курс сумел отстоять наш лагерь, за что ему честь и слава. Столкновений с солдатами не помню. Наша дисциплина им импонировала.

Занятий у нас было много, и у юнкеров было постоянное чувство голода. И вот как-то меня назначили дежурным по кухне. Вот, думаю, налопаюсь. Но к моему разочарованию, я не мог съесть второй котлеты. Пища была хорошо рассчитана, и организм так к ней привык, что не принимал излишка.

Во время стрельбы меня и двух других юнкеров послали верхами перекрыть движение по дороге. Наш разъезд повстречал барышень, и завязался флирт. Один из юнкеров наклонился с седла. Но в это самое время грохнула неподалеку пушка. Лошадь шарахнулась, барышня вскрикнула, а юнкер сверзился к ногам барышни. Лошадь же умчалась в конюшню. Бедному юнкеру, кроме конфуза, пришлось идти 12 верст пешком и стараться не попасться на глаза начальству. Любопытно, что никто из нас не подумал поймать его лошадь или посадить его на круп и довести до лагеря. Опыт приходит с годами.

СМОТРОВАЯ ЕЗДА

В лагерях настал день смотровой езды батареями. Запрягли обе наши батареи и мортирный взвод. Ездовыми и номерами были юнкера. Назаров был назначен фейерверкером мортиры, а я фейерверкером его ящика. Мы оба были верхом. Это был экзамен, на который собралось много начальства. Были новый начальник Петроградского военного округа, генералы, полковники и наши офицеры.

Нас заставили проделать разные перестроения на разных аллеях. Одним из самых трудных перестроений является поворот развернутого фронта батарей. Чтобы сохранить равнение при повороте, не изломать линию фронта, первое орудие двигается едва, второе немного скорей, каждое следующее все ускоряет движение и наконец последнее мчится карьером.

Все движения и перестроения удались нам неплохо, и смотровая езда сошла бы великолепно, если бы не произошел досадный случай.

А произошел он со мной. Вот что случилось. Мы шли крупной рысью мимо начальства и, не задерживаясь, переходили через окопы. При этом орудие (мортира), за которым я следовал со своим ящиком, сильно ударило о край окопа, и кожаный футляр, покрывающий дуло орудия, упал на землю.

Начальство, в ста шагах справа, могло видеть потерю футляра.

Я молниеносно стал соображать, что мне делать: поднять футляр или сделать вид, что я не видел, и поднять после маневров? Назаров был впереди и падения

футляра не видел. Поднять его мог только я, потому что был верхом. После секундного колебания я завопил ездовым: “Следовать за орудием!”, что они, конечно, сделали бы и без моей команды.

Сам же завернул коня, соскочил и поднял футляр.

Я хотел снова сесть, но мой конь, видя уходящую рысью батарею, наострил уши, заржал и стал крутиться как бес, не давая мне сесть в седло. Весь генералитет смотрел на меня. Тогда я решил блеснуть и сесть с маху. Это эффектный, но простой способ посадки, прыжком. Делается это так: левая рука держит поводья и гриву коня, становишься спиной к его голове, отталкиваешься левой ногой, закидываешь правую ногу и руку, виснешь на левой и оказываешься в седле. Это я мастерски проделывал в манеже. Но на этот раз мах мне не удался, потому что мой проклятый конь вертелся. Я очутился животом на седле, ноги с одной стороны, корпус с другой. Удерживать коня я уже не мог, и эта бестия помчалась галопом за уходящей батареей, причем лихо прыгая через окопы. А я на седле отчаянно боролся с равновесием, чувствуя с ужасом, что сейчас свалюсь. В таком непрезентабельном виде я пронесся мимо начальства, и наконец мне удалось закинуть ногу и сесть в седло как следует. Я встал на свое место фейерверкера.

После маневров я пошел опять к Жагмену.

— Господин капитан, правильно ли я сделал, что поднял футляр?

Жагмен не сразу ответил.

- Мнения по этому вопросу разделились... Но судя по тому, что стоит в уставе, вы ответственны за материальную часть, то есть должны были поднять.

Он опять замолчал.

— Конечно, было бы лучше, если бы вы корректно сели в седло... Но хорошо и то, что вы не упали... Ха-ха, — вдруг засмеялся он. — Это было смешно. Даже держали пари: упадет, не упадет? Я тоже держал и выиграл.

- Спасибо за ваше доверие, господин капитан, но вы были очень близки к проигрышу.

— Я знаю, я же видел.

В училище был один недостаток в обучении. Нас не учили практически ухаживать за лошадьми: кормить, поить, чистить, водить. Это делали солдаты. Нас учили седлать и ездить. А как ухаживать, мы знали только из книг, и это недостаточно.

ВОЙНА

В Москву

15 августа 1917 года я был произведен в прапорщики — первый офицерский чин во время войны. Было жаль расставаться с Константиновским артиллерийским училищем, с которым я сжился и о котором у меня остались лучшие воспоминания.

Но новая форма, погоны, шашка, револьвер, шпоры, снаряжение страшно мне нравились и мне не терпелось показать все это в Москве.

Кончил я Училище хорошо и выбирал вакансии двадцать пятым. Мог бы выбрать даже конную артиллерию. Но, как обещал матери, я выбрал Запасную артиллерийскую бригаду в Москве. Мой принцип: “От службы не отказывайся, на службу не напрашивайся”.

В этот же вечер я выехал поездом в Москву и часть ночи провел, любуясь своим отражением в форме в темном окне вагона. Мне было 19 лет.

Служба в Москве

После короткого отпуска 5-го сентября я явился в Запасную артиллерийскую бригаду в Москве, на Ходынке. Я был назначен в 1-й взвод 2-й батареи. Взводным командиром оказался наш бывший старший нашего отделения 9-го курса в Училище.

Я был очень неприятно поражен беспорядком в бригаде. Солдат были тысячи. Вид у них был расхлябанный. Очевидно, их больше на фронт не посылали и ничему не учили. В одной нашей батарее были 56 офицеров. Это вместо 5 офицеров и 120 солдат по штату. Все мне здесь было непонятно и враждебно.

Взводный, вместо того чтобы разъяснить мне обстановку, сказал:

— Рад вас иметь в моем взводе. Вот расписание занятий

Перепишите внимательно. Начнем занятия завтра в 7 часов. А сегодня идите домой.

Я пошел в офицерское собрание, где встретил много знакомых.

На другой день я вышел из дому очень рано, чтобы прибыть в казармы вовремя. Я приехал за несколько минут до семи часов. Но в казармах все еще спало. Иногда заспанный солдат выходил на улицу мочиться. Было уже больше семи часов.

Может быть, я ошибся местом?

Я пошел к баракам солдат, но и там никакого движения. Вернулся в бюро. Солдат мел лестницу.

- Где же все офицеры? — спросил я его.
- Они так рано не приходят.

Странно. Что же мне делать? Ждать? Но командир взвода сказал хорошо переписать расписание занятий, а в Училище меня учили проявлять инициативу. Я подумал, что должен сделать перекличку, раз я тут. Другие офицеры подойдут. В конце концов я же офицер и должен решать сам, а не ждать, что кто-то решит за меня.

Я пошел к бараку солдат. Я был одет официально, при шашке и револьвере, в шинели с ремешками через плечи.

— Позови мне взводного унтер-офицера, — сказал я одному солдату.

Взводный явился неторопливо, неряшливо одетый.

- Это бараки 1-го взвода 2-й батареи?
-Да.
- Вы взводный?
-Да.
- Застегните рубашку, подтяните ремень.
Он оправился.
- Отдайте честь по уставу.
Он отдал.
- Вы делали перекличку?
-Нет.
- Почему?
- Солдаты спят еще.

После училища мне было дико это слышать.

- Что?! Выведите их немедленно.
Он пошел по бараку крича:
- На перекличку, выходите все.

Никто не тронулся. Солдаты лежали на двухэтажных нарах, смотрели на меня с любопытством, но не двигались. Взводный вернулся.

- Они не хотят.
Я побледнел.
- Все унтер-офицеры сюда. Поднимите солдат.

Я встал в широко распахнутых воротах барака. Барак был длинный и там были вторые ворота. Дневальный принялся мести около меня. Унтер-офицеры бегали

крича, но мне казалось, что повернув мне спину, они корчили гримасы, потому что, глядя на них, солдаты смеялись.

“Что же я буду делать?” — спросил я себя.

Один солдат, лежа на верхней полке прямо против меня, усмехнулся, глядя на меня:

— Этот еще молодой. Он думает, что мы его послушаемся...

Он не договорил, так как кровь ударила мне в голову. Я вырвал метлу у дневального и со всего размаха смазал метлой его по физиономии. Затем в бешенстве я пошел по бараку, раздавая удары метлой направо и налево.

Эффект был поразительный. Солдаты как по команде скатились с нар и, на ходу натягивая сапоги и штаны, побежали строиться.

Весь дрожа от возбуждения, я за ними последовал. Унтер-офицеры, уже подтянутые и без гримас, командовали.

Двери других барачных помещений распахивались, и все новые потоки солдат бежали строиться. Им не было конца. Все время прибывали новые. Когда наконец все были выстроены, я находился перед громадным фронтом, вероятно, до двух тысяч человек. Была ли это батарея или вся бригада, я не знал. Их было слишком много для меня одного.

Взводный скомандовал: “Батарея, смирно!” и подошел ко мне с рапортом. На этот раз он показал воинскую выправку.

— Делайте перекличку.

Перекличка шла, вероятно, с пятого на десятое, я проверить, конечно, не мог. Перекличка окончилась. Я достал из-за рукава расписание занятий. Было время занятий при орудиях.

— Взводный, ведите наш взвод к орудиям.

Колонна прошла передо мной. Я молча и строго осматривал людей и за ними последовал. Люди образовали группы вокруг орудий. Унтеры объясняли части. Я ходил взад и вперед, останавливаясь, чтобы послушать.

Меня удивляло, что ни один из пятидесяти шести офицеров не появляется, хотя было уже восемь часов с лишком.

Прибежал солдат.

- Господин прапорщик, командир взвода вас требует.

- Сейчас иду. Взводный, продолжайте занятия. (Вероятно, все пошли на митинг, как только я исчез за углом.)

— Что вы сделали?! — сказал взводный командир.

Я не понял, о чем он говорит, и вытащил бумажку расписания.

- Занятия при орудиях от 8 до 9...

- Да нет, я не об этом. Вы побили солдата!
- Ах да. Но это не имеет значения, потому что он это заслужил... Впрочем, мне кажется, что я побил нескольких.
- Тише, ради Бога, не говорите так громко... Идите к командиру батареи.

Капитан впустил меня в свой кабинет, услад писаря, сам закрыл дверь и повернулся ко мне.

- Что вы наделали, прапорщик?

- В чем дело, господин капитан?
- Вы ударили солдата.
- Так точно, господин капитан. Что мне было делать, когда он надо мной насмеялся?
- Все же не бить его.
- Да, я знаю. Я должен был применить оружие, но...
- Молчите, молчите... Нас могут услышать... Идите к командиру бригады.
- Хм... Хм... прапорщик, что с вами случилось, что вы побили солдата?

Слезы выступили у меня на глазах.

- Господин полковник, что я сделал преступного? Я поступил, как каждый офицер поступил бы на моем месте, если солдат над ним смеется.
- Хм... Хм... Да, конечно... Нет, конечно, вы не правы. Времена переменялись. Не понимаете вы, что у нас революция и нужно обращаться осторожно с солдатами.
- Господин полковник, уверяю вас, что это им пошло на пользу. Вы бы посмотрели, как они побежали строиться и вдруг стали опять солдатами. Если бы все офицеры проявили бы твердость, то армия была бы спасена.
- Замолчите, замолчите... Хм... конечно... Не возвращайтесь в батарею. Идите в собрание, я пришлю адъютанта через несколько минут.

В собрании я подсел к столу, за которым было много знакомых. Но все замолчали и один за другим разошлись. Я остался один, кругом пустота. Даже соседние столики опустели. Я понял, что происшествие уже известно и мне боятся подать руку, боятся солдат.

Адъютант вошел и протянул мне бумажку. Это был приказ отправляться на фронт.

— Полковник освобождает вас от прощального визита ему и командиру батареи. А я вам советую поскорей уехать отсюда. Солдаты могут вас убить. Не идите на трамвайную остановку, возьмите другое направление. Желаю успеха.

Можно сказать, что служба моя в Москве была недолгой.

Я думаю, что подлость и трусость начальства были причиной разложения армии. Солдаты, как дети. Если их распустить, они становятся невыносимы, а потом опасны. Трудно опять взять их в руки. После запасной бригады мне понятно, почему в Октябре против большевиков выступило так мало офицеров. Большинство трусило и старалось спрятаться. Как будто можно было спрятаться! Ну попали в тюрьмы и лагеря. И сами виноваты.

НА ФРОНТ

Меня назначили на Юго-Западный фронт. Штаб фронта находился в Житомире, оттуда меня послали в штаб армии в Бердичев и потом в штаб 12-го корпуса в Проскуров. Всюду я просил меня назначить в 64-ю артиллерийскую легкую бригаду, потому что она работала с 64-й пехотной дивизией, где служил брат в Перекопском полку. Через Казатин я доехал до Жмеринки. Но тут поезда почему-то не шли, и комендант предложил мне ехать на подводе, за что я и ухватился с радостью. Таким образом я видел новые места и ночевал в чисто еврейском местечке, где меня угостили “рыбой-фиш” (фаршированная щука, вкусно). Наконец я подъехал к большому селу Пятничаны, где находился штаб 64-й дивизии и бригады (артиллерийской). Меня назначили во 2-ю батарею. В штабе дивизии меня ждал денщик брата и отвез меня в Бурту, маленькую деревушку, где стояли 1-я и 2-я батареи и помещался командир дивизиона (3-х батарей). Подъезжая к Бурте, я все спрашивал денщика, где фронт?

— Да вот, — тыкал он в пространство.

- Далеко?
- Зачем? Сейчас, за этим бугром.
- Почему не слышно выстрелов?
- Так днем не стреляют, только ночью.
- А где полк брата расположен?
- Да ось в этой деревне по-над рекой. (Река Збруч, старая граница.)
- Я представлюсь командиру и потом приду к брату, скажи ему.

— Лучше идти по шоссе. Напрямик ближе, но австрийцы даже по одиночному человеку стреляют из артиллерии.

Я представился командиру батареи, капитану Коленковскому, был радушно принят офицерами и поместился вместе с ними в одной хате.

КРЕЩЕНИЕ ОГНЕМ

Мне не терпелось навестить брата, увидеть окопы, нашу пехоту, проволоку и, конечно, противника. Я отпросился у Коленковского.

— Будьте осторожны. Идите по шоссе, это небольшой крюк, но по шоссе редко стреляют. Было бы глупо быть раненым сейчас же по приезде.

Я, конечно, пошел напрямик через поле. Деревня была видна верстах в двух. Посреди поля было небольшое кладбище с деревьями. Я должен был пройти мимо, но до него было еще далеко. Вдруг что-то зашипело в воздухе, вблизи кладбища взорвалась австрийская граната. Я не слышал выстрела. Первый снаряд!

Должно быть, дальнобойная сто пять миллиметров, подумал я как специалист.

Еще одна граната лопнула в самом кладбище, и один крест полетел в воздух.

— Стреляют зря, снарядов много.

Стрельба прекратилась. Я было подумал обогнуть кладбище, но успокоился и пошел мимо.

Тут-то оно и началось.

Австрийцы просто пристрелялись и ждали, пока я подойду к пристрелянному месту. Лопнули одна, две, три гранаты шагах в шестидесяти, и вдруг одна шлепнулась у самых моих ног, ушла глубоко в землю и появился всего лишь дымок.

“Камуфлет, слава Богу”, — мелькнуло у меня в голове, и я с запозданием упал на колени. Откуда-то появились два солдата. Я вскочил и подбежал к ним.

— Как вам повезло. У самых ног и не разорвался.

Австрийцы почему-то больше не стреляли.

Испугался я по-настоящему только вечером, когда сообразил, что вел себя глупо. Сам накликал огонь австрийцев. Но мне чертовски повезло, все кончилось благополучно, и я был горд, что обстрелян. Камуфлетом называется снаряд, летящий издали и зарывающийся глубоко в землю, так как падает почти вертикально. Взрыв не имеет силы поднять землю, и появляется лишь дымок. Камуфлеты случаются редко, так что мне действительно повезло.

ОКОПЫ

В деревне я нашел брата. Он меня еще не видел в форме. Потери в пехоте были большие. В батальоне было всего два офицера: командир батальона и брат. Это вместо двадцати двух офицеров по уставу. А в это время в Москве сидело пятьдесят шесть бездельников в одной батарее.

Я непременно хотел пройти по окопам. Брат ни за что этого не хотел. Но командир батальона, видя мое молодое рвение, решил пройти со мной и показать окопы противника.

— Будь осторожен, — просил брат, — нагибайся и не высовывайся.

Позиция была твердая. Прекрасные, глубокие окопы с ходами сообщения. Много проволоки, река Збручь, и на той стороне австрийская проволока и их окопы. В одном месте мы остановились, и командир батальона мне что-то показывал через амбразуру в навесе, имевшую, вероятно, размер 20 на 20 сантиметров. Он отклонил голову, и в это самое время в амбразуру цыкнула пуля и вонзилась в столб, поддерживающий навес.

— Ого, — сказал он просто. — Хорошо стреляют. На девятьсот шагов всадить пулю в такую маленькую дыру! У них прекрасные ружья Манлихера с оптическим прицелом и, вероятно, станком.

Ни слова о том, что он только что избег смерти. Ход сообщения шел зигзагами.

— Проходите побыстрее этот отрезок. Его обстреливают вон оттуда. В следующем можете задержаться.

Нам навстречу шел солдат, несший раненого в грудь и окровавленного солдата. Раненый был очень бледен. Пришлось прижаться к стенке, чтобы пропустить. Сознаюсь, мне стало тошно и захотелось домой.

Впервые мелькнула мысль, что тут и убить могут.

ОБСТРЕЛ БАТАРЕИ

На фронте положение было много лучше тыла. Здесь еще была дисциплина, офицеров уважали. Приказы выполняли. При мне было только два небольших боя. Офицеры брали меня с собой, чтобы научить и показать, как что делается. Раз мы были с поручиком Воиновым на батарее и вели редкий огонь. На наблюдательном пункте находился капитан Коленковский. Приказания передавались нам по телефону. Появился австрийский самолет. Воинов с большим неудовольствием сделал еще два выстрела. То, чего он опасался, и случилось. Самолет стал крутиться над нами, и прилетел тяжелый снаряд. Другой. Ясно, самолет корректировал стрельбу. Воинов приказал солдатам разойтись с батареи. Вдруг настал ад. Три тяжелые австрийские батареи стреляли ураганным огнем в течение 20 минут. Потом перерыв. Вой-нов не

позволил солдатам идти на батарею. Он был прав, еще два раза по пять минут длился обстрел, с расчетом, что люди сбегутся смотреть. Потом все смолкло.

— Теперь можно идти. С немцами то хорошо, что все у них делается по правилам. Теперь они больше стрелять не будут и не стреляют вбок, где толпятся любопытные. Мы бы стреляли без правил и, наверное, нанесли бы поражения, а у нас по немецким правилам поражений нет.

Батарея выглядела ужасно. Все перерыто кругом. Три орудия получили прямые попадания, одна пушка перевернута. Один ствол был как отрезан, у другой исковеркан лафет, у третьей колесо. Бомба попала в склад снарядов, но они не детонировали, как бы им полагалось, а их разбросало как кегли.

Меня очень удивило, когда после осмотра Воинов доложил по телефону Коленковскому, что повреждения незначительны. Тут же привели все в порядок. Из трех попорченных орудий составили одно годное, а семиорудийную батарею перевезли ночью на заранее выбранную позицию. Батареи были восьмиорудийные, что было много удобней.

БОЙ

При перемене позиции батареи нужно было ее пристрелять по различным целям. Этим занялся Коленковский и брал меня с собой, чтобы научить. У батареи было три наблюдательных пункта во второй линии окопов. Мы следили за тем, чтобы австрийцы их не обнаружили. Ходили только по окопу и никогда днем в этом месте из окопа не показывались. Там были две землянки: малая для офицеров и большая для телефонистов. Обыкновенно офицеры дежурили на наблюдательном пункте посуточно. Мы пошли на наш главный наблюдательный пункт против излучины реки, где окопы ее пересекали. Были две великолепные цейсовские трубы. Коленковский пользовался одной, я смотрел в другую.

Он пристрелял несколько целей, которые под номерами записывались на батарее. Так что достаточно было приказать на батарею: “Цель номер такой-то. Огонь!”, и цель обстреливалась даже ночью.

Перед самой темнотой Коленковский вдруг вспомнил, что не пристрелял перешеек. Он выпустил несколько шрапнелей и скомандовал “отбой”.

Ночевали мы в блиндаже.

За час до рассвета вдруг все австрийские батареи заговорили разом. В телефон все орали — никакого толку добиться было нельзя. Наконец пехота нам сообщила, что немцы вышли из окопов на перешейке.

- Немцы?! — удивился Коленковский. — Хорошо, что мы вчера пристреляли перешеек. — И он приказал вести редкий огонь по перешейку.
- Почему редкий? — волновался я.
- Темно же, ничего не видно. А стрелять в белый свет не рекомендуется. Я стреляю только, чтобы поддержать мораль наших в окопах.
- А вспышки выстрелов не выдадут положение батарей? — я хотел все знать.
- Нет. Вся австрийская артиллерия стреляет и невозможно отличить вспышки от разрывов.

Противник стрелял по окопам и по резервам. Ни наблюдательного пункта, ни батареи он не обнаружил. Так что мы могли стрелять спокойно.

Спокойствие Коленковского передалось и мне, и солдатам-телефонистам. А кругом царил паника. Наконец стало светать. Коленковский припал к трубе.

- Действительно немцы. Вы их видите?
Я таращил глаза, но ничего не видел.
- Ну как же, на перешейке. Хорошо идут, не стреляют.
Я все же не видел.
- Вот, на фоне низкого разрыва две фигуры.
- Ах, вижу.

Стало светлей и я ясно их видел.

Коленковский стал стрелять беглым огнем и низкими разрывами шрапнелей.

— А, начинают стрелять, значит, волнуются.

Он приказал стрелять комбинированным огнем шрапнели и гранат.

- Хотя шрапнель дает большую поражаемость, но граната действует на нервы,
— пояснил он.

Действительно, немцы легли. Вторая цепь вышла из окопов и первая поднялась было, но, встреченная беглым огнем, замялась вновь, залегла и потом отошла в окопы.

— Вот и все, — сказал Коленковский.

Конечно, еще с час заливались пулеметы, ухала артиллерия, неистовствовал телефон, но бой был окончен.

Наша пехота не выдержала огня австрийских батарей и покинула окопы. Остались в окопах только офицеры и команды разведчиков. Мимо нас проходили раненые и нераненые. Это был единственный и небольшой бой, который я пережил на фронте.

В один прекрасный день австрийская дальнобойная батарея обстреляла Бурту новыми снарядами двойного действия. Снаряды эти никуда не годились. Шрапнель задерживалась громадной головкой-гранатой и не имела поражающей силы, а головка-граната летела кувырком и не взрывалась. Меня назначили адъютантом командира дивизиона, довольно придиричивого полковника. Но он уехал в штаб заменять ушедшего в отпуск командира бригады генерала Невадовского. Так что я жил один в хате и изнывал от безделья. Ходил по-прежнему дежурить на наблюдательный пункт 2-й батареи.

Я сделал глупость: поднял неразорвавшуюся головку австрийского снаряда и поставил на стол, хоть знал, что это опасно. Пришел молодой офицер из 1-й батареи и стал вертеть головку.

- Оставьте ее, это очень опасно.

— А, боитесь?

И этот недоумок стал колотить по гранате чем-то.

Вижу, что дурак. Чем-то отвлек его внимание. Он ушел, а я разделся и хотел лечь, когда вспомнил гранату. Надо ее немедленно унести, а то такой дурак наделает беды.

На дворе был трескучий мороз.

Унесу завтра... Нет, сейчас. Она же может каждую минуту взорваться.

Надел туфли, накинул шинель, взял гранату и вынес. Хотел ее закопать, но земля была как камень — промерзла. Положил гранату в канаву и закрыл ее мусором. Быстро вернулся в теплую хату.

На следующий день пошел дежурить на наблюдательный пункт. Приходит мой денщик с обедом.

- Послушай, Петр, только позавчера дал тебе новую гимнастерку, и она уже разорвана.

- Это от австрийской гранаты. Разорвало осколком.
- Что ты рассказываешь. Австрийцы сегодня не стреляли.
- Нет. Дети нашли давешнюю гранату и стали с ней играть. Я как раз шел около хаты, когда фаната у них лопнула и трех убила. Двоих у нашего хозяина.

Когда он ушел, я подумал: “Наверное, моя граната”.

Так оно и оказалось.

Брат уехал в отпуск в Москву.

Большевики захватили власть в октябре. Но до нашего отдаленного фронта их власть дошла в ноябре, и то постепенно. Я очень волновался за брата. Наверняка он участвовал в боях в Москве, Известий не было. Наконец явился его денщик. Брат был ранен в боях в Москве в ногу. Денщик приехал за его вещами и привез мне расписки, чтобы я получил жалованье брата.

МЕТЕЛЬ

По окончании училища я получил прекрасное седло и старался как можно чаще ездить верхом. Часто ездил к зубному врачу, в штаб, в 3-ю батарею, где познакомился с офицерами, между ними с поручиком Абрамовым, но тогда я его не запомнил.

Раз мне пришлось ехать на санях на паре дивизионных лошадей в штаб Перекопского полка, чтобы получить жалованье брата. Мы, солдат-кучер и я, выехали очень рано. Дорога была очень хорошая, снегу немного. Но нам пришлось проехать верст шестьдесят, пока мы отыскивали штаб полка. Как водится, никто точно не знал, где он находится. Получив деньги, мы поехали обратно, и, когда достигли Петничан, стало темнеть. Офицеры штаба предложили мне переночевать у них, но я их мало знал, и мне казалось, что мы легко проедем двенадцать верст, оставшихся до Бурты. И мы поехали.

Пока ехали оврагом, все шло хорошо, но когда выехали в степь, стало совсем темно и поднялась метель. Вдоль дороги шли жерди с телефонной проволокой. Но в темноте их было плохо видно. Доехали до большого стога соломы, взяли направление на Бурту. Но вскоре жерди исчезли, и мы снова приехали к стогу. Опять взяли направление и... опять приехали к стогу.

- Что за черт! Видно, леший нас крутит.

Взяли опять направление и старались не поворачивать влево. Но вскоре все исчезло в метели — и направление, и дорога, и жерди. Даже по ветру нельзя было ориентироваться. То он дул в лицо, то в спину. Лошади выбились из сил и стали останавливаться. Теперь я был бы рад вернуться к стогу — зарывшись в солому, можно было бы провести ночь. Мой возница стал хныкать и причитать, что мы погибнем тут, замерзнем. Я был в растерянности и молчал.

Вдруг мы на что-то наткнулись. Это был окоп и даже со спуском для лошадей. Я решил тут и заночевать. Лошадей распрягли, завели вниз и загородили выход санями. Я ошупью собрал немного соломы, забрался в угол, снял шинель и в нее закутался. Несмотря на холод, я заснул.

Когда я проснулся, сияло солнце, в двадцати саженьях от нас было шоссе, которое мы так искали вчера. А в версте была Бурта. Я разбудил солдата, предоставил ему запрячь лошадей, а сам бегом побежал в Бурту, в свою теплую хату, где с наслаждением напился чаю. Водки я еще не пил.

ПЕРВЫЕ МЕРЫ БОЛЬШЕВИКОВ

Армия постепенно разваливалась. Сперва наступил а тишина, а затем братания. Большевики надеялись таким образом достигнуть мира. Это было на руку австрийцам — они могли использовать резервы в другом месте. Было странное состояние: не мир и не война.

Одной из первых мер комитетов солдат было отобрание денщиков у офицеров. Мой денщик вовсе не хотел возвращаться на службу в батарею, и я не был намерен его отсылать. Тогда я отправил его в отпуск и поручил ему отвезти домой все мои многочисленные вещи и седло. Затем я позволил ему не возвращаться в батарею, а ехать в свою деревню. Он честно отвез мои вещи домой. Ведь ничего не мешало ему их у меня украсть, но между денщиками и офицерами возникала дружба, и они по большей части были верны.

Исчезновение моего денщика не понравилось комитетам.

Мой хозяин взялся за умеренную плату топить печку, мести хату и стирать мое белье. Я предвидел, что рано или поздно мне придется покинуть фронт, и поэтому я оставил у себя только один чемодан и походную постель.

БЕГСТВО С ФРОНТА

Вернувшись утром с наблюдательного пункта, я разулся и лег на кровать. Вошел унтер-офицер дивизиона, прибывший из Петничан, где находился обоз дивизиона. В Бурте были я, три разведчика для посылок и кучер с парой лошадей. Все остальные люди и лошади дивизиона находились в тылу в двенадцати верстах. Унтер-офицер довольно небрежно поздоровался и остался стоять у двери. Я спросил, какие новости в обозе. Он сказал о людях и лошадях обоза и, приняв независимую позу, сообщил о происшедших выборах начальников — последней моде большевиков. Большинство старых офицеров было выбрано на их старые посты, но не молодые офицеры.

— Вам тоже придется оставить эту квартиру. Новый адъютант дивизиона уже выбран.

— Кто это?

-Я.

Я бросился к своему револьверу, который висел на поясе над кроватью. Револьвера не было. Мой жест, видимо, предвидели и его украли заранее. Но шашка была. Я ее выхватил из ножен. Унтер-офицер мигом скрылся. Я старался попасть голыми ногами в туфли, но при моем возбуждении попал только в одну. Так с одной босой ногой бросился за унтер-офицером.

Улица была пуста. Я побежал в хату к разведчикам. Был снег и мороз, но я ничего не чувствовал. Я вихрем ворвался в дом. Солдаты стояли с карабинами в

руках на изготовку. Я не обратил на них никакого внимания, отстранил рукой карабины и пошел заглянуть за большую печь. Там никого не было (к счастью, думаю я теперь).

Дрожа от возбуждения, я повернулся к солдатам. Их карабины, направленные вначале против меня, тихо, едва заметно опускались. Приклады коснулись пола, и солдаты оказались в положении “смирно”. Но я отдал себе отчет в этом только после. В тот момент я был слишком взволнован. Прерывающимся голосом я сказал:

Унтер-офицер объявил... что он выбран... Я же вам говорю... что ничего не изменится... пока я здесь... Поняли?

— Так точно, господин прапорщик. В это время я опустил глаза и с удивлением увидел в своей руке обнаженную шашку и мою голую ногу. Это меня смутило, и я, ничего больше не прибавив, ушел к себе. На этот раз было очень холодно и даже больно идти по снегу босой ногой.

Я пошел доложить о происшедшем капитану Коленковскому. Он внимательно меня выслушал.

— Как ваш начальник я вас не одобряю, — потом, помолчав: — Но, вероятно, я поступил бы так же, будь я на вашем месте и в вашем возрасте, — опять помолчал. — Постараемся обратить это в шутку, потому что я боюсь, что будут последствия.

Несмотря на возбуждение, усталость взяла свое, и, вернувшись к себе, я заснул. Разбудил меня телефон. Я услышал свое имя. В то время телефоны не выключались. Можно было слышать все разговоры. Я взял трубку, замер и слушал. Потому что голос моего унтер-офицера говорил:

- Товарищ комиссар, прошу вас арестовать прапорщика Мамонтова.
- Что он сделал, ваш прапорщик?
- Он противился выборам начальников и гнался за мной с шашкой наголо.
- Ну так арестуйте его.
- Хм... Я предпочел бы, чтобы вы это сделали. Я сомневаюсь, чтобы наши солдаты исполнили мое приказание. Трудно ведь арестовывать своего офицера. Вы же знаете...
- Хорошо, товарищ, я пошлю в Бурту двенадцать конных. Надеюсь, этого достаточно?

— Конечно, вполне. Прощайте, товарищ.
Разговор был окончен.

Я пошел к Коленковскому и застал его одного.

— Вам повезло. Вы предупреждены. Конные придут сюда через два часа. Нужно, чтобы вы исчезли до их появления. Напишите себе отпуск и приложите печать дивизиона. Я подпишу за командира, вы поставите какую-нибудь подпись за комиссара. Вероятно, вашим солдатам поручено за вами следить. Пошлите их поодиночке как можно дальше с очень важными посланиями (три креста). Затем пошлите кучера ковать лошадей. Когда вы убедитесь, что они действительно уехали, попросите хозяина хаты запрячь своих лошадей, взять ваш чемодан, покрыть его соломой и ждать вас на повороте. Вы к нему придете, делая вид, что гуляете, сделав большой крюк. Уезжайте в Каменец-Подольский и дальше в Москву. Не нужно говорить ничего другим офицерам, я им потом расскажу. Идите и не теряйте времени. И Бог вам в помощь.

Все произошло, как он сказал. Я договорился с хозяином, бросил свою шашку в колодезь, надел шинель внакидку и, посвистывая и помахивая прутиком, пошел в другую сторону. Отойдя от деревни, я посмотрел, не следят ли за мной. На улице стояли солдаты и смотрели в мою сторону. Тогда я стал бросать снежки. Это невинное занятие, видимо, их успокоило, они вошли в дома.

Я продолжал прогулку. Дойдя до кургана, я обернулся — улица была пуста. Тогда, скрываясь за курганом, я изменил направление и пошел к шоссе, где меня ждал хозяин. Я сел в сани, и он погнал лошадей.

В КАМЕНЦЕ-ПОДОЛЬСКОМ

Попав в Каменец, в двадцати пяти верстах от Бурты, я себя почувствовал в безопасности. Конечно, конные не станут за мной гнаться, а унтер-офицер будет рад от меня избавиться.

Оставалось доехать до Москвы, а это было непросто. Армия демобилизовалась без всякого плана, простым дезертирством. Толпы вооруженных людей дезорганизовали транспорт. Поезда из теплушек ходили редко, без всякого расписания. Их брали штурмом на каждой станции. Громадные толпы озверелых солдат легко поддавались демагогической пропаганде большевиков. Офицеров убивали, выбрасывали на ходу из вагонов. Особенно были страшны пересадки на узловых станциях. Тут шумела солдатня. Влезть в поезд было почти невыносимо. Люди дожидались по неделям.

Только что я поместился в комнате гостиницы, в дверь постучали. Вошел улыбающийся еврей.

- Здравствуйте, господин офицер, как вы поживаете? Не нужно ли вам чего-нибудь? Я могу достать вам все, что вы хотите.

- Спасибо, мне ничего не нужно.

- Не говорите этого. Наверное, вам что-нибудь нужно. Девочку? Паспорт? Оружие? Штатский костюм? Нет? Ну отдохайте. Я зайду завтра.

Он пришел на следующий день.

- Здравствуйте, господин офицер, чем могу служить?
- Вы говорили об оружии. Я хотел бы купить револьвер.
- В добрый час. Доверьтесь мне. Вам лучше не выходить на улицу. Город полон солдат, которые пристают к офицерам. Вы мне скажите, что вам нужно, и я принесу вам сюда... Значит, револьвер. Какой системы? Патроны?

Он продал мне револьвер, хлеба, колбасы, сала, муки. Доставил меня и мой чемодан на вокзал, втиснул в переполненный вагон. У него всюду были связи и свои люди.

- Вот, — сказал он улыбаясь, — а вы говорили, что ни в чем не нуждаетесь.
- Я был не прав. Без вас я едва ли смог бы уехать. Спасибо вам.

— Счастливого пути.

В МОСКВУ

Ночью поезд пришел в Шепетовку, узловую станцию. Дальше он не шел. Я вылез из вагона, не зная, что мне делать. Вдали вокзал шумел от массы народа. Проходил железнодорожный служащий.

- Скажите, как я мог бы добраться до Москвы?

- Вам везет. Вот этот состав идет прямо в Москву и вскоре отойдет... Не ходите на вокзал, там полно солдатни.

Я влез в темную теплушку. Нары были заняты, но место было. Я сел на доску-скамью перед печкой, спиной к двери. Действительно, поезд вскоре тронулся. Через карман шинели, который я прорезал, я положил руку на револьвер в кармане штанов и заснул в сидячем положении.

Когда я проснулся, был день. Я приоткрыл глаза и тотчас же их опять закрыл, делая вид, что сплю. Нашупал револьвер в кармане. Только бы он не зацепился, когда буду его вытаскивать! Вокруг меня стояли солдаты и возбужденно обсуждали мою персону.

- Конечно, это офицер. Посмотрите на кожаный чемодан и штаны с кантом.

А я-то думал, что, сняв погоны, кокарду и шпоры, я сделался неузнаваемым.

Голоса становились все возбужденнее. Я подумал: “Дверь приоткрыта, и поезд идет, видимо, медленно. Если до того дойдет, то я стреляю и выпрыгиваю из поезда. Главное, чтобы курок не зацепился”.

Но был один голос примиряющий.

- Вы же видите, что он артиллерист (черные петлицы). Артиллеристы все походят на офицеров... Чего вы к нему пристали? Подумали бы лучше об украинцах, которые грабят поезда, идущие в Москву, под предлогом, что ищут оружие.

Это отвлекло от меня внимание, и все стали горячо обсуждать украинский вопрос. Постепенно страсти как будто улеглись, и я счел возможным проснуться.

Чтобы не участвовать в разговорах и не выдать моим выговором своего буржуазного происхождения, я сел в раскрытых дверях товарного вагона, ноги наружу. Какой-то солдат оперся о притолоку надо мной. Он сделал несколько общих замечаний о погоде и вдруг тихо спросил:

- Вы офицер?

Я на него посмотрел, секунду поколебался. -Да.

— Я тоже. Но вы плохо замаскировались. Не выходите из вагона. Они постепенно к вам привыкнут. Если вам что-нибудь понадобится, вон в углу, тот, который на нас смотрит, это мой денщик, обращайтесь к нему, но не ко мне. Я больше с вами говорить не буду. — И он ушел и лег на нары.

“А, — подумал я, — у меня тут есть союзники. Это утешительно. Значит, это он отвлек от меня внимание солдат”.

Вскоре все же закамуфлированный офицер перешел в другой вагон. Вероятно, испугался своей откровенности.

Путешествие до Москвы длилось одиннадцать дней и было сплошным кошмаром. На каждой станции я боялся, что влезут новые и опять пойдут разговоры об офицерах. Население вагона объединяло стремление не пускать новых. Понемногу ко мне привыкли. У меня были с собой хлеб и колбаса, но воды не было, а ходить на станциях к водопроводу я боялся.

Раз как-то один солдат предложил мне чаю.

— Нет, спасибо.

- Чего нет? Возьми. Я же вижу, что у тебя нечего пить. Сегодня утром ты ел снег. Возьми и пей.

Я взял и выпил с наслаждением, потому что действительно страдал от жажды. Поезд подходил к какой-то большой станции. Тогда, чтобы не пускать новых, приоткрывали дверь, и все толпились у входа. Создавалось впечатление, что вагон полон до отказа. Громадная толпа ожидала поезд. Наши ругались, толкались, но никого не впускали.

Один матрос, свирепого вида и до зубов вооруженный, рассердился, что его не впустили. Он крикнул толпе вокруг него на перроне:

- Товарищи, отойдите маленько. Я дам подарок этим сволочам, которые нас в вагон не впускают!

И он стал отстегивать ручную гранату от пояса. Толпа отхлынула, защитники двери также бросились внутрь вагона, оставив дверь открытой.

Я кинулся к двери, захлопнул ее и, держа затвор, крикнул:

- Закройте люки!

Оба верхние люки, выходящие на платформу, были моментально закрыты. Наступило гробовое молчание в ожидании взрыва.

Поезд тронулся и стал набирать скорость. Взрыва не было.

- Вот, — сказал чей-то голос в темноте. — Вы все говорите — офицер да офицер... А он нас спас. Иногда и офицер бывает нужен.

- Правильно. Не захлопни он двери, этот выродок непременно бросил бы гранату.
- Матросы, как звери, они не задумываются перед преступлением.

С этих пор меня признали. Угощали едой и чаем и не упоминали больше об офицерах.

Наконец Москва. Поезд пришел в два часа ночи. Двое солдат отнесли мой чемодан до извозчика. Мы пожали друг другу руки и пожелали счастья.

— Мы сейчас поняли, что вы офицер. В соседнем вагоне выкинули офицера на ходу. Но мы не такие. Мы хорошо с вами обращались. Ведь не все офицеры плохие, есть и хорошие.

Я всего пробыл на фронте пять с половиной месяцев, но какое ни с чем не сравнимое чувство приехать домой!

Была ночь, улицы пусты. Но казалось, что каждый дом, каждое дерево меня приветствовали. Вот и наш дом. Поднимаюсь в лифте на четвертый этаж. Дверь нашей квартиры приоткрыта и горит свет. Мать стоит на пороге.

- Я чувствовала, что это ты.

Вспоминая мое бегство с фронта, я просто удивляюсь стечению благоприятных обстоятельств. У меня одно объяснение — молитвы матери.

Был февраль 1918 года. День своего двадцатилетия я провел в вагоне.

МОСКВА

ПРИЕЗД ДОМОЙ

Несмотря на одиннадцать дней пути в теплушке, не раздеваясь, где можно было спать только сидя и все время надо было быть начеку, прибыв ночью домой, я почувствовал такую радость и возбуждение, что спать не хотел.

Мы вскипятили чаю и поджарили привезенные мною хлеб и сало.

Особенно меня интересовало ранение старшего брата.

- Расскажи, как это было?
- Очень просто. Митя Тучков, который тоже был в отпуску в октябре 1917 года, пришел к нам:
- Пойдем?
- Пойдем.

Мы стали звонить к нашим родственникам и знакомым офицерам. Но все пустились в отговорки. Оказались трусливой дрянью. Нужно было их припугнуть, а не уговаривать. Так мы и пошли вдвоем в Александровское военное училище на Арбатской площади. Там были юнкера, вольноопределяющиеся и студенты. Около трехсот офицеров. Всего тысяча с небольшим бойцов. Может быть, были другие группы в других частях Москвы, но общее число офицеров не превышало семисот. А в Москве их были тысячи. Они не исполнили своего долга и за это жестоко поплатились. Со стороны красных были солдаты запасных полков и рабочие. Жители и крестьяне не участвовали.

Настоящих боев не было, были перестрелки и столкновения. Мы заняли Кремль. Пошли обедать к Николай Федоровичу, жившему против Кремля, а ночевали в Александровском училище.

Вечером следующего дня искали добровольцев, чтобы проехать на телефонную станцию, занятую нашими, но окруженную красными. Командовал Тучков. Поздно вечером мы отправились на машине, пять офицеров. С потушенными огнями нам удалось проехать несколько красных застав. Но на одном перекрестке мы попали под сильный ружейный огонь. Мотор заглох, морской офицер, управлявший машиной, был убит, у меня была прострелена коленка. Остальные выскочили и могли скрыться.

Я выбрался из машины и ковылял, ища, где бы спрятаться. Но все двери и ворота были заперты. Подходила группа красных. Я встал в нишу, но они меня заметили.

- Руки вверх!

Я сунул руки в карманы, забрал в горсти все патроны и, поднимая руки, положил патроны на подоконник, моля Бога, чтобы они не упали. Они не упали. Красные меня обыскали.

- Ага, револьвер!
- Ну конечно, — сказал я возможно спокойнее. — Я же офицер, прибыл в отпуск с фронта. Револьвер есть часть формы.

Это их как будто убедило, но они взяли револьвер. Подошла другая группа.

— Офицер? Да чего вы с ним разговариваете!

Один солдат бросился на меня со штыком. Каким-то образом мне удалось отбить рукой штык и он сломался о гранит дома. Это их озадачило.

- Что ты тут делаешь?
- Я возвращался домой, когда поднялась стрельба, и я был ранен шальной пулей. — Я откинул полу шинели. Кто-то чиркнул спичкой. Было много крови.
- Отведите меня в лазарет.

Они заколебались, но все же один помог мне идти. К счастью, поблизости был лазарет. Меня положили на носилки, и солдаты ушли. Но другая толпа появилась на их место.

— Где тут офицер?

Доктор решительно воспротивился.

— Товарищи, уйдите. Вы мне мешаете работать. Несмотря на их возбуждение, ему удалось их выпроводить. Доктор подошел ко мне.

— Они вернуться, и я не смогу вас защитить. Идите в эту дверь, спуститесь во двор и дайте эту записку шоферу. Поспешите, уходите.

Нога опухла, и я почти уже не мог ходить, в голове мутилось. Я собрал все силы и побрел. Самое трудное была лестница. Я чуть не потерял сознания. Во дворе стоял грузовик Красного Креста. Я протянул шоферу записку. Он не стал меня расспрашивать и помог влезть.

— Куда вас отвезти?

Я дал адрес хирургической лечебницы моей бабушки, на Никитской, и потерял сознание. По временам я приходил в себя. Мы пересекли несколько фронтов. То это были белые, то красные. Все нас останавливали. Шофер говорил:

— Везу тяжело раненного.

Люди влезали в грузовик, зажигали спички, и, так как было много крови, нас пропускали.

Наконец в лечебнице. Меня отнесли в операционную. Бабушка сказала доктору Алексинскому:

— Делайте что хотите, но сохраните ему ногу.
И вот, видишь, я едва хромаю.

Положение бывших офицеров было неопределенно. Как бы вне закона. Но мы были молоды и беззаботны. В театрах все офицеры были в погонах, несмотря на угрозу расстрела. Ухаживали и веселились. Я вернулся в Путьский институт и сдал экзамены первого курса, кроме интегрального исчисления. Легко давалась мне начертательная геометрия и трудно химия.

ВИНО

Жизнь в Москве в 1918 году была странная. С одной стороны, ели воблу, а с другой — легко тратили большие деньги, так как чувствовали, что все пропало. Большевицкая власть еще не вполне установилась. Никто не был уверен в завтрашнем дне.

Характерный пример. Вышел декрет: за хранение спиртных напитков — расстрел. Тут многие москвичи вспомнили о своих погребах. В начале войны, в 1914 году алкоголь был запрещен, и они из патриотизма замуровали входы в винные подвалы. И даже не помнили, что там у них есть.

Отец и еще трое составили компанию, которая покупала такие подвалы “втемную”. Заранее тянули на узелки — одному попадали редчайшие вина, другому испорченная сельтерская вода.

Каменщик проламывал дверь, возчики быстро грузили вино на подводы и покрывали бутылки соломой, и все моментально увозилось. И каменщик и возчики получали за работу вино и очень это ценили. Работали быстро и молча.

Отец привозил свою часть на квартиру Федора Николаевича Мамонтова, бутылок двести. Внимательно осматривал и отбирал бутылок двадцать. Потом звал повара и заказывал шикарный ужин по вину.

Я как-то присутствовал при этом и ушам своим не верил.

- К этому вину нужен рокфор, а к этому — оленье седло с шампиньонами... Патэ де фруа гра непременно с трюфелями. Конечно, кофе... — и в этом роде.

Это когда кругом голодали и достать ничего нельзя было. Но за вино все доставалось. Повар без удивления записывал и забирал все остальное вино как валюту.

Отец служил в коннозаводстве и хорошо зарабатывал. Он приглашал четыре-пять человек знатоков и потом, чтобы вино исчезло (мог ведь быть донос), человека четыре молодых. Мы с братом всегда фигурировали. Нас называли “помойкой”, и наша обязанность была после ужина вылупить все вино. Не выливать же его в помойку. Стол был прекрасно накрыт, со многими стаканами у каждого прибора. Отец предупреждал нас вначале не пить, а пригубивать, чтобы не потерять вкус.

— Обратите внимание, — говорил отец, — это настоящий бенедектин, сделанный еще в монастыре, а не на фабрике. Уника... А это столетний коньяк, такого вам уже в жизни пить не придется... А вот бургундское, Шамбертен. Про него Дюма писал, что д'Артаньян пил его с ветчиной. Ничего Дюма в вине не смыслил. Вот для него и создали патэ де фруа гра с трюфелями — попробуйте.

Сам отец ничего не пил, у него были больные почки... Но вино знал, значит, раньше много пил, иначе как бы он узнал? По окончании ужина отец командовал:

- Ну помойка, вали!

И мы дули вино стаканами.

— Эх, — сказал кто-то из старших. — Этот Шамбертен нужно бы пить на коленях, а они его лакают стаканами. Дикие времена.

Оставались одни пустые бутылки, и их уносили. Действительно времена были дикие. Пир во время чумы.

РЕГИСТРАЦИЯ

Нас, конечно, тянуло на Дон, но нужно было преодолеть инерцию. Этому помогли сами большевики, объявив регистрацию офицеров.

Те, кто не явится на регистрацию, будут считаться врагами народа, а те, кто явится, будут арестованы. Трудный выбор, как у богатыря на распутье.

Регистрация происходила в бывшем Алексеевском военном училище в Лефортове. Мы отправились посмотреть, что будет.

На необъятном поле была громадная толпа. Очередь в восемь рядов тянулась на версту. Люди теснились к воротам Училища, как бараны на заклание. Спорили из-за мест. Говорили, что здесь 56 000 офицеров, и, судя по тому, что я видел, это возможно. И надо сказать, что из этой громадной армии только 700 человек приняли участие в боях в октябре 1917 года. Если бы все явились, то все бы

разнесли и никакой революции не было. Досадно было смотреть на сборище этих трусов. Они-то и попали в Гулаги и на Лубянку. Пусть не жалуются.

У нас здесь было много знакомых. Собрали совет. Что делать?

Во-первых, решили узнать, что творится на дворе Училища, обнесенного стеной. Поговорить с кем-нибудь побывавшим на допросе. Эта миссия выпала мне и Коле Гракову, который кончил это самое Училище. Мы обошли здание кругом и убедились, что из него никто не выходит. В стене двора были пробоины от снарядов. Через одну из пробоин мы могли поговорить с офицером, находящимся внутри двора.

— Только не входите сюда, нас задерживают как пленных...

Красный юнкер, часовой, подошел.

- Запрещено разговаривать с арестованными.
У него была симпатичная морда.
- Скажите, что делают с офицерами?

Он заколебался, оглянулся во все стороны и сказал:

— Чего вы, собственно, дожидаетесь? Оцепления? — И он быстро отошел.

Он сказал достаточно. Мы вернулись к брату и рассказали виденное и слышанное. Решили уйти, не являться. Но раньше посеять панику среди толпы, чтобы все разбежались. Это было нетрудно сделать, потому что все пришли неохотно. Мы пошли вдоль рядов. Когда видели знакомого, а это случалось часто, то громко, чтобы все слышали, говорили:

— Уходите скорей. Мы обошли здание — никто не выходит. А сейчас будет оцепление.

Люди заволновались и стали выходить из рядов. Какой-то тип схватил меня за руку.

— Что вы рассказываете? Следуйте за мной.

Но я его очень неласково оттолкнул.

— Ах, гадина, красный шпион.

Окружающие надвинулись угрожающе и стали пинать его ногами в задницу. Тип предпочел скрыться.

Мы достигли своей цели, ряды расстроились, толпа заволновалась.

- Теперь давайте утекать сами.

Когда мы перешли мост, появились вооруженные матросы. При их виде толпа офицеров бросилась врассыпную. Мы пошли малыми улицами.

Офицеров объявили вне закона. Многие уехали на юг. Знакомые стали нас бояться.

НА УКРАИНУ

Мы убедились в полной неспособности разных организаций помочь нам уехать на юг. Даже сомневаюсь, были ли таковые организации, а если были, то не провокаторские ли? С ними еще чего доброго вляпаешься. Лучше просто рассчитывать на свои собственные силы. Однажды в коридоре брат мне сказал:

- Поедем?
- Поедем. Когда?
- Сейчас. Чего тянуть?
- Хорошо, поедем.
Это было все.

Мать молча уложила наш общий очень маленький чемодан. Отец проводил на Брянский вокзал, дал денег, благословил. Мы расстались навсегда. Он умер от тифа в 1920 году.

Железнодорожник провел нас и посадил в товарный вагон. Поезд тронулся на юг в неизвестность.

На следующий день мы приехали на последнюю большевистскую станцию Зерново. Дальше была Украина, занятая немцами.

Нам повезло — в Зернове контроля не было. Я остался на станции, а брат пошел на рынок. Нашел крестьянина из Украины, который взялся нас довести за 100 рублей. Пока что он посоветовал выйти из местечка, лечь в пшеницу и дожидаться вечера и его прохода по дороге. Что мы и сделали.

Когда вечером крестьянин проехал, за ним следовала целая группа. На возу сидела его жена, сварливая баба, были мешочники, идущие за мукой, была семья буржуев и три немца военнопленных. Ирония судьбы — мы, русские офицеры, доверяли больше всего немцам, недавним врагам, потому что они явно бежали от большевиков. Мы немного говорили по-немецки. Мы долго шли за телегой крестьянина. Наступила лунная ночь.

- В этой деревне находится первый пост большевиков.
Обошли деревню большой дугой. Шли еще час.
- Вот тут второй пост.
Обошли и его.

— В этой деревне, которую мы обходим, находится третий и последний пост. Это самый плохой, потому что он посылает патрули.

Уже в течение некоторого времени жена крестьянина была сердита. Она должна была уступить место на телеге отцу семейства и ребенку, которые не могли больше идти пешком. Муж не купил ей обновы. Она стала придирается к мужу высоким злым голосом. В тиши ночи голос ее разносился далеко, большевики могли услышать.

- Да замолчи ты, ведьма! — зыкнул на нее отец семейства. — Ты нам накликаешь беды.
- Сам ты черт, — завопила баба.

— Если ты не замолчишь, я тебя зарежу.

Он вытащил перочинный нож.

- Ах так? Ну ты увидишь, что будет. Караул! Караул! Режут!
- Что я могу сделать с сумасшедшей? — сказал испуганный крестьянин. — Бегите скорей, красные непременно явятся. По этой дороге направо, около оврага налево, потом возьмите вторую дорогу направо, и там граница недалече.

Немцы и мы двое побежали. Повернули направо, вот и овраг, но дорога сворачивает направо, а не налево.

— Главное не потеряться, лучше подождать.

Мы отошли шагов на сто от дороги и залегли в траве. Вскоре проехал наш крестьянин. Мы подождали, чтобы убедиться, что за ним не следуют, и пошли за ним на некотором расстоянии.

Я сделал ошибку — остановился для нужды. Немцы и брат ушли вперед. Я догонял их бегом, когда с обеих сторон дороги из пшеницы встали солдаты и приставили штыки к моей груди.

— Стой!

Молнией мелькнула мысль: бежать? А брат?.. Я остался. Эх были бы вместе, мы бы убежали. Немцы, те убежали. А брат остался из-за меня.

Солдаты отвели меня на место, где вся наша группа была собрана, кроме немцев. Я встал поодаль от брата.

Были комиссар-большевик и человек сорок солдат. Было пять конных.

— Куда и зачем идете?

Все, и мы в том числе, сказали, что идем на Украину за мукой, так как в Москве голод. Комиссар объявил:

- Вы все можете идти, кроме вас и вас, — он указал на брата и меня.

— Почему, товарищ комиссар, вы хотите нас задержать. Мы все одной артели.

- Это верно? — спросил он у остальных. К нашему облегчению, они ответили:
— Да.

- И все же вы оставайтесь.
Остальные радостно ушли.
- Но почему вы нас задерживаете?

— Вы хотите это знать? Ну что же, я вам скажу: морды у вас белые.

Дело портилось, он нас отгадал. Мы, конечно, отрицали.

— Я отведу вас в штаб, там решат, что с вами делать.

У нас не было желания идти в штаб — там нас, конечно, расстреляют. Нас не обыскали. Мы шли группой, разговаривая.

Улучив минуту, брат шепнул:

— Письма. Смотри, как я сделаю.

Нас снабдили рекомендательными письмами ко всем возможным белым генералам. Какая неосторожность и глупость. Каждое из этих писем было нам смертным приговором. Письма мы разделили. Часть была у брата, часть у меня.

Брат стал чесаться, что по тому времени было нормально. В вагонах были вши. Он засунул руку во внутренний карман, и я услышал звук мятой бумаги. Я принялся говорить без умолку, чтобы отвлечь внимание. Брат сжал письма в кулаке, положил их в рот и стал жевать, отрывая маленькие кусочки, которые можно было незаметно кинуть. Кинуть большой кусок было нельзя из-за луны — его бы заметили. А так у него был вид, как будто он в задумчивости жуёт травинку. Я же говорил без умолку. Наконец заговорил и брат — он освободился от писем. Настал мой черед. Я вспомнил, что письма в бумажнике. Пришлось раскрыть бумажник в кармане и достать письма. Бумага была добротная, и когда я сжимал письма в кулаке, то мне казалось, что треск бумаги слышен на весь мир. Улучив мгновение, когда брат отвлек внимание, я засунул письма в рот. Письма не разжевывались, слюны не хватало, слезы бежали из глаз, тошнило. Усилием воли я заставил себя жевать медленно. Все обошлось благополучно. Освободившись от страшных улик, мы сами предложили комиссару нас обыскать. Он не захотел.

Мы шли по дороге в штаб. Брат посмотрел на одного из солдат.

- А тебя я знаю, только не могу вспомнить, где мы встречались. Откуда ты родом?
- Я владимирский.
- Из какой деревни?

- Из Никитовки.
- Никитовки?! Я хорошо знаю Никитовку, там я провел отпуск два года назад.

Я насторожился. Брат что-то затевал, потому что он не знал ни Владимира, ни Никитовки.

- Ты знаешь Никитовку? — удивился солдат.
- И как еще. Конечно, я тебя там видел... Ты, конечно, знаешь старую, как ее?.. Тетку Анну, согнутую, почти горбатую?
- Анну?.. Нет... Ах ты хочешь сказать тетку Марью?
- Ну конечно, тетку Марью. Как это я спутал. Тетка Анна совсем в другом месте... Как поживает старая, дорогая тетка Марья, ох и ворчунья. Ты-то ее знаешь?
- Как же мне ее не знать, когда она моя тетка.
- Вот те на! Значит, мы с тобой сродни. Странно в жизни — встретились, где и не думали.

Брат подробно расспросил о новостях из Никитовки, о семье Петра, нашего нового родственника, о тетке Марье. Петр был рад найти земляка и охотно рассказывал. Затем брат рассказал ему то же самое, немного варьируя. Так мы приобрели приятеля и даже “родственника” среди нашей охраны.

Другой солдат Павел таким же образом оказался в том же полку и участвовал в тех же боях. Верней, брат был там, где и он.

Они вспоминали бои (все бои ведь похожи), в которых участвовали, и растроганный солдат дал брату папиросу. Брат, хоть и не курил, но тут выкурил ее с явным удовольствием. Другие солдаты слушали с сочувствием. Брату удалось создать благожелательную атмосферу среди нашей стражи.

Тогда брат предложил устроить голосование о нас, что было тогда в моде, и, не дожидаясь согласия толпы, он взял организацию голосования в свои руки.

— Ты, Петр, — обратился он к нашему “родственнику”, - что ты скажешь? Отпустить нас или нет?

Петр был в замешательстве. Наконец он вымолвил:

- Я не знаю... Я присоединяюсь к мнению большинства. Формула была найдена.
- Один за отпуск, — считал брат. — А ты, Павел? Павел повторил формулу.
- Два за отпуск. А ты?.. Ты?.. Ты, товарищ?.. Ты?

Все повторили формулу, кроме комиссара, спрошенного последним. Он заявил: “А мое решение — отвести вас в штаб”.

- Что же это, товарищи? — воскликнул брат. — Сорок два голоса сказали отпустить, а один только против и хочет сделать по-своему, не обращая внимания на ваше голосование. Это превышение власти. Где же равноправие и справедливость, я вас спрашиваю, товарищи? Он думает, что он золотопогонный офицер и может делать, что хочет. Нет, товарищ, эти времена кончились. Теперь все равны перед законом. Нужно уважать народную волю, мнение большинства. Товарищи, неужели вы потерпите такое к вам отношение? Он поступает, как буржуй, презирая мнение народа. Прав я, товарищи?

Этот неожиданный оборот имел успех. Задние ряды заволновались. Раздались возгласы:

— Понятно, он прав.

- Ты что думаешь, комиссар, что ты лучше нас?

— За такие дела тебя и по морде смазать можно.

Видимо, комиссар не пользовался особой любовью. Он растерялся. Но вскоре он овладел собой.

— Товарищи, это хитрые контрреволюционеры, они вас обманывают.

Толпа смолкла. Дело снова портилось. Но комиссар сам не был уверен в своих людях. Он решил от нас отделаться.

- Идите вперед по этой дороге, — сказал он нам. — Мы сейчас вас догоним.

Но мы не хотели, потому что в таких случаях стреляют в затылок.

— Мы не знаем дороги, дайте нам двух провожатых.

Брат потянул за руки наших новых друзей. Мы отошли немного. Комиссар стал говорить тихим голосом, собрав людей в кружок.

- Петя, друг мой, ты бы должен был это устроить. Я вовсе не хочу идти в штаб, — сказал брат.
- Ты совершенно прав. Там расстреливают без допроса.

— Вот видишь. Пойди поговори с комиссаром по-хорошему. Чего он хочет? Я согласен заплатить ему бутылку водки.

- Ах, это дело. Подождите меня здесь, я с ним поговорю. Он вернулся очень скоро.
- Комиссар согласен.
- В добрый час. Сколько стоит тут бутылка?
- Сто рублей.

— Сто рублей! Как дорого. В Москве можно за сорок достать. Ну уж ладно. Сто, так сто.

Он отсчитал мелочью. Не надо было иметь богатый вид. Что могло помешать нашим друзьям нас ограбить?

— Вот сто рублей и три для тебя на выпивку.

Договор был заключен, но договор шаткий. Захочет ли комиссар его выполнить? Вероятно, он заключил его не добровольно — не намерен ли он нас пристрелить в последний момент? Самое трудное было теперь уйти от наших новых друзей. Мы вернулись к остальным. Комиссар что-то тихо говорил и при нашем приближении он замолчал. Брат пожал ему руку с чувством.

— Мы погорячились и наговорили лишнего, не в обиду будь сказано. Мир всегда лучше ссоры.

Брат больше не отходил от комиссара, не давая ему возможности сговориться со своими приспешниками (чтобы нас прикончить). Мы уселись в кружок, нам предложили папирос. Мы не курили, но взяли, курили и рассказывали московские новости.

Брат взглянул на луну. Нервы были так напряжены, что я понял без слов. Довольно большая туча подходила к луне. Через несколько минут стемнеет. Надо воспользоваться темнотой, чтобы уйти. В темноте у нас больше шансов скрыться от пуль и преследований. Туча закрыла луну. Мы поднялись.

- Очень приятно с вами разговаривать, но нужно поспешить найти наших компаньонов. Иначе они уйдут и увезут наши деньги на покупку муки (все придумано, чтобы облегчить уход).

Когда мы будем возвращаться назад, не задерживайте нас и, главное, не отберите муку... До свиданья, Петр. Поклонись от меня тетке Марье... До свиданья, Павел, я был рад с тобой, старина, встретиться. Мы с тобой пережили вещи, которые не забываются. До свиданья, друзья. В жизни еще увидимся. Спасибо вам за хорошее, человеческое отношение.

Мы пожали всем руки.

- Подождите еще немного, — комиссар пытался нас задержать.
- Нет, нет, невозможно. Мы и так задержались сверх меры. Наши уйдут и мы их больше не найдем.

Было темно. Мы повернулись и пошли широким шагом. Комиссар стал шептаться со своими сателлитами. Мы были почти вне поля их зрения.

— Бегом, на носках (чтобы не слышно было топота), — прошептал брат.

Мы побежали изо всех сил, чтобы как можно больше отдалиться от них.

— Вправо, в пшеницу, зигзагами и ложись.

Мы вбежали в высокую пшеницу и побежали врозь зигзагами, чтобы не оставить видимого следа, и затем упали на землю, закрыв лицо рукавом (освещенное луной лицо видно), и больше не двигались.

Уже конные скакали по дороге. Нас искали. Конные проскакали, вернулись и вошли в пшеницу. Слышны были приглушенные голоса и шуршание лошадей в пшенице. Затем все стихло. Мы не двигались. Они могли сесть в засаду.

Прошло бесконечно долгое время. Разве в таких случаях можно измерить время? Я услышал совсем легкое шуршание соломы. Это не был человек. Осторожно взглянул — заяц.

Раз заяц тут, то есть некоторые шансы, что людей нет.

Я снял фуражку и, не поднимаясь над уровнем пшеницы, одним глазом осмотрелся. Прислушался — ничего. Тогда я тихо свистнул, как мы свистели на охоте. Брат ответил. Мы сошлись.

— Только не на дорогу. Пересечем пшеницу.

После часа ходьбы мы увидели несколько изб. В одной был слабый свет.

Старуха пекла хлеб. Она дала нам молока и указала границу: малую речку.

Мы поймали двух лошадей из стада и переехали на них речку.

Мы были на Украине. Мы свалились в кусты и заснули. В эту ночь мы прошли больше шестидесяти верст и натерли ноги.

Вечером мы попали в Ямполь, где встретили наших трех немцев. Они достали нам пропуск от немецкого коменданта.

Бутылка водки за две жизни — недорого. С тех пор водка стала для меня чем-то вроде живой воды — я ей обязан жизнью.

Вспоминаю с восхищением о находчивости и хладнокровии брата. Он нас вывел из совершенно безвыходного положения.

К ДОБРОВОЛЬЦАМ

В Харькове я заболел “испанкой”, что задержало наш отъезд на Дон. Невеста моего друга, барышня Руктешель, нас отыскала и привела доктора, который меня поставил опять на ноги.

Из Ростова мы поехали в только что занятый Добровольцами Екатеринодар. Господин, ехавший с нами, обратился к нам:

- Вы едете в Армию. Но имейте в виду, что ожесточение страшное. Советую вам уничтожить все документы, имеющие касательство к большевикам. Иначе, если у вас их найдут, вас посчитают советскими шпионами и расстреляют на месте. Я не шучу.

Сидя на вокзале в Екатеринодаре, мы не знали, что нам делать. Брат знал генерала Эрдели, но он оказался в Тифлисе. Для поступления в кавалерию нужно было иметь лошадь и седло.

А идти в пехоту нам очень не хотелось. Без знакомств, без связей и почти без денег положение наше показалось нам незавидным.

Вдруг какой-то загорелый офицер с карабином за плечами внимательно на меня посмотрел.

— Мамонтов? Я поручик Абрамов, 64-й бригады. Мой поезд сейчас отойдет. Слушайте меня внимательно. Идите к генералу Невадовскому, командиру нашей 64-й. Он сейчас инспектор конной артиллерии. Попроситесь у него в 1-ю конно-горную батарею. В ней несколько офицеров 64-й. До свиданья, а то поезд уйдет.

Он явился как ангел-избавитель. А я-то его и не узнал. Я тотчас же направился к генералу Невадовскому.

— Ваше Превосходительство, 64-й бригады прапорщик Мамонтов является по случаю прибытия в город Екатеринодар.

- Но, прапорщик, в каком виде вы являетесь?

- Ваше Превосходительство, я только что из Москвы.
- А, тогда это другое дело.

И повернувшись к своим офицерам:

- Вот мои 64-е — все собираются. Опять ко мне. Конечно, вы пойдете в нашу 1-ю конно-горную батарею.
- Благодарю, Ваше Превосходительство. У меня к вам просьба.
- В чем дело? (Нахмурился — не денег ли?)

- Я приехал с братом, хоть он и пехотный офицер, но умеет ездить верхом и мы хотели бы остаться вместе.

Он еще больше нахмурился и сердце мое екнуло. Затем:

- Не могу отказать офицеру 64-й. Хорошо... Капитан, выдайте им надлежащие документы... До свидания, прапорщик, и желаю вам счастья.

Я вернулся триумфатором на вокзал и протянул удостоверение брату.

- Вот это здорово! Устроилось лучше, чем могли мечтать. Конная артиллерия, прекрасный род оружия.
- Теперь где бы поместиться на несколько дней, до отъезда в батарею?

Знакомый офицер, которого брат встретил на вокзале, сказал:

— Позвоните в любой дом, и вас поместят и накормят. Идемте, я вам покажу, как это делается.

Действительно, нас встретили с распростертыми объятиями.

- — Добровольцы? Входите скорей, мы как раз садимся за стол.

ЧАСТЬ 2

Сергей Мамонтов. Походы и кони.

Гражданская война.

Война ужасная вещь.

А война гражданская и того хуже.

Все божеские и человеческие законы перестают действовать

Царит свобода произвола и ненависть.

Я хотел изобразить все, как оно было на самом деле, хорошее и

плохое, стараясь не преувеличивать, не врать и оставаться

беспристрастным. Это очень трудно. Невольно кажется:

все, что делали мы, — хорошо; все, что делали они, — плохо.

Вероятно и у меня будут ошибки и неточности,

но это невольно.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

БАТАРЕЯ

В Екатеринодаре мы наконец почувствовали себя в безопасности. Не надо было больше скрываться. Правда, мы шли на войну, но это было другое дело.

Я пошел к тому самому капитану, который дал нам удостоверения.

— Мы хотим ехать в батарею. Скажите, где мы можем получить оружие, обмундирование и деньги?

Он посмотрел на меня с удивлением и усмехнулся. - Не забывайте, что мы Добровольческая Армия. У нас ни средств, ни складов нет... Оружие и обмундирование вы должны достать сами. В батарее вас этому научат. Денег у нас нет, да они вам не нужны. Армия живет за счет населения... пока что. Впоследствии видно будет.

Меня это поразило, но он оказался прав.

- Но ведь нужно взять билет на поезд?
- Никакого билета. Влезайте в поезд и никто билета у вас не спросит. В крайнем случае вы покажите удостоверение.
- Где мы найдем батарею?
- Она находится в станице Петропавловской. Доедете поездом до Тифлисской, а там встретите офицера батареи, занятого перевозкой снарядов. Если его нет, обратитесь в станичное правление, и вас доставят. Счастливого пути.

Нашли батарею в Петропавловской. Явились к командиру полковнику Колзакову, были зачислены 27 августа 1918 года и назначены для перевозки снарядов. Я с радостью встретил капитана Коленковского, моего прежнего командира. Было еще несколько офицеров 64-й бригады, но их я не знал, кроме Абрамова. В батарее были с сотню офицеров на солдатских должностях и 12 солдат ездовых. Орудия были горные, трехдюймовые, с укороченными снарядами. Все номера были верхом. В батарее были четыре орудия и два пулемета для охраны.

Батарея действовала с только что сформированной 1-й конной Кубанской дивизией. Полки 1-й Екатеринодарский и 1-й Кубанский (Корниловский) составляли 1-ю бригаду. Командир бригады полковник Топорков. Уманский и Запорожский полки составляли 2-ю бригаду под начальством полковника Бабиева.

Вскоре после нашего прибытия дивизию принял генерал Врангель, впоследствии Главнокомандующий. Иногда с нами работал 1-й Линейный полк. Уже формировалась 2-я конная дивизия под начальством полковника Улагая.

Чины в нашей батарее не играли большой роли. Важна была давность поступления в батарею. Батарея пришла из Ясс, из Румынии, с отрядом Дроздовского и называлась 1-я конно-горная генерала Дроздовского батарея.

Наша новая служба состояла в быстрой доставке патронов и снарядов в дивизию. Мы жили в Тифлисской, когда приходил поезд, мы грузили патроны и снаряды на повозки, и один из нас вез их в Петропавловскую. Обыкновенно мы привозили 10 000 патронов и 10 шрапнелей. Это составляло примерно пять патронов на человека. С этим не развоюешься. К счастью, у красных был тоже недостаток патронов. Однажды я привез 100 000 патронов и 100 снарядов — меня встретили ликованием.

Я любил эти поездки. Сперва переезжали мутные воды Кубани и проезжали немецкую колонию. Потом безбрежная степь на 60 верст. Глазу не на чем было остановиться. Посреди дороги хутор с деревьями и ручейком. Тут поили лошадей. Над самой станицей Петропавловской был громадный курган.

Мы фактически проводили время в дороге. Возвращаясь с пустыми подводами, я на полпути встречал брата, везущего патроны, и передавал ему винтовку для охранения. Фронта-то ведь не было. Были отдельные отряды.

В Тифлисской дочь хозяйки взяла мою руку, посмотрела и сказала:

— Вы спокойно можете ехать на войну — вы умрете в старости.

Тогда брат протянул ей свою руку. Она взглянула и ее оттолкнула.

- Меня убьют?

- Нет, вас не убьют на войне.

Больше пояснить она не захотела.

Действительно, брат умер в Константинополе, сейчас же после эвакуации. Предсказание исполнилось.

Я поверил ей и за себя не очень боялся, но боялся за брата.

Вскоре Коленковский умер от тифа. Тиф причинял нам больше потерь, чем бои. У нас не было ни календарей, ни часов. Поэтому я могу только приблизительно определять события месяцами. Задним числом иногда узнавал дату какого-нибудь события.

АРМИЯ

Добровольческая армия сформировалась на Дону в конце 1917 года под начальством генералов Алексеева и Корнилова. Когда красные захватили Дон, Армия в числе около 3000 бойцов ушла на Кубань. Это был “Ледяной поход”.

Добровольцы не смогли взять Екатеринодар. Корнилов был убит. Командование перешло к генералу Деникину. Армия пошла опять на Дон и тут узнала, что донцы восстали. Ростов был взят Добровольцами, донцами и подошедшим из Румынии отрядом полковника Дроздовского. Добровольцы и дроздовцы соединились, пошли во второй Кубанский поход и взяли Екатеринодар, куда мы и приехали. Кубанские казаки поднялись поголовно. Был большой приток добровольцев. Вместе с казаками Армия представляла грозную силу.

Против нас были красные части с Кавказского фронта. Мы перегородили единственную железную дорогу, ведущую с Кавказа в Россию, чем обеспечили донцам тыл. Донцы же обеспечивали наш тыл и снабжали нас патронами и снарядами. Снаряды они получали от немцев из украинских складов. Мы же с немцами не имели ничего общего, ориентируясь на “союзников” большой войны.

Красные были всегда многочисленней нас, но у них не было дисциплины и офицеров, и нам всегда удавалось их бить. Патроны они получали со складов Кавказского фронта, но плохо сумели организовать доставку, и часто патронов у них было мало, как и у нас. Но красные, менее дисциплинированные, расходовали патроны в начале боя, наши же сохраняли их под конец. Ожесточение было большое: пленных ни те ни другие не брали.

Иногда к нам переходили красные части целиком. Так, к нам перешли Самурский полк и красные казачьи части.

Со взятием нами Новороссийска, порта на Черном море, положение со снарядами улучшилось, но ненамного. “Союзники” первой мировой войны вели по отношению к Добровольческой армии политику колебаний. Шаг вперед, два шага назад. Причиной были глупость, недалекость, эгоизм и плохая осведомленность. А ведь мы были первыми, оказавшими большевикам сопротивление, и, помоги нам тогда Запад, большевизма бы не было. К сожалению, все забывается.

Немцы были гораздо лучше осведомлены, но они проиграли войну. Они бы нам, конечно, помогли против большевиков.

У казаков была ахиллесова пята — иногородние. Их было примерно столько же, сколько и казаков. Казаки в большинстве были белыми, а иногородние красными. Сейчас, при общем подъеме, они молчали, но как только казаки колебались, иногородние вели красную пропаганду.

Добровольческая армия была политически за Учредительное собрание и ничего не предвещала. Были в ней и монархисты, и социалисты, и представители всех партий. Но громадное большинство, к которому мы принадлежали, не имело никакого представления о политике, а просто шло спасать гибнущую Россию, как шли в смутное время новгородцы.

Армия жила за счет населения. На Кубани казаки охотно кормили солдат. При маневренной войне редко оставались в той же станице два-три дня, и это не представляло большой обузы. Потом старались, где возможно, кормить солдат из походной кухни.

Много тягостней для населения была подводная повинность. Почему-то интендантство не сумело организовать транспорт — он падал на крестьян тяжелым бременем. Это нам очень портило отношения с крестьянами.

Главным недостатком Белой армии была, с моей точки зрения, плохая пропаганда.

У красных против нас было больше сотни дивизий, а у нас два-три десятка. Красные могли всегда заменять разбитые части, а у нас замены не было. Мы должны были всегда побеждать. А тылы в то же время кишели уклонявшимися от фронта. Учреждения в тылах разрастались до неимоверности, а полки редели. Интендантство почти ничего нам не давало. Лошадей, фураж и еду мы доставали сами у населения. Иногда, но редко, брали у красных.

ЛОШАДИ

Я должен сказать кое-что о лошадях, игравших такую важную роль в гражданской войне, очевидно, последней войне, где лошади участвовали. В следующих войнах их заменили машины, и вряд ли современники имеют ясное представление о лошадях. Мне же посчастливилось в течение трех лет почти не слезать с седла. Не только ездить на лошадях, но жить с ними: кормить, ухаживать и достичь их дружбы, когда читаешь взаимно мысли друг друга.

После прекрасного обучения верховой езде в Училище я думал, что умею ездить и знаю лошадь. Но во время бесконечных походов в Добровольческой армии я понял, что ровно ничего не знаю.

Тут казаки ездили совсем иначе. Разница главным образом наблюдается на рыси. Мы откидывались слегка назад и ездили облегченной рысью, то есть подпрыгивая, а казаки, наоборот, наклонялись вперед и ехали ровно, не подпрыгивая. У нас нога в укороченном стремени полусогнута, у казаков вытянута. Мы пользуемся удилами и мундштуком, казаки не знают мундштук. А кому же не знать, как ездить верхом, как не степнякам?

Так вот, я думаю, что облегченная рысь совершенно абсурдна, мучительна для лошади, неудобна для всадника, крайне некрасива и способствует набивке лошади (ранению холки). Казаки же, наклоняясь вперед, помогают лошади перенести тяжесть на передние ноги.

Ездить весь день с полусогнутой ногой просто невозможно -- она затекает. Мундштук неудобен для всадника (вторая пара поводьев), мучителен для лошади и ни к чему не служит. Простыми удилами и шпорами вы должны

справиться с любой лошастью. Говорят, что есть лошади, для которых мундштук необходим. Таковых не видел и сомневаюсь в их существовании. Даже если такая лошадь есть, нельзя же из-за одной применять зря мундштук ко всем лошадям. Настоящий всадник никогда мундштуком пользоваться не будет. Казаки и не пользуются. Может быть, что лошадь из-за мундштука и бесится.

Казаки не носят шпор. Шпоры очень хорошее изобретение европейцев. Они освобождают правую руку для работы шашкой или пикой, и в то же время вы можете шпорами послать лошадь вперед. Плетью (у казаков) это сделать трудней. Английское седло и облегченную рысь выдумали англичане, а укороченные стремяна придумали итальянцы. Но ни у англичан, ни у итальянцев никогда не было большой кавалерии.

Шпоры нужно носить умеючи. Плохо надетые шпоры вызовут насмешливую улыбку специалиста. Нужно носить их горизонтально или слегка наклонно, но не задранными петухом. Носят их низко. Надетыми у самой щиколотки вы не сможете пришпорить лошадь. Шпорами нужно пользоваться возможно реже, не злоупотреблять, покупать шпоры с колесиком, а не со звездой, шпоры небольшие, чтобы ни за что не задевать. От величины шпор не зависит быстрота езды. Носить шпоры и стик* (* Стик или Стек [англ, stik] — эластичный хлыст, употребляемый при верховой езде, (ред.)) просто глупо, как если бы вы носили два галстука. Раньше шпоры давались тому, кто их заслужил, теперь же просто покупаются и надеваются, вполне незаслуженно. И это сразу видно.

Несмотря на громадную кавалерию, в России хорошие шпоры продавались лишь в магазине Савельева в Петербурге. Из нержавеющей стали, с тихим “малиновым” звоном, каждая шпора звенела по-разному. В Европе хороших шпор я не видел, не звенят, а брякают. Серебряные шпоры вообще не звенят. Их избегали.

От лошади можно добиться чудес. Управлять ей мыслью. Но для этого нужно жить с лошастью, проводить с ней много времени, самому за ней ухаживать. У большинства всадников нет ни охоты к тому, ни времени, я бы сказал — нет умения.

Думают, что лошадь глупа. Это вполне зависит от всадника. Если он с ней хорошо обращается, то лошадь равняется по уму собаке, если же он с ней груб, то и она становится грубой и злой.

Даже испорченную лошадь можно исправить. У лошади натура нежная, и она не может противостоять симпатии. Нервная система лошади очень развита. Троньте лошадь былинкой — вся эта часть кожи задрожит. У других животных такой реакции нет.

Первые стремяна найдены в степных могилах Азии в IV веке. Они имели форму восьмерки, и было одно стремя, чтобы садиться в седло. В VI веке стремяна и

удила приняли уже современную форму. В VIII веке венгры принесли их в Европу. До этого применяли путлища без стремян.

У азиатских же тюрков найдены первые сабли в могилах VII века. Массивные и слегка изогнутые. Европейцы, персы, арабы и египтяне переняли сабли только в XIV столетии. Они пользовались мечами.

Лучшие шашки, “пулад”, или дамасские клинки, делались в Индии. Хорошие клинки были редки и очень ценились. Их ковка сохранялась в величайшей тайне. В IX веке киргизы стали ковать лошадей. Арабы ввели подковы в Европе в XI—XII веке. В армии ковали только на передние ноги. Это достаточно и менее опасно при ударе.

ВАНЬКА

Моей первой лошадью в батарее был вороной жеребец Ванька. Я получил его в обозе, в станице Черномлыцкой. Вахмистр обоза меня предупредил:

— Будьте осторожны. Он кусается и лягается.

Я повел взнузданного и поседланного Ваньку на коротком поводу на двор хаты, где я помещался. Он был небольшого роста, но крепкий. Он косился на меня, видимо, изучая. Чтобы открыть ворота, я отпустил ему повод подлинней. Он этим тотчас же воспользовался, быстро повернулся ко мне задом, лягнул и поскакал во двор. Я бежал рядом, держа в левой руке повод, а правую, вытянутую уперев ему в круп, чтобы отдалить себя от ударов. Он лягнул меня еще и еще, свалил, протащил на оголовье и ускакал в сад. Я встал, потирая бока, закрыл ворота и пошел с оголовьем его ловить.

Он делал вид, что щиплет травку, но искоса наблюдал за мной. Подпускал на три шага, закладывал уши, лягал и пердел в моем направлении, выражая презрение, и отбегал дальше. Это длилось долго, наконец ему надоело, и он дал себя поймать. Я взнуздal его, надел оголовье, привязал к яблоне, схватил грабли, случайно здесь лежавшие, и стал его бить, пока не сломал грабли. Так произошло наше первое знакомство.

Злую лошадь надо наказывать, чтобы она знала, кто хозяин. Но надо бить плетью или прутом по крупу, а никак не палкой. Против этого правила я часто грешил, потому что Ванька очень больно кусался и лягался, когда я его кормил или седлал.

В конюшне нужно было ставить Ваньку отдельно от других лошадей, иначе он затевал драку. Что вынес от него бедный серый Рыцарь, мерин моего брата, с которым он был всегда вместе и у которого был смирный характер! Но в конце концов Ванька привык к Рыцарю и больше его не мытарил. Он привык и ко мне и кусал, только когда был мною недоволен. Но это много позже. Пока кормежка не обходилась без драки. Сперва ад: он старался меня лягнуть, потом

опрокидывал ведро с водой и, пользуясь моментом, когда я наклонялся, чтобы его поднять, пытался меня укусить. Но я уже знал его повадки и, ударив его кулаком по морде, иногда избегал укуса. У меня всегда были синяки.

Около Черномлыцкой я единственный раз увидел весь Кавказский хребет во всей его красоте. Обыкновенно он скрыт маревом или виден как силуэт.

Я ехал в батарею с обозом ячменя повозок в десять. Лежа на первой повозке, я смотрел назад, чтобы другие повозки не отставали. Нужно было спешить, чтобы не попасться красному разъезду и застать батарею, которая все время двигалась. Свой обоз я вел из станицы Курганной в Черно-млыцкую.

Я повернулся, и у меня вырвалось восклицание. Передо мной сиял весь Кавказский хребет, уходя в бесконечность и переливаясь всеми цветами радуги. Красота. Солнце вставало. Ближайшие горы были от меня в сотне верст и уходили вдаль. Никогда больше мне так видеть Кавказ не пришлось.

При моем восклицании сопровождавший меня казак встрепенулся, схватился за винтовку и с беспокойством осмотрелся.

- Я ничего не вижу.
- Как ничего? А горы. Какая красота!
- Ах, а я думал, что вы заметили красный разъезд... Да, красиво.

И повернувшись спиной к горам, он стал крутить папироску.

УХОД ЗА ЛОШАДЬЮ

Я знал, что неправильным кормлением можно погубить лошадь, но как это делается правильно, не знал. А спросить совета у старшего не решался из-за боязни насмешки. Я же был очень молод.

Горячую лошадь после похода нужно поводить медленно, чтобы она остыла, поставить в конюшню и дать сена. Два часа после похода сперва ее поят, а потом кормят овсом или ячменем. Нельзя сперва накормить, а потом поить. Ячмень разбухнет и разорвет желудок, потому что лошадь так устроена, что не может вытошнить излишек.

Сено должно быть у нее всю ночь. Сено можно заменить ячменной соломой. Отличить сорт соломы я никогда не умел, но подведенная к стогу лошадь не ошибается. Во время похода можно поить лошадь, если поход продолжается. Лошадь спит стоя, ложится на несколько минут. Вполне достаточно кормить лошадь два раза в день.

Из-за постоянных походов мы никогда лошадей не водили, кормили когда придется, иногда совсем не кормили, часто не расседывали. Чистили раза два в

год. И несмотря на это, потерь лошадей из-за плохого ухода было сравнительно мало. Очевидно, лошадь применяется к плохим условиям.

Я даже думаю, что не нужно очень нежить лошадь — это ослабляет ее выносливость. Попоны и отапливаемые конюшни, по-моему, вредны.

Некормленная лошадь слабеет к концу дня, а непоенная через несколько часов. Перековывали мы лошадей редко, раза два-три в году.

Под Ставрополем, после изнурительного похода, мы остановились в степи. Все легли на землю и тотчас же заснули, люди и лошади. Я проснулся из-за удивительной тишины. Поднял голову и не узнал ничего кругом меня. Во время сна прошел снег и покрыл всех белым саваном. Батарея как бы исчезла. Потом я узнал Ваньку, покрытого снегом, других лошадей, орудия и небольшие пригорки, под которыми были люди. Я стряхнул снег и всех разбудил. Батарея снова появилась. Стряхивали снег и ругали меня за то, что я прервал хороший сон. Ни у кого не было даже насморка.

Попробуйте-ка заснуть под снегом, одна мысль о том вызовет простуду.

Появился казак:

— Черт вас подери, где же вы были? Вот полчаса, как я ищу батарею... Приказ начальника дивизии...

А все потому, что снег нас хорошо закамуфлировал.

НЕСЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ

Настроение лошади видно по ушам. Если уши прижаты, остерегайтесь — она хочет ударить. Бок у паха лошади указывает на состояние ее здоровья. Если он впал, то лошадь вскоре откажется работать. Напрасно ее бить, она обессилела и больше не может. Надо ей дать отдохнуть, покормить. Усталую лошадь я часто в походе расседывал и протирал ей спину соломой, давал ей поваляться. Это очень освежает лошадь.

В знаменитой кубанской грязи, где оставляешь сапоги и вытаскиваешь разутую ногу, лошади, особенно упряжные, часто падали. Сами они не пытаются подняться. Нужно поднять их силой. Распрягаете, потому что лошадь должна, вставая, сделать шаг вперед. Схватываете за гриву и валите лошадь на бок. Высвобождаете вперед подогнутые ноги, опять за гриву и выпрямляете ее. Потом тянете за хвост кверху и лошадь неизменно встает. Ее запрягают, и она продолжает работать. Но если вы ее оставите в грязи, она не двинется, и вы ее найдете вскоре мертвой. Я сам поднял десятки лошадей. Бывает, что нога лошади провалится на мосту. Главное, не дать лошади биться, потому что она ломает ногу, не когда проваливается, а когда бьется. Так же высвободить ноги

вперед и дать упор голове лошади, или оперев на плечо, или соединив руки двух людей и пропустив под голову лошади. Она поднимется. Поломки ног у лошади дело сравнительно редкое. Ведь кости их очень солидны.

В большом бою, под Моспиным, нам поездом подвезли резервы — Терскую казачью конную дивизию. Состав товарных вагонов подошел к самому фронту, остановился на высокой насыпи, двери вагонов открылись и оседланных лошадей просто выпихивали из вагонов. Они падали на откос и катились вниз, вскакивали и отряхались как собаки. Казаки за ними следовали, поправляли седла, и сотни тут же строились и шли в бой. Наша батарея вела огонь поблизости, и я мог с интересом наблюдать эту выгрузку. Было несколько поломанных седел, но ни одна лошадь не была покалечена — все пошло в бой. На место первого эшелона пришел второй и также выгрузился. Выгрузка двух эшелонов длилась минут двадцать. Выгрузились сотни лошадей — и ни одной поломки ног. Думаю, что откос был выбран с намерением. Лошади по нему катились, он ослаблял удар.

Толстой в “Анне Карениной” говорит, что Вронский, неудачно опустившись в седле, сломал хребет своей лошади. Сомневаюсь. Седло так устроено, что хребта не касается.

Конечно, холеные лошади более подвержены несчастным случаям, чем степные кони.

КАЗАКИ

Приходится слышать, что казаки плохо ездят верхом и посадка их ненормальна. Но тот, кто видел их в деле или присутствовал на джигитовке, этого утверждать не будет. Мнение это вызвано неудачей казаков на конкурсах, где главным образом прыжки, забава. Может, тут они слабей других. Но в серьезном деле, в войне они имеют большие преимущества.

Джигитовка - высокая акробатика на седле, причем вольтижировка бледнеет перед джигитовкой. Казаки для джигитовки связывают стремяна под животом лошади и пользуются высокой лукой. Остальное — умение. Причем джигитуют на скачущей прямо лошади, что трудней, а вольтижируют на кругу, что значительно легче.

Помню полк, 1-й Запорожский, возвращающийся из боя. Песенники поют заливчатский мотив, а впереди один, стоя в седле, танцует. Плясун был подьесаул Павличенко, впоследствии генерал, командир корпуса.

Однажды в тумане мы наткнулись на красную кавалерию. Один казак остался без лошади. Но другой казак проскакал рядом с ним, схватил его за пояс, положил его поперек седла и, не уменьшая аллюра, увез его буквально из-под носа красных.

Донцы носят пики. Кубанцы и терцы пик не носят. Донцы одеты в фуражку, гимнастерку, синие шаровары с широким красным лампасом. Кубанцы и терцы носят папахи и черкески. Шашки у казаков без дужки (гарды), у донцов — казенного образца, у кубанцев и терцев — черные, часто в серебре.

Шпор казаки не носят, а нагайку. Она надевается на кисть правой руки или накидывается на высокую переднюю луку седла.

НЕДОСТАТКИ ВАНЬКИ

Ванька не был резв. У него были два хороших аллюра: шагом и стой. Я, конечно, преувеличиваю, потому что стоянки почти всегда были сопряжены с драками. Но Ванька был вынослив и нетребователен. Вскоре мы привыкли друг к другу и даже подружились. Он больше меня не бил задом и кусал редко, только тогда, когда он был мной недоволен. Но перед тем как укусить, он закладывал уши и издавал змеиное шипение, что меня предупреждало, и, ударив его кулаком по морде, мне часто удавалось избежать укуса.

Походы совершались шагом, рысью ходили редко, в бою. А галопом крайне редко. Поэтому у Ваньки было мало возможности показать свои плохие рысь и галоп. Когда колонна останавливалась, мы оставляли лошадей там, где они стояли, и собирались кучками, чтобы поболтать или закусить. Первое время я не мог оставить Ваньку одного, чтобы избежать драки. Потом, когда мы привыкли друг к другу, я забывал его плохой характер и делал как другие. Но вскоре я слышал шум и крики — это Ванька затеял драку. Я бежал на шум. Как только Ванька меня видел, он делал невинный вид, как будто ничего и не было. Думается даже, что из-за Ваньки меня назначили коноводом и из-за него оставили долго на этой низкой должности. Так как ни один коновод не соглашался держать Ваньку.

Однажды мальчишки деревни попросили дать им напоить лошадей на речке. Я совершенно не подумал о Ванькином скверном характере, и мы посадили мальчишек на неоседланных лошадей, и они отправились. Ванька вернулся без всадника и с виноватым видом. Он слегка изувечил своего мальчишку. Я его выдрал и больше никому не поручал.

У него была отвратная привычка рвать висящую на седле торбу с ячменем на вечер. Если он не мог до нее дотянуться, он шел рвать чужую торбу. Он мне не облегчал жизни, и все же я к нему привык и любил.

КОНОВОД

Первая должность, которую я занимал в батарее, была должность коновода — не особенно почетная, но весьма трудная.

Когда батарея становится на позицию, коноводы берут лошадей у номеров и отводят их в место, закрытое от наблюдения противника. Но недалеко от батареи, чтобы в случае атаки подать лошадей вовремя.

По уставу коновод должен держать три-четыре лошади. На практике держали пять-шесть, а иногда и восемь лошадей. Когда не хватало номера при орудии, то брали одного из коноводов, а остальным увеличивали количество лошадей.

Держать много лошадей непросто. Особенно когда кругом свистят пули и лопаются снаряды. Лошади прекрасно разбираются в свисте пуль и снарядов и легко впадают в панику. Вести рвущихся лошадей на батарею просто мучение. К гордости своей, я ни разу не упустил лошадей и у меня даже не было раненых. Вероятно, я умел лучше выбирать закрытое место, чем мои товарищи, у которых бывали раненые лошади.

Мучительно держать лошадей зимой голыми руками, так как повод отпустить нельзя. Когда мы взяли Ставрополь, я пошел в громадный лазарет, полный ранеными и больными красными. Они трепетали при моем виде. Но я собрал только несколько пар рукавиц, которые раздал коноводам и ездовым.

Ваньку я ставил крайне правым, чтобы можно было на него сесть, если понадобится. Затем Рыцаря, как тампон между Ванькой и другими лошадьми. В моем присутствии Ванька вел себя довольно скромно.

Мне кажется, что я проделал в батарее почти все должности и даже впоследствии ею командовал.

Коноводом меня оставили долго из-за Ваньки и потому, что я не распускал лошадей и вовремя их подавал. С течением времени у меня образовался опыт и лошади ко мне привыкли, так что я стал держать больше лошадей.

НАСТУПЛЕНИЕ

Как я уже сказал, 1-ю Кубанскую конную дивизию принял генерал Врангель. В сентябре 1918 года он предпринял наступление. Внезапно он занял станицу Михайловскую и на спинах бегущих взял станицы Курганную, Чамлыцкую, Черномлыцкую и Урупскую. Брату и мне было приказано присоединиться к батарее, и мы участвовали в наступлении. До этого у меня появилась экзема на плече. Я пошел к батарейному доктору.

- Вам нужно эвакуироваться, здесь вы от экземы не избавитесь.
- Доктор, я приехал воевать, а не валяться в лазаретах.
- Как знаете.

Действительно, экзема разрасталась, несмотря на все, что я ни делал. Но тут началось наступление, необычайный подъем. Об экземе я забыл и думать. Неделю мы не раздевались, шли все вперед. Наконец попали в баню.

- А где же твоя экзема? — спросил брат.

Тут я о ней вспомнил и провел рукой по плечу. Кожа была гладкая, экзема исчезла. Организм сделал необходимое, пока я о ней не думал и этим не мешал ему. В общем все произошло по Куэ (самовнушение), хоть тогда я о нем не имел никакого представления.

УРУПСКАЯ

С боем наша дивизия заняла большую станицу Урупскую. Генерал Врангель приехал на автомобиле и был торжественно встречен. Врангель выделялся большим ростом. Он носил русскую форму. Станичный атаман преподнес ему кинжал. Для ответного подарка Врангель отцепил свой револьвер и дал его атаману. На следующий день 2-я бригада с нашим 1-м взводом (1 и 2-е орудия) пошли куда-то вправо. Мы же, 3-е и 4-е орудия, с каким-то полком вышли из станицы, прошли версты три и встали на позицию около кургана. Наша лава пошла вперед. Была хорошая погода, выстрелов не было слышно. Все казалось спокойно. Мы расположились около орудий, ели арбузы, некоторые заснули. В этот день брата послали куда-то, кажется, квартирьером, а меня взяли из коноводов к орудию, чтобы заменить его. Оба мы были зачислены в 4-е орудие.

Тут я должен отметить один недостаток горной пушки. В походе пушка идет на низкой коленчатой оси, а когда ставится на позицию, то рычагом перевертывается на высокую ось для стрельбы. Для похода ее нужно снова опустить. На высокой оси орудие легко переворачивается на повороте.

Наш боевой обоз (вещевые повозки) стоял саженьях в ста сзади. На кургане собралось начальство. Приехал Врангель на автомобиле, оставил машину у наших вещевых повозок и пешком, большими шагами дошел до кургана. Я из любопытства подошел к кургану, чтобы посмотреть на Врангеля и послушать, что говорят старшие.

Один из офицеров сказал с удивлением:

- Странно... Почему наша лава возвращается?
Все схватились за бинокли.
- Да, странно... Переходят на рысь...
- Шашки поблескивают на солнце...
- Да это вовсе не наши...

- Красные! Атака!

- К бою!

Красная конница была уже недалеко, она перешла на галоп. У нас началась паника. Я бросился к орудию. Мы выпустили два выстрела картечью и рассеяли конницу перед нами, но оба фланга нас захлестнули. Мы прицепили орудие на

передок, но не имели времени поставить на низкую ось. Ездовые (Ларионов и Ранжиев) тотчас же тронули крупной рысью. В нашей орудии почему-то было только два выноса (4 лошади) вместо трех. Коноводы подали лошадей. Я еще не вполне отдавал себе отчета в опасности и был удивлен истерическим криком коновода:

— Берите лошадей... Да берите же лошадей, а то я их распушу!

Я схватил повод Ваньки, но он стал крутиться как черт, мешая мне сесть в седло. Он подпал под общую панику. Наконец мне удалось сесть. Я огляделся. Пыль от наших выстрелов еще не улеглась. Выстрелы, крики, кругом силуэты скачущих с шашками всадников. Наши исчезли.

Тогда я так испугался, что почти потерял сознание от страха.

Сознание вернулось как-то сразу. Я скакал между двумя красными всадниками, касаясь обоих коленями. Лица их были налиты кровью, они орали и махали шашками, но, очевидно, находились в состоянии одурения, как я допрежь, потому что они меня не замечали. Я попробовал протиснуться между ними, но мне это не удалось. Тогда я попридержал Ваньку, пропустил их и взял направление под углом. Сердце билось, как на наковальне. Всеми силами я старался сохранить разум. Становишься слишком легкой добычей, если балдеешь. Все же перевел я Ваньку на рысь, чтобы сохранить ему силы, если понадобятся. Снял из-за спины карабин и отвел предохранитель. Я знал, что в нем пять патронов. Патроны в то время были редкостью. Присутствие карабина меня несколько успокоило. Я искал глазами среди скакавших наших. Наконец я узнал одного офицера. Мы обрадовались друг другу, как родные. Вскоре нашли и других офицеров. Мы перешли на шаг. Красная атака остановилась.

Мы рассыпались в цепь и открыли огонь по красным. Мой карабин слабо щелкнул. Я открыл затвор — патронов не было, их у меня украли.

Вдали, сзади, нам на выручку шел черкесский полк. Впереди красные увозили наши две пушки.

В нашей 4-й орудии потерь не было. В 3-й же потери были. Пушка на высокой оси перевернулась. Все трое ездовых спрыгнули с лошадей и пустились бежать. Все трое были зарублены. Зарублены были еще трое офицеров, у которых почему-то не оказалось лошадей. Вырвались ли лошади? Не дали сесть? Или коновод их не поддал? Это осталось невыясненным.

Вспоминаю как во сне: полковник Топорков, в пыли, поворачивает лошадь и взмахивает шашкой над толпой красных, очевидно, грабящих одного из наших убитых. Мало кто думал о сопротивлении. Все, как и я, бежали без оглядки. На наше счастье, красная конница состояла из матросов. Хоть и храбрые, они оказались плохими кавалеристами, неуверенно сидели в седле и плохо рубили.

Этим объясняются наши малые потери. Будь на их месте настоящие кавалеристы, нам бы пришлось худо.

Наше 4-е орудие тоже опрокинулось. Ларионов, ездовой корня, спрыгнул, отстегнул вагу (железная скоба, к которой припрягаются передние выносы) и сел на круп к Ранжиеву...

Шофер Врангеля включил автомобиль, машина сделала прыжок и заглохла. Шофер выскочил из машины и пустился бежать. Врангель остался без автомобиля, без лошади и без револьвера, который он отдал вчера атаману станицы. Он побежал и, на свое счастье, наткнулся на наших ездовых.

— Солдатики, дайте лошадь! — крикнул он.

Ранжиев отстегнул подручную лошадь, и Врангель быстро на нее взгромоздился. Большой рост, золотые генеральские погоны и синие штаны с красным генеральским лампасом не ускользнули от внимания красных, и несколько конных пустились его преследовать. Но за лошадью Врангеля болталась вага, подпрыгивала на кочках и отпугивала лошадей преследователей. Так и Врангелю, и нашим ездовым удалось спастись.

Со следующего дня Врангель стал носить черкеску и ездить верхом. На боку его висел маузер, который он уже никому не дарил. В черкеске Врангель был хорош. Он напоминал немного Великого князя Николая Николаевича и был популярен среди казаков.

Командир нашего взвода капитан Шапиловский на кургане остался тоже без лошади. Он вскочил в нашу пулеметную тачанку (тарантас). Но в это самое время в запряжку нашего пулемета въехал красный кавалерист, который явно не справлялся со своей лошадью. Стоя в тарантасе, Шапиловский стрелял в него в упор шесть раз, пока в револьвере не осталось патронов, но промазал. Тогда он страшно обругал красного кавалериста:

— Да провались ты ко всем чертям, так-то и так-то.

Сконфуженный кавалерист уехал, и тачанка могла спастись.

И это не все. В Урупской явился казачонок шестнадцати лет на крестьянской лошади. Ему дали винтовку, пять патронов и определили в обоз. Когда началась атака, казачонок струсил и хотел удрать, но необъезженная лошадь не пошла, а уткнулась за нашей вещевого повозкой, удиравшей по степи. На вещевого повозке сидел денщик командира батареи. Он и рассказал:

- Казачонка догнал красный кавалерист и полоснул по голове шашкой. На казачонке была баранья папаха, он мотнул головой и выстрелил, не прикладываясь, из винтовки. Красный упал. Та же участь постигла и второго, и третьего красного кавалериста. Баранья папаха спасла казачонка: красные

матросы плохо рубили с седла. Голова казачонка была исполосована, и он так струсил, что ничего не помнил. Но когда денщик рассказал ему об его подвиге, то он приосанился и пошел просить у Врангеля Георгиевский крест. Уж не знаю, получил ли он его. Сомневаюсь.

Наша лава, заметив противника, вильнула влево и уклонилась от боя, не предупредив нас.

Это был единственный случай, когда мы в бою потеряли две пушки. Больше терять в бою не пришлось. Случалось, что мы сами уничтожали орудия, но в бою больше не теряли.

Бой под Урупской оставил у меня самое неприятное впечатление. Я стал бояться и понял, как важно приучить лошадь не балдеть и давать сесть в седло, потому что остаться без лошади — это смерть.

БЕССКОРБНАЯ

Наш прорыв на Урупскую облегчил нашей пехоте взятие Армавира. Красные создали новый фронт у станицы Бесскорбной, чтобы защитить большую станицу Невинномысскую.

Батарея очень быстро получила две пушки взамен потерянных. Под Бесскорбной мы были уже снова 4-й орудийной батареей. Но снарядов было катастрофически мало. Одно время на всю батарею осталось две шрапнели. Батарея все же выезжала и следовала за полками, чтобы подбодрить наших и чтобы красные не догадались, что мы почти безоружны. К нашему счастью, у красных был тоже недостаток патронов. Станица разделена рекой Урупом надвое. Мы занимали южную, красные — северную часть. Дошло до того, что стрельба вовсе прекратилась. Обе стороны смотрели друг на друга через реку. Так длилось два дня, потом мы получили немного патронов и снарядов, очевидно, красные тоже, потому что стрельба возобновилась, но редкая.

Тут мы узнали, что Германия проиграла войну. Это дало нам надежду, что теперь “союзники” нам помогут деятельно, и мы кричали “ура”. Как мы были наивны!

Наш взвод стоял на позиции, не стреляя. Послали одного офицера за едой. Он привез большущий котел с кусками гусятины. Офицеры бросились и как дикари стали хватать руками куски. Брат и я были новичками и, не желая подражать этой толкотне, стояли поодаль.

Капитан Мей, командир нашего 4-го орудия, обратился к нам:

— Что же вы не берете?

Мы подошли, но в котле остались одни кости. Мей это заметил.

- Вот вы и остались без еды. А я видел, как некоторые хватали по два и даже по три куска.
- Спасибо, мы не голодны.
- Вы так же голодны, как и все остальные. Только у вас заметно еще воспитание, которое исчезло у других.

Это было все.

Вечером Мей пригласил брата и меня поместиться на его квартире. Это было исключительное внимание к новоприбывшим. Дело в том, что Мей пользовался большим авторитетом в батарее. Опытный офицер 64-й бригады, он был старый Дроздовец, носил золотое оружие с георгиевским темляком. Он был латыш, большого роста, хмур с другими и мил с нами. Это возбуждало зависть.

Мей что-то хотел показать брату. Из его бумажника выпала картонка, разрисованная как погон.

- Что это такое? — спросил я.
- Это членский знак монархической организации. Лычки-поперечины обозначают чин. Чем больше лычек, тем выше чин, и члены обязаны ему повиноваться.
- Существует еще эта организация?

Не знаю. Это было в Румынии. С тех пор ничего не слыхал о ней.

Как я узнал впоследствии, Мей не преминул рассказать командиру батареи полковнику Колзакову об истории с кусками гуся. Колзаков в присутствии старших офицеров жаловался на одичание нравов и выразил желание, чтобы среди разведчиков, которые ездили за ним, находились лучшие офицеры, и назвал нас таковыми. Это стало известно всем офицерам, кроме нас, понятно. Как! Только приехали и уже оказались лучшими, а мы, старые, оказались худшими?! Нас стали бойкотировать. Но, повторяю, мы этого не знали, что позволило нам остаться естественными.

Как-то под Спицевкой все полковники находились на кургане. Я подошел к кургану. Вдруг полковник Колзаков спустился с кургана и пожал мне руку, чем меня, простого коновода, смутил. Подобное повторялось не раз с братом и со мной.

У разведчиков был излишек офицеров. Они ездили за командиром батареи и несли службу связи, командовал ими полковник Андриевский. Их посылали с донесениями. Это были аристократы батареи, без определенных занятий. Мы попали в разведчики после взятия Ставрополя.

АРМАВИР

Наступил октябрь. Нашу дивизию оттянули в Армавир на отдых. Я забыл разнуздать Ваньку. Поручик Абрамов, который был дневальным при лошадях, объявил об этом во всеуслышание. Я был очень сконфужен этой оплошностью. Но каково было мое недоумение, когда, придя на коновязь, я нашел Ваньку все еще взнузданным. Абрамов это заметил и не разнуздал. Это было недоброжелательство. Сколько раз потом мне приходилось разнуздывать чужую лошадь и наедине сообщать о том забывчивому всаднику. Бедный Ванька простоял всю ночь взнузданным.

В Армавире много армян. Нас поместили в доме армянина-торговца. Хозяин, молодой человек, выразил нам свое восхищение, что мы сражаемся против большевиков.

- А почему вы не сражаетесь против большевиков?
-Я?!
- Да, вы.
- Вы же солдаты — это ваше дело.

- Вы думаете, что мы родились с ружьем в руках? Мы были частными людьми и пошли добровольцами.
- Но у меня магазин, торговля. Что станет с магазином, если я пойду воевать? Нет, я не могу.
- Если магазин мешает вам исполнить ваш долг, то подарите его кому-нибудь.
- Вы шутите?
- Тогда, если мы все разойдемся по нашим делам, то не останется никого, чтобы помешать коммунистам разграбить ваш магазин и повесить вас вдобавок.

После этого хозяин больше не показывался.

Было много эгоистичных трусов, которые нас восхваляли, но не считали себя обязанными следовать нашему примеру. Война ведь вредна для здоровья.

В Армавире я познакомился с прапорщиком Ушаковым. Он хорошо пел Вертинского и ездил на чудной вороной кобыле Дуре, которую мне часто приходилось держать как коноводу. Свое имя она получила, потому что очень близорукий Ушаков совал ей удила не в рот, а в нос. Лошадь пяtilась и задирала голову, а Ушаков в ярости кричал: “Дура!”. Так Дурой она и осталась.

В это время наша пехота отбросила красных за Невинномысскую и подошла к Ставрополю, главному городу Северного Кавказа, за который уже давно велись бои. Из Армавира поездом нас привезли в Невинномысскую. Там мы видели Кавказские горы в виде силуэта и видели оскверненную церковь. Губы святого были прострелены и в дырку вставлен окурочок. Мы поили лошадей в реке Кубани. В Тифлисской и Екатеринодаре это широкая, мутная и глубокая река, а

в Невинномысской — каменистый прозрачный поток, который мы перешли вброд.

НА СТАВРОПОЛЬ

Из Невинномысской дивизия двинулась на север. У дороги увидели труп, очевидно, офицера. Глаза были или выколоты, или съедены воронами. Все побежали смотреть. Я боялся трупов — еще, не дай Бог, приснится — и всегда от них отворачивался. Меня поражало это болезненное любопытство у других. Ведь ничего красивого нет, а часто ужасный смрад. Дальше часто стали попадаться трупы, уже с месяц тут шли бои. Никто больше не бегал смотреть, трупов было слишком много. Все они были раздеты, очевидно, ограблены крестьянами. Узнать было нельзя — наши или красные.

Если во время похода видели в степи гусей или лошадь, они становились нашей добычей. Это не считалось предосудительным. Мы жили за счет страны, особенно потому, что мы больше не были на Кубани, нам сочувственной, а в Ставропольской губернии, нам враждебной. Часто видели в степи дроф. Как-то заметили в степи свиней и послали двух человек захватить для нас поросенка. Но конные подъехали, постояли и вернулись.

- Почему вы не взяли свиней?
- Они жрали людские трупы.

В селе Темнолесском мы нашли много нашей пехоты. Над мелколесьем, что осталось от темного леса, были видны купола Ставрополя и особенно одной очень высокой колокольни. Наша дивизия пошла влево, в обход. После большого похода верст в шестьдесят, под мелким дождем, мы ночевали в селе Сенгелевском. Хозяйка приготовила нам чай, который мы пить не стали: из чайника когда-то разливали керосин, а она его не вымыла.

На другой день мы пошли дальше и вошли в область лесов и оврагов. Стало уже холодно, особенно по ночам.

После трудного и долгого похода под дождем и ветром, в темноте, мы пришли в деревню Марьевскую. Ведя Ваньку в поводу, я пошел на квартиру, отведенную для 4-го орудия. Но поручик Клиневский мне объявил, что дом тесный и места больше нет, и захлопнул дверь перед моим носом. Неприятно пораженный такой враждебностью, я постоял и пошел искать квартиру в соседних домах. Все двери были заперты, и на мой стук и просьбу впустить мне решительно отказывали. У меня еще была вежливая система. Вскоре я усвоил требовательную систему, которая давала лучшие результаты. Брат был еще чем-то занят при орудии. Впоследствии я подружился с Клиневским, и он со смехом рассказал мне, что отказ впустить меня был следствием бойкота. Наконец я наткнулся на женский монастырь. На мой стук монашка, не открывая ворот, отказалась меня впустить.

— Разве это по-христиански — отказывать в гостеприимстве и оставлять усталого человека ночью в холод на улице?

Это подействовало. Шепот, потом:

- Мы боимся одиночного человека.
- Мой брат сейчас придет. Не бойтесь. Я до смерти устал и голоден.

Снова шепот, потом ворота приоткрываются. Я поставил Ваньку в конюшню, вошел в дом, снял фуражку, перекрестился на иконы и затем поздоровался. Это, видимо, успокоило монашек, боязливо за мной наблюдавших. Мало-помалу отношения наладились. Дали воды умыться, полотенце. Накрыли стол, появился самовар. Постелили на полу две постели.

Когда пришел брат, он с удивлением огляделся. - Ты хорошо устроился.

Разговорились, и я, накормив лошадей, заснул под чтение Апокалипсиса.

КОРМЕЖКА

Я регулярно поил и кормил Ваньку. Вечером это было трудно. После похода и боя мы падали от усталости. Ставили лошадей на конюшню, давали сена и сами тотчас же засыпали. Когда хозяйка, готовившая нам еду, объявляла, что готово, никто не хотел есть, а продолжали спать, попросив хозяина напоить и накормить лошадей. Ели утром.

Для сна мы не раздевались, иногда снимали сапоги. Спали и слушали. Если раздавались выстрелы, то вставали как автоматы и просыпались в конюшне, седлая лошадей. Промедление могло стоить жизни.

Вечером я всегда боролся со сном и в конце концов вставал и шел в конюшню. Во-первых, я полюбил Ваньку. Во-вторых, я не доверял крестьянину, может быть, красному. В-третьих, от хорошего состояния Ваньки зависела моя безопасность. Ведь завтра возможно бегство (“драп”, по-нашему), и я не хотел, чтобы Ванька сдал. Не могу вспомнить ни одного случая, когда бы я не накормил Ваньку, конечно, если была возможность кормить. Иногда простаивали ночь в поле, не евши и не кормя лошадей. Всякое бывало. Тогда разнуздывали и отпускали подпруги. Я расседывал и протирал спину лошади, другие этого не делали. Ложился на землю спать, держа в руках повод, и каждые полчаса менял место. Летом — чтобы конь мог пастись, зимой — чтобы не замерзнуть.

Итак, победив сон, я шел в конюшню. С помощью каганца (черепок с деревянным маслом и тряпкой, скрученной в фитиль и зажженной, дающей очень мало света) достаешь воду из колодца, много воды. Если колодец глубокий, то это нешуточная работа. Ни спичек, ни свечей, ни керосина во время революции не было. Никто не работал, все только воевали.

Я давал Ваньке воды вволю, конечно, поил Рыцаря, коня брата. А другие лошади? Они смотрели на меня с доверием и вздыхали. Я их всех знал и держал как коновод. Я ругался, но поил всех. Офицеры это заметили и решили, что могут спать спокойно — Мамонтов напоит лошадей. Мало-помалу это вошло в обычай. Мне это не было неприятно. Установилось доверие между лошадьми и мной, и, как коновод, я мог держать больше лошадей, чем другие. Лошади больше не старались вырваться. Мне даже сдается, что мне никогда не приходилось держать трех лошадей, предписанных по уставу, а всегда больше. А раз я смог увести от красных двенадцать лошадей, да еще при стрельбе и панике.

Так как я никогда не распускал лошадей и подавал их вовремя, то каждый офицер хотел, чтобы я держал его лошадь. Но бойкот вмешался даже в дело коновода.

Как-то я напоил всех лошадей, не подумав, что капитан Барский приехал позднее. Лошади это не повредило бы, она уже с час стояла в конюшне. Но Барский воспользовался случаем, чтобы разыграть неприятную сцену.

— Если вы не знаете, что горячую лошадь поить нельзя, то лучше бы вам служить в пехоте. Я вас не просил поить мою лошадь, — демонстративно он поседлал свою лошадь и проскакал на ней.

Формально он был прав, но перебарщивал. Я объявил во всеуслышание, что больше до чужих лошадей не дотронусь, — поите, мол, сами. На самом же деле я их поил по-прежнему, кроме коня Барского, которого я отказывался держать как коновод.

— Не могу взять вашего коня, у меня уже большее число, чем предписано по уставу.

И тут же брал коня другого офицера.

Думаю, что Барский жалел о своей выходке, потому что наш бойкот вскоре кончился и настала моя очередь бойкотировать Барского.

Бедный был убит во время десанта на Кубань в августе 1920 года.

СТАВРОПОЛЬ

Мы выступили очень рано из Марьевской и шли лесом часа полтора. Батарею вызвали вперед. Мы вынырнули из оврага. Лес обрывался и перед нами было большое поле, а за ним начинался город Ставрополь. Все поле было покрыто кавалерией, совсем близко от нас. Развевалось несколько красных знамен. Это были красные.

Батарея тут же, на краю оврага, снялась с передков и ахнула по кавалерии картечью. Неожиданность была полная. Красные знамена исчезли, кавалерия

смешалась и побежала. Наши полки выскочили из леса и атаковали бегущих. Стрелять больше было нельзя, чтоб не задеть наших. Батарея взялась впередки и рысью пошла за полками. На спинах бегущих мы вошли в город.

Удар во фланг удался блестяще. У красных началась паника, и этим мы облегчили задачу нашей пехоте, наступавшей с другой стороны.

Первым зданием города был женский монастырь. Когда мы проходили мимо него, из ворот выскочила монашка, бегом догнала нашу санитарную двуколку, прыгнула в нее на ходу. Это был переодетый офицер. В предыдущем бою он был ранен и скрылся в монастыре. Монашки его не выдали. Теперь он плакал и смеялся, что опять попал к своим.

С налета казаки прошли до центра города, но в городе конница плохо применима. Красные пришли в себя, оправались и нас из города вытеснили. У красных в Ставрополе были очень крупные силы.

Наша батарея поднималась по узкой крутой улице, когда мы встретили отходящих казаков. Чтобы повернуть батарею, пришлось отцеплять орудия, поворачивать запряжки и снова прицеплять орудия. Чтобы избежать паники, мы шли пешком, а коноводы вели лошадей.

Один красный стрелок взобрался на высокую колокольню и оттуда пускал нам пулю за пулей. Но он волновался и мазал. Вдруг я услышал, как пуля во что-то ударила. Шедший впереди меня поручик Виноградов обернулся.

— Я ранен, посмотрите, куда, где-то на спине.

Я осмотрел спину, но крови нигде не заметил. На срезе карабина, который был за спиной у Виноградова, я увидел след пули.

— Меня как палкой по спине ударило.

Несколько дней спина Виноградова болела, но все же карабин спас его.

Мы вернулись к монастырю и провели ночь на площади перед ним. Орудия по очереди стреляли всю ночь по городу, каждые четверть часа. Это действует на нервы. Причем лучше разбрасывать снаряды без всякой системы. Так никто не знает, куда упадет следующая граната.

Я пошел в монастырь и постучался. Монашенки отказались открыть. Но я уже знал, что говорить.

— Вы отказываете просящему погреться, разве это по-христиански?

Я подождал, но ответа не было. Я ушел и устроился в башне над воротами. Лег на пол. Пошел первый снег в этом году, но я был закрыт крышей над башней. Вдруг появилась монахиня.

- Это вы стучались к нам?
-Да.
- Так пожалуйста. Приведите ваших друзей. Мы вас ждем.

Я был удивлен. Особенно тем, что она меня нашла среди стольких. Я пригласил брата, Мея, Виноградова, Мукалова и еще кого-то пить чай. Они вытаращили глаза и думали, что я шучу, но пошли за мной. Стол был накрыт, шипел самовар, сидел священник, монашки прислуживали.

Ах, как приятно было напиться чаю в теплом и сухом помещении. Мы сердечно поблагодарили и разошлись. Я лег в своей башне, подложив под голову котелок. Даже выстрелы нашей батареи мне не мешали. Я крепко заснул, и мне чудилось, что сплю я в своей кровати в Москве. Утром был даже удивлен — где я?

В ОБХОД

На следующий день решили охватить город еще больше. Послали наше орудие (4-е) с двумя сотнями казаков влево. Плоскогорье было перерезано тремя глубокими балками-оврагами. Наша лава пошла ходко, не встречая сопротивления. Сотни переходили овраги поперек, а орудие должно было следовать по дороге, которая шла зигзагами. Поэтому мы отстали. Когда мы выбрались на гребень третьего оврага, то встретили нашу отходящую лаву под сильным огнем красных. Мы повернулись и пошли крупной рысью, а иногда галопом. Казаки были уже на другом краю балки, а мы еще внизу, когда на гребне появилась красная пехота и стала палить по нам. Так было в каждой балке. Пехота бежала, надеясь отрезать нам путь отступления, а мы скакали что есть мочи. Наконец мы выбрались на ровное место и крупной рысью смогли оторваться от преследования.

Мы шли мимо крайних домов города и заметили слишком поздно казака, который делал нам знаки нагайкой. В этом месте улица выходила в поле. Как только орудие стало пересекать продолжение улицы, там где-то заработал пулемет. Орудие перешло на галоп и благополучно достигло закрытого пространства, за домами на той стороне.

Все же пулеметная лента прошла как раз через орудие. В переднем выносе легко ранен ездовой в плечо и прострелено ухо его лошади. В корне тоже легко ранена лошадь. Но больше всего повезло брату. У Рыцаря было три царапины, одна на гриве и две на крупе, и полушубок брата был прострелен. У меня сердце екнуло: дрогни немного рука наводчика, и... У нас с Ванькой ничего не было.

Наша дивизия была вынуждена выйти из города. Красные думали, что мы отступаем и погнались за нами. Но просто Врангель вывел конницу из узких улиц в поле. Тут мы должным образом встретили красных и загнали их опять в

город. Результат нашего флангового удара сказался. Наша пехота нажала с другой стороны, и красные уходили из Ставрополя.

Последняя граната заклинилась в нашем орудии, и, несмотря на все наши усилия, извлечь нам ее не удалось. В это время раздался радостный крик:

— Квартирьеров в Ставрополь!

Радостная дивизия пошла в город, а наше орудие получило приказание под начальством поручика Виноградова и с несколькими номерами (в том числе и я) идти в наш обоз за 25 верст. Там техник инструментами вытащит гранату. Мы были неприятно поражены этим приказанием. Тем более что наступил вечер, дороги в этот хутор мы не знали и проводника взять было негде. Решили идти по карте.

Все радостные пошли в город, а мы, угрюмые, пошли в другом направлении.

СТРАННАЯ НОЧЬ

Наступила ночь, было ветрено и холодно. Мы пошли рысью по громадному полю. Иногда ветер рвал облака, и луна освещала белые раздетые трупы. Они были всюду. Лошади их пугались и шарахались. Сознаюсь, и мне это зрелище было неприятно. Наконец мы спустились в лес. Ветер стих, но пошел дождь. Я закутал голову мешком. Тьма в лесу была кромешная. Вдруг мы увидели направо огонь. Орудие остановилось, и Виноградов послал меня посмотреть и расспросить о дороге. Я углубился в лес. Может, это разбежавшиеся красные развели костер? Я достал карабин из-за плеча и взвел предохранитель. Небольшая полянка, и за орешником на холмике пылал костер. Я послал Ваньку и выехал навверх. Я был в недоумении — горел ярким пламенем пень. Никого кругом. Они слышали мое приближение и спрятались.

Я внимательно осмотрел траву вокруг пня. Трава была не измята, даже капли висели на ней.

В это время Ванька фыркнул и грива его встала дыбом. Я почувствовал, как первобытный страх охватил его и от него передался мне. Ванька повернулся на задних ногах и поскакал к орудию. Я же его не удерживал, а пригнулся, чтобы избежать веток. Когда я услышал голоса наших, то сразу пришел в себя и перевел Ваньку на рысь.

- Что там?
 - Пень горит и никого нет.
 - Вы так скакали, что мы подумали, что вас преследуют.
- Хм...

До сих пор не могу понять, как это пень один, без людей горел под дождем? Это не был фосфорический свет гнилого дерева, а яркий огонь.

Еще непонятно, как я мог скакать по лесу и не зацепиться. Лес там крючковатый. Там и днем-то не проскачешь.

ХОЛЕРА

Поздно ночью мы все же нашли хутор и наш обоз. Пол дома был сплошь покрыт спящими солдатами: портные, сапожники, шорники и кучера, не было свободного места. Но под окном широкая лавка была почему-то свободна. Какое везение! Шагая через спящих, я положил седло в головы, накрылся шинелью и тотчас же заснул. Как раз подо мной лежал больной, который стонал и мешал спать. Помню сквозь сон, что хозяин давал ему пить. А я, к стыду своему, посылал его мысленно к черту.

Когда я проснулся, было утро, солдат уже не было, кроме больного, который спал. Наши офицеры собирались пить чай за столом в другом углу хаты. Я полез в сумы за сахаром и неловко зацепил спящего. Он не шелохнулся. Я посмотрел на него внимательно — он был мертв. Конечно, чаепитие расстроилось. Позвали доктора. Он указал на седло и мою шинель.

- Кто здесь спал?
-Я.
- Как вы себя чувствуете?
- Спасибо, хорошо.

- Покажите язык... Не приближайтесь ко мне. Нет у вас слабости и кровавого поноса?
- Доктор, объяснитесь, в чем дело?

- Он умер от холеры, а вы провели ночь рядом с ним.

Наступило неловкое молчание. А через четверть часа у меня появилась слабость и кровавый понос. Слабость увеличивалась.

Доктор потребовал, чтобы я остался в обозе.

— Ни за что на свете. Если я действительно болен, то нужно лечиться в городе. Там мой брат.

Все стали меня уговаривать остаться, и я понял, что они боятся заразы и могут силой запереть меня в амбар, чтобы от меня отделаться. Я решил не спорить.

— Хорошо, я останусь. Отведу Ваньку в обоз.

Это решение всех успокоило, и меня оставили в покое. Я так ослаб, что не мог поднять седло, чтобы поседлать Ваньку. Пришлось вцепиться в Ванькину шерсть и, перебирая ее, поднимать седло. Я был близок к обмороку, холодный пот струился по всему телу. Я повел Ваньку не направо в обоз, а налево к Ставрополю. Сесть в седло я уже не мог, мне пришлось, как в детстве, влезть

раньше на забор и оттуда в седло. Ванька понимал, что что-то не так, он стоял смирно. Я шагом пошел к городу.

Вскоре наше починенное орудие меня догнало.

- Как ты? Почему ты не остался в обозе?
- Пошли к черту с вашим обозом. Это самый верный способ сдохнуть. Не бойтесь. Я поеду сзади и вас не заражу.

Пока ехали шагом, было сносно. Но вот орудие пошло рысью, и я с отчаянием почувствовал, что сейчас свалюсь. Сил не было. Я вцепился в Ванькину гриву и не свалился.

Выглянуло солнце, птички защибетали, ездвые запели хором, мы увидели золотые купола Ставрополя, и я как-то отвлекся от своей болезни.

В городе нас встретили овацией, барышни нам улыбаались и бросали цветы, толпа нас приветствовала. Одна дама бросилась и поцеловала мой грязный сапог. Виноградов повернулся ко мне.

— Мамонтов, подравняйтесь.

Я занял место в ряду. Мы приосанились.

Только прибыв на квартиру и расседывая Ваньку, я вдруг вспомнил холеру. Сразу же я почувствовал слабость, но уже не так, как прежде.

Я открыл дверь дома. Посреди комнаты был накрыт стол белой скатертью, стояли всякие яства и бутылки. Наши офицеры окружали интересную брюнетку в цыганской шали, с ногами сидящую на диване. Она перебирала струны гитары и грудным голосом пела:

Для тебя одной я живу еще,

Для тебя одной льется песнь моя.

Моя деточка, моя милая,

Моя ласточка перелетная...

По всей видимости, здесь не скучали.

Держась за косяк двери, я слабым голосом сказал:

— Федя, я очень болен.

Дружный взрыв хохота приветствовал мои слова. Капитан Мукалов вскочил и налил мне полный стакан водки.

- Вот лучшее лекарство.
- Что же, — подумал я, — водка должна продезинфицировать кишки.

Я залпом выпил и приятная теплота разлилась по всему телу. А когда певунья сказала: “Идите сюда, я вас вылечу”, — я забыл все и свою холеру.

Много позднее я познакомился с теорией Куэ (самовнушение). Я понял, что сделался жертвой самовнушения от глупых слов доктора. Конечно, доктор сам не знал, от чего солдат умер. Хата была полна народу, все спали с ним рядом, и хозяин поил его, а доктор придрался только ко мне. Но я глубоко уверен, если бы я тогда остался в обозе, я бы умер от самой настоящей холеры.

В Ставрополе брат попал на квартиру к москвичу. В семье было две дочери, и обе были в него, по-моему, влюблены. Должен отметить шарм брата. Его как-то очень быстро принимали в семью и на квартирах, и в батарее. Высшие офицеры с ним дружили. Несмотря на то что он был пехотным офицером, его не только не отправили в пулеметную команду, куда направляли всех пехотных офицеров, но не назначили коноводом, как меня, артиллериста. Вскоре перевели в разведчики — аристократию батареи — и потом назначили начальником орудия, хотя было много артиллеристов, добивавшихся этого места. Я следовал за ним в его успехах. Причем брат никогда ничего не делал, чтобы достичь чего-то. Не просил, не интриговал, не завидовал. Вероятно, это-то всем и нравилось.

СОВЕТ СТАВРОПОЛЬСКОГО МОСКВИЧА

— Мамонтовы... Мамонтовы? Москвичи... Не родственники ли вы Константину Васильевичу Рукавишникову? А, это ваш дед со стороны матери. Вот странная встреча москвичей где-то в Ставрополе, на Северном Кавказе. Я хорошо знал вашего деда, очаровательный человек.

Вот я вас послушал, молодые люди. Вы верите в победу и успех, как и полагается в вашем возрасте... Да, да, знаю. Все идет прекрасно и вы наступаете. Но не забудьте, когда играют в карты или ведут войну, то никогда не известно, как это кончится. Обыкновенно все идет хорошо, а потом случается непредвиденное... Не забудьте, что коммунизм еще очень в моде и повсюду. Конечно, это сплошная утопия и он основан на невежестве и глупости масс. Но именно из-за этого он должен иметь успех, потому что базируется на людской глупости, которая является самой большой силой в мире.

Помощь союзников?... Хм... Не особенно на нее рассчитывайте. Союзники хотят слабую Россию, чтобы попользоваться. Конечно, потом они будут жалеть, что не помогли вовремя. Потому что они ошибаются, если думают, что большевики будут слабым и покорным им правительством. Это самая жуткая диктатура. Советы? Ха-ха. Декорация для дураков. Один диктатор сосредоточил всю власть в своих руках и делает, что хочет, и никто пискнуть не смеет.

Лучше бы вы постарались привлечь на вашу сторону крестьянина. Реформами и пропагандой это возможно сделать. Дайте ему землю. Крестьянин консервативен, и кооперация ему не подойдет. Он хочет свою землю!

Нет, я вовсе не собираюсь критиковать ваше дело, оно ведь и мое дело. И я не намерен охлаждать вашего энтузиазма, это было бы жаль. Нет, я хочу дать вам практический совет в память вашего деда. Другим бы я ничего не сказал, вам я обязан.

Вы все думаете, что вы будете делать после победы. Не ломайте себе голов. Все пойдет само собой, без вашего участия. Москва, Триумфальная арка, фанфары, все преимущества старой гвардии, которая, между нами, станет вскоре невыносимой... Но вот... У всякой вещи две стороны. Думали ли вы, что вы будете делать, если войну проиграете? Конечно, нет. Но лучше предвидеть оба случая.

Вот мой совет: эмигрируйте. Не верьте никаким амнистиям. Это хитрость, чтобы вас поймать. И эмигрируйте возможно дальше — в Австралию, в Новую Зеландию. Там народу мало, а земли много. Там революции не будет. В Европе же и Америке вы никогда не будете уверены, что коммунизм за вами не последует. Они слишком перенаселены.

Вот, это все, что я хотел вам сказать. Если, чего не дай Бог, вы войну проиграете, вспомните мои слова... А главное, постарайтесь, чтобы вас не убили. Известная осторожность лучше, чем безумная храбрость.

ДУБРОВКА

Из Ставрополя красные отступили к северу и укрепились в селе Михайловка. После нескольких дней отдыха в городе наша дивизия пошла на север. Было несколько боев, но мы не смогли взять Михайловки. Тогда переменили тактику. Дивизия выступила ночью и пошла влево, не встречая противника. Рассвело, и вдруг сзади прилетели несколько шрапнелей и лопнули над нашей колонной.

- Наши артиллеристы спятили — стреляют по своим.
- Нет, это не наши, а красные стреляют.
- Как красные? Сзади?
- Мы находимся в их тылу. Ночью мы миновали фронт.
- В тылу? Хм... а если... неудача, что мы тогда будем делать?

Мы впервые шли в тыл красных и робели. Но вскоре убедились, что страх красных гораздо больше нашего.

Мы стояли на бугре, внизу деревня Дубровка, очевидно, база красных. При первом же выстреле там произошла невероятная паника. Неожиданность нашего появления была полная. Сотни подвод неслись в разные стороны из деревни, по дорогам и без дорог, сталкивались, опрокидывались. На мосту случился затор.

Впоследствии мы часто ходили по красным тылам, и у нас создался опыт использовать первую неожиданность и панику. А в Дубровке мы потеряли много времени в нерешительности. Все же это была легкая победа. Несколько снарядов, пущенных в деревню, довершили панику. Мы захватили большую добычу, пленных, а главное, посеяли панику во всей округе. Появилась с севера красная пехота, но после нескольких шрапнелей пустилась бежать.

Возвращаясь, мы зашли в тыл Михайловке и на этот раз с легкостью ее заняли. Все же мы были рады наладить контакт со своей пехотой, которая нас встретила, как героев (довольно робких героев!).

Думаю, что у нас потерь не было или очень мало.

Генерал Врангель получил командование над нашим конным корпусом. В него вошли наша дивизия и дивизия полковника Улагая.

Не знаю, из-за какой протекции Врангель затребовал брата и меня для службы в штабе корпуса. Но мы уже сжились с батареей, с людьми и лошадьми и не хотели с ней расставаться. Мы отказались. Это понравилось командиру батареи и нашим товарищам, и бойкот прекратился. Нас окончательно приняли в батареиную семью. Нас перевели в разведчики батареи.

СТЕПЬ ОЖИВАЕТ

Я выбрал самый высокий курган. Ваньке пришлось карабкаться, чтобы взобраться на него. Сверху открывался широкий вид на безграничную степь, усеянную курганами, свидетелями былой буйной жизни.

Длинные колонны конницы пересекали степь.

— Как прежде, во времена печенегов, монголов, — подумал я.

Я насчитал пять колонн. В ближайшей, нашей, были видны всадники в бурках и папахах, слышались шум повозок, изредка ржание коня. Дальше колонны казались темными лентами, едва двигавшимися. Пять бригадных колонн не шутка. Мне казалось, что я превратился в монгольского хана и перенесся в XIII век. Я почувствовал те же гордость и радость, что чувствовал, должно быть, монгол.

Колонны двигались на северо-восток. Неглубокий снег не всюду покрывал сухую траву, было холодно.

КУГУЛЬТА

Наша колонна пришла первой. Полковник Топорков оставил полки в низине, скрыв их от глаз противника. Он взял полусотню казаков и нашу батарею и направился в сторону красных. Перед нами были цепи красной пехоты. Мы посылали им редкие шрапнели не столько для поражения, но чтобы дать знать

другой колонне, которая должна была взять их с тыла, о нашем присутствии. Красные, воодушевленные нашим незначительным числом и редким огнем, шли в нашу сторону. Их пули стали чаще цыкать мимо наших ушей. Мы уже подумывали об отходе, но Топорков, казалось, ничего не замечал. Он смотрел вдаль.

— Наконец-то! — воскликнул он. — Вот они.— Далеко в тылу красных лопнули шрапнели. Красная цепь остановилась. —Это психологический момент. Нужно их атаковать немедленно. Наши полки слишком далеко... Ну артиллеристы, шашки вон и пошли с Богом.

Полусотня и мы, артиллеристы, развернулись в лаву. Наш трубач протрубил атаку, и мы пошли, сперва рысью, потом перешли в галоп. Огонь красных усилился. Я пригнулся к шее Ваньки и, как в Урупской, потерял голову.

— Что ты кричишь? — сказал мне товарищ. — Все уже кончено.

Очень сконфуженный, я пришел в себя. Наша атака удалась. Человек 60 красных сдались, несколько были зарублены, остальные бежали вдали. У нас было двое легко раненных.

Наши полки проходили мимо нас на рысях для новой атаки.

— Молодцы, артиллеристы, хорошо сработали! — крикнули казаки.

Мои товарищи ответили шутками, я же молчал.

Год спустя, в Таврии, мы были атакованы красной кавалерией. Наша картечь ее остановила. Один-единственный всадник доскакал до батареи. Он разъезжал между орудий, кричал и махал шашкой. Он находился в этом состоянии одурения и стал легкой добычей. Если бы он не потерял головы, легко мог бы удрать.

КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ

Мы ночевали в Кугульте. Был сильный мороз. Хозяйка наша была не в духе. Наконец она не выдержала.

— Не стыдно вам? Сами сидите в тепле, а солдат своих держите в сарае, при таком морозе. Они же там замерзнут. Мы выпучили глаза от удивления. Наши солдаты были прекрасно расквартированы за три дома от нас.

- Какие такие солдаты?
- Нешто я знаю? Их с десятков в сарае.

Мы взяли карабины и пошли в сарай. Нашли семерых красных, разбежавшихся накануне. Они зарылись в солому. А мы и не подозревали их присутствия. Если бы они были посмелей, то могли ночью нас перерезать или увести лошадей.

Мы не знали, что делать с нашими пленными. Надо отдать их казакам.

— Они же их расстреляют, — сказал брат. — Давайте оставим нам двух. Они будут готовить еду и убирать лошадей.

Выбрали двух. Одного пожилого Кирилла, другого помоложе назвали Мефодий. Мефодий был разбитной и сразу сумел войти в нашу солдатскую среду. Я всегда видел его сидящим на нашей вещевой повозке, рядом с кучером и всегда с гусем под мышкой. Кирилл же был застенчив. На следующий день я встретил его на улице.

— Почему ты не сидишь в хате при таком холоде?

- Ничего, я люблю холод. Прогуливаюсь.

Заподозрив что-то, я пошел к солдатам и спросил причину.

- Мы не желаем этой красной свиньи у нас в доме. Вот те на! А Мефодий сидел тут же и сами ездые забыли, что его тоже выбрали из пленных. Я взял Кирилла к нам в хату. Он оказался услужливым и довольно развитым. Вскоре их обоих демобилизовали и отослали по домам.

РАЗНОЕ

Был дикий мороз, и выбрали как раз этот день, чтобы чистить оружие. Чистили оружие два раза в год, при случае. А чистить при морозе — просто зверство. Нельзя прикоснуться к стволу, кожа прилипает и отрывается.

Из Кугульты мы пошли на восток и заняли Константиновку, из которой красные нас дважды выбивали. Дело в том, что к селу со стороны красных примыкает плоскогорье, с которого село хорошо обстреливается. Так что Константиновку мы брали три раза.

Кроме Константиновки, были бои и походы. Но названия деревень не записал, а бои забыл. Обыкновенно запоминается победа или скверная ситуация, а каждодневный нудный бой под морозящим дождем, без решительной атаки легко забывается и уступает место в памяти какому-нибудь красочному событию. Так, однажды под вечер, под дождем, при затихающем бое, на нашу батарею прискакал великолепный комиссар весь в звездах и красных бантах. Он стал распекать батарею за то, что она не следует его приказаниям. Глядя на него, мы глазам не верили и немного опешили. Он принял нашу батарею за свою и заметил свою ошибку слишком поздно. В его седельных сумках было много денег.

У нас в дивизии появилась казачья конная батарея. Неважная, по отзыву самих казаков. Работала она в другой бригаде и мы редко встречались.

ПЕТРОВСКОЕ

Вдоль реки Кальмиуса находится высокое плоскогорье. Оно возвышается над степью метров на пятьсот. Наверху совершенно ровная плоскость, переходящая в Маньчские степи. Внизу когда-то было море. Края обрывов покрыты окаменелыми ракушками. Обрывы очень круты и представляют натуральную крепость. Это плоскогорье находится к востоку от реки Кальмиуса. Маленький городок Петровское лежит у подножия обрыва и служит углом плоскогорью, которое тут уходит на восток. Сама река вырыла глубокое, метров в пятьдесят, ущелье. Для всадника оно непроходимо. В Петровское попадаешь по железному мосту через реку. Из Ставрополя через Петровское идет железная дорога на север в Дивное и из Петровского ветка на восток на Благодарное.

Дивизия осталась в Константиновке, а батарею под начальством полковника Шафрова послали к Петровскому произвести демонстрацию. С нами было двадцать девять казаков Корниловского полка как прикрытие. Дивизия Улагая наступала на плоскогорье, и наша батарея должна была отвлечь внимание красных.

Мы выступили поздно и подошли к Петровскому часов в пять вечера. Противника мы нигде не встретили. На плоскогорье, к северу от Петровского, шел бой, лопались шрапнели, и казалось, что бой двигается вправо, то есть Улагай наступает. Посланный в Петровское разъезд не обнаружил красных. Мы стояли в степи перед мостом.

— Что нам делать? — сказал полковник Шафров. — Начинает смеркаться, и пошел снег. Мне вовсе не улыбается идти двадцать четыре версты опять в Константиновку. Есть вероятность, что Улагай займет Петровское. Пойдемте туда его дожидаться и там проведем ночь.

Удивительно, что никто из наших опытных капитанов не протестовал против такого легкомыслия.

Мы перешли мост и по узкой кривой улице вышли на площадь. Мы поставили орудия на площади, распрягли лошадей, увели их в конюшни и заняли дома вокруг площади. Конюшни же не выходили на площадь, а на улицу за площадью. В общем, расположились, как у себя дома, без всякого охранения, конечно. Правда, лошадей не расседывали.

- Мне эта авантюра вовсе не нравится, — сказал мне брат.
- Почему?

- У нас только один выход — узкая кривая улица и мост. Достаточно красным занять мост десятком стрелков — и мы попались, как в мышеловке. Река непроходима даже для пешего. Наши двадцать девять казаков не смогут ничего сделать.

- Но вся дивизия Улагая, которая придет?

- Откуда ты это знаешь, что она придет? Это только предположение Шафрова.

Наши разведчики расположились в просторном доме и, благо в доме было тепло, сняли рубашки и при свете каганца стали уничтожать вшей, которые на войне всегда есть.

Дверь отворилась и появилась заснеженная фигура в бурке и папахе. Очевидно, квартирьер Улагая. Мы были оголены по пояс.

- Вы какой части? — спросил он.
- Батарея.
- Этот дом назначен для штаба дивизии. Вы должны очистить дом.
- Мы его заняли, мы в нем и останемся.
- Это мы еще увидим, — сказал он выходя. — Приказано встать по прежним квартирам.

И он исчез.

Мы смотрели друг на друга с раскрытыми ртами.

— Это вовсе не Улагай, а красные, раз они занимают прежние квартиры.

Мы стали поспешно одеваться и послали предупредить Шафрова.

Командир батареи приказал: собраться к орудиям, ведя лошадей в поводу. Не курить, не разговаривать, не отвечать на вопросы.

— Мышеловка, — подумал я.

Собрав вещи, бросился в конюшню. Она выходила на другую улицу. Чтобы попасть на площадь, нужно было пройти две улицы. Я привязал повод Ваньки узлом, и он, дергая за повод, затянул мокрые ремни узла, — я никак не мог развязать узел. Товарищи мои взяли лошадей и ушли, а я все бился с узлом. Никогда больше не завязывал поводья, а накидывал петлей на что-нибудь. Наконец, испуганный наступившей тишиной, я вспомнил о перочинном ноже в кармане и перерезал поводья. Я повел Ваньку на сборный пункт.

- Проклятая мышеловка, — подумал я. — Слава Богу, что темно и идет снег, — можно пройти незаметно.

Вдруг сердце мое скакнуло. На углу вырисовывались три силуэта конных. Мне нужно пройти мимо них.

Наши? Красные?.. Это красные. Они курят и громко разговаривают. Что делать? Только не останавливаться и не вызывать у них подозрения.

Сердце билось во всеуслышание. Но я продолжал идти не спеша, прижимаясь к угловому дому. Карабин был за спиной. Заряжен ли он? Конные не обратили на меня внимания, и я уже думал, что мне удастся пройти незамеченным, но Ванька, проходя, не мог не укунить одну из лошадей. Раздались ругательства.

— Надо убить такого коня да владельца вместе с ним. Ты не можешь смотреть за своей лошадей! Сволочь...

В ужасе я втянул голову и прибавил шаг. Когда отошли, я сказал тихо Ваньке:

- Ты хоть герой, но дурак. Из-за тебя чуть не влип. Наконец площадь. Молчаливая группа — наши. Орудия уже запряжены.

— Проверьте, все ли тут, — говорит Шафров вполголоса.

- Все в сборе.
- В поводу. Шагом марш. Казаки идут сзади.

Идущая в поводу батарея меньше привлекает внимания, Мы пошли к мосту. Вошли в изгибы улицы. Несколько выстрелов сзади, потом тишина. Мы прибавили шаг. Мы узнали потом, что казаки решили использовать ситуацию. Они подходили к отдельным всадникам и просили прикурить. Когда всадник наклонялся, его стягивали с седла и пыряли кинжалом. Одному удалось вырваться, что вызвало выстрелы. Красные, не подозревая нашей малочисленности, не решились нас преследовать в темноте. У моста стоял уже красный часовой.

— Какой части? — спросил он.
Молчание.

- Я вас спрашиваю, какой вы части? Никто не ответил.

— Язык у вас отнялся, или вы оглохли?

Вдруг он догадался. Он пытался отступить, но за ним был обрыв. Он весь съезжился и замолк. Мы перешли мост.

— Стой. Садись. Рысью марш!

Какая радость оказаться вновь в степи, на просторе. Вышли из мышеловки!

Мы пошли в Константиновку.

ТРЕВОГА ЗА БРАТА

Поздно ночью подошли к Константиновке. Тут снега не было, а была гололедица. Светила луна. Мы увидели гусей в поле и решили захватить одного для еды. Несколько человек отделились от колонны, окружили гусей и зарубили

двух. Колонна уже исчезла в селе. Мы крупной рысью пошли догонять батарею. Я догнал батарею и встал на свое место. Вдруг я услышал крик:

— Лошадь поручика Мамонтова (брат был поручиком, а я еще прапорщиком).

Я выехал туда, где кричали, и вижу тяжело дышащего Рыцаря, со съехавшим седлом и оборванным поводом. Я поправил седло, взял Рыцаря и поехал назад искать брата.

Очевидно, он упал. Почему?

Доехав до того места, где мы ловили гусей, никого не встретил. Вернулся на квартиру — брата нет. Очень обеспокоенный, я поставил Рыцаря и Ваньку в конюшню и пошел пешком опять по дороге, стуча во все дома и спрашивая, не видали ли офицера. Никто ничего не знал. Я волновался все больше.

В это время из-за туч вышла луна и осветила разорванный сапог на дороге — сапог брата. Я стал внимательно осматривать дорогу и нашел гуся и несколько предметов из карманов брата.

Тут он свалился и, вероятно, сильно расшибся, раз он оставил даже сапог.

Не произошло ли на него нападение? Что делать? Пойду на квартиру и попрошу кого-нибудь идти со мной обыскивать ближайшие дома.

Тревога сжала сердце. Я стал горячо молиться. Единственно гусь меня несколько успокаивал. Если бы брата застрелили и унесли, то унесли бы, конечно, и гуся.

Я пришел на квартиру и, о радость, нашел брата. Вот что произошло.

Он шел крупной рысью, и на повороте, на гололедице, Рыцарь поскользнулся и упал, сейчас же вскочил, но нога брата осталась в стремени. Рыцарь испугался, поскакал и проволок брата саженой десять. К счастью, сапог был плохой, разорвался и освободил ногу брата. Брат был так избит о мерзлую землю, что едва пришел в себя, влез в проезжавшую повозку и доехал до квартиры. Три дня он едва мог двигаться.

НАПАДЕНИЕ

Мы стояли два дня в Константиновке. Наши офицеры играли в карты и редко выходили наружу. Брат вследствие падения плохо двигался, и я кормил Ваньку и Рыцаря да за компанию и других лошадей и часто проводил время в конюшне. На третий день я поил в конюшне лошадей, когда услышал выстрел, еще и еще. Я вышел на двор, и около меня цыкнула пуля. На краю плоскогорья стояла цепь, очевидно, красные. Стрельба усилилась. Мешкать было нельзя. Я оседлал всех лошадей, проклиная наших в хате, ничего не слышащих. Потом вихрем ворвался в хату.

- Красные!

Все вскочили, стали спешно одеваться и собирать вещи. Очень обрадовались, увидя оседланных уже лошадей. Стреляли уже по всему селу. Мы бросились в парк. Ездовые запрягали. Дивизия скорей выкатилась, чем вышла из Константиновки. Штаб Врангеля выскочил полуодетым. Несколько казаков попались в плен. Когда назавтра мы снова заняли Константиновку, то нашли их изуродованные трупы. Это очень озлобило людей и пленных расстреляли.

ИСПУГ

Меня как разведчика послали однажды ночью из Петровского в Донскую Балку, где стоял наш взвод, с донесением. Очень неприятно. Ночь темная, дороги не знаю, и она идет под обрывом, занятым наверху красными. Фронта никакого нет и могут быть разъезды. Я мобилизовал местного жителя с повозкой, прицепил Ваньку сзади и сам лег на сено в повозке с карабином в руках, напряженно приглядываясь и прислушиваясь к темноте. Как я заснул, сам не знаю. Проснулся я оттого, что повозка остановилась и чиркнувшая спичка осветила трех склонившихся надо мной всадников. Кровь ударила мне в голову, схватив карабин, я вихрем скатился с повозки и юркнул в кусты. Только там я совсем проснулся и с запозданием осознал, что спичка осветила погоны на их плечах.

- Черт вас дери, как вы меня напугали, — крикнул я робко из кустов, — я уж думал, что вы красные.
- Ха-ха. Мы и сами напугались, когда ты с карабином сиганул в кусты.

Слава Богу, это был наш разъезд. Больше я не засыпал и был рад-радешенек приехать в наш взвод.

ПЛОСКОГОРЬЕ

Петровское плоскогорье нас задержало на некоторое время. Обрывы были очень круты — от 400 до 600 метров высоты. Красная пехота могла легко их защищать, а нашей коннице было трудно туда взобраться. Кроме того, места, где можно было подняться, то есть где были тропинки, были редки и хорошо охранялись красными.

Все наши полки полезли наверх. Батарея лезла вслед за полками. Тропа была крута и извилиста. Упряжные лошади дымились от пота. Номера должны были все время напирать на колеса, чтобы продвинуть орудие в особенно крутых местах. Даже мне, коноводу, было трудно вести лошадей по тропе. Наконец мы достигли плоского верха и сели на коней. Но полки отступали и пули летели роями.

— Что вы тут делаете? — крикнул нам полковник Топорков. — Проваливайте, и живо.

Если это говорил Топорков, ему можно было верить. Он не был паникером. Очевидно, положение было пиковое. Мы затормозили наглухо колеса орудий и спустились на рысях, чуть не опрокинув пушки.

Когда достигли низа, прискакал казак на взмыленной лошади.

— Приказ полковника Топоркова. Батарея, поднимайтесь поскорей. Положение восстановлено. Полковник требует вас немедленно.

Поворчали и снова полезли наверх. Но только мы вылезли на плоское, нас окатил красный пулемет. Полковник Топорков как раз начал спускаться.

- Поздно... Нужно было подняться раньше. Теперь уходите, если не хотите потерять орудий.

Мы опять скатились вниз. Несколько красных стрелков добежали до края обрыва и посылали нам пули, когда зигзаг тропы был им виден. У нас ранило двух лошадей. Вероятно, подъем длился около часа, а спуск 20 минут или меньше. Под вечер прискакал казак.

— Батарея... Приказ полковника...
Опять!

Но командир батареи наотрез отказался лезть наверх. Мы встали на холм внизу и посылали наши гранаты через гребень обрыва наверх вслепую. Казаки потом говорили, что наши снаряды иногда ложились там, где надо.

Плоскогорье нам занять на этот раз не удалось. На обрыве оставались красные.

ПОЗИЦИИ

Батарея стреляла почти всегда с открытой позиции. В Северо-Кавказских степях, совершенно плоских, очень трудно найти закрытую от глаз противника позицию. Практика показала, что при маневренной войне некогда искать закрытых позиций, а нужно действовать быстрее, чем противник.

Выкатывались на позицию на виду у противника, снимались с передков под свист пуль, подравнивали орудия на глаз и скорей открывали огонь. Тогда стрельба противника как по волшебству смолкала, и красные бежали, потому что очень трудно вынести огонь батареи, которая в тебя стреляет в упор. Это холодит кровь и связывает все движения. Не до стрельбы, а как бы поскорей убраться. Красные батареи стреляли плохо, очевидно, без офицеров. Это давало нам возможность рисковать.

Стреляли и с закрытых позиций и даже проводили телефон, но это было редко, когда не спешили. Нормально же командир находился рядом с батареей и давал команды голосом. Стреляли ведь с малых дистанций (хорошая видимость), никогда не превышавших трех верст, а чаще много меньше. Мы установили, что

стрельба картечью дает самые лучшие результаты и в смысле поражаемости, и в смысле психологическом. Параллельного веера никогда не строили.

СПИЦЕВКА

С тех пор как генерал Врангель принял командование Кубанским конным корпусом, его успехи превратились в триумфальный марш. Но справа от нас у нашей пехоты была неудача. Красные собрали значительные силы и нанесли удар с востока в направлении на Ставрополь. Они отбросили нашу пехоту у сел Спицевка и Сергеевка, угрожали Ставрополю и вышли в тыл нашего корпуса. Положение было очень серьезное.

Врангель реагировал быстро и решительно, как всегда. Он просто снял свой корпус с петровского направления, шел всю ночь, наутро ударил неожиданно во фланг прорвавшимся красным, уничтожил их и на следующий день вернулся на свои старые позиции, раньше чем красные собрались что-нибудь предпринять.

Петровское. В пять часов пополудни нам объявили:

— Завтра дневка — ни боев, ни походов. Отдыхайте.

Это нас обрадовало, потому что каждый день были и бои и походы. Поручик Коренев и я пошли в поле, поймали барана и отдали его хозяйке жарить. Я отдал белье стирать. Но в девять часов вечера новый приказ:

— Седлать, заамуничивать. Выступаем через 15 минут.

Вот тебе и отдых! Забрали недожаренного барана. Я засунул в сумы седла мокрое белье. Бог знает, когда и где оно теперь высохнет. Наступила ночь. Впоследствии мы узнали, что это сделали нарочно, чтобы обмануть красных. Хитрость удалась. Предупрежденные своими агентами о нашей дневке, красные решили тоже отдохнуть. Когда же на следующий день они узнали о нашем исчезновении, опасаясь засады, они ничего не предприняли. А послезавтра мы были снова на местах с вестью об одержанной большой победе.

Мы шли впотьмах всю ночь, часто рысью, не зная, куда мы идем. Перед рассветом мы остановились в неглубокой балке. За ночь мы проделали шестьдесят верст.

“Не курить и не разговаривать!” — это значило, что красные под боком.

Стало светать и мы с изумлением увидели шагах в трехстах от нас разгуливающих по гребню красных пехотинцев. В ложбине, где мы находились, было еще темно, и они нас не видели. Но посветлело и раздались отдельные выстрелы.

— По коням. Садись. Шагом марш!

И несколько колонн конницы стали молча, не отвечая на выстрелы, подниматься на бугры. Огонь усилился, потом смолк. Мы не отвечали, а молча двигались. Это неожиданное появление на их фланге масс конницы вызвало у красных панику. Красные побежали. Мы перешли на рысь.

В нашем корпусе было восемь, а может быть, и все десять полков. Считая по 500 шашек на полк, это составляло от 4000 до 5000 шашек, не считая батарей. Это очень внушительная сила. А главное, полная неожиданность.

Мы поднимались на холмы за первым Линейным полком, пятым в нашей дивизии. В этом полку казаки носят красные башлыки. А так как казаки справляются на службу сами, то не было ни одного одинакового красного цвета, от малинового до ярко-красного. На черных бурках и на фоне белого снега — это была картина незабываемая, освещенная восходящим солнцем. После стольких лет, стоит только закрыть глаза, и я ее снова вижу.

Мы все шли вперед, не останавливаясь и не обращая внимания ни на сдающихся, ни на обозы. Сдавались все кругом. Мы почти не встречали сопротивления. А где встречали, там с радостью разбивали сопротивление в несколько минут и шли дальше. Приходилось проходить полями, сплошь утыканными винтовками, штыками в землю. Никогда такого количества видеть больше не приходилось. На пленных не обращали внимания, гнались за бегущими. Сдавшихся было даже чересчур много — это становилось опасно. Но психологическая победа была так сильна, что она отняла у них всякую инициативу.

Пройдя восемнадцать верст, большей частью рысью, мы оказались перед невысокой, но крутой цепью холмов. Какая позиция для красных! Здесь под холмами скучились остатки красных дивизий. Они бежали эти восемнадцать верст и, чтобы уйти от нас, должны были перевалить через холмы. Но сил и дыхания у них больше не было. Тут-то разыгралась главная атака всего корпуса. Атака целого корпуса неопишима, надо ее пережить. Мурашки бегают по спине от восторга. Земля дрожит от топота копыт.

Батарея, охваченная общим энтузиазмом, скакала к красным, не отдавая себе отчета, что она там будет делать. Просто пришли в телячий восторг.

Вдруг мы увидели четырехорудийную красную конную батарею. Она шла рысью, стараясь обогнуть холмы слева и уйти от нас.

— Поймать мне эту батарею! — завопил полковник Шапиловский.

Всякая осторожность была забыта. Номера и разведчики кинулись вскачь за батареей. Несколько казаков поскакали ей наперерез. Красная батарея шла теперь карьером. Первому орудью и номерам второго удалось улизнуть, но казаки остановили три других орудия, и мы с торжеством привели их с номерами к нашей батарее. Дали им офицеров, и так они за нами и ездили.

Очень мало кому из красных удалось уйти. Разгром был полный. Несколько красных дивизий перестали существовать.

Наши полки рассыпались и сгоняли пленных, как баранов. Повозки собирали винтовки. Бой был кончен.

Мы пошли в село Сергеевку ночевать. Заперли наших пленных артиллеристов в сарай. Слишком усталые, чтобы их сторожить, мы им посоветовали не двигаться, не то... Они и не двинулись.

Страшно усталые, после похода и боя, мы заснули как убитые. Но я все же проснулся по привычке. Надо было накормить Ваньку. Бедняга не ел со вчерашнего дня, а работать пришлось на совесть. После недолгой борьбы со сном я встал и вышел на улицу. Невольно подался назад: вся широченная улица была полна красной пехотой.

— Ах да. Это же пленные.

У стены нашей хаты стоял прислонившись казак и дремал, держа винтовку.

- Что это такое?
- Да пленные.
- Ты что же, их стережешь?

- Как их устережешь? Их ведь тысячи... Но их так пужнули, что они теперь тихие стали... Ничего.

Утром корпус пошел обратно в Петровское. Между полками шли громадные четырехугольные колонны пленных, думаю по тысяче человек. Шел полк, колонна пленных, опять полк, опять пленные и так далее. Когда полки переходили на рысь, то пленные бежали бегом. Нужно было торопиться вернуться в Петровское. Думаю, что пленных было пять-шесть тысяч человек, а то и больше. Впервые пленных не расстреливали, а послали в тыл и из них сформировали белые полки, которые сражались вполне прилично.

По дороге полки остановились и построились в широкое каре. Рядом с нашими четырьмя орудиями построились три красные пушки, которые мы все возили с собой. В каре галопом вошел генерал Врангель. Он осадил своего чудесного коня, снял папаху и зычным голосом крикнул:

— Спасибо, орлы!

Громовое “ура” было ему ответом.

Передний ездовой красного орудия тоже сорвал папаху и вопил “ура”. Был ли он захвачен грандиозностью картины или хотел подлизаться? Кто его знает? Считаю, что под Спицевкой Врангель одержал одну из самых значительных

побед на Северном Кавказе. После Спицевки красные больше не пробовали проявлять инициативы и очистили Терек. Мы же перешли в Манычские степи.

Спицевка была одним из редких боев, когда я вовсе не испытывал страха.

КАВАЛЕРИЙСКИЕ НАЧАЛЬНИКИ

В кавалерии все зависит от начальника. Хороший начальник достигнет успеха даже с посредственной частью, а плохой ничего не добьется с прекрасными полками. Берусь об этом судить, потому что пришлось служить и с хорошими, и с плохими.

Хорошие начальники редки. К началу первой мировой войны в России была самая лучшая и самая многочисленная кавалерия, а среди высших начальников хороших не нашлось, и наша чудная кавалерия осталась неиспользованной. Конечно, были славные дела, но не выше дивизии. То есть среди младших начальников были и хорошие, но ходу им не давали.

У хорошего начальника какое-то чутье, он разбирается в обстановке и в настроении войск, он способен принять быстро решение.

В нашей 1-й Кубанской дивизии были три прекрасных начальника: Врангель, Топорков и Бабиев. К этим трем могу прибавить генерала Барбовича, начальника регулярной кавалерии, и донца генерала Мамонтова (однофамилец), прошедшего рейд на Тамбов по красным тылам. Из этих пяти я имел честь служить под командой первых четырех. Какая радость служить под начальством хорошего и тоска служить у плохого.

Каждый полк и штаб дивизии имел свой значок, и на плоских степях Северного Кавказа их было издали видно. Этим очень облегчалась служба связи. Надо было только оглядеться, чтобы знать, где находится часть, которую ты ищешь.

У Екатеринодарского был голубой флаг, у Корниловцев красно-черный. У нас были Владимирские цвета: черно-красно-черный. Другие запомнил.

МАНЫЧСКИЕ СТЕПИ

Наконец мы поднялись на плоскогорье. Красные нам не мешали, видимо, их оттеснила дивизия Улагая. Батарея то находилась в Овощах, то переходила в Казалук. Боев вовсе не было. Было так тихо, что мы стали опасаться ночного внезапного нападения — не привыкли мы к тишине. Но нападений не было.

Тут много баранов, и в Казалуке умеют выделывать их шкуры в белый цвет. Почти вся батарея заказала себе белые полушубки. Это было красиво, немного как рынды. Я тоже заказал полушубок. Когда я пришел за ним и заплатил портному деньги, он схватил мою руку и потряс.

— Вы единственный, который мне заплатил. Другие берут и уходят.

Я был очень сконфужен за моих товарищей.

Здесь мы узнали, что немцы покидают Украину и нужно ее занять раньше красных. Но казаки, упоенные легкими успехами, думали, что они окончательно освободились от большевиков, и отказались идти на Украину. Это нас очень подвело и уменьшило нашу численность. Жаль было покинуть дивизию, мы к ней привыкли. Они нас тоже жалели. Потом нам пришлось еще работать вместе.

Мы пошли на юг, на какую-то маленькую станцию. Утром увидели мельницу, но дошли до нее только вечером — так плоски там степи, как бильярд. Было холодно, но снегу не было. Был декабрь 1918 года. Грузились в поезд вместе со 2-м конным офицерским Дроздовским полком. Поехали через Ставрополь, Кавказскую, Тихорецкую, на Ростов и дальше на Украину. Первый этап войны на Северном Кавказе для нас окончился, наступил второй.

КАРАБИН

Карабин свой я достал в Черномлыцкой, там же, где получил Ваньку. Карабин сопровождал меня во все время гражданской войны и даже доехал до Галлиполи. Я зашел в обоз за сапогами, которые отдал в починку. Получив починенные сапоги, я спросил солдата-сапожника, сколько я ему должен. Он засмеялся и сказал, что обоз делает починку для батареи даром. Я дал ему что-то на чай, и он остался, видимо, доволен. Уже уходя, я увидел в углу артиллерийский короткий карабин, которые очень ценились и не мешали в походе.

- Чей это карабин?
- Мой, — ответил сапожник.
- Продайте мне его.

- Оружие не продается.

Мы были на Кавказе, где покупка оружия считается срамом. Его получают, воруют, достают у врага, но не покупают.

— Тогда одолжите мне его. Я еду в батарею, и у меня нет никакого оружия. Там, на фронте, я что-нибудь себе раздобуду и карабин вам отдам.

- Это можно, — и сапожник протянул его мне.

С тех пор карабин со мной не расставался. Впрочем, вру — дважды я его терял и он каким-то сверхъестественным образом ко мне возвращался. Через некоторое время я, скрепя сердце, решил отдать карабин владельцу. Но придя в обоз, узнал, что владелец-сапожник умер от тифа. Я стал законным владельцем карабина.

Под Харьковом мы ходили по тылам. Красные загнали нас в болото. Мне пришлось бросить оружейный ящик. Мы отпрягли лошадей, и я не подумал, что

на ящике привязаны мои вещи, шинель и карабин. Шинель и вещи пропали, а вот карабин вернулся. Несколько дней спустя мимо нас шел полк. Вдруг я бросился к одному всаднику. Я узнал свой карабин. Странно ведь, что я узнал его между стольких одинаковых, и еще странней, что всадник отдал мне его без спора. Как тут не верить в чудо.

Когда в северной Таврии мы расставались с братом, то я настоял на том, чтобы он взял карабин. Я оставался на фронте, а брат уезжал в обоз. Карабин, пожалуй, был бы мне нужней. Но я знал его магическое свойство ко мне возвращаться и надеялся, что он мне приведет и брата с собой. Время было тревожное — перед эвакуацией из Крыма.

Поручик Абрамов передал мне карабин в Галлиполи.

- Как он попал к вам?
- В Феодосии на пристани была толкотня. Ваш брат дал мне его подержать и стал пытаться влезть на пароход. Толпа нас разъединила. Но я видел, что он влез на пароход.

Я рассердился на карабин за то, что он не привез ко мне брата, и решил его наказать — продать туркам. Турки охотно покупали оружие, Кемаль-паша был поблизости. Мы почти сторговались, вдруг турки разбежались, и карабин опять остался у меня в руках. К нам подходили греческие жандармы. Но нас было несколько и мы были вооружены, жандармы прошли мимо.

Я оставил карабин в батарее в Галлиполи.

На войне становишься суеверным. Суеверие, по-моему, та же вера, но древняя, языческая.

У меня с судьбой установился “договор”. Меня не убьют и не ранят, если я не буду делать подлостей и убивать напрасно. Можно было убивать для защиты и при стрельбе из орудий. Это убийством не считалось. Но не расстреливать и не убивать бегущих. Я никогда никого не убил самолично, и верно — я не был ранен и даже лошадь подо мной никогда ранена не была. Страх, конечно, я испытывал, такова уж человеческая природа. Но когда я вспоминал о “договоре”, то мне казалось, что пули перестают цыкать около меня. В общем за себя я не очень боялся, а за брата очень. Часто становился между красными и братом, чтобы прикрыть его моим “договором”. Было какое-то предчувствие. После сильной передрыги всегда искал светлый контур Рыцаря и на нем брата и вздыхал с облегчением: “Слава тебе Господи. Жив!” А заговаривал о какой-нибудь мелочи.

Когда карабин вернулся ко мне в Галлиполи, я понял, что брат умер. Всеми неправдами, с чужим удостоверением, попал в Константинополь и искал брата

во всех громадных французских госпиталях. Безуспешно. В отчетностях и в палатах царил чисто французский кавардак.

В полном отчаянии шел по Пере. Навстречу французская сестра милосердия. Спрашиваю, не знает ли случайно?

— Ах, тысячи больных русских. Как можно их запомнить?

Я поник головой. Очевидно, она сжалилась и спросила, как фамилия. Я сказал.

— Мамонтов? Он умер у меня на руках.

Как же не верить в чудо? Французская сестра милосердия помогла мне найти могилу брата.

ПРОТИВ МАХНО НА УКРАИНЕ

НА УКРАИНУ

С Северного Кавказа нас поездом перебросили на Украину. На вокзале в Ростове я с радостью встретил своего отделенного офицера из Училища, капитана Жагмена. Он меня узнал и вспомнил, но был нерадостен. Устроиться одному было просто, а у него была семья.

Был декабрь 1918 года, снегу не было, часто шел дождь, были туманы, но было не холодно.

Немцы уходили с Украины, большевики шли с севера. Надо было занять как можно большую территорию до их прихода. Казаки отказались идти воевать на Украину, поэтому у нас было мало сил, а занять хотели Крым, Таврию и Каменноугольный район.

Силы нашего отряда состояли из трех рот Дроздовского пехотного полка, из четырех эскадронов 2-го офицерского конного Дроздовского полка и нашей батареи. В районе, куда мы шли, возникло движение Махно. Называл он себя анархистом, но был просто разбойником. Жил весело и пьяно и пользовался у крестьян большим успехом. Фактически все крестьяне были махновцами и принимали участие в боях. Когда же дело оборачивалось для них плохо, они разбегались, прятали оружие и превращались в мирных обывателей. Поэтому борьба с ними была трудна. Махно выдумал лозунг: “Бей жидов, спасай Россию”. Но никого он не спасал, а жил разгульно, в свое удовольствие.

Нас высадили в большом селе Волновахе, и мы пошли походом вдоль железной дороги на Токмак. Дошли до Цареконстантиновки, не встречая сопротивления, но чувствуя присутствие махновцев всюду. Нельзя было отделиться от колонны. Махновцы нападали на одиночных.

Наша тактика состояла в постоянном движении. Этим достигалось несколько целей: облегчался постой на квартирах, хозяевам мы были не в тягость. Напасть

на нас было трудно, потому что мы внезапно уходили, а собраться махновцам было опасно — а вдруг мы, как на зло, появимся.

Наш обоз подвергся нападению из-за того, что долго стоял на одном месте. Поручик Игнатович, начальник обоза, храбро защищался и был убит. Другой же офицер струсил и сдался. Его труп был найден в прессе для сена.

В Цареконстантиновке начиналось сплошное селение на десятки верст. Деревни не отделялись друг от друга. Помню Конские Раздоры, другие названия забыл. Кончалось это населенное место небольшим городком Пологи, а дальше, верстах в двадцати, было село Гуляй-Поле, родина самого Махно.

Тут впервые мы познакомились с обрезам. У винтовки обрезали ствол и ложе. Получался громадный пистолет, который стрелял неточно, но который было легко спрятать под полушубок. Иногда свистела самодельная пуля, попадали они редко, но наносили страшные раны. И у нас и у махновцев был недостаток в патронах, что было скорей преимущество для нас, потому что махновцев было много.

ГАЙЧУЛ

Нас, троих разведчиков, забыли. Батарея ушла, не предупредив нас. Было очень холодно, и мы избегали выходить наружу. Выйдя навестить лошадей, я увидел, что соседние дворы пусты — лошадей не было.

- Куда подевались наши? — спросил я хозяйку.
- Они ушли рано утром.

Махновцы могли напасть на нас каждое мгновение. Мы поспешно поседлали и пошли шагом по деревне, по следам батареи. Брат взял у меня карабин. Он, как пехотный офицер, умел лучше меня обращаться с винтовкой. Мы сохраняли беззаботный вид и избегали спрашивать, куда пошли наши. Шли шагом. Но выйдя из деревни, пошли рысью. Был снег и следы колонны были хорошо видны. Ванька кусал мне коленку, он был чем-то недоволен, но времени не было доискиваться. Наконец мы услышали орудийный выстрел и пошли туда. У села Гайчул мы наконец присоединились к батарее.

Наши вели бой с махновцами, впервые оказавшими открытое сопротивление. Наши стояли с ближней стороны на холмах, махновцы медленно отступали с другой стороны. Внизу лежало село, жители ушли с махновцами. Велась редкая стрельба из-за недостатка патронов.

Я вспомнил о недовольстве Ваньки и расседлал его. О, ужас. При поспешной седловке потник дал складку, и я Ваньке набил холку. Позор для всадника. Теперь его нельзя седлать в течение трех недель. На чем я буду ездить? Надо достать другую лошадь. Как?

В село спустился наш разъезд. Я к нему присоединился. На главной площади я от него отделился и стал осматривать конюшни дворов. Вооружен я был шашкой и плетью. Карабин остался у брата. Село казалось вымершим. Никого. Я широко распахнул ворота, нацепил на них повод Ваньки, обнажил шашку и постучал в дверь дома. Молчание. Грозным голосом, чтобы придать самому себе храбрости:

- Кто тут? Выходи!

Никакого ответа. Ударом сапога выбил дверь и быстро осмотрел внутренность дома. Никого. Тогда побежал на конюшню. Но там были одни клячи. Я выбрал наименее худшую и потащил за собой. Осмотрев несколько конюшень, я набрал трех кляч, одна другой хуже. Понятно, жители уехали на лучших лошадях.

Наконец в очень узкой конюшне я обнаружил красавца, молодого каракового жеребца. Сейчас же распустил кляч и напутствовал их ударами нагайки, чтобы они разбежались по своим конюшням. Я прицепил повод Ваньки к колодцу и вошел в конюшню, посвистывая и разговаривая с жеребцом. Я старался пройти к его голове, чтобы отвязать его, но опасался его крупа — не ударил бы. Жеребец был явно рад появлению человека. Он дрожал при каждом орудийном выстреле. Мне удалось проскользнуть мимо крупа, но тут жеребец прижался ко мне и взял меня в плен, зажав между собой и стеной. Глупейшее положение, двинуться не могу. Я стал колоть его в живот рукояткой плети. Это подействовало, и я смог пройти к голове. Похлопывая его по шее и разговаривая с ним, я отвязал его и даже повернул в очень узкой конюшне.

В этот момент появился в дверях Ванька, отцепившийся от колодца. Жеребцы обнюхали друг друга, и тут началось столпотворение Вавилонское, то есть очень опасная для меня драка. Жеребцы заржали, а скорее, завизжали, и пошло, и пошло. Я забился в угол, прикрыл голову рукой, а другой стегал нагайкой, кого придется. Их копыта мелькали перед моим лицом, и иногда я ощущал жестокие удары, мне не предназначенные. К счастью, на мне были полушубок и заячья папаха, которые смягчали удары. Наконец жеребцы выкатились во двор. Я стал было себя ощупывать, не повреждены ли кости, но шум драки заставил меня тоже выскочить. Жеребец сидел на Ваньке и впился зубами ему в холку, Ванька же кусал его ногу.

Чего доброго, он загрызет Ваньку и сам удерет. Тогда я останусь совсем без лошади.

Забежав с другой стороны, я пришел на помощь Ваньке, лупя изо всех сил жеребца нагайкой по морде. Он не сразу отпустил, но в конце концов мне удалось их разнять. Жеребец ускакал на улицу. Ванька и я, оба порядочно избитые, последовали за ним на улицу. Я увидел жеребца в конце улицы. Он стоял и, видимо, не знал, что предпринять. Хорош. Я посвистел. Он наострил уши и тотчас же поскакал к нам. Мне пришлось встать перед Ванькой и

отогнать его нагайкой, чтобы они опять не сцепились. Он ускакал. Таким образом, то подсвистывая его, то угоняя, я пошел к площади.

Вдруг откуда ни возьмись появился один из наших офицеров (уж не грабил ли он пустые дома?). Я попросил его подержать Ваньку и сам попытался словить жеребца. Но не тут-то было. Он от меня увильнул и набросился на Ваньку. Офицер бросил мне повод Ваньки.

— Я не тореадор, не ковбой и не осел, чтобы дать себя убить этим проклятым жеребцам. Делай, как знаешь.

И ушел.

На площадь выходила наша колонна и тотчас же несколько кавалеристов бросились ловить жеребца, несмотря на мои крики, что это моя лошадь. Но жеребец не дался. Когда прибыла батарея, то с помощью брата мы загнали его в батарею, и мне удалось схватить его оголовье. Но жеребец совершенно обалдел от вида стольких лошадей и стал крутиться, пятиться, ходить дыбом и расстроил всю батарею.

— Уберите эту лошадь, — заорал полковник Шапиловский, старший офицер батареи.

Сам полковник Колзаков командовал батареей редко. Брат посоветовал привязать жеребца к загородке церкви, идти на квартиры и вернуться за ним пешком.

Я поставил Ваньку в конюшню и пошел за жеребцом. Он был еще тут, и у меня было впечатление, что он меня узнал. Но вести его на нашу квартиру оказалось чрезвычайно трудно. Он шел три-четыре шага по земле и потом вставал на дыбы и нес меня по воздуху, потом опускался на землю, снова шел и снова дыбил. И так всю дорогу, без перерыва.

Когда лошадь, которую вы ведете в поводу, встает на дыбы, нужно повиснуть у нее на оголовье. Ей становится тяжело, и она возвращается на землю. Руки должны быть согнуты, а не вытянуты, иначе лошадь может поставить вам копыто на плечо и раздавить.

На квартире жеребец ни за что не хотел входить в сарай. Пришлось привязать его к повозке и вкатить ее вместе с ним. В этот день я его не поил и не дал ячменя, а только сено, чтобы он немного ослабел. На следующий день я его напоил и накормил и проводил время с ним, чтобы он ко мне привык, но он плохо принимал мои авансы.

На третий день решили его седлать. Его, конечно, никогда не седлали. Брат с двумя товарищами повисли на оголовье. Клиневский метал ему седло на спину. Я же с другой стороны должен был передать ему подпругу под животом

жеребца. Мы крутились по всему двору, седло каталось в пыли, но все же взнуздали, поседлали и вывели на дорогу. Наша хата была крайней у степи. Брат сел в седло.

— Раз, два, три. Пускай!

Мы отскочили, а жеребец прыгнул и помчался в облаке пыли. Вскоре он снова появился, мы бросились и вцепились в оголовье. Брат слез, я сел.

— Пускай!

Жеребец поскакал, а я его нахлестывал. Но я почувствовал, что он сдает. Я перевел его на рысь и стал с ним разговаривать. Он дрожал и был весь в мыле. Я перевел его на шаг, похлопал по шее. Он наострил уши. Он сдавался. Я стал ему объяснять значение повода. Вернулся я шагом, расседлал, протер соломой и хорошо накормил в этот вечер.

Чтобы хозяева его не узнали, я отрезал ему хвост и гриву. На гриве нужно оставить чуб на холке. Садясь в седло, нужно браться за чуб, а не за луку, чтобы седло не съехало. С укороченной гривой и хвостом жеребец очень подурнел. Назвал я его Гайчулом по названию села и речки.

Так я украл лошадь. Кража лошади не считалась предосудительным явлением. Интендантство ничего нам не давало, и у нас не было другого способа достать лошадь, тем более что мы находились в махновской местности, то есть во враждебной. Подковал я Гайчула много позднее, когда его характер был сломлен ежедневными походами, и только на передние ноги. У Гайчула были плохо сформированные широкие копыта.

Некоторое время я не мог следовать в рядах батареи, потому что Гайчул делал все, чтобы расстроить ряды. Полковник Шапиловский позволил мне идти сбоку от батареи. Тут я служил развлечением для батареи, потому что Гайчул давал козла, бил задом, вставал на дыбы, плясал. Поить его в реке было чистое мучение. Раз у меня захолонуло сердце — я вдруг увидел, что от постоянной борьбы оголовье истрепалось и держится буквально на нитке. Специальностью Гайчула было вставание на дыбы вертикально. Со стороны это картина, и неопасно, если всадник не растеряется. Нужно схватиться за гриву, отдать повод и бросить стремяна. Не думаю, чтобы лошадь опрокинулась сама, но можно ее опрокинуть, если натянуть повод, особенно с мундштуком.

Я хотел сохранить и Ваньку и сам его лечить, но это оказалось невозможным из-за драк между жеребцами. Я отдал его в обоз. Обоз был для того, чтобы вылечить лошадь и вернуть ее в батарею. Но в обозе был из рук вон плохой уход за лошадьми, и все попавшие туда лошади гибли. В обозе набиралось тридцать-сорок лошадей. При глубоком колодце поить их была трудная работа. И их плохо поили и совсем не кормили — давали солому или сено.

Расставаясь с Ванькой, я чувствовал тяжесть на сердце, он тоже был растроган. Несмотря на все его недостатки, он верно мне служил и мы сдружились. Больше я его не видел. Население постепенно вернулось в село, а мы пошли дальше.

Гайчул был довольно хорош, но не был резв. А главное, он был глуп — совершенно не понимал значения свиста пуль и разрывов снарядов. Все другие лошади прекрасно это понимали. Я так к нему и не привязался. Вскоре походы уходили Гайчула, и он утихомирился.

ГРАБЕЖ

Грабеж ужасная вещь, очень вредящая армии. Все армии мира всегда грабят в большей или меньшей мере. Это зависит от благосостояния армии и от способности начальников. Если начальник не умеет прекратить грабеж, то он закрывает глаза и упорно отрицает факт грабежа. Война развивает плохие инстинкты человека и обеспечивает ему безнаказанность. Особенно подвижная война — нынче здесь, а завтра там — где искать виновного?

Во время гражданской войны грабили все — и белые, и красные, и махновцы, и даже, при случае, само население.

Как-то в Юзовке, переходившей много раз от одних к другим, я разговорился с крестьянином.

- За кого вы, собственно, стоите?
- А ни за кого. Белые грабят, красные грабят и махновцы грабят. Как вы хотите, чтобы мы за кого-то были?

Он только забыл прибавить, что они и сами грабят. Рядом было разграбленное имение.

Высшее начальство не могло справиться с грабежом. Все солдаты, большинство офицеров и даже некоторые начальники при удобном случае грабили. Крайне редки были те, кто обладал твердой моралью и не участвовал в этом. Я не преувеличиваю. Мне пришлось наблюдать массовые грабежи в России, Европе и в Африке. При появлении безнаказанности громадное большинство людей превращается в преступников. Очень редки люди, остающиеся честными, даже если на углу нет больше полицейского. Уберите жандарма — и все окажутся дикарями. И это в культурных городах Европы, тем более в армии. То же население, страдавшее от грабежа, само грабило с упоением.

Недаром лозунг большевиков: “Грабь награбленное” имел такой успех и теперь им очень неудобен.

Я сам чуть не сделался бандитом. Спас меня брат. Вот как это было.

Некоторые офицеры, живущие на нашей квартире, исчезали ночью и возвращались с мешками.

- Возьмите меня с собой, мне хочется видеть это.
- Нет, ты нам все испортишь. Ты сентиментален, еще начнешь нам читать мораль. Для этого нужно быть твердым.
- Обещаю, что буду молчать.

И вот в одну ночь они согласились взять меня с собой.

— С условием, что ты будешь делать то же, что и мы, и возьмешь что-нибудь.

Мы пошли в далекий квартал, где не было расквартировано войск. Солдаты не дадут грабить их дом. Крестьяне это знают и не против постоя.

Выбив дверь ударом сапога, входим. Крестьяне трепещут.

- Деньги.
- Нет у нас денег. Откуда...
- А, по добру не хотите дать? Нужно тебя заставить?

Трясущимися руками крестьянин отдает деньги. Опрокидываем сундук, его содержимое рассыпается по полу. Роемся в барахле.

— Ты тоже должен взять.

Я колебался. Мне было противно. Но все же взял красный красивый шелковый платок. Вышита была роза. С одной стороны красная, с другой она же, но черная. Запомнился.

Мне противно описывать эти возмутительные сцены. Подумать только, что вся Россия годами подвергалась грабежам!

Но то, что творилось у меня в душе, было крайне любопытно. С одной стороны, я был глубоко возмущен и сдерживался, чтобы не вступить за несчастных. Но появилось и другое, скверное чувство, и оно постепенно усиливалось. Опьянение неограниченной властью. Эти бледные испуганные люди были в полной нашей власти. Можно делать с ними, что вам хочется. Эта власть опьяняет сильнее алкоголя. Если я пойду с ними еще раз, я сам сделаюсь бандитом, подумал я без всякого неудовольствия.

На следующий день брат зашел в хату, чтобы взять что-то из нашего маленького общего чемоданчика. Сверху лежал платок.

— Это что такое?

Я сильно покраснел.

— Понимаю... и тебе не стыдно?

Мне было очень стыдно, но я все же сказал:

- Все же это делают.
- Пусть другие делают, что им нравится, но не ты... Нет, не ты...

Он был уничтожен. Стоял не двигаясь и молча. Очень тихо:

— Ты вор?.. Грабитель? Нет, Сережа, прошу тебя, не надо... не надо...

- Я больше не буду, — сказал я тоже шепотом.
Вечером офицеры спросили меня:
- Ну как, пойдешь с нами?

Я ответил отрицательно. Они назвали меня мокрой курицей.

Я промолчал.

Грабеж в деревнях, спекуляция в городах причиняли нам немалый вред.

НАША ТАКТИКА

Наши силы, всего, вероятно, тысяча бойцов, были слишком незначительны, чтобы занять громадное, непрерывно протяженное селение — от Цареконстантиновки через Конские Раздоры и до Полог — на десятки верст. Тогда мы решили применить оригинальную тактику. Эти малые силы разделили на два отряда. Пехота и наши два орудия составили первый, а кавалерия и две другие пушки — второй отряд. Мы с братом попали во вторую группу как разведчики батареи. Тактика состояла в постоянном движении. Мы переходили с места на место, иногда далеко, не только в нами “занятые” села, но делая внезапные набеги на махновские села — Гайчул, Федоровка и даже Гуляй-Поле.

Тактика эта оказалась хорошей — она создавала у махновцев впечатление, что нас много — мы были всюду, — она держала махновцев в постоянном страхе нашего появления, не давала им сосредоточиться, и на нас было трудно напасть, потому что мы куда-то исчезали. Но конечно, это было утомительно. Система эта оказалась бы прекрасной, если бы командир второй группы был хорошим кавалерийским начальником. К сожалению, он им не был. Под начальством этого незадачливого командира прекрасный 2-й конный полк превратился в трусов и специалистов по грабежу, неспособных атаковать противника. При первом выстреле они бежали и кричали:

— Артиллерия, вперед!

Нормально как будто: кавалерия должна прикрывать пушки. Но мы не могли удирать так же быстро, как кавалеристы, и потому принуждены были стрелять. К счастью, махновцы, простые мужики, не выносили нашей картечи и бежали, в свою очередь. Тогда осторожно наши эскадроны возвращались, не для того чтобы атаковать и искрошить бегущих, а под защиту наших орудий.

ПЕРВАЯ ОПЕРАЦИЯ

В этом районе было столько переходов и стычек, что я невольно в них путаюсь. Расскажу только те, которые запомнились.

Нашей первой операцией было взятие громадного селения между двумя нашими группами. Пехота первой группы наступала вдоль железной дороги от Цареконстантиновки, а наша вторая группа должна была обойти селение по степи и взять его с тыла. Нам благоприятствовал туман, который скрыл наше обходное движение от глаз махновских дозорных. Когда туман рассеялся, мы оказались именно там, где хотели быть. Шагах в ста от нас полотно железной дороги в глубокой впадине, так что бронированный махновский поезд не мог нам вредить, и в полуверсте вокзал Полог, где слышались свистки и движение составов. То есть полная неожиданность нашего появления для махновцев.

Но громадное преимущество неожиданности было испорчено бесталанностью нашего начальника. Он все не мог решиться действовать. Мы стояли и ничего не делали. Это было впервые, что мы ходили с этим командиром, мы его еще не знали и ждали приказаний. Позднее мы действовали по собственному почину, без приказаний, которые он не умел отдавать. Всем было ясно, что нужно как можно скорей испортить железнодорожный путь, чтобы захватить махновский бронепоезд, который действовал против первой группы, потом обстрелять вокзал Полог и, если удастся, захватить Пологи. Так просто было посеять панику, а мы ничего не делали и время шло.

Я пошел к железной дороге. Крестьянин шел ко мне, делая знаки.

- В чем дело?
- Белые идут вон оттуда. — Он нас принял за махновцев.
- Проваливай и живей, болван! Ты не к тем попал, и это может тебе стоить жизни, идиот...

Он побежал в панике. В это время я увидел вдали бронепоезд, идущий к нам. Я побежал к орудиям.

— Скорей, бронепоезд идет.

Мы покатали пушку на край обрыва и, вероятно, успели бы, если бы не вмешался наш злополучный начальник.

— Что вы делаете?.. Кто приказал?.. Какой бронепоезд?.. Где он?.. Я ничего не вижу... Уверены ли вы, что он идет сюда?.. Хорошо ли вы его видели?..

Бронепоезд полным ходом прошел у наших ног. Мы плюнули от досады.

Наконец открыли огонь по вокзалу Полог, но слишком поздно, махновцы успели увести все паровозы. Махновцы нас атаковали. Эскадроны, по своему обыкновению, бежали с криком:

— Артиллерия, вперед!

Мы стреляли картечью, и махновцы побежали. Пологи были заняты не благодаря нашей доблести, а благодаря панике среди махновцев. Бронепоезд, конечно, ушел и потом часто нас беспокоил.

РАЗНОЕ

Еще раз нас, разведчиков, забыли. Батарея ушла, нас не предупредив. Куда? Где ее искать? Батарея ушла уже накануне, а мы в неведении спокойно спали. Мы пошли шагом по бесконечным селениям, чтобы не привлекать внимания махновцев. Нам очень повезло. Вдали мы увидели наши маленькие пушки и узнали некоторых лошадей. Мы очень обрадовались и пошли рысью к батарее. Когда я понял, что мы спасены, то вдруг у меня ноги сделались, как макароны, и мне пришлось вцепиться в гриву Гайчула, чтобы не упасть.

Первая группа действовала из Полог, а наша вторая из Конских Раздор.

Поручик Зырянов уезжая в отпуск. Он приехал как турист на батарею. Шальная пуля ударила на излете его в коленку и по кости поднялась в пах. Он умер в больших страданиях. Нужно ли испытывать судьбу?

С пулеметчиком поручиком Корольковым случилось вот что. Мы шли с ним рядом и разговаривали. Махновцы редко постреливали. Вдруг Корольков упал, потом встал на четвереньки.

— Я ранен в голову. Посмотрите где.

Я развязал его меховую шапку с наушниками, ожидая увидеть ужасную рану, но не увидел ничего. А на лбу масса крови. Тогда я его поставил на ноги — ничего, стоит. Странно, с пулей-то во лбу? Я отер кровь. Оказалось, пуля коснулась лба по касательной и полетела дальше. У него долго гудело в голове, а над ним смеялись, что пуля не смогла пробить его лоб.

Я ехал с донесением в село Гайчул. Лежал на сене в повозке, держал карабин и дремал. Мой жеребец был прицеплен за повозкой. Был вечер и темно. Вдруг повозка покинула дорогу и пошла влево. Я встрепенулся и поднялся, чтобы узнать в чем дело. Что-то большое качнулось надо мной. Гайчул взвился на дыбы и оборвал повод, а парень-возница захохотал.

Оказалось, что он свернул с дороги, проехал под виселицей и дернул повешенного за ноги.

Милые шутки!

Я бросился ловить Гайчула и только из-за этого не съездил возницу по морде. Кто был повешенный, не знаю. Суд был скорый.

В батарее было два пулемета на тачанках для прикрытия. Действовали они редко из-за недостатка патронов, но пулеметчики были хорошие: поручик Дервянченко и особенно юнкер Костя Унгерн-Штернберг, восемнадцати лет. Благодаря ему первая группа часто добивалась успеха.

Первая группа вышла из Полог в направлении Гуляй-Поля. Шел снег, колонна остановилась. Навстречу ей из снежной мглы шла какая-то колонна пехоты. Почему-то не послали разведки, предположив, что это наши. Почему? Откуда могла взяться наша пехота? Очевидно, их начальник был немногим лучше нашего. Все спокойно дожидались подхода той колонны, кроме Кости, который отъехал со своим пулеметом вбок, снял чехол и приготовил пулемет.

Когда махновцы подошли вплотную и началась стрельба, Костя выпустил две короткие очереди и все было кончено. Дорога кишела убитыми и ранеными, часть сдалась, часть бежала во все лопатки.

Прикончили раненых и расстреляли пленных. В гражданскую войну редко берут в плен с обеих сторон. С первого взгляда это кажется жестокостью. Но ни у нас, ни у махновцев не было ни лазаретов, ни докторов, ни медикаментов. Мы едва могли лечить (плохо) своих раненых. Что прикажете делать с пленными? У нас не было ни тюрем, ни бюджета для их содержания. Отпустить? Они же опять возьмутся за оружие. Самое простое был расстрел. Конечно, были ненависть и месть за изуродованные трупы наших. К счастью, артиллерия считается техническим родом оружия и освобождена от производства расстрела, чему я был очень рад. В войне есть одно правило: не замечать крови и слез.

Когда говорят о нарушении правил войны, мне смешно слушать. Война самая аморальная вещь, гражданская война — наипаче. Правила для аморализма? Можно калечить и убивать здоровых, а нельзя прикончить раненого? Где логика?

Рыцарские чувства на войне неприменимы. Это только пропаганда для дураков. Преступление и убийство становятся доблестью. Врага берут внезапно, ночью, с тыла, из засады, превосходящим числом. Говорят неправду. Что тут рыцарского? Думаю, что армия из сплошных философов была бы дрянной армией, я бы предпочел армию из преступников. Мне кажется, что лучше сказать жестокую правду, чем повторять розовую ложь.

НА ГУЛЯЙ-ПОЛЕ

Наша вторая группа направилась к Гуляй-Полю, центру Махно, его родному селу. Впереди, без охранения, шли эскадроны 2-го конного полка, затем наши

две пушки и за нами “боевой обоз”, увеличенный награбленным имуществом. Оставить обоз в деревне было невозможно — его бы захватили махновцы. Колонна пехоты шла нам навстречу. Начальник нашей группы почему-то вообразил, что это наша первая группа, и не послал узнать. Особенно непростительно после того, что при таких же обстоятельствах случилось с первой группой. Но мы, батарейцы, уже успели оценить по достоинству нашего никудышнего начальника и приняли меры. Наша колонна остановилась и ждала приближения той. Мы повернули орудия, сняли их с передков, поставили на высокую ось и приготовили шрапнели. Пехота подошла совсем близко — на какие-нибудь двести шагов. Только тогда наш начальник раскачался и послал одного кавалериста узнать.

Кавалерист подъезжает к пехотинцам. Вдруг мы видим, как он выхватывает шашку, рубит, поворачивает коня и во весь мах мчится к нашим.

— Махновцы!

Махновцы открыли беспорядочный огонь. Лошадь кавалериста пошла колесом, через голову. Эскадроны наши, конечно, бежали, обозы также. Нам бежать было нельзя, мы бы понесли большие потери, мы были чересчур близко, да мы уж и приготовились. Мы жахнули по ним картечью в упор. Тотчас же ситуация изменилась. Огонь махновцев смолк, и они побежали стадом по той же дороге, откуда пришли, чем усилили действие нашего огня. Кавалеристы вернулись, но не атаковали. Поручик Виноградов, размахивая шашкой, кричал кавалеристам:

— В атаку! Да атакуйте же черт вас возьми!
Напрасный труд.

— Эх, были бы казаки, какое побоище они устроили бы, а эти... Тьфу!

Все же это была победа. Кавалеристы добились раненых и ограбили трупы. Мы вернулись на наши квартиры.

На следующий день мы пошли по той же дороге. Встреченный вооруженный крестьянин был зарублен, чтобы выстрелом не дать знать махновцам о нашем приближении. Но несчастный несколько раз поднимался, это было ужасное зрелище.

— Сволочи, — кричали наши ездовые кавалеристам. — Вы больше не умеете работать шашкой. Вы только знаете, как грабить и удирать.

В этих словах было много правды.

Думалось: это плохое предзнаменование. Не к добру. И это оказалось правдой. Мы подошли к самому селу Гуляй-Поле, не встречая сопротивления, что нас очень удивило, — ведь это родина Махно. Неужели отдаст без боя?

Уже из села стали вывозить повозки с добром. Но повернувшись, мы увидели две длинные цепи пехоты, которые шли друг другу навстречу, чтобы отрезать нам путь отступления. Мы были окружены.

Нас спасли наши многочисленные обозы. Объятые паникой, они ринулись в оставшийся проход. Издали это походило на массированную атаку, и обе цепи махновцев остановились, оставив нам неширокий проход в несколько сот шагов. Эскадроны, конечно, устремились за обозами в проход, и не думая о сопротивлении. Они даже не остановились, выйдя из окружения.

К счастью для нас, оба крыла махновцев, стреляя по нам, стреляли также друг в друга, и у них должно было сложиться впечатление, что мы отстреливаемся. У нас никто не думал о защите или об отходе через село, видимо, никем не занятое. Все бежали без оглядки.

Само собой разумеется, что наши два орудия шли в арьергарде и в порядке. Мы шли крупной рысью. Эскадроны и не думали нас прикрывать. Мы, разведчики, шли за орудиями, а за нами шла наша пулеметная тачанка.

Поручик Пташников упал раненый. Подбирать его было некогда.

— Это плохо, — подумал я. — Завтра ранят меня, и никто не остановится.

Я спрыгнул с седла. Поручик Абраменко тоже спрыгнул. Третий взял наших лошадей. С Абраменко мы схватили раненого, бегом догнали нашу пулеметную тачанку, на ходу уперли голову раненого в подножку и перевалили его вверх ногами в тачанку. Несмотря на такой варварский способ, позднее Пташников меня горячо благодарил за то, что его не бросили. Он был ранен в позвонок.

Коновод отдал нам лошадей и умчался галопом. Гайчул же стал крутиться, танцевать и не давал мне сесть. Наконец я влез в седло и тут заметил, что потерял нагайку. Было холодно, я был в валенках и не мог послать Гайчула каблуками. А он, дурак, не понимая обстановки, танцевал на месте.

Между тем наши исчезли, я был один, и обе цепи махновцев палили в меня. Я очень испугался, но головы на этот раз не потерял. Я сорвал из-за спины карабин и стал лупить им Гайчула и перевел его в галоп. Я пригнулся к его шее и бросал взгляды направо, налево и вперед. Потому что махновцы бежали, чтобы закрыть мне выход из мешка. Помню подводчика у убитой лошади. Он пустился бежать, а я подумал: “Махновцы ему ничего не сделают, он же свой для них”. Я горячо молился:

— Ангел-Хранитель, выведи меня отсюда! Гайчул, вали, скачи быстрее...

Я проскакал в сотне шагов от переднего махновца, бегущего мне наперерез. Он навел на меня винтовку, я направил на него мой карабин. Этот блеф мне удался

— он бросился на землю и не выстрелил, я тоже не стрелял. Еще немного... еще... и мне кажется, что чудо совершилось. Спасибо, Ангел-Хранитель.

Ни спереди, ни с боков не было больше махновцев. Они остались сзади. Пули еще свистели, но курган закрыл меня от их глаз и выстрелов. Я перевел Гайчула на рысь и наклонился, чтобы посмотреть, не ранен ли он. Кажется, нет. Как повезло или, верней, какое чудо случилось! Меня обуяло чувство радости. Как хорошо выйти целым и невредимым из такой передраги... Но рано еще радоваться. Опасность еще не совсем миновала.

Я не видел наших. Но немного дальше я наткнулся на нашу вещевую двуколку. Коренная лошадь была убита. Падая, она сломала оглоблю. Калмык-возница мельтешил вокруг и хныкал. Сзади шагах в шестистах появились махновцы, и пули стали цыкать над нами.

- Что ты тут делаешь?
- Надо чинить оглоблю, — ответил он.
- Отпрягай пристяжную, садись на нее и удирай.
- Как же оставить повозку и все вещи? Капитан Малявин не будет доволен. Он мне приказал...

Пули стали цыкать гуще.

— Удирай, и быстро. Я тебе приказываю.

Он стал неохотно отпрягать пристяжную лошадь. Он был так же глуп, как и Гайчул. Оба не понимали обстановки. Брезент был сдернут с повозки. Наверху лежал мой маленький чемоданчик. Мне стоило только протянуть руку, чтобы его взять, не слезая с седла. Я его не взял. Опасность еще не миновала. Я принес его в жертву за чудо моего спасения... В нем еще этот красный шелковый платок... Ха-ха. А все мешки с награбленным? Ха-ха. Они грабили для махновцев. Эта мысль доставила мне удовольствие. Солдат-возница взгромоздился, и мы пошли рысью.

Шагах в пятистах дальше мы увидели в кустах нашу пушку. При переходе через канаву она сломала дышло. Номера и ездовые лихорадочно исправляли дышло при помощи палок и ремней. Тут же был брат и другие разведчики. Мы обменялись с братом взглядом. Как он должен был за меня волноваться! Я остался с ними. На бугре махновцы грабили нашу вещевую повозку и не обращали внимания на орудие. Наконец дышло починили и орудие пошло. Нас было четверо разведчиков. Пока чинили дышло, мы не стреляли по махновцам, чтобы не привлечь их внимания к неисправному орудию, но теперь, когда пушка ушла, мы решили организовать сопротивление. Брат взял наших лошадей, а мы трое открыли огонь с небольшого кургана. Взвод кавалеристов пришел на тот же курган и спешился. Офицер-кавалерист скомандовал дистанцию. Сопротивление началось.

— Один идиот стреляет слишком коротко, — сказал офицер.

“Действительно, чудак, если он даже целиться не умеет”, — подумал я. Но офицер, наблюдавший пыль, поднятую пулями, указал на меня.

— Это ты. Этот раз я ясно видел недолет.

Обиженный, я закинул карабин за спину и уехал к батарее. В общем мы счастливо отделались. Потери наши были незначительны. В конце этого дня был смертельно ранен Верблюд — лошадь поручика Виноградова.

НЕПРИЯТНЫЙ РАЗГОВОР

На одной из следующих остановок батареи капитан X и вольноопределяющийся Y (я не хочу их называть), наши главные грабители, в сопровождении нескольких сотоварищей, но уже меньшей величины, предстали передо мной.

— Прапорщик Мамонтов, вы отдали приказание покинуть нашу вещевую повозку?

-Да.

- По какому праву?
- Праву?! Что можно было сделать другого? Пули летели роями, махновцы были в нескольких сотнях шагов.
- Надо было починить оглоблю, заменить убитую лошадь вашей. При таких же условиях починили же дышло орудия.
- Это было возможно только благодаря вашей повозке, которую махновцы растаскивали у нас на глазах и не обращали внимание на орудие. Вы должны гордиться, что ваши чучалы (мешки) послужили для чего-то хорошего.

— Ваши намеки неуместны. Вы, я вижу, просто трусили и удрали.

— Послушайте, есть разница между орудием и вашей повозкой награбленных мешков. Я никогда бы не дал Гайчула для вашей повозки. Я приехал служить, а не спасать награбленное.

Вокруг нас собрались любопытные. Разговор принимал неприятный характер. Неожиданно я получил поддержку от капитана Обозненко, командира 3-го орудия и очень хорошего офицера.

— Мамонтов слез, чтобы поднять раненого, в самый опасный момент. Но вполне его понимаю, что он не стал рисковать для спасения грабленного. Я бы тоже этого не сделал.

- Вы забываетесь, капитан.

— Нет, это вы забыли чувство чести. Мы ведь не слепые.

Все разгорячились и я уж думал... Но нас разъединил полковник Андриевский, наш непосредственный начальник— Х, У и мой.

— Довольно, Х, я все слышал и вполне согласен с Обозненко. Я закрывал глаза на ваше поведение и был не прав, раз вы сами вызываете скандал. Берегитесь. С У будет просто, раз он не офицер, его выпорют перед фронтом, а вам грозит военный суд... Довольно, я больше ничего слышать не желаю. Вы предупреждены.

Он взял Обозненко под руку, и они ушли.

Сопровождавшие испарились, как будто их и не было. Х бросил мне взгляд полный ненависти. Я спокойно его выдержал.

Вскоре оба исчезли из батареи и в нее больше не вернулись. А мы перешли от совершенно разложившегося 2-го конного полка к вновь сформированным прекрасным частям 12-го сводного полка и 11-му Ингерманландскому гусарскому полку.

КИРГИЗ

В одной из пулеметных тачанок батареи ходил жеребец-киргиз. Небольшой, соловый, лохматый и злой. Когда нужно бывало запрягать по тревоге, он не давался. Его обменяли на более покладистую лошадь.

Мы выступили, и через некоторое время киргиз без оголовья догнал батарею, отыскал свой пулемет и пошел чинно около. В следующей деревне его снова обменяли. Колонна пошла дальше и мы часто оборачивались — не появится ли киргиз. Каков же был наш восторг, когда мы его увидели скачущим за нами. На новом оголовьи болтался кусок доски. Кавалеристы хотели было его поймать, но встретили такой прием от него, что предпочли оставить его в покое. Он встал на свое место и пошел с нами. Опять его обменяли. Мы долго оглядывались, но он не вернулся. Очевидно, его новый хозяин догадался закрыть дверь в конюшню. Но могу себе представить, что творилось внутри.

Во время похода брат подъехал ко мне.

- Поздравляю тебя, сегодня день твоего совершеннолетия. Тебе двадцать один год.
- Ах, верно. А я даже не вспомнил.

Где-то впереди заработал пулемет. Батарея пошла рысью и завязался долгий и нудный бой. Так я отпраздновал свое совершеннолетие.

НАШ УХОД

Мы, артиллеристы, были очень недовольны нашей кавалерией и ее начальником. Наша вторая группа пошла в село Федоровку. Начальник группы отвел нам квартиры на окраине села и со стороны неприятеля, что против правил и здравого смысла. Мы установили, что ночью кавалерия не несет никакой службы охраны. Нам пришлось выставить свои караулы, от чего артиллерия освобождена.

Полковник Шафров, который командовал нашими двумя орудиями, пошел объясняться с начальником группы. Шафров легко горячился.

- Я не хочу потерять ни пушек, ни людей из-за вашей неспособности. Я ухожу. Остаться невозможно при таком начальнике.
- Это будет неповиновение и даже дезертирство.
- Я ответствен за жизнь моих артиллеристов и за целостность орудий. Остаться под вашим начальством не могу. Вы совершенно не способны командовать чем-либо.

Начальник группы ничего не предпринял, чтобы нас удержать. Вероятно, он думал, что мы не решимся идти по неприятельской территории, а верней, он просто был не способен предпринять что бы то ни было.

Мы пошли. Четыре разведчика, по два с каждой стороны и на некотором расстоянии от дороги, шли от кургана к кургану. Осматривали окрестность и, если видели людей -это могли быть только махновцы, — снимали папаху и держали ее в направлении людей. Батарея тогда переходила на рысь, а разведчики шли на следующий курган.

Мы благополучно дошли до Полог и присоединились к батарее. Начальник 2-й группы подал жалобу, но по рассмотрении дела его от командования отстранили и 2-й конный расформировали. Мы стали работать с другими частями.

С гусарами мы ходили по маленьким хуторам, разбросанным по степи. Было холодно, а когда холодно, охрана ослабевает. Все жмутся к хатам, надеясь, что и противник в такой холод сидит по домам.

Однажды ночью мы были разбужены выстрелами. Стреляли перед домом. Махновцы въехали на нескольких санях с музыкой в хутор, не подозревая, что хутор нами занят. На шум вышел адъютант полка гусар и был смертельно ранен. Мы захватили одного только махновца.

Нам предложили сделать самодельный бронепоезд и поставить на него наше орудие. Но мы решительно от этого отказались. Не соблазнил нас и отапливаемый классный вагон. Нет ничего лучше коня в степи, а рельсы дело ненадежное — перешибут, и пропал.

ПОЛОГИ

Мы занимали Пологи, маленький городок в конце бесконечных селений, и железнодорожный узел. Тут были каменная пятиэтажная мельница и несколько мощеных улиц.

Большевики подошли с севера и соединились с махновцами. Нужно было ждать их наступления.

Один еврей пришел к нам и шепотом известил, что этой ночью назначено выступление махновцев. Мы сообщили об этом Шапиловскому, а он начальнику группы. Тот сказал, что к нам в Пологи идет поезд с гвардейской пехотой и, вероятно, прибудет этой же ночью. Кто будет первым? Махновцы или гвардейцы?

Шапиловский приказал спать не раздеваясь, что мы и так всегда делали, усилил дежурство в парке орудий и назначил прапорщика Дебу и меня держать связь между ним и вокзалом, чтобы сообщить ему о прибытии гвардейцев.

Мы с Дебу тянули на узелки. Мне досталась вторая часть ночи — плохая. Все всегда происходит перед рассветом.

Дебу разбудил меня в полночь. Гвардейцы еще не прибыли. Я съездил два раза верхом на вокзал. Ничего нового. Потом поставил Гайчула в конюшню и пошел пешком. Жаль было мытарить всю ночь Гайчула. Кроме того, в городе при дурной встрече лучше быть пешим, чем конным, а вот в степи ничего не может заменить коня. Вначале я был начеку, всматривался в темные углы, прислушивался, оборачивался, но постепенно убедился, что в этот час улицы пусты. К тому же стал накрапывать дождь. Постепенно моя бдительность ослабела, я закинул карабин за плечи, нахохлился и почти дремал, шагая по мостовой.

Я проходил мимо постройки в лесах. Вокруг по тротуару шел сплошной забор с нависающей крышей. Вокруг фонаря он образовывал нишу. Когда я проходил мимо фонаря, темная фигура в нише подняла руку над моей головой. Кровь бросилась мне в лицо. Инстинктивно я схватил человека за руку и горло. К моему удивлению, я не почувствовал сопротивления. Я поднял глаза к его руке и вместо ножа увидел вожжи. Проследил вожжи и увидел понурую клячу, запряженную в телегу с кирпичом. Это был не злоумышленник, а возчик, который хотел меня пропустить под вожжами. А он спрятался в нише от дождя. Я ужасно сконфузился, молча его выпустил и пошел дальше, не оборачиваясь. Что он подумал?

Вокзал был полон солдат. Гвардейцы прибыли. Шестьсот рослых, хорошо обмундированных солдат, только что приехавших из Франции, где они воевали во время войны. Я пошел к полковнику Шапиловскому сообщить радостную

новость, но пошел по другой улице. Мне было стыдно встретиться со своим возчиком.

Я заснул совершенно успокоенный. Да, шестьсот рослых гвардейцев это совсем другое дело, чем наши неполные эскадроны. Теперь махновцы не посмеют двинуться.

ВЫБИТЫ

Вновь прибывший гвардейский батальон занял окраину бесконечных деревень со стороны махновцев и позволил нам встать на вполне заслуженный отдых. Мы заняли лучшие дома в Пологах. Но у этих домов не было конюшен. У кого-то из наших командиров явилась несчастная мысль поместить ездовых, обоз и всех лошадей на северную окраину Полог, где были крестьянские дома с конюшнями. Таким образом батарея оказалась разделенной надвое. Лошади находились от нас в полуверсте и со стороны махновцев: Мне это очень не понравилось, что я и выразил полковнику Шапиловскому. Но я был только прапорщиком.

- Я нахожу, что лошади находятся слишком далеко... Если что-нибудь случится...
- Что может теперь случиться? На фронте шестьсот человек. Вы же сами их видели.
- Да, конечно... Но все-таки...
- Да ну вас, не надо пессимизма, теперь, когда все идет хорошо.

Я замолчал, но остался при своем мнении.

Был конец января или начало февраля 1919 года. Было холодно, но снега мало. Наши офицеры играли в карты до одурения, ничем другим не занимались. Было сильно накурено. Я в карты не играл и не курил, поэтому часто выходил из собрания, чтобы прогуляться, и ходил навестить Гайчула. Как-то я вышел. Выстрел, еще один, пауза. Еще два выстрела. Я насторожился. Появился опыт, когда я каким-то инстинктом знал, что одни выстрелы без значения, а другие опасны. Эти мне не понравились. Еще несколько выстрелов со стороны махновцев. Я ускорил шаг. Стрельба по всей северной окраине Полог, там, где конюшни. Пуля просвистела где-то надо мной. Творилось нехорошее. Мне навстречу шла рысью повозка. В ней лежал окровавленный раненый, другой стоял, держа винтовку. Он мне крикнул:

— Махновцы!

Я побежал изо всех сил к квартирам солдат, куда ворвался как вихрь. Солдаты сидели спокойно и тоже играли в карты. - Махновцы здесь. Уводите лошадей. Скорей!

Я бросился в конюшню, оседлал Гайчула и Рыцаря. Потом всех других. Тут были лошади разведчиков и 4-го орудия — всего двенадцать. Солдаты между тем замуницили лошадей и уводили их рысью, повозки выезжали. Надо увести всех лошадей. Я схватил все двенадцать и поволок их в Пологи. Тут мне пригодился мой опыт коновода. Потому что очень трудно вести двенадцать лошадей, а тут еще кругом стреляют и нужно уходить быстро.

Какой идиот придумал поставить лошадей так далеко, чтоб ему пусто было... Что же наши оглохли, не слышат стрельбы? Господи, сделай так, чтобы кто-нибудь вышел помочиться и услышал стрельбу. Я не могу со всеми этими лошадьми двигаться быстро. Махновцы меня догонят.

Я попробовал пустить лошадей рысью, но понял, что невозможно будет удержать их. И никого из наших не вижу. Ах, наконец бежит Высевка с расширенными от страха глазами...

— Тут, тут, вот твоя лошадь... Возьми у меня несколько, мы пойдем скорей.

- Уф! Благослови тебя Господь за то, что ты увел их оттуда.

По одному прибегали наши и испускали вздох облегчения, увидя свою поседланную лошадь. Брат явился последним.

— Ты не мог услышать, что стреляют уже четверть часа, и прийти пораньше! — строго сказал я ему, отдавая повод Рыцаря.

— Я знал, что ты приведешь лошадей, — ответил он.

Сев по коням, мы поспешили на площадь, где стояли уже запряженные орудия и эскадроны.

— Странно, — сказал Клиневский с сухим юмором, — что капитан Барский вас на этот раз не ругает. Ведь он не просил вас приводить его лошадь, а вы еще ее оседлали без позволения.

Барский отвернулся. Мы не успели посмеяться шутке, потому что с крыши многоэтажной мельницы нас обстрелял пулемет. Все бросились в сторону, прижались к стене той же мельницы. Огонь был плохо направлен, и потерь у нас не было.

Эскадроны и батарея пошли к югу, бросая Пологи и все деревни, которые мы так долго и с таким трудом держали.

— Прапорщик Мамонтов, — обратился ко мне полковник Шапиловский, — поезжайте посмотрите, не забыт ли кто на квартирах.

Я раскрыл было рот, чтобы сказать, что махновцы уже тут, но он повернул коня и уехал. Я остался в смятении на площади один-одинешенек.

Глупо ведь соваться самому в руки махновцам... Да еще одному. Надо посылать двух или трех... Но чувство долга заставило меня все же вернуться на нашу улицу. Не слезая, я стал стучать в окна. Нет ответа. Кругом наступила та тишина, которая предшествует появлению неприятеля и стрельбе.

К черту! Все, конечно, слышали стрельбу и ушли. Нельзя было не услышать. А я еще жить хочу.

Я повернул Гайчула и легкой рысью, чтобы не слишком привлекать внимание, пошел через площадь, пересек рельсы и отдалился от Полог. На мне был рваный и грязный полушубок, когда-то белый, и, вероятно, издали меня можно было принять за махновца. По мне не стреляли.

Три конных появились на кургане. Наши или махновцы? Вероятно, наши.

Я пошел наискось, приближаясь к ним, но имея возможность их обойти, если они окажутся махновцами. Вскоре я узнал лошадей и направился к ним.

Капитан Лукьянов, очень близорукий, навел на меня свой карабин.

- Вы с ума сошли! Это я, Мамонтов.

— А, хорошо, что вы крикнули, а я хотел уже стрелять. Откуда вы являетесь? Знаете новость? Солдаты, прибывшие из Франции, перебили своих офицеров и перешли к махновцам.

Мы пошли портить путь, чтобы их бронепоезд не мог нас преследовать.

Мы отошли в Токмак. Не думаю, что гвардейцы воевали против нас. Они годами были за границей и хотели просто разойтись по домам. Нас в Токмаке сменила пехота, не так хорошо выглядящая, как гвардейцы, но верная. А нас погрузили в поезд и повезли в каменноугольный Донецкий район на станцию Иловайскую.

В ДОНЕЦКОМ КАМЕННОУГОЛЬНОМ РАЙОНЕ

В ПОЕЗДЕ

Длинный состав товарных вагонов медленно двигался по степи. Нас с кавалерией погрузили в Токмаке и повезли... Собственно, мы не знали, куда нас везут, и не очень интересовались. Конечно, везут сражаться куда-нибудь, но в данный момент мы себя хорошо чувствовали. Перевозка по железной дороге представляла для нас отдых, сменивший постоянные походы и бои. Нас предупредили, что возможно нападение махновцев, и велели быть начеку. Мы всегда были наготове, но никто на нас не нападал.

В вагоне стояли восемь лошадей, по четыре с каждой стороны, головами внутрь. Поводья привязываются к доске, которая вставляется перед головами лошадей.

В середине остается пространство, где находится сено и есть место для нескольких людей. Лошади быстро привыкают и ведут себя спокойно, особенно если с ними находятся люди...

Колеса равномерно отбивали такт. В темноте не было видно говорящего, и поэтому сказанное приобретало абстрактный характер.

- Почему большинство населения нам враждебно?
- Коммунизм идея новая, привлекательная для простых людей, а большевики ведут хорошую пропаганду...
- Вот, вот. С короткими понятными лозунгами. “Грабь награбленное” — кто может устоять против этого? А наша пропаганда сложна и непонятна мужику...
- Крестьянин отвернется от коммунизма, когда он его узнает. Он тугодум и, пожалуй, будет поздно — нас уже не будет, чтобы ему помочь...
- Нам вредит грабеж.
- Они ограбили мой дом. Не вижу, почему мне не ограбить их дом.
- Человечество создало только три моральных закона. Закон дикаря: “Я украл — это хорошо. У меня украли — это плохо”. Прошло много времени, и Моисей дал свой закон: “Око за око”. Логически и понятно. Еще прошли века и Христос сказал: “Любите ближнего”. Очень высокий закон, - но малопонятный.
- Как можно любить сограждан или целый народ? Я могу любить тех, кого знаю, -- соседей, родственников, знакомых. Любить за их положительные качества. А любить абстрактно целый народ, качества которого мне неизвестны, это, по-моему, просто чушь...
- Да, во время войны все законы перевернуты: убивай, делай как можно больше вреда и не говори правды... Закон Моисея более понятен, чем закон Христа.
- Вполне логично. Христос не носил формы, а Моисей все время воевал.
- Законы войны — циничны. Говорят, вот так допускается превратить вас в труп, а так считается некорректно. Ха-ха. Если уж война, то все способы хороши.

— Нужно различать, что полезно, а что нет. Раньше просто уничтожали население, а в современных войнах стараются привлечь население на свою сторону. Пропаганде придают большое значение.

- Сплошное вранье и демагогия — ваша пропаганда.
- Я и не утверждаю противного. Пропаганда базируется на глупости и невежестве людей. Но не нужно забывать, что глупость самая большая сила в мире. Массы глупы и поддаются пропаганде. Вовсе не следует говорить правду, а повторить десять тысяч раз ложь, и массы примут ложь за правду. Это сказал Ленин, а он специалист по лжи и пропаганде.
- Революцию сделала ловкая пропаганда левых.
- Хм... Не все, что они говорили, было ложью. Правительство и царь наделали много глупостей.

- Вот видите, вы подпали пропаганде. Конечно, были ошибки, как везде, но не больше, чем во Франции или в Англии. Пропаганда же преувеличивала ошибки и замалчивала успехи. Получалось впечатление гнили. И напрасно. В общем дела шли совсем не так плохо. Россия развивалась гигантскими шагами.
- Собственно, чтобы остановить это развитие, Германия объявила нам войну. Через десяток лет Россия стала бы непобедима. Наши товары стали вытеснять немецкие товары с азиатских рынков...

- Царь был слаб, конечно, был бы лучше Александр III с железным кулаком. Но царь искупил ошибки своей смертью.

- Я даже думаю, что для царя существуют только две возможности: на троне или в гробу. Вообразите царя в эмиграции — это было бы ужасно...
- Россия индустриализировалась. У нас были Менделеев, Сикорский, Столыпин и много других выдающихся людей.
- Скажите, что сделал Столыпин? Часто о нем слышишь, а точно не знаю, что он сделал.

- Хутора и отруба. Реформы в пользу крестьян. Крестьянин мог выделиться из “мира” и получить землю в собственность.

- Как, разве крестьяне не были владельцами земли?
- Нет. Земля принадлежала “миру” (деревне). Земля переделывалась каждые пять—семь лет, в зависимости от прироста населения. Участки тянулись по жребью. Мужик не был уверен, что получит опять тот же надел, и не имел интереса удобрять землю. Закон Столыпина делал его наследственным владельцем земли, но без права продажи, чтобы оградить его от спекулянтов. Мечта мужика — быть владельцем земли. Революционеры были против этой реформы. Они поняли, что мужик-владелец не захочет больше революции... Потом Столыпин создал крестьянские банки с постройкой по всей стране зернохранилищ.
- Не понимаю, зачем зернохранилища...
- Вот. Крестьянину нужны были деньги весной, чтобы посеяться. Раньше спекулянты давали ему деньги под громадные проценты и выговаривали при этом низкую цену осенью за зерно. Теперь банк давал крестьянину кредит на выгодных для него условиях, и крестьянин всегда мог продать зерно на зернохранилище по установленным государством ценам. Государство же имело всегда запас зерна для армии, для возможного голодного года и для продажи за границу. Это последнее не понравилось большим помещикам, которые раньше продавали хлеб за границу, и они снюхались с революционерами и убили Столыпина.
- Кроме того, эмиграция в Сибирь была последнее время прекрасно налажена — возвращенцев почти не было. Этим занималось земство, то есть само население. Таким образом, три главные мечты крестьянина исполнились: он стал владельцем земли, был защищен от нужды и, если семья разрасталась, он

мог получить больше земли в Сибири. Население Сибири очень возросло из-за реформ.

- Это было разрешение вопроса. Смерть Столыпина и война остановили выполнение этого плана.
- Заметьте, что революционеры признавали план хорошим, но хотели, чтобы крестьяне получили землю не от правительства, а от них, после революции. Ведь главное для них были министерские посты, а если бы правительство роздало землю, свистели бы их министерские посты. Они сделали революцию, но власти удержать не сумели. Власть захватили большевики и раскулачили хуторян, то есть самых работающих крестьян. Потому-то у них постоянный хлебный кризис...
- Не нужно очень рассчитывать на помощь союзников. У них ведь своя политика. Может быть, нам удастся справиться с большевиками своими собственными силами. Это было бы и лучше...
- Индустрия и железные дороги строились усиленно...
- Наше высшее образование было неплохо. Инженеры наши не уступали иностранным. Наши суды были хороши. Мировые судьи для малых дел, суд присяжных для больших и, главное, прокуратура — не обвинение, а контроль над судопроизводством. В этом мы были впереди многих стран...

Паузы становились длинней. Очевидно, кое-кто заснул. Я пододвинул Гайчулу сена и проверил, заряжен ли карабин.

- Наш рубль принимался во всем мире.
- Был закон — границы автоматически закрывались для вывоза зерна за границу, как только объявлялся голод в какой-нибудь губернии. Торговцы тотчас же посылали туда хлеб, чтобы открыть себе границу. Таким простым способом голод ликвидировался даже без участия правительства.
- Неграмотных среди молодежи почти не было...
- Русская наука имела много мировых имен. В литературе, музыке и в театре мы были...

Колеса ритмично пели: тра-та-та, тра-та-та. Я повернулся на бок и заснул.

“ОФИЦЕР”

Нас выгрузили в Иловайской. Донецкий бассейн оставил у меня плохое впечатление. Февраль 1919 года. Холодно и сыро, постоянные туманы. Население, шахтеры, были нам враждебны. Домики маленькие, совершенно не приспособленные к постою. Ни конюшен, ни сараев. Провиант самый скудный и никакого фуража.

Донецкий бассейн покрыт густой сетью железных дорог, и красные пустили против нас несколько бронепоездов, которые задавали нам много работы и очень беспокоили наши эскадроны. В каждом бою участвовали одни, два, а

иногда даже три красных бронепоезда. Вначале с нашей стороны бронепоездов не было, но потом нам прислали несколько и равновесие было восстановлено.

Частенько приходилось вести бой с бронепоездом, но нашей батарее ни разу не удалось подбить ни одного. Чтобы остановить бронепоезд, нужно попасть в его паровоз или вызвать сход с рельс, попав в колесо или в рельсу.

Раз, неожиданно, выскочил красный бронепоезд и прошел недалеко от батареи. Мы палили в него, что только могли выпустить. Наверное, попадания были, но он все же ушел.

Другой раз у Дебальцева произошла настоящая дуэль с бронепоездом. Красный бронепоезд был верстах в двух от нас. Были ясно видны вспышки его выстрелов, и в бинокль можно было видеть матросов, обслуживающих орудия. Как только мы видели их вспышки, мы бросались на землю, и их снаряды пролетали со свистом над нашими головами и взрывались сейчас же за батареей. Тогда все вскакивали, бросались к орудиям и стреляли. Вспышки там — и все ныряли под орудие. Взрыв — и все снова бросались к орудию. Это длилось бесконечные несколько минут. Бронепоезд не выдержал, задымил и ушел. Может быть, мы в него и попали. Мы же были искренне удивлены, что отделались без потерь. Первый бронепоезд, пришедший нам на помощь, был знаменитый “Офицер”. Его командир был сорви-голова. А вот имени его не запомнил. Тем более его поведение нас удивило. Он выезжал еще затемно, всегда на то же место у поворота, прикрытый кустами, стоял там безмолвно, с чуть дымящимся паровозом, не принимая участия в бою.

Но однажды очень современный красный бронепоезд, с яйцевидными панцирями, подошел слишком близко к месту, где скрывался “Офицер”. Паровоз “Офицера” задымил, и он ринулся вперед, стреляя из всех орудий. Это было неожиданностью для красного, и он стал слишком поздно отступать. Снаряд “Офицера” попал в его паровоз. “Офицер” с размаху стукнулся о переднюю площадку красного, прицепил его среди цепей красной пехоты и потащил к нашим линиям.

Наши цепи приветствовали подвиг “Офицера” криком “ура”, а красные побежали. Было видно, как люди прыгали с красного бронепоезда и пускались наутек, но подоспевшие кавалеристы их уже рубили.

Психологический успех был так силен, что мы легко заняли Дебальцево, которое раньше взять не могли. К сожалению, нас было слишком мало, чтобы вполне использовать успех, и мы должны были остановиться.

С тех пор, стоило “Офицеру” показаться, все отступало, и пехота и броневики. Красная пехота, хоть многочисленная, состояла из шахтеров и не была стойкой. К сожалению, сам я не присутствовал при этом подвиге, потому что заболел.

ОЛЬХОВАТКА

Был густой туман — в нескольких шагах ничего не видно. Мы вошли в хутор Ольховатку. Эскадроны и батарея остановились на единственной улице хутора. С одной стороны улицы — дома, с другой — сараи.

Я прицепил повод Гайчула к плетню и вошел в хату. В хате была одна только старуха, которая не ответила ни на мое приветствие, ни на вопросы.

- Глухонемая, — подумал я.

На столе стояла крынка молока. Я ее взял и стал пить. Снаружи раздался выстрел. Я застыл с крышкой в руке и слушал. Еще несколько выстрелов. Старуха, которая за мной следила, расхохоталась демоническим смехом, смотря на меня с ненавистью. Даже волосы на голове у меня зашевелились от страха. Я бросил крынку на пол и выскочил наружу.

Гайчул встал на дыбы, а с другой стороны плетня человек, едва видимый в тумане, выстрелил. Я сорвал повод с плетня, вскочил в седло и присоединился к батарее, которая уже шла рысью, чтобы выйти из хутора. В нескольких десятках шагов из-за плетня в нас стреляли. Нас наполовину скрывал туман. Ездовой нашего орудия Ранжиев был убит, другой солдат ранен. Чья-то лошадь упала. Батарея не остановилась.

- Я ранен, — сказал капитан Мей, ехавший со мной рядом.

Я подъехал, чтобы его поддержать, но он остался в седле.

Наконец мы вышли из хутора. Стрельба прекратилась. Я спрыгнул на землю и подошел к Мею. Он соскользнул ко мне на руки. Он был мертв, убитый двумя пулями. Эскадроны и батарея спешили и с карабинами в руках и злобой в сердце пошли опять в хутор. Мы не встретили сопротивления — это были лишь жители, которые устроили нам засаду. Парни разбежались, а тех, которых мы поймали, тут же пристрелили. В хате, где я пил молоко, лежал крестьянин в шапке и стонал. Старуха уверяла, что он болен. Сорвали одеяло — рядом с ним лежала винтовка.

Крыши некоторых хат облили керосином из ламп и подожгли. Но мокрая солома не загорелась, а только обгорела.

Некоторое время спустя батарея ночевала на этом самом хуторе. Жители, конечно, нас не узнали и рассказывали нам о зверствах, но о причине умалчивали. Смерть капитана Мея была большой потерей для батареи — он был прекрасный офицер. Для меня же он был примером, часто помогал мне советом.

Я заболел и доктор отправил меня, юнкера Мокасея-Шибинского и еврея-портного в Мариуполь, в наш обоз второго разряда. Я дал Гайчула поручику Лагутину. Карабин остался у брата.

МАРИУПОЛЬ – ФЕОДОСИЯ

МАРИУПОЛЬ

Мы приехали в Мариуполь по железной дороге. Оказалось, что наш обоз второго разряда ушел несколько дней назад в Таганрог. Еврей-портной тотчас же нашел знакомых и от нас отделился — больше мы его не видели.

С Мокасеем-Шибинским мы шли по главной улице, не зная, что нам делать, когда увидели только что открытый лазарет. Мы вошли в него и были приняты, кажется, первыми больными. Какая роскошь! Чисто, просторно, тепло и светло. Настоящие кровати с простынями, наволочками, внимательные доктора, хорошенькие сестры. Мы попали, как в рай. Какое блаженство вымыться в ванной, одеться во все чистое, освободиться от вшей, спать в чистой постели, не бояться быть разбуженным выстрелами.

У Мокасея был возвратный тиф, у меня плеврит, мне ставили банки.

Вскоре лазарет наполнился больными. Из первых пациентов образовался “клуб”, который держался на моей кровати и на кровати моего соседа, вольноопределяющегося Ингерманландского гусарского полка москвича Смирнова. Сестры были с нами дружны и посещали наш клуб.

Доктора и сестры иногда прибегали к помощи нашего клуба, чтобы установить порядок среди новоприбывших. Помню один случай. Прибыл юнкер гвардейского полка и не хотел отдавать винтовку, желая положить ее в кровать рядом с собой. Главный врач, старичок, тщетно пытался ее у него вырвать. Юнкер ее не отдавал, и вся палата гоготала над этим неприличным зрелищем. Тогда я встал, подошел к юнкеру и тихим, но решительным голосом сказал:

— Юнкер, я офицер и приказываю вам подчиниться правилам лазарета.

Юнкер вытянулся и отдал винтовку, смех смолк, доктор унес винтовку, а я, сильно покраснев, ушел к себе.

После этого я стоял у окна. Ко мне подошел больной, видимо, офицер.

— Вы меня не знаете, но я вас знаю. Я вас и вашего брата наблюдал на станции Тихорецкой (когда нас перебрасывали на Украину с Северного Кавказа). Знаете ли вы, что это такое?

Он показал мне в горсти руки такую же картонку, как тогда показал мне капитан Мей. Только на его картонке вместо двух было четыре поперечных лычки, что означало высокий чин монархической организации.

— Да, знаю.

Он спрятал картонку в карман.

— Не подходите ко мне, не разговаривайте. Быть может, вы нам понадобится.

Он отошел, оставив меня в растерянности. Я хотел объяснить, что не принадлежу к этой организации, но он уже отошел. После этого я его побаивался, но, к счастью, я ему не понадобился.

В лазарете не было офицерского отделения, лежали все вместе. И мне думается, что это было хорошо. Не было зависти. Конечно, группировались сами собой по степени интеллигентности. Казаки вместе, солдаты в одном углу, офицеры в другом. Кормили хорошо, были книги. Болезни я не чувствовал — был ведь очень молод и хорошо тренирован охотой (на охоте приходилось и мокнуть, и уставать, и много ходить).

Но счастье, как известно, недолговечно. Махновцы подступили к городу, в котором войск не было, а только обозы второго разряда, персонал которых, это тоже известно, дает никудышных солдат. Мы с Мокасеем стали думать, что нам делать. Пришел Смирнов и под большим секретом сообщил, что этой ночью Ингерманландский обоз идет в Таганрог и возьмет нас с собой.

В опасные моменты лучше находиться с войсками.

Мы выписались из лазарета, хотя доктор нашел, что рано, и провели ночь в ингерманландском обозе. Никуда он не пошел, а под утро всем гусарам раздали ружья и патроны. Мы вышли на улицу опять в недоумении, что нам делать. Вдруг увидали объявление о мобилизации и решили идти туда. Там набралось всякой швали сотни три. Толстые коммерсанты, чиновники, боящиеся ружья, и ученики последних классов. С большим трудом удалось построить из этой толпы две шеренги. Нам раздали французские трехзарядные винтовки и сотню патронов.

— Мы пойдем наступать против махновцев. Добровольцы — три шага вперед.

Мой принцип: “На службу не напрашивайся, от службы не отказывайся”. Не успел я схватить Мокасея за шинель, как он уже шагнул вперед. Все молодые, то есть лучшие, были впереди, сзади осталась одна калечь. Тогда и я шагнул вперед. Но командир нашей роты-швали поручик-артиллерист ухватил меня за полушубок.

- Что я с ними буду делать один? Оставайтесь, ради Бога. Так нас будет по крайней мере двое.

Я остался. Поручик принес ручные гранаты, но никто из наших не только не хотел их взять, но с ужасом отмахивались. Пришлось разделить их с поручиком. Выступление было назначено в полночь, и нас до этого времени распустили по домам. Обвешанный гранатами, с винтовкой, в грязном и рваном полушубке, с лихо заломленной папахой (иначе она не держалась на голове, была велика), я походил больше на махновца, и встречные сходили с тротуара. Мы пошли в лазарет, где нас накормили, и мы слегка соснули.

МАНГУШ

Перед полночью мы явились на сборный пункт. Явились далеко не все — некоторые трусили и попрятались. Мы составили две роты. Первая из молодых и вторая, наша, сплошная калечь.

— Мы наступаем на Мангуш — центр махновцев. Другие части, образованные из обозов полков, наступают вдоль берега моря, — объяснил нам начальник. — Мы же, на правом фланге, идем против деревни Мангуш, и наша цель не дать подойти справа подкреплению к махновцам. Так как первая рота лучшая, она останется в резерве. Вторая (то есть наша) пойдет в наступление.

Нас посадили на повозки. На ту, куда я сел, никто садиться не хотел из-за гранат на моем поясе. Но мест не хватило, и некоторым пришлось сесть. Они жались от меня. Все же во время пути (18 верст) мне удалось уговорить моих попутчиков взять у меня по гранате. (Я сам их боялся до смерти.) А последние, слезая, засунул под солому повозки.

Стало чуть-чуть светать, когда мы слезли с повозок у Мангуша. Мы остановились на бугре. Местность спускалась к оврагу и подымалась на той стороне к деревне. Избы Мангуша дымились перед нами в версте. После долгих усилий поручику удалось рассыпать нас в цепь. Все стремились идти стадом. Мы пошли по направлению к Мангушу. Было нехолодно, но пасмурно, снега не было. Думаю, что это было в конце февраля или в самом начале марта 1919 года.

Впереди на дне ложбины стоял наш разъезд из трех гусар. Махновцев видно не было. Вдруг застрочил пулемет, и один из гусар был ранен. Его товарищи посадили его опять в седло и увели назад, поддерживая с обеих сторон.

При первом выстреле пулемета наша рота пустилась бегом вперед. Я очень удивился. Неужели я в них ошибся? Они оказались храбрецами! Но потом я понял, что их стремление было скрыться в овраге, где они считали себя в безопасности. Я не спеша за ними последовал. Так мы сидели в овраге. Я подошел к поручику.

- Здесь оставаться нельзя. Тут ничего не видно. Махновцы могут подойти вплотную.
- Вы правы. Я пошлю разведку. Вы, — указал он на меня, — и... (все моментально отвернулись) и я пойду с вами. Не вылезайте наверх вместе со мной, через несколько секунд.

Он вылез из оврага, и я тотчас же услышал выстрел. Тогда и я выскочил наверх. Поручик стоял на одном колене и целился в трех всадников в сорока шагах от нас.

— Подождите, не стреляйте, может, это наши.

Не отвечая мне, он выстрелил и один всадник упал. Тогда и я убил одну лошадь. Ее всадник схватился за хвост лошади последнего верхового, который нахлестывал. В общем мы одержали победу, но, обернувшись, мы увидели нашу роту в бегстве.

— Оставайтесь здесь, я верну эту сволочь, — сказал поручик и со страшной бранью пустился за бегущими.

Опасности никакой я не видел и остался. Я даже прицелился было в последнего всадника, но не стал стрелять. Дело в том, что мне претило убивать без надобности. За все время войны я никого не убил. Конечно, стреляя из орудия, убивал. Но это другое дело, это оружие коллективное, это не в счет. Перед тем я мог бы легко “на сорок шагов” убить всадника, но стрелял по лошади.

Я с любопытством наблюдал державшегося за хвост лошади махновца. Лошадь шла вскачь, а он отталкивался от земли и делал гигантские скачки. Нужно запомнить эту систему, может быть, она мне пригодится. Она мне пригодилась в этот самый день и еще раз много позднее.

Наконец я убедился, что поручику не удастся остановить бегущих и не спеша пошел за ним. Я думал, что они остановятся на бугре, но нет, они бежали к повозкам, чтобы уехать. Тогда я испугался, что они меня оставят, и пустился бежать. Пули стали цыкать вокруг меня. Я повернулся — из Мангуша вышла громадная цепь махновцев. Я оценил ее в шестьсот человек. Они были далеко — шагах в шестистах от меня, но пули ложились хорошо, что было видно по пыли. Странно, махновцы были больше похожи на солдат, чем на крестьян. Они были все в защитном, прекрасно держали равнение и хорошо стреляли.

Между тем наши добежали до повозок, садились и уезжали. Мне удалось остановить последнюю повозку, пригрозив, если она не остановится, убить лошадь. Только что я уселся на повозку, как лошадь была убита махновской пулей. Все соскочили и побежали к другим повозкам. Мне же из-за плеврита не хватало воздуха, и я не мог бежать. Мы остались вдвоем с солидным господином с брюшком в тяжелой лисьей шубе. Он задыхался.

- Я больше не могу, у меня больное сердце...
- Скиньте шубу, вам будет легче, — посоветовал я.

Он дико на меня взглянул, решив, что я хочу воспользоваться его шубой, подобрал полы шубы, пустился очень резво бежать и скрылся за бугром. Это было так смешно, что я расхохотался, несмотря на свое пиковое положение.

Все наши части оказались небоеспособными. Все побежали при первых же выстрелах, оставив махновцам две мортиры. Даже не сняли с них затворы и прицелы. Но махновцы, тоже липовые артиллеристы, плохо их использовали и разбрасывали снаряды без толку по степи. Канонерская лодка, которая должна была поддержать наших с моря, не могла выйти из порта из-за льда. Первую же

роту, на которую я все время надеялся, что встречу ее идущей на врага, увели как самую надежную часть прикрывать эвакуацию города.

Мое положение было скверное. Из-за плеврита у меня не хватало дыхания, и я не мог долго бежать. Наши бросили меня и уехали. Я шел, влезал на бугор и надеялся за ним увидеть наши цепи — никого. За следующим бугром тоже никого. И так много, много раз. Когда я переваливал через бугор, стрельба махновцев прекращалась — они меня не видели. Но я боялся, что конные, которых у них было трое, воспользуются этим моментом, чтобы зайти мне во фланг или тыл. Я пускался бегом под горку. Потом опять появлялась цепь махновцев, и стрельба возобновлялась. Чтобы перевести дыхание, я останавливался и выпускал по ним обойму. Конечно, мои пули не приносили им вреда, но их свист, думаю, сдерживал особо рьяных, показывая, что я буду защищаться.

Мысль выбросить патроны из карманов для облегчения не пришла мне в голову. Я шел, бежал, останавливался и стрелял, снова шел, снова бежал, снова стрелял, и так без конца среди роя пуль. Во рту появился вкус крови. Горизонт стал качаться. Конечно, это я качался, а не горизонт.

Нужно глубоко дышать. Только не свалиться и не попасть живым им в руки.

На этот раз, странно, я не особенно боялся, хоть вполне отдавал себе отчет в безнадежности моего положения. Ни минуты я не терял головы, как случилось раньше. Все время мысль работала отчетливо и напряженно.

В ушах шумело, и я не слышал выстрелов, но видел пыль от пуль. Иногда я видел перед собой дорожку пыли от пулемета. Она начиналась слева, подходила ко мне... Вот сейчас удар в спину, и все будет кончено. Лишь бы убили, а не ранили и потом замучили, думал я почти равнодушно... Пыль переходила направо, возвращалась и переходила налево.

Во мне боролись два чувства. Ум говорил: “На этот раз кончено. Тебе не удастся выбраться. Лучше покончить самому. Разуйся, возьми дуло ружья в рот и большим пальцем ноги нажми на спуск — череп разлетится на куски”. Но для этого нужно было остановиться, сесть, разуться — потеря времени.

Другой же голос — жизненного инстинкта — кричал: “Не слабей и не сдавайся до последнего. Нужно все испробовать, чтобы спасти жизнь. Может быть, что-нибудь случится. Ангел-хранитель, помоги и заступись”. И я снова шел, бежал, стрелял. А они шли за мной, стреляли и приближались. Я все надеялся, что они отстанут. Мне казалось идиотством преследовать одного человека целым полком. Как оказалось потом, это была контратака махновцев, мое несчастье было, что я оказался на их пути.

Солнце стало клониться к западу. Господи! Сколько же часов длится этот кошмар? Ведь началось до рассвета! Господи, пошли мне лошадь, самую лядащую, но лошадь.

Я остановился, чтобы перевести дыхание и выпустить обойму по махновцам. Правильно целиться я не мог, потому что горизонт качался. Я прикладывался и ждал, чтобы их цепь подкачнуло под мой прицел. Стрелял я над их головами ввиду расстояния. Стрелял в сторону конных — их я боялся. Но конные не пытались зайти мне в тыл. Вероятно, наша утренняя встреча оставила у них неприятное воспоминание. Я выпустил все три патрона и повернулся.

Кровь ударила мне в голову. В двадцати шагах за мной стояли два всадника. Я схватил новую обойму и стал лихорадочно заряжать, но, конечно, обойма заклинилась. Только тогда я увидел погоны у всадников.

-Наши!!!

Как я их обожал, этих незнакомых всадников!

- Что вы здесь делаете? — спросил меня ротмистр.
- Как видите, веду бои с противником. Меня бросили наши. Я не мог бежать так же быстро, как они, потому что болен.

— Я знал, что тут наших войск нет, и потому эта пальба меня заинтересовала. Я приехал посмотреть, в чем дело.

- За что я вам очень благодарен, потому что я при последних силах.
- Шутки в сторону, нужно отсюда убираться.
- Возьмите мою винтовку, я возьмусь за хвост вашей лошади. Идите рысью.

Ротмистр послал своего вестового привести для меня повозку. Я же некоторое время волочился за хвостом лошади. Но я ослабел, ноги стали мягкие, не отталкивались.

- Нет, не идет. Дайте мне стремя, я сяду на круп и отдам вам стремя.

— Вы меня стянете с седла, — сказал ротмистр с беспокойством.

Видимо, махновцы усилили по всаднику огонь. Я выстрелов не слышал — в ушах шумело.

— Не беспокойтесь — я конный артиллерист (то есть умею ездить).

Я сел на круп. Какое блаженство чувствовать под собой лошадь. Ротмистр пошел легким галопом, и вскоре мы зашли за бугор. Стрельба махновцев прекратилась. Я был спасен!

Нам навстречу катила повозка в сопровождении вестового. Я пересел на повозку и горячо поблагодарил своего спасителя ротмистра Кублицкого.

Кончился этот кошмар, где только смерть была моей верной спутницей. Я был в каком-то апатичном оцепенении. Конечно, была и радость, но больше апатия.

НА ПАРОХОД

Я приехал к нашей роте. Поручик был смущен.

- Как же вы не взяли повозку и не постарались меня выволить? Ведь все время слышали стрельбу!

- Я не мог оставить роту — они бы разбежались. А послать ведь некого — все трусы. Они бы до вас не доехали.

- Я не желаю оставаться с такой швалью. Я совершенно болен.

Контратака махновцев не состоялась. Думаю, что они израсходовали все патроны, стреляя по мне.

Офицер проезжал мимо в пролетке. Лицо его мне было знакомо.

- Вы не полковник Ильенко?
- Да, а ваше имя?
- Прапорщик Мамонтов. Сын Ивана Федоровича.

- Ах! Садитесь. Я был дружен с вашими родителями. Куда вы едете?
- В город. В лазарет. У меня плеврит.
- Город эвакуирован. Лазарет находится на пароходе. Я вас туда отвезу. Я начальник порта.

На пароходе меня встретили овацией сестры и клуб. Я лег в закоулок и сейчас же заснул, совершенно обессиленный.

ЭВАКУАЦИЯ

Я думал, что разболеюсь вследствие вчерашних происшествий, но, проснувшись, я был приятно изумлен тем, что чувствовал себя превосходно. Мне даже казалось, что я совершенно выздоровел. Мне очень хотелось есть.

- Ничего нет, — сказала сестра Оля, — нас так спешно эвакуировали, что мы ничего с собой не взяли. Как мы будем на пароходе без продуктов и одеял, ведь замерзнем.

Тогда я предложил членам клуба поехать и добыть все нужное в лазарете, если только его уже не разграбили. Члены клуба проголодались и с восторгом согласились. Явился Мокасей и к нам присоединился.

Мы мобилизовали несколько повозок. Это было просто сделать. Возчики за большие деньги привозили обывателей на пристань. Их-то мы и мобилизовали. К нашей радости, лазарет не был разграблен. Мы оставили двух вооруженных в воротах. Они должны были нас предупредить, если появятся подозрительные личности или махновцы, и не дать возчикам разбежаться.

Сперва погрузили все продукты, кастрюли, посуду из нижнего этажа. Для эвакуации верхнего этажа применили варварский, но быстрый способ. Расстилали перед шкафом одеяло, шкаф открывали и опрокидывали на одеяло. Устраняли шкаф и из содержимого и одеяла делали узел и выкидывали его на двор. Там его грузили на подводу. Одежда и белье перенесли этот упрощенный способ без особого вреда, инструменты менее удачно, а медикаменты совсем плохо. Зато все окончилось быстро и мы триумфаторами вернулись на пароход. Еда и одеяла спасли нас от голода и холода во время пути.

Азовское море было свободно от льда посередине, но края были схвачены кромкой льда, и пароходы не могли выйти из гавани. Телеграфировали в Таганрог, прося прислать ледорез, но он почему-то все не шел. Мы беспокоились, не захватят ли нас махновцы в порту. Но вот ветер переменялся, и лед отошел от берега и освободил пароходы. Мы тотчас же отошли в Керчь. В Керчи мы стояли сутки, потому что на Черном море был шторм.

ФЕОДОСИЯ

По выходе из Керченского пролива мы увидели мачты затонувшего судна.

- Наткнулся на мину, — объяснил капитан. — Их много носится по воле волн после войны.

Стало неуютно, и мы просили капитана не особенно отдаляться от берега.

Нас выгрузили в Феодосии и поместили в полупустой дом. На дворе жил воинственный осел, от которого мы спасались на высоком крыльце.

Мы получили от французов кофе. Но мельницы у нас не было. Я взял кофе и пошел к соседям. Вошел в кухню и попросил кухарку поджарить и смолоть кофе. Запах кофе привлек на кухню хозяйку, оказавшуюся москвичкой княгиней Гагариной. Узнав, что я москвич, она сказала:

— Сюда в собор привезли тела нескольких убитых офицеров конной гвардии, среди них есть и москвичи...

- Кто? — воскликнул я, предчувствуя недоброе.
- Оболенский, Тучков, Козловский...
- Какой Тучков?
- Дмитрий Павлович. Вы его знали?

- Это мой двоюродный брат... Я даже не знал, что Саша и Митя в Добровольческой армии.

В соборе стояло несколько гробов. Сопровождавший их офицер рассказал мне:

- 20 февраля 1919 года у Благодатной в конной атаке штаб-ротмистр Тучков был убит пулей в сердце. Атака удалась, но были убиты все офицеры (кажется, четверо).

Много позднее другой офицер, выслушав мой рассказ, хмыкнул.

— Вы повторяете официальную версию. Какая же удачная атака, когда убиты все лучшие офицеры. Очевидно, это была одна из первых атак, солдаты еще не втянуты и попривыкли к коням, а офицеры выскочили вперед.

Я много расспрашивал, но офицеры конной гвардии весьма неохотно об этой атаке говорили.

Позднее мать Мити Тучкова приехала в Феодосию, и мы ходили с ней на Митину могилу. Наш обоз стоял одно время в Феодосии.

ВОСПОМИНАНИЯ

В Феодосии находилось имение, когда-то принадлежавшее дедушке Рукавишникову. В детстве мы провели в нем очень счастливое лето. Тогда мой старший брат заболел аппендицитом, который еще не умели оперировать. Брат долго находился между жизнью и смертью. Нас, остальных детей, выгоняли в сад, чтобы мы не шумели. Сад был большой, а виноградники шли тогда до самого моря...

Я пошел искать старые воспоминания. Дом в мавританском стиле был цел. В нем помещался лазарет. Впоследствии я ходил сюда навещать капитана Канатова, офицера конно-горной, который умер от раны в живот. Странно, он лежал в той же комнате и на том же месте, что и брат много лет назад.

Виноградники и парк не существовали. На их месте были улицы и дома. Таинственный грот исчез, а готическая часовня, в которой водилась “белая женщина” и мимо которой вечером ни за какие коврижки мы не пошли бы, стояла одиноко на краю улицы. Было грустно, и я даже не поинтересовался, кому теперь принадлежит дом.

В СВОЮ ЧАСТЬ

Наш лазарет упразднили. Больных распределили по другим лазаретам, а нам, здоровым, предложили вступить в пехотные части для защиты Крыма. Защита Крыма была поручена генералу Слащеву. Он применял драконовы меры с расстрелами, и его очень боялись. Красные сильно напирали, но Слащев Крым отстоял.

Члены нашего клуба, по большей части гусары, и мы с Мокасеем вовсе не хотели идти служить в пехоту, особенно после Мангуша. Мы задумали всеми неправдами опять попасть в свои части, то есть дезертировать из Крыма на Кавказ. Это не просто было выполнить — патрули хватали всех способных носить оружие и отсылали в пехоту.

Мы уехали из Феодосии в Керчь. Там нам повезло. Пришел большой французский транспорт “Виолетта” с патронами. Он шел в Новороссийск. Мы прикинулись грузчиками, взвалили ящики на плечи, поднялись на пароход и затаились в трюме.

Рано утром любовались с палубы очертаниями Кавказских гор и играющими в водорезной волне двумя дельфинами.

В Новороссийске никто не мог нам сказать, где находятся наши части, но выдали пайки как возвращающимся из госпиталя. Доехали до Ростова. Дон разлился, как море, до самого Батайска.

В Ростове я встретил офицера нашей батареи, который отказался дать мне взаймы 200 рублей, но зато сказал, что батарея стоит в немецкой колонии около Матвеева кургана. Батарея в резерве Армии, то есть на отдыхе. Мы с Мокасеем туда приехали на поезде и с громадным облегчением нашли на станции Матвеева кургана повозки батареи. Наконец-то мы попали домой. Кончены все треволения.

БОЛЬШОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

ДУРА

Какая радость вернуться в свою батарею, как к себе домой, в семью. Кончены все невзгоды. Офицеры и солдаты встретили меня приветливо, и брат пожал мне руку со вздохом облегчения.

- Наконец-то! А я уж думал, что ты погиб. Ну слава Богу. Теперь все опять хорошо. Где ты пропадал?

Я рассказал ему о своих злоключениях и о смерти Мити Тучкова.

Батарея стояла в резерве Армии, то есть на отдыхе, в богатой немецкой колонии, в трех верстах от Матвеева кургана. Квартиры были просторные и чистые, продовольствие обильное и фуража достаточно.

В мое отсутствие Гайчул был убит под поручиком Лагутиным, которому я его поручил. Это известие меня не очень огорчило — я к нему не смог привязаться.

Все офицеры пошли в обоз, чтобы там выбрать для меня лошадь. Там было ужасное скопище кляч. Ясно — в обозе не заботились о заводных лошадях. Вероятно, не кормили и плохо поили. В этом вина начальника обоза, который за

этим не следил. Я не знал, что мне делать, когда вахмистр обоза указал мне на одну из кляч.

- Возьмите эту. Это — Дура.
- Как? Дура? В таком виде!

Дура была раньше прекрасной вороной кобылой с белой отметиной на лбу, сильной и резвой. Мне часто приходилось ее держать как коноводу, на Северном Кавказе. Ездил на ней прапорщик Ушаков. Он куда-то исчез из батареи. Дура попала в обоз и погибала от плохого ухода.

Я внимательно ее осмотрел. Ноги были целы, но все остальное... было просто жаль на нее смотреть. Она больше не была вороной, а скорей, коричневой с паршой. Глаза были безжизненны. Все ребра выступали, худоба была пугающая. Она едва передвигалась на дрожащих ногах.

Я взял Дуру, увел на конюшню моего дома и стал ее лечить. Я проводил около нее все время. Поил, кормил, чистил и мыл дегтярным мылом. Она разучилась пить и есть. Ела едва-едва. Я не настаивал на первых порах, но кормил ее три раза в день. Всегда у нее было сено. Я ее чистил каждый день и мыл каждые три дня. Это ей, видимо, нравилось. Очень быстро мой уход дал результаты. Дура повеселела, стала хорошо пить и есть. Шерсть стала расти, парша исчезла. Дура снова стала вороной. В глазах появилось живое выражение. Я заметил, что она охотнее всего ест подсолнечные жмыхи, которые я ей размельчал в воде. Я считал, что “дачи”, которые я получал для Дуры в обозе, недостаточны, и крал у крестьян овес.

Дура воскресала, она округлилась и повеселела. Значит, у нее не было болезней, а только истощение от бескормицы. Я нашел луг с хорошей травой под деревьями и стал выпускать Дуру пастись.

Наконец настал день или, вернее, вечер, когда я не мог поймать Дуру, чтобы увести с пастбища в конюшню. Она убегала, не давалась в руки. Это меня и злило, и радовало. Значит, выздоровела. Я пошел за братом.

- Ты знаешь, я не могу поймать Дуру. Пойди помоги мне.
- О! Неужели? Значит, поправилась.

Она нам не далась, но мы загнали ее в конюшню. Брат был поражен.

— Как это тебе так скоро удалось ее исцелить?! Теперь у тебя прекрасная лошадь. Просто здорово.

Никто воскресшей Дуры, кроме брата, еще не видел. Но все видели, недели две назад, скелет Дуры, который я вел к себе в конюшню.

Офицеры батареи решили устроить скачки. Были два фаворита. Лора капитана Малова и донской жеребец капитана Базилевского. Участвовали и другие

лошади. Пригоняя Дуру с пастбища — она бежала передо мною, но в руки не давалась, — я решил поседлать ее. Я ее еще не седлал.

Я выехал за околицу деревни и перевел Дуру на рысь. Немного наклонился — она увеличила рысь. Я еще наклонился — рысь еще увеличилась, еще и еще. Это было пьянящее чувство, казалось, ее резвости нет предела. Я перевел ее в галоп и потом пустил вовсю — карьером. Она летела как ветер. Но я пришел в себя и перевел ее на шаг и вернулся шагом. На первый раз довольно. Опасно слишком ее утомлять сразу. Каждый день, утром и вечером, я стал выезжать на Дуре и тренировать, постепенно увеличивая дистанции. Дура была очень резва.

Как-то в собрании мне предложили пари за одного из фаворитов. Я отказался.

- Почему?

— Я сам хочу принять участие в скачках.

— Но на какой лошади?

-На Дуре.

Все расхохотались.

- Что ты! Ее лошади затолкают, она упадет и сдохнет.

Я промолчал. Но когда в день скачек я выехал на хорошо вычищенной Дуре со смазанными копытами и расчесанной гривой, все ахнули.

- Откуда у тебя эта лошадь?
- Это Дура.
- Не может быть!

Но по белому пятну на лбу ее узнали. Никто больше не смеялся. Пришли полковники посмотреть и тоже ахнули.

- Это просто колдовство, Мамонтов, — воскликнул Шапиловский.

— Я держу за Дуру и особенно за Мамонтова, — сказал полковник Кузьмин.

Я бросил ему благодарный взгляд — он был знаток и любитель лошадей.

— Поздравляю вас, — сказал полковник Колзаков, командир батареи. — Дура прекрасно выглядит.

Я сиял. Брат старался казаться равнодушным, но был горд нами.

Все же у меня было беспокойство — я знал, что Дура еще слаба и недостаточно натренирована. Все ее преимущество было в ее резвости, которая не могла долго длиться. К счастью, расстояние не было особенно большим. Я решил

сразу вырваться и идти вволю, не экономя сил напоследок. Только так Дура могла выиграть. А она должна была выиграть, чтобы заключить триумф своего воскресения. Я чувствовал, что она выиграет.

По сигналу Дура хорошо взяла старт и выскочила вперед. Я ничего не слышал за моей спиной в течение трех четвертей пути, а Дура летела как стрела. Значит, мой план удался — Дура оставила их далеко сзади. Но вскоре за моей спиной стал нарастать тяжелый храп лошадей. Дура прижала уши и наддала, но стала слабеть. Фавориты выдвинулись с обеих сторон. Их головы достигли моих колен. В это время мы прошли финиш. Дура выиграла.

Я соскочил, расседлал ее, протер ей спину и ноги соломой, вновь поседлал и стал водить медленно, чтобы она постепенно приняла нормальную температуру. У меня было опасение, что я подверг ее слишком большому усилию. Но Дура хорошо перенесла скачки, последствий не было.

Конкуренты, конечно, закричали, что я выиграл оттого, что внезапно вырвался, что дистанция была слишком коротка и предлагали повторить скачки. Я отказался: это бы убило Дуру. Решили устроить скачки через несколько дней. Они не состоялись, потому что нас послали на фронт.

НЕДОСТАТКИ ДУРЫ

У меня теперь была прекрасная лошадь, лучшая, которую я имел. Но у Дуры были недостатки. Она была звездочетом, вырвавшись, не давалась в руки и, когда я садился в седло, крутилась и нервничала. После Урупской и Гуляй-Поле, где Ванька и Гайчул мне мешали сесть в седло в самый опасный момент атаки, я знал, что этот недостаток может стоить жизни всаднику.

Я решил воспитать Дуру. Сперва приучить ее, чтобы она от меня не бегала, а потом научить стоять неподвижно, пока я сажусь. Заметьте, что я такого воспитания лошади никогда не давал и не видел, чтобы кто-нибудь давал. Наоборот, все говорили, что это невозможно. Я придумал все сам, и моя система увенчалась полным успехом. Вот как я делал.

Никогда я Дуру не бил, наоборот, был с ней ласков. Я не ел сахара, который нам выдавали (очень мало и нечасто), а давал его Дуре. Я давал ей кусок и показывал остальное. Отходил и звал ее. Она шла за сахаром. Опять отходил и звал. В конце концов она отвечала на мой зов легким ржанием и шла за мной даже без сахара. Черный хлеб с солью тоже очень ценится лошадьёю. Она поняла, что меня ей бояться нечего, и шла за мной, как собака, без поводка. Постепенно между нами установилась дружба — тот замечательный контакт, когда мы читали мысли друг друга.

Тогда я принялся за вторую часть — приучить Дуру стоять неподвижно, пока я сажусь в седло. Даже если кругом паника.

Я никогда не видел лошади, не поддающейся панике стада. И все мне говорили, что я хочу невозможного. Но я не сомневался в том, что Дура этому научится. Когда батарея шла рысью, я отъезжал в сторону, останавливался и слезал. Дура нервничала, ей хотелось присоединиться к другим лошадям. Я ждал, пока она перестанет вертеться, и делал вид, что сажусь. Сейчас же она начинала вертеться. Я вынимал ногу из стремени и ждал. Когда она успокаивалась, опять вдевал ногу в стремя — она вертелась, я вынимал ногу, и так я проделывал много, много раз, пока она не поняла, что я сяду только, если она будет стоять неподвижно. Это длилось долго, но Дура меня поняла. Не нужно раздражаться — это трудно, нужно много терпения. Не нужно забывать, что вы имеете дело с лошадью, которая думает иначе, чем мы с вами. Тогда я попросил брата и друзей скакать, кричать и даже стрелять в воздух — изображать панику. Дура приучилась стоять неподвижно, пока я не спеша садился, усаживался, разбирал поводья, наклонялся к ее голове и говорил: “Ну Дура!” И только тогда она пускалась вскачь. Дура была умной лошадью, вполне меня понимала и очень облегчила мне задачу. Она хорошо разбиралась в обстановке, знала, когда нужно удирать вовсю. Это ценное приобретенное качество Дуры позволило мне выйти из нескольких скверных положений и создало Дуре известность во всей дивизии.

Очень любопытно, что буквально все восхищались способностью Дуры стоять смирно во время паники, но никто не последовал моему примеру, даже мой брат.

- Рыцарь спокоен. Я всегда смогу сесть в седло.
- Все лошади спокойны, когда нет паники. А когда будет самая насущная нужда быстро удрать, ты увидишь, он не даст тебе сесть.

Действительно, под Харьковом произошла паника. Два броневедомола нас преследовали. Рыцарь обалдел, стал вырываться и не давал брату сесть, а Дура среди суматохи стояла как скала.

ЗВЕЗДОЧЕТ

Звездочетом называют лошадь, которая, когда ее останавливают и натягивают повод, продолжает бежать, а голову закидывает вам на колени. Это очень неприятный недостаток. Существует мартингал — система ремней, не дающая лошади возможности закидывать голову. Но мартингала у меня не было, и, кроме того, он усложнил бы седловку. Я разрезал поводья и тянул их обеими руками книзу, что было ненормально. И все это — потому что Дура была звездочетом. Когда она задирала голову, было впечатление, что она считает звезды. Этот недостаток меня очень огорчал и был крайне неудобен.

В Моспине стоял я у донского казака на квартире. Он оглядел Дуру понимающим взглядом знатока.

- Добрая у тебя кобыла. Хороша.

- Да, но вот она звездочет.
- Это просто поправить. Возьми два сырых яйца. Поезжай в степь. Заставь ее пробежать, а потом останови. Когда она голову-то задерет, ударь ее с силой яйцами по лбу и оставь их течь. Потом слезь и поговори с ней, как будто она ранена и приведи в поводу. Не счищай два дня яйца. Они сохнут и будут тянуть ей шерсть на лбу. Она будет думать, что у нее мозги текут, и будет нести голову вниз. Прделаешь это два раза, и она избавится от своего недостатка навсегда.

Казачи знают лошадей. Я вспомнил “Очарованного странника” Лескова, где дается приблизительно такой же рецепт с горшком теста. Я решил сейчас же попробовать.

Результат был потрясающий. Одного яйца оказалось довольно — Дура освободилась от звездочетства навсегда. Вся батарея смеялась надо мною из-за измазанного лба Дуры. Я терпеливо сносил насмешки.

Обыкновенно каждый уводил свою лошадь к себе на конюшню. Но изредка замечания генерала князя Авалова, инспектора конной артиллерии, заставляли нас ставить лошадей на коновязь, как полагается по уставу. Два или больше железных кола втыкаются в землю и между ними натягивают канат. К канату привязывают лошадей и под канат кладут сено. Дневальный смотрит за порядком.

Ночью все лошади кажутся воронами, и в случае тревоги легко спутать лошадь и поседлать лошадь соседа. Но мне достаточно было позвать Дуру — она поворачивала голову и легонько ржала. Как будто говорила:

— Тут, вот я.

Дура была прекрасной во всех отношениях лошадей, и я ее ценил. Никогда у меня лучшей не было. Какая разница между Ванькой, Гайчулом и Дурой! Оба жеребца были в общем деревенские лошади, а Дура строевая, вероятно, кубанской породы. Никогда я Дуру не бил и только раз, и то по ошибке, ее пришпорил. Она взвилась как птица, и я долго извинялся за свою ошибку. Шпоры ей были не нужны, она охотно прибавляла хода. Достаточно мне было подумать — и она исполняла желание.

НЕНОРМАЛЬНЫЙ

Для полного отдыха мы не только ставили лошадей на конюшню своего дома, но и ставили свое орудие к себе надвор. Этим мы избегали наряда часовых, но это, понятно, было против устава. По моем прибытии в батарею у Матвеева кургана брата и меня зачислили опять в орудие ввиду новых формирований.

Как-то капитан Мукалов, начальник нашего 4-го орудия, застал крестьянина-немца, орудующего с затвором нашего орудия.

- Что ты тут делаешь?
- Какое тебе дело до того, что я делаю?
- Пошел вон, сволочь.

- Сам сволочь.

Мукалов крикнул нам в окно.

- Выходите быстро с оружием.

Поручик Клиневский и я схватили карабины и выбежали на двор.

— Арестуйте этого человека и приведите его к командиру батареи.

Полковник Шапиловский выслушал рапорт Мукалова и сказал:

— Застали на деле, что же, мы его расстреляем. Клиневский и Мамонтов с карабинами? Вот и прекрасно.

У меня подкосились ноги, и я должен был опереться о стену дома. Никогда я не расстреливал и питал к этому отвращение. Шапиловский и Мукалов вошли в дом. Мы же трое остались снаружи, бледные и молчаливые. “Я выстрелю в воздух... А если и Клиневский выстрелит в воздух?.. Господи, избавь меня от этого ужаса!”

Собралась толпа любопытных. Пожилой крестьянин, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Он у нас известен... Он ненормальный. У него бывают приступы сумасшествия.

Я схватил говорившего, притащил его к двери.

— Ты скажешь то же самое там внутри.

Потом открыл дверь и втолкнул его внутрь.

— Свидетель, господин полковник, хочет доложить, — и захлопнул дверь.

Появился Шапиловский.

— Раз он ненормальный, то мы его выпорем. Я послал за езовыми.

Уф! Слава тебе Господи! Мы все трое вздохнули с облегчением.

Ездовые шли с плетью, ухмыляясь. Мы отвели арестованного за дома.

— Снимай штаны, — приказал Клиневский.

— Шутки в сторону, — вдруг нахально сказал арестованный. — Я не позволю себя сечь. Я пойду домой.

И он действительно сделал движение, чтобы уйти. Его самоуверенность произвела впечатление на Клиневского и на солдат — они стояли с разинутыми ртами. Но я пережил благодаря этому поганцу такой страх, что искренне его ненавидел. Я бросился на него, свалил на землю и сорвал штаны, так что пуговицы отлетели.

— Дайте ему, ребята, как следует и прибавьте еще от меня!

Его выпороли, и он заплакал. Мы оставили его там и с облегчением пошли домой.

Крестьянин-свидетель подошел ко мне.

- Хорошо, что вы его выпороли, он это заслужил. Это опасный человек.
- А почему же вы сами, миром, его не выпороли, если он того заслужил?
- Нам нельзя. Он в отместку может сжечь сарай. А вы — другое дело. Вы власть, и с ней не пошутишь. Он теперь поостережется. А мы остались ни при чем. Я вам приношу благодарность от всей деревни.

ФОРМИРОВАНИЯ

В апреле 1919 года в Матвеевом кургане наша батарея дала офицерские кадры для нескольких казачьих конных батарей — донских, кубанских и терских. Полковник Смирнов получил формирование уральской конной батареи и предложил брату и мне места младших офицеров. Мы отказались, предпочитая остаться на должности солдат в нашей старой батарее. Мы сжились с людьми и лошадьми, батарея стала семьей. Я бы не мог расстаться с Дурой.

Но наша батарея развернулась в двухбатарейный дивизион. Из персонала 2-го взвода образовалась новая 2-я конная батарея с простыми, не горными, орудиями. Сперва только с двумя орудиями. Командовал новой батареей полковник Шапиловский. Первым орудием командовал капитан Обозненко, а вторым, нашим, — капитан Мукалов. Мы с братом попали к Мукалову. Батарея несколько раз меняла свой номер: была и 8-й, и 10-й конной, но в конце концов стала (и осталась) 2-й конной генерала Дроздовского батареей. Работала всегда вместе с 1-й конно-горной. С этих пор обе батареи из офицерских стали офицерско-солдатскими. То есть прислуга орудия состояла частью из офицеров, а частью из солдат. Нам повезло, — в нашем орудии оказались кубанские линейные казаки, очень славные. Меня послали на станцию получить и привезти два трехдюймовых орудия. Я отправился с двумя запряжками, осмотрел, принял, сгрузил, запряг и привел в немецкую колонию две пушки, чем положил начало существованию доблестной 2-й конной батареи.

Шапиловский был маленький, рыжий, косой, напоминал лихого пирата, но его ценили, он был храбр, рассудителен и пользовался авторитетом. Обозненко был

очень молод, но прекрасный офицер — рыцарь. Мукалов был симпатяга, но наркоман.

Очень скоро батарея стала четырехорудийной. Обозненко и Мукалов стали командовать взводами, а брат получил командование нашим 4-м орудием. Орудие как-то само собой стало нашим семейным. Когда брата не было, командовал им я.

Если нужны были лошадь или солдаты, мы сами их доставали, никому не докладывая. Мы подобрали прекрасных лошадей, особенно в корне, и, вероятно, из-за них наше орудие из 4-го стало первым, то есть шло в голове колонны.

Дивизионом, двумя батареями, командовал Колзаков, которого произвели в генерал-майоры. Первой батареей командовал полковник Алябьев.

В это время усиленно формировались кавалерийские полки. Вскоре был сформирован корпус, а позднее даже два. Под командой генерала Барбовича наша регулярная кавалерия превратилась в грозную силу.

Но главные силы Армии составляли четыре пехотных полка: корниловцы, марковцы, дроздовцы и алексеевцы. Это была наша гвардия. Летом они развернулись в дивизии, но осенью из-за потерь снова были сведены в полки. Нам приходилось работать со всеми четырьмя, и всегда успешно. Вначале это были офицерские полки, потом из-за потерь стали солдатскими, но традиции сохранились.

КИНЖАЛ, КОНЬ И ЖЕНЩИНА

В имении бабушки когда-то бывало много гостей. Между ними был офицер Терского Казачьего войска. Он носил черкеску с кинжалом. Сначала он отказался от верховой езды, но потом привез свое казачье седло и оказался хорошим наездником.

— Почему же вы раньше не хотели ездить?

— Не хотел садиться на штатское седло.

Это “штатское” было произнесено с презрением, а это было хорошее английское седло.

- Дикарь, полуразбойник, — говорили мужчины, понятно, в его отсутствие.
- Рыцарь без страха и упрека, — говорили дамы.

- Джигит, — говорили конюхи, и их мнение было для меня решающим, так как мне было всего семь лет. Он заметил мое обожание.

— Покажите ваш кинжал.

Меня предупредили не говорить, что он мне нравится, потому что по кавказскому обычаю он должен будет мне его подарить. Красивая традиция, которая потерялась, потому что люди ей злоупотребляли. Взрослым он говорил:

— Это не игрушка и не забава, а оружие. Обнажать его можно только для удара.

Люди поспешно отходили. Но мне он улыбнулся, вытащил кинжал из ножен и сказал:

— Посмотри хорошенько. Ты нечасто увидишь подобный клинок. Это Кара-Табан, старый и редкий клинок.

Сталь была темная, как бы в волнах.

— Где вы его купили?

Он сверкнул глазами и вложил кинжал в ножны.

— Я не армянин, чтобы покупать оружие.

Я понял, что сказал бестактность, и покраснел. Он это заметил, взял меня за руки и сказал:

— Запомни на всю жизнь: оружие не покупают, а достают.

— Как?

- Получают в наследство, в подарок, крадут, берут у врага в бою, но никогда не покупают. Это было бы позором.
- А разве красть не стыдно?
- Нет. Украсть коня, оружие или женщину вовсе не позорно. Наоборот... но ты слишком мал еще... Иди играть и оставь меня в покое.

Он встал, чтобы уйти.

— А коня, как достать коня?

Он снова сел.

— Коня?.. Можно получить его от отца в подарок. Можно даже его купить. Да, покупают... Как покупают жену. Случается часто. Но его и воруют или обменивают. За хорошего коня можно отдать настоящий персидский ковер или даже приличную шашку... Но лучший способ достать коня — это, конечно, взять его в бою... Я взял одного кабардинского жеребца, красавца, каракового. Звали его Шайтан, и он им и был. Когда я на него садился, было чувство, что крылья вырастают...

Он замолк, уйдя в воспоминания, уперев глаза в горизонт.

— А что же с ним случилось? Он у вас еще?

Он не шелохнулся. Я думал, что он меня не слышал. Но после молчания, со взглядом, все тонущем в пространстве, он нехотя обронил:

- Нет его у меня... Я его обменял.
- На что? — изумился я.
- На женщину.

Он встал и пошел. Вдруг вернулся, взял меня за руки и сказал, обжигая глазами:

— Если тебе когда-нибудь придется выбирать между женщиной и конем, возьми коня.

Он ушел, оставив меня как зачарованного.

Я ни словом не обмолвился родителям. Инстинктом я понял, что это значительный разговор, который я запомнил на всю жизнь.

Во время гражданской войны в Нежине вечером я приехал на свидание на своей чудной вороной Дуру. Втроем слушаем соловьев. Она, Дура и я. Она приблизила свои глаза, в которых отражались звезды, к моим.

- Если вы меня любите, отдайте мне Дуру.
Она знала, что я Дуру люблю. Я вздрогнул.
- Вы молчите?

Я молчал. Погладил Дуру и подумал: “Не бойся, Дура, ни за какие коврижки тебя не отдам”. И я тут же вспомнил терского офицера.

По нашей просьбе атаман Матвеева кургана собрал для нас старые шашки. Были старинные и очень ценные. Я выбрал донскую шашку 1877 года. Длинную, тяжелую и кривую. Прекрасное оружие. Рубить ей людей не пришлось, но удивительно, как ее присутствие придавало мне уверенности. Странно, рубил я налево лучше, чем направо.

НА ФРОНТ

В Матвеевом кургане мы очень хорошо отдохнули. Но счастье кончилось. В одно прекрасное утро горнист протрубил поход, и обе батареи выстроились на улице колонии и впервые дивизионом (то есть двумя батареями) двинулись на станцию на погрузку. Выгрузились мы на станции Иловайской. Отсюда мы с кавалерией пошли с мелкими боями по каменноугольному району между Макеевкой и Моспиным. Потом разделились. Первая батарея работала с изюмцами и ингерманландскими гусарами в районе Макеевки, а мы, 2-я конная, с ротой марковцев в пятьдесят-шестьдесят человек, пошли на Моспино.

Я встретил нескольких ингерманландских гусар и спросил о вольноопределяющемся Смирнове, с которым лежал в лазарете в Мариуполе.

— Вчера убит под Макеевкой шрапнельным стаканом в грудь.

ВАЖНАЯ ПОЗИЦИЯ

Перед нами был большой индустриальный центр Юзовка (позднее Сталино). Тут протекала вязкая речка Кальмиус. Это историческая река, ибо раньше она называлась Калка, на ней русские впервые в 1223 году встретились с татарами и были ими разбиты.

Как раз в это время красное командование решило провести большую наступательную операцию двумя клиньями. Один клин был направлен с востока на Новочеркасск, а второй на Моспино, как раз там, где мы находились. Оба клина должны были соединиться и окружить Донскую и Добровольческую армии.

В полном неведении той ответственной роли, которая выпадала на наши малые силы, мы перешли мост и поставили наши два орудия в пятистах шагах влево от моста, у реки. Перед нами были невысокие холмы, которые заняли марковцы. Погода была чудная, выстрелов не было слышно, и мы разлеглись на траве. Я пустил Дуру пастись. Колзаков и Шапиловский находились на холме впереди батареи. Их связывала с батареей цепочка разведчиков, чтобы передавать команды.

Все казалось мирно и тихо, но 48-линейные снаряды стали прилетать и лопаться недалеко от батареи. Красные нас не видели, но подозревали позицию батареи. Мы брали ком земли и ждали, при разрыве мы бросали ком в спящего, который с испугом вскакивал, думая, что ранен.

Но красные снаряды прилетали все чаще, и мы уже больше не смеялись. Стреляли они издали, потому что мы выстрелов не слышали.

Потом внезапно появились четыре броневых автомобиля.

Наша пехота легла в высокую траву и пропустила броневики. Они направились на нас. Мы открыли по ним огонь с близкого расстояния. Они же строчили в нас из пулеметов. Это длилось долгие десять минут, а то и больше. Но несмотря на близкое расстояние, ни нам не удалось подбить броневики, ни им нанести нам потери. Когда волнуются, то плохо стреляют.

Один из броневиков гонялся за нашими командирами — Колзаковым и Шапиловским, которые бегали от него вокруг холма. Стреляя по нему, мы чуть не угробили своих же командиров. Броневики ушли, им не удалось сбить нас с нашей позиции. Наступил перерыв. Появились черные цепи красных, одна за другой и локоть к локтю, очевидно, шахтеры, потому что цепи были черные, а не защитные. Мы могли видеть три цепи, а пехота говорила, что было девять цепей. Нас удивило такое громадное применение сил против наших двух пушек и пятидесяти—шестидесяти марковцев. Мы открыли огонь по цепям, стреляли

много, и во все направления, потому что красные старались охватить наши фланги и прижать орудия к непроходимой, вязкой речке. Особенно мы следили за тем, чтобы не дать красным занять мост — наш единственный путь отступления.

Командиры передали, что трубки шрапнелей плохо установлены. Я взглянул на устанавливавшего солдата. Он широко раскрытыми от страха глазами смотрел на красных и, не глядя, вертел ключом головку шрапнели. Я его оттолкнул и стал устанавливать сам нужную дистанцию. Нужно работать сосредоточившись и внимательно, что под обстрелом трудно — руки дрожат. В это время орудие повернули почти под прямым углом и выстрелили над самой моей головой. Я как бы получил сильный удар в ухо. Оглох, и кровь засочилась. Но было некогда обращать на такие мелочи внимания, нужно было лихорадочно работать.

Наша редкая цепочка марковцев не дрогнула — их пулемет работал прекрасно. Наши шрапнели вырывали грозди людей из красных цепей. Первые две цепи замялись. Но подошла третья и наступление продолжалось. Они стали подходить к мосту. Нам нужно было уходить. Пехота перешла реку по поваленному дереву, а батарея пошла через мост. Одна пушка палила прямой наводкой, а другая шла галопом у самой реки, где ее не было видно, выскакивала на позицию шагах в ста пятидесяти дальше и открывала огонь в упор. Тогда другое орудие снималось и скакало еще дальше, то есть еще ближе к мосту, и тоже выскакивало и палило, пока первое скакало. Так, чередуясь, батарея могла перейти через мост.

Это батарея, у меня же обстоятельства сложились совсем иначе. Я пустил Дуру пастись и больше не мог ею заниматься из-за боя. Когда батарея снялась, я бросился к Дуре. Она еще не была приручена и от меня побежала в сторону красных. Я гнался за ней с отчаянием, боясь ее потерять. К счастью, отходившие марковцы завернули Дуру, и мне каким-то чудом удалось ее поймать. Все это происходило под сильным огнем красных. Батарея стреляла около моста. Пехота переходила реку по поваленному дереву. Что мне делать? Река непроходима, Дура завязнет, идти на мост? Не поздно ли? Все же нужно попробовать.

— Ну Дура, пошла во всю мочь, скорей, чем на скачках. Вали!

И она пошла. Сперва внизу у самой речки, невидимая красным. Потом Дура вихрем вылетела наверх и как стрела помчалась вдоль красной цепи, которая провожала ее салютом пальбы. С полного карьера я завернул направо, и копыта Дуры застучали по мосту.

— Уф! Здорово. Слава Богу, вырвались. Молодец, Дура. Ты это хорошо сделала... Но все же ты — стерва: от меня бегаешь. Нужно скорей тебя приучить.

Я догнал батарею. Осмотрел Дуру, сам повел плечами. Кажется, ни она, ни я не ранены. Повезло — пуль-то было много.

ПОД ОБСТРЕЛОМ

На другой стороне реки мы считали себя в безопасности, но бой продолжался. Красные тоже перешли реку, мы не смогли их остановить. Пришлось отходить. Мрачные, мы отступали, когда за холмом увидели скученную массу пехоты: Кубанский пластунский батальон, который очень вовремя прибыл нам на помощь. Его появление произвело самое сильное впечатление и на нас, и на красных. Красные замялись. Уже марковцы их атаквали. Мы выехали на открытую позицию и с малой дистанции ахнули по красным беглым огнем. Красные спешно отступили за реку.

Вдруг на батарею стали падать снаряды. Та же мортирная батарея нас обстреливала, но на этот раз их наблюдатель нас видел, потому что снаряды рвались на самой нашей батарее. Хорошо, что мортиры стреляли издали и их снаряды падали сверху, зарывались глубоко в мокрый чернозем у реки и взрывались вверх, а не горизонтально.

— Уведи лошадей, уведи Дуру, — крикнул я обалдевшему коноводу.

Наши солдаты, как это случалось в трудных случаях, исчезли. У орудия остались вольноопределяющийся Нягу, брат и я. Надо было нацепить орудие на передок. Но по сырой пахоте для трех человек орудие тянуть трудно. Напрягая все силы, потянули. Вдруг усиливающийся свист падающего снаряда. Мы бросаемся на землю. Взрыв, комья земли падают на нас, а мы уже вскочили и тянем орудие. Но при взрыве лошади дернулись, и передок опять отошел. Опять свист. Мы падаем. Взрыв — мы вскакиваем и тянем. И так несколько раз подряд. Наконец прицепили. Ездовые увезли орудие рысью, а мы отбежали в сторону. Другое орудие было в таком же положении, но и им удалось уйти.

Ездовым было тоже не сладко. При каждом свисте снаряда они проваливались между подручной и подседельной лошадьми и потом вновь выныривали оттуда. Мы даже не подобрали несколько лотков со снарядами. Никто не был ни убит, ни даже ранен.

Вечером мы вернулись на то же место за оставленными снарядами и насчитали тридцать две воронки на каких-нибудь трехстах квадратных метрах. Воронки часто перекрывали друг друга.

- Как это мы могли остаться в живых? — сказал Нягу, почесывая за ухом.
- Н-да... Это мягкий чернозем нас спас. Снаряды зарывались глубоко и рвались вверх.

— А я думаю, что просто наш час еще не пробил.

Обстрел длился, вероятно, всего несколько минут, но нам они показались вечностью. После этой переряги батарея стала гораздо осторожней.

Красных отбросили. Ночь, к нашему удивлению, прошла спокойно, с пением соловьев.

Благодаря упорному сопротивлению марковцев и хорошей работе батареи наступление красных было задержано. Это дало время командованию оценить обстановку и подвести резервы.

БОЛЬШОЙ БОЙ

На заре бой снова разыгрался. Красные ввели большие силы. Появились их броневые поезда, и все время вступали в бой новые формирования. К нам же подошли наша первая батарея и гусары. Марковцы и пластуны принуждены были отступить шаг за шагом. Уже станция Моспино была нами оставлена. Наш бронепоезд, работавший на линии Макеевки, мог быть отрезан. Он появился из-за поворота, человек спрыгнул на стрелке, бронепоезд прошел до красных цепей, входивших на станцию, обстрелял их из пулемета и задним ходом пошел на Иловайскую. Человек на стрелке вскочил на поезд.

Бой все время разрастался. С обеих сторон вводили новые части и батареи. Гул артиллерийского огня слился в сплошной рев. Разобрать отдельных выстрелов было невозможно. Фронт боя расширялся вправо, к Макеевке. Мы оказались на левом фланге.

В это время подошла нам на помощь Терская конная дивизия. Оседланных лошадей просто выталкивали из вагонов, они катились под откос, казаки за ними следовали, поправляли седла, сотни строились и шли в бой.

Затем подошел тяжелый бронепоезд “Единая Россия”, оттолкнул вперед платформу с меньшей пушкой и задрал вверх могучий ствол своего “морского орудия” — шести-или даже восьмидюймового, и так рывкнул, что даже наши привычные лошади подскочили. Это громадное орудие угнало красные бронепоезда на двадцать верст назад, выключив их из боя.

Необычайно упорный бой кипел на десятки верст. Разобрать что-либо было трудно. Дважды мы посылали за снарядами.

Под вечер мы увидели слева длинную колонну конницы: это Кубанская конная дивизия генерала Шефнер-Маркевича охватывала правый фланг красных и, очевидно, убедила красное командование в неудаче их наступления, потому что бой как-то сразу стих с наступлением темноты. Наступила полная тишина, только в ушах еще гудело. К нашему удивлению, ночь снова прошла спокойно.

Наутро красных перед нами не было. Они отступили. Это был один из самых больших боев, в которых мне пришлось участвовать.

Под Новочеркасском донцам удалось разбить второй красный клин. С этого момента началось наше большое наступление.

Обе наши батареи были приданы 1 -и Терской казачьей конной дивизии, с полками: 1-м Терским, 1-м, 2-м и 3-м Волгскими. Командовал дивизией наш старый знакомый генерал-майор Топорков, хороший начальник, с которым мы работали на Северном Кавказе.

Дивизия с батареями пошла к северу, вслед за красными. Я же получил приказание ехать в обоз за ячменем. Дивизия шла в каменноугольный район, где фураж достать трудно. Я поручил Дуру брату и сел в поезд.

Только в поезде я узнал всю важность нашей победы. Офицер читал вслух реляцию нашего генерального штаба и описание боя на нашем левом фланге. Последняя фраза мне все объяснила.

- Это произошло 5 мая 1919 года у Моспина.

— А я как раз еду из Моспина! — воскликнул я.
Все глаза обратились на меня, и я смутился.

ПОЛКОВНИК КУЗЬМИН

В батарее был полковник Кузьмин. Настоящий конник. Хороший наездник, любитель лошадей, всегда элегантен и в хорошем настроении. Поскольку применения для него в батарее не было, его откомандировали быть нашим представителем около генерала, командира регулярной кавалерии. Он был великолепен в свите генерала.

В бою под Моспиным бронепоезд красных очень мешал нашей кавалерии. Их наблюдатель, по всей вероятности, находился в железнодорожной будке. Генерал подъехал к первой батарее и приказал сбить будку. Этим занялся один из лучших наших артиллеристов капитан Канатов. Но как часто случается в артиллерии, его снаряды рвались кругом, но в будку не попадали.

Генерал насупился.

- Я приказал сбить будку, а не стрелять кругом нее. — И обернувшись к Кузьмину: — Вот ваши артиллеристы. Когда дело касается квартир, то они первые, а насчет стрельбы...

Кузьмин молча слез с коня, подошел к орудию.

- Вы мне разрешите, капитан?
- Пожалуйста, господин полковник.

Кузьмин ничего не изменил в положении орудия, приложил лишь бинокль к глазам и скомандовал: “Огонь!”. Граната ударила в будку, которая разлетелась

на куски. Кузьмин подошел к генералу и доложил: “Исполнено, Ваше Превосходительство”. Как будто тот сам не видел. Кузьмин сел на коня, кивнул Канатову и последовал за генералом. Наши артиллеристы остались с разинутыми ртами.

— Вот ведь везучий! Теперь вся кавалерия будет думать, что только Кузьмин и умеет стрелять из пушки.

Как-то командир эскадрона был убит, и гусары дрогнули и побежали. Сам генерал оказался в опасности. Но Кузьмин выскочил вперед, самовольно взял команду над эскадроном, вернул людей, атаковал красных и восстановил положение. При этом он был легко ранен штыком в ногу.

При следующей оказии Кузьмин получил в командование 1-й офицерский конный полк и оказался прекрасным начальником — храбрым, решительным и удачливым. Под его командой полк стал одним из лучших.

ЗА ЯЧМЕНЕМ

Приехав в колонию у Матвеева кургана, я обратился к начальнику обоза прапорщику Приходько за ячменем для батареи.

— Ячменя у меня нет, и я не смогу вам его достать. Только что посеяли, а то, что осталось, реквизировано для Донской армии. Мы отсюда переедем на русскую территорию. Тут Донская область, и казаки нас обвиняют, что мы едим их хлеб.

Я уже знал по опыту неспособность тыловых учреждений к полезной работе. Обоз сам жил прекрасно, и этим его деятельность ограничивалась.

Я поехал в Матвеев курган и обратился к станичному атаману, донскому казаку. Он выслушал меня вежливо, но холодно. Тогда я упомянул, что наши две батареи входят в состав Терской казачьей дивизии. Это сразу изменило положение.

— А, генерал Топорков... Нужно вам помочь. Ячменя в нашем районе немного. Но, быть может, вы найдете несколько мешков... Осипов! Ты поедешь с подпоручиком и постарайся найти немного ячменя.

Мы отправились на подводе и, несмотря на то, что объехали много хуторов, нашли всего два чувала (мешка) ячменя. Подъехали к какому-то хутору.

- Хутор атамана Платова, — сказал Осипов.
- Платова? Героя 1812 года?
- Того самого. Который превратил отступление французов в бегство.

Небольшой скромный дом и маленький парк. Я сказал:

— Поедем реквизировать в другое место. Нужно уважать его память.

Это понравилось Осипову, и в короткое время наша повозка наполнилась мешками. Пришлось даже реквизировать вторую повозку, и она наполнилась. Наш обоз уже переехал. Я нашел его в русской деревне на западе.

ЗА БАТАРЕЕЙ

Ко мне в обозе присоединились два офицера и два солдата, и мы решили ехать искать батарею.

— Не понимаю вашей поспешности, — сказал начальник обоза. — Если бы вы еще ехали на праздник. А то походы, усталость, бои... Поживите у нас несколько дней, отдохните. Вы всегда успеете получить ранение или быть убитым. Оставайтесь.

Но мы все же поехали. Всегда трудно найти свою часть, в особенности при подвижной войне. Никто ничего толком сказать не мог.

— Были вчера там-то. А куда пошли и где находятся, про то Аллах ведает.

Мы долго блуждали на авось, пока не встретили казаков, которые нам указали приблизительное направление. Затем мы услышали вдали пушечные выстрелы и пошли на них. Мы не ошиблись. Под вечер мы встретили Терскую дивизию, возвращавшуюся после нерешительного боя у села Константиновки. Мы остановились на краю дороги. Проходят полки, потом первая батарея. Обмениваемся приветствиями. Наконец показывается и наша батарея. В ней уже четыре орудия. Ищу глазами брата. Вот вижу поседланного Рыцаря, которого ведут в поводу, а брата нет. Сердце съеживается. И вдруг вижу брата на Дуру. Уф, отлегло. Живы и он, и Дура. Слава Богу. Колонна остановилась. Я позвал Дуру. Брат с нее слез и отошел. Дура наострила уши и легонько заржала. Потом шаг за шагом подошла ко мне. Узнала.

— Ты можешь сесть на нее, это твое седло, — сказал брат. Мы приехали как раз вовремя, потому что дивизия пошла влево и шла всю ночь.

СКВОЗЬ ФРОНТ

Утром мы пришли в деревню, которую я долго искал на карте и нашел совершенно случайно. Но деревня находилась в глубоком тылу красных, у Константиновки. Обеспокоенный этим открытием, я направился к полковнику Шапиловскому. Отрапортовал ему о прибытии с ячменем и затем, показав карту, спросил, не ошибка ли это.

— Нет, это не ошибка. Мы прошли ночью сквозь фронт.

Наша задача произвести беспорядок и вызвать панику в тылах противника.

По правде сказать, в данный момент в панике был я.

- А... Хм... Что мы будем делать, если?..
- Полноте, что вы? Мы ведь сила. Целая дивизия с хорошим начальником. У нас преимущество — мы можем избегать боев, которые нам не по вкусу, и навязывать бои красным, когда мы хотим. Мы можем отступить во все четыре стороны, а красные будут парализованы нашим внезапным появлением... Идите выпейте рюмку водки.

Водка безусловно придала мне немного храбрости. Но я плохо спал, просыпался, слушал. Боялся раздеваться, расседлывать Дуру. Но вскоре я убедился, что Шапиловский прав. Наш рейд по тылам оказался очень легким. Паника нам предшествовала, и достаточно было нам появиться и выпустить две шрапнели, все бежали без оглядки.

ЧАСТЬ 3. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

РЕЙД ПО ТЫЛАМ

В ТЫЛУ У КРАСНЫХ

Красный фронт укрепился. Атаковать их в лоб стоило бы больших потерь. Наше командование решило пустить Терскую казачью конную дивизию по красным тылам, дезорганизовать их снабжение, испортить железные дороги, связь и посеять панику. Генерал Топорков прекрасно выполнил эту задачу, облегчив нашей пехоте продвижение вперед и занятие Харькова. Дивизия прошла около 500-600 верст по красным тылам с большой легкостью. За все время нахождения в тылу противника было всего два неприятных момента, да и то по нашей вине. Больших боев мы избегали, было много внезапных налетов. Удачный рейд Терской дивизии предшествовал знаменитому рейду донцов генерала Мамонтова в район Тамбова. Рейд Мамонтова был большего размаха, но и наш рейд был блестящей операцией, давшей хорошие результаты и стоившей очень малых потерь.

Вначале, очутившись в тылу красных, мы трусили. Но очень быстро убедились, что паника нам предшествует и красные нас боятся гораздо больше, чем мы их. В конце концов рейд оказался настолько легким, что мы впали в другую крайность — в беспечность, что нам дважды причинило неприятности. Рейд состоял в постоянном движении, во внезапных нападениях с налета, и Топорков умел использовать внезапность.

Не обошлось без трагикомических происшествий. Разъезд и квартирьеры вошли в большое село. На околице расспросили жителей, нет ли красных войск.

— Войск нет. А на площади приехавший из Харькова оратор ведет пропаганду против вас, — с улыбкой ответил крестьянин.

Видимо, население, испытывавшее власть большевиков, им больше не сочувствовало.

Казачи спешили и незаметно вмешались в толпу слушателей на площади. Оратор в порыве красноречия ничего не заметил. Он громил белобандитов, “этих гадов, негодяев, предателей, эту гниль, которую мы раздавим...” Он осекся, потому что прямо перед его трибуной стоял казачий офицер, уперев руки в боки, а крестьяне кругом посмеивались.

— Очень интересно, товарищ, то, что ты рассказываешь. Продолжай.

Но у товарища вдруг отнялся язык.

Другой раз ночью въехал в село, нами занятое, красный батальон на подводах. Комиссар стал стучать в окно “совета”, требуя квартир. Один офицер выглянул и понял, в чем дело.

— Сейчас оденусь и сделаю все необходимое. Подождите малость.

Он вышел через заднюю дверь. Установили несколько пулеметов и приказали батальону бросить оружие, что тот и сделал. Батальон утром выстроили и приказали петь Интернационал. Топорков с ними поздоровался.

— Здорово, сволочь.

Они прекрасно ответили:

— Здравия желаем, ваше превосходительство!

Солдат отправили в тыл, комиссара в расход.

Они пришли вылавливать белобандитов, то есть нас.

Население нас встречало радушно, но слыша, что мы завтра пойдем дальше, старалось оставаться нейтральным, боясь репрессий.

СЛАВЯНСК

Мы углублялись все дальше в красный тыл. Перед нами был город Славянск, в нем соляные озера, добыча соли и курорт. Мы пытались взять город с налета, но это нам не удалось. Красные нас ждали и приготовились. Бой принял затяжной

характер. Думаю, что Топорков хотел отойти от города и идти в другом направлении, во всяком случае, я его видел склоненным над картой.

Но Славянск был все же взят и это благодаря нюху нашего пулеметчика поручика Андiona.

— Говорите, что хотите, а пахнет спиртом, — сказал он, поводя своим большим носом с бородавкой.

Он исчез и вдруг появился снова на шикарной тройке белых лошадей.

— Где ты их взял?

— У пожарных, конечно. Но посмотрите, что тут

В пулеметном тарантасе было несколько ящиков с бутылками водки.

— Мой нюх меня не обманул. Там громадные склады спирта, но красные рядом.

Мы вытарасили глаза. Новость распространилась молниеносно среди казаков. Они атаковали, как львы, и захватили город, склады и не дали красным их поджечь. Склады оказались громадными, что называется, неисчерпаемыми. Дело в том, что с начала войны (в 1914 г.) продажа водки была запрещена. Продукцию заводов складывали в места, которые держались в строгой тайне. Конечно, водку во время войны доставали, но из частных складов и в ограниченном количестве. Люди так изголодались по водке, что один казак даже впопыхах свалился в цистерну и моментально умер.

Мы выбросили все вещи, кроме патронов и снарядов, и нагрузили ящики с водкой всюду, где только было возможно. Мобилизовали повозки всех окрестных деревень, и на этот раз крестьяне сами являлись с повозками, потому что им платили водкой. Между прочим, полковник Шапиловский приказал Андionу вернуть лошадей пожарным. Андion был не очень огорчен.

- Я не люблю белых лошадей. Их видно издали, и все красные стали бы по ним стрелять.

КОМАНДИРОВКА

Неудивительно, что после взятия Славянска большинство было пьяно. Я пьян не был и потому был позван к полковнику Шапиловскому.

— Вы пойдете к генералу Топоркову, ему нужен офицер, который не пьян и прилично выглядит. Все казаки перепились.

Я тут же явился к генералу Топоркову. - Передадите этот пакет начальнику штаба Армии в собственные руки. Штаб находится в Горловке, в сотне с лишним верст отсюда. Красные как будто отошли, и путь свободен. Возьмите паровоз и несколько вагонов и отправляйтесь. Вот приказ о вашей командировке. Я просил дать нам патронов и снарядов. Вы погрузите сколько возможно и доставите сюда. Дивизия уходит завтра утром. Вы последуете за дивизией со снарядами и патронами. Поняли?

— Так точно, ваше превосходительство, но...

— Никаких “но”. Это приказание. Поторопитесь. У нас осталось мало патронов. Ваша командировка из самых важных.

Я откозырял и вышел в самом плохом настроении. Хм... А если путь не свободен? Он не хочет рисковать казаком. Я не могу поверить, что все поголовно пьяны. Вот что случается, если не пьян. Лучше бы я напился — послали бы другого.

Мне вовсе не улыбалось путешествовать на паровозе. Можно встретить красный разъезд, или испорченный путь, или наскочить на мину. Но делать было нечего. Я поручил Дуру и карабин брату, взял с собой непьющего казака-старовера, два ящика водки и отправился на вокзал.

Оставив водку под охраной моего непьющего казака, я явился к коменданту станции, капитану, очевидно, мобилизованному из местных.

Капитан, читая мою командировку, зевнул, потянулся и сказал, чтобы я пришел через несколько дней. Сейчас мой отъезд невозможен.

— Я должен ехать сейчас же, чтобы вернуться перед уходом дивизии.

Вместо ответа он пожал плечами.

— Если вы не можете или не хотите помочь мне в моей командировке, то я устроюсь и без вас.

Моя молодость ему, видимо, не импонировала. Он посмотрел на меня с улыбкой.

— Действуйте, молодой человек.

Было ясно, что он надо мной насмехается. Он еще не успел проникнуться духом Добровольческой армии и исполнял свою должность с прохладцей. Я кипел, но сдержался, повернулся и пошел к начальнику станции.

— Невозможно. Уверяю вас. Все паровозы...

—Взгляните, — сказал я ему. — Вот совершенно исключительный пропуск.

И я показал ему две бутылки водки.

— Они будут ваши, если я смогу уехать через час.
Глаза его заблестели, он облизал губы и почесал за ухом.

—Вот ведь какое дело. Я сделаю все от меня зависящее, но сомневаюсь...

Он понизил голос и обернулся на дверь.

—Машинисты и особенно кочегары ненадежны... Они могут устроить саботаж...

—Можно мне с ними поговорить?

Машинист явился. Вся его осанка говорила, что он полон дурной воли и, вероятно, коммунист.

- Сколько времени вам понадобится, чтобы привести в готовность ваш паровоз?
- Машина не в порядке. Нужно ее пересмотреть и заменить некоторые части, которых у нас здесь нет. И потом...
- Я хочу ехать через двадцать минут.

Он усмехнулся снисходительно и не удостоил меня даже ответом.

— А это?

Я показал ему две бутылки водки.

Его усмешка исчезла. Он вытаращил глаза и пробормотал:

- Действительно, паровоз... Не знаю, право...
- Если мы уедем через двадцать минут, — бутылки ваши. Если нет, — я буду искать другой паровоз.

—Не валяй дурака, Никита, — сказал начальник станции. — Попользуйся таким случаем. Все наши бутылки зависят от тебя.

—Я посмотрю, что можно сделать.

Он протянул руки за бутылками. Я их отвел.

— Обещано? Через двадцать минут?

—Да.

Я протянул ему бутылки. Он замялся.

— Нужно будет дать одну кочегару.

— Он ее получит. Оставьте бутылки дома. У меня есть другие на дорогу. Захватите только рюмки.

Он побежал бегом. От враждебности ничего не осталось.

Все изменилось, как по мановению волшебного жезла. Все вдруг стали мне улыбаться, старались услужить. С водкой все пошло как по маслу.

— Вы просто колдун, — сказал начальник станции.

— Пойдемте к телефонисту.
Мы отправились.

—Здравствуйте. Сделайте мне, пожалуйста, одолжение... Вот ваша бутылка. Вы, наверное, знакомы со всеми телефонистами на других станциях?

—Понятно, всех знаю.

- Поговорите с ними и узнайте, не подавая вида, есть ли красные на их станциях. Вы меня поняли?

— Совершенно.

На стене висел план железной дороги с названием станций. Он звонил и болтал со своими коллегами, а я рядом слушал и показывал на следующую станцию. Как будто, красных нигде не было.

В это время явились машинист и кочегар.

— Машина готова у перрона.

Я себя чувствовал диктатором. Я приказывал — и все бросались исполнять. Правда, один ящик с водкой опорожнился. Сторож, смазчик, стрелочник, прицепщик, жандарм, подметальщик, носильщик, помощник (не знаю чей) и инвалид-железнодорожник — все как по щучьему велению появлялись на моей дороге, вытягивались и отдавали честь, а я сыпал, как фортуна из рога изобилия.

— Прицепите один вагон... Дайте приказ на все станции, чтобы прямой путь был свободен, чтобы нам не останавливаться... Беги быстро, достань хлеба, огурцов, томатов и соли... Рюмки не забыли?.. Грузите ящик...

Я доставил себе еще удовольствие пойти к капитану-коменданту. Комната его выходила на улицу, и он, видимо, не был в курсе того, что происходит.

— Ах-ах, — воскликнул он, увидя меня. — Как же так случилось, что вы еще здесь? Я думал, что вы по крайней мере в Лондоне. Ха-ха-ха.

Я дождался неподвижно и молча конца его раскатистого смеха.

— Паровоз у перрона, и я сейчас уезжаю.
Смех оборвался, и он выпучил глаза.

— ...Я должен вам сказать, что вы или бездарны, или саботируете. Вы ни в чем не помогли мне в моей чрезвычайной командировке. Берегитесь. Если, возвращаясь, я не найду здесь десять подвод для погрузки патронов, я доложу о вас генералу Топоркову, который шутить не привык.

Он проглотил мое замечание.

— Когда вы думаете вернуться?

—Ночью.

—Где же я найду подводы?

— Это уж ваше дело, — я отдал честь и вышел.

Конечно, хорошие организаторы редки. Но этот! Сидит и книжку читает и ненужные бумажки отписывает. Кочегары и машинисты делают что хотят, а он и в ус не дует. Какая шляпа. Повесить бы его за одну ногу...

Паровоз двинулся и стал набирать скорость. Мы с моим казаком влезли на паровоз, и я открыл первую бутылку. Мы проходили, не останавливаясь, мимо станций, и я выкидывал пустые бутылки. Я все больше брался с машинистом и кочегаром. Мы поклялись уже в вечной дружбе, но я все же не доверял им и попросил объяснить мне управление машиной. Оно крайне просто: рычаг в одну сторону — вперед, в другую — назад. Чем больше наклоняешь рычаг, тем скорей движение.

— Главное, не останавливайте что бы ни случилось.

Я старался передергивать, когда было возможно, выливал рюмку за борт. Но все же пришлось выпить много. Но я был хорошо натренирован в этом спорте, молод и здоров и мог долго сохранять светлую голову. Все же под вечер я задремал. Я проснулся, потому что паровоз стал тормозить и остановился.

На рельсах впереди лежало бревно, а с обеих сторон к нам бежали солдаты.

Проклятие! Так и есть! Я схватился за револьвер.

— Слезайте! — приказал первый.

Я не ответил, но вздохнул с облегчением и вложил револьвер в кобуру. У него были офицерские погоны.

Я показал ему свою командировку, пакет для начальника штаба Армии, но он все же не хотел верить, что до самого Славянска нет больше красных, и решил вести меня в штаб батальона в деревню. Этого я никак не хотел — была бы потеря времени, и черт их знает в чужой части...

— Кроме того, у меня имеется чрезвычайный пропуск.

— Чрезвычайный пропуск? А ну-ка покажите.
Я протянул ему две бутылки. Он расцвел.

— Э... Хм... Я вижу, что бумаги у вас в порядке и вы можете ехать... Эй, там. Уберите бревно с рельс. Счастливого пути.

Мы приехали в Горловку в два часа ночи. Я пошел разбудить дежурного офицера. Капитан раскрыл сонные глаза и взглянул на стенные часы.

— У меня весьма спешный пакет для его высокопревосходительства начальника штаба Армии.

— Приходите завтра утром.

— Я должен передать пакет в собственные руки немедленно. Это очень важно!

— Вы спятели, подпоручик? В два часа ночи?

— Это рапорт генерала Топоркова. Мы взяли Славянск. Я оттуда.

Он пожал плечами с досадой.

— Мы захватили хорошую добычу, посмотрите, — я протянул ему бутылку.

Сразу он совершенно проснулся и застегнул мундир.

— Конечно, это важные новости. Я пойду попробую, — он запер в шкаф свою бутылку. — Хм... Найдется у вас добыча для генерала?

— Да.

— Тогда я могу его разбудить.

Двадцать минут спустя сам его высокопревосходительство начальник штаба Армии (не помню, кто это был, не Шатилов ли?) появился на перроне. Я отрапортовал и отдал пакет.

Он меня расспросил о взятии Славянска, о свободном железнодорожном пути и замялся.

— Я слышал, что...

— Так точно, ваше высокопревосходительство.

Я побежал в свой вагон и принес четыре бутылки (все же генерал!). Я передал просьбу Топоркова о снарядах и патронах.

— Когда вы хотите ехать?

— Как только нагрузжу патроны.

— Хорошо. Я дам вам сто тысяч патронов и сто снарядов. Это все, что я могу дать в данный момент. Но скажите генералу Топоркову, что я буду посылать ему необходимое. Сейчас вам принесут мой ответ генералу Топоркову... Капитан, озабочьтесь немедленно погрузить снаряды и патроны. До свиданья, поручик, и спасибо.

Наш паровоз с вагоном передвинули на другой путь для погрузки. Думаю, что водка все же подействовала на машиниста, потому что двигавшийся бронепоезд зацепил наш вагон и чуть было его не опрокинул. Оба машиниста изливали потоки ругани. Я высунулся из паровоза. Офицер тоже высунулся из бронепоезда.

— Лагутин!

— Мамонтов!.. Иди ко мне, влезай сюда... Эй, там... Довольно ругаться. Попяться и поставь вагон на место.

Лагутин был офицер нашей батареи, которому я когда-то поручил Гайчула.

— Что ты делаешь в этом бронепоезде?

— Я им командую. А ты? Все в батарее, на солдатской должности? Расскажи, что нового?

Я рассказал и сказал, что привело меня в Горловку.

— Все же странно, — сказал Лагутин. -- Я командую бронепоездом, положение довольно важное. Но никогда в жизни мне не придется говорить с начальником штаба Армии. А ты на положении простого солдата, ты будишь его среди ночи, и он приходит с тобой говорить. Ведь странно.

— Ты забываешь магическое действие водки.

Я оставил у Лагутина несколько бутылок, а он дал мне два десятка снарядов.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мы поехали назад. Я спал в вагоне во все время обратного пути. Мы прибыли в Славянск утром. Дивизия уже ушла. Капитан-комендант, конечно, не мог найти повозок, вероятно, и не пытался. Ох, шляпа! Ящики из-под водки были пусты. Я вышел на площадь, и с помощью моего казака мы тут же мобилизовали три подводы, на которые нагрузили снаряды. Я торопился попасть в батарею и потому не стал искать еще подвод. Я боялся, что дивизия уйдет далеко и будет трудно ее найти, да и опасно ездить одному по тылам красных. Я оставил патроны у коменданта, который мне клялся, что он найдет подводы и с верным человеком пошлет их вслед за дивизией.

Мы поехали. Путь дивизии был отмечен бесконечной колонной повозок с водкой. Все были пьяны — и возчики, и конвоиры. Видя во мне трезвого офицера, то и дело возчик показывал мне в свое оправдание отбитое горлышко бутылки с печатью — разбилась, мол, случайно. Он только не мог объяснить, почему он оказался пьян. Вся колонна была необычайно весела.

Под вечер мы нашли дивизию, расквартированную в деревне Гнилая Глина. Я явился к генералу Топоркову, он как раз ужинал. Я отрапортовал и передал пакет.

- Снаряды и патроны привезли?
- Так точно. Снаряды для обеих батарей со мной. Сто штук. Сто тысяч патронов оставил у коменданта на станции Славянск. Пошлите за ними кого-нибудь порасторопней. Комендант большая шляпа. Снаряды и патроны будут посылаться нам вслед.
- Вы быстро исполнили поручение.
- С водкой все возможно, ваше превосходительство, даже невозможное.
- Ха-ха. Это правда.

И Топорков налил мне целый чайный стакан водки. Я выпил его, не отрываясь. Ноблес облич.

— Что я могу сделать для вас? Вы хорошо исполнили командировку.

— Дайте, ваше превосходительство, мне огурец на закуску!

Все рассмеялись. Мне указали расположение квартир батареи, и я поспешил уйти, потому что чувствовал, что пьянею.

Я шел по улице, подводы за мной следовали. В раскрытое окно я услышал знакомые голоса. Я шагнул через окно в хату и опустился на скамейку среди наших офицеров, которые ужинали и ни чуточки не удивились, потому что уже два дня жили в состоянии вполпьяна.

Я обратился к полковнику Шапиловскому.

- Простите, господин полковник, что не рапортую, но меня напоил генерал Топорков, и я встать со скамейки не могу... Я привез снаряды для нас и для конно-горной. Пошлите кого-нибудь потрезвей принять их и отпустить подводчиков.
- Топорков остался вами доволен?

— Кажется, да.

ИЗЮМ

Город Изюм укреплен природой и предками. Он составлял когда-то главный опорный пункт “линии” против набегов татар. Река Донец с обрывистыми берегами изгибает в этом месте большую луку, в глубине которой находится громадный курган. Мост расположен за курганом, а город — на той стороне.

Наша дивизия вошла в луку и остановилась. Из-за обрывистой реки использовать фланги было невозможно. Штурмовать же курган в лоб, да еще кавалерией, стоило бы больших потерь, потому что красные хорошо укрепились. Но город был взят благодаря все той же водке.

Оценив обстановку, Топорков склонился над картой, ища места, где бы можно было перейти Донец. Он поднял голову и в бинокль осмотрел еще раз курган.

— Что это за пять всадников, которые двигаются к кургану?

Смущенный адъютант пояснил:

- Это офицеры, которые пили и решили, что впятером они возьмут курган. Сумасшедшие... И вот они отправились.
- Черт знает, что такое! Отсутствие дисциплины. У меня нет лишних офицеров, чтобы ими жертвовать зря. Верните их и влепите им по пяти суток ареста.

— ...Слишком поздно, ваше превосходительство. Они уже подходят к кургану.

Внезапно Топорков успокоился.

— Кто это?

Ему назвали имена.

- Все головорезы. Может быть, им удастся сделать кое-что... Живо, пошлите сотню стороной вправо, к реке. Они атакуют, как только начнется... Батареи, приготовьтесь покрыть курган снарядами при первом выстреле... Все равно, если даже убьете этих безумцев... Полк тотчас же пойдет наметом в атаку... Понятно? Все приготовились?
- Так точно, ваше превосходительство.

Красные даже не стреляли по пяти всадникам, идущим к ним шагом. Они были так уверены в неприступности своей позиции, что подумали о парламентарях. Они вышли толпой из окопов навстречу всадникам. Ведь ничего угрожающего в них не было. Ни выстрела.

Все, и белые и красные, с напряжением следили за пятью, которые, все шагом, поднимались на курган. Это дало возможность сотне спуститься к самой реке и гуськом, по берегу, под обрывом подойти к самому кургану. Никто на нее не обратил внимания.

Все замерли в ожидании. У нас орудия направлены и заряжены. Полк развернут к атаке. А пятеро все поднимаются не спеша. Вот осталось между ними и толпой красных несколько десятков шагов. Они еще подходят. Потом они выхватывают шашки и врезаются в толпу. Крики, отдаленный шум, выстрелы. Обе батареи дали залп из всех орудий и покрыли курган беглым огнем. Курган покрылся разрывами. Справа на курган скакала уже сотня, поблескивая на солнце шашками. Полк шел туда же наметом. А мы стреляли без удержу. Мы прекратили огонь, только когда курган покрылся всадниками — нашими. Все произошло в несколько минут. Красные пулеметы, так хорошо установленные, не успели открыть огня. Красная батарея с той стороны реки послала нам, без настойчивости, несколько снарядов и смолкла. Наши тотчас же заняли мост и город.

Красные были частью порублены, погибли от нашего огня, но громадное большинство сдалось.

Нашли изуродованные тела пяти. Двое еще были живы. Один открыл глаза и прошептал:

— А все же... взяли.

И тут же умер. Другой, с двенадцатью ранами, выжил. Казаки живучи. Патронов набрали столько, что посылать за ними в Славянск не стали.

СТАРУХА

В Изюме не было ни продовольствия, ни фуража. Нас поместили в чистенький дом мастера завода. Семья состояла из мастера, его жены и полувывжившей из ума старухи, не покидавшей своего кресла.

Я откупорил бутылку водки. Закуска была самая скудная. Помню, что пили под звон колоколов и под кусок сахара.

Я налил всей семье хозяев и стал наливать старухе.

- Нет, нет, — сказал хозяин. — Это может ей повредить.
- Знаете, в том состоянии, в котором она находится, уже все равно. Главное, чтобы это доставило ей удовольствие.

— В общем вы правы, дайте ей стаканчик.

Старуха не поняла наших слов, но отлично поняла значение рюмки. Она ее опрокинула и протянула мне, требуя еще. Мы засмеялись.

— Она вовсе не слабоумная, она знает, что хорошо.

Наши офицеры ушли куда-то, мастер пошел на завод взглянуть, что там делается, жена его ушла на рынок. Я остался со старухой и мы продолжали выпивать. Я наклонился, чтобы наполнить ее стаканчик, и был удивлен, что она его не хватает. Я поднял глаза и попятился в ужасе. Старая ведьма с растрепанными волосами вперилась в меня горящими глазами и шла на меня, вытянув свои костлявые когти, со страшной улыбкой на лице. Как в кошмаре.

Я так испугался, что почувствовал, как волосы зашевелились. Я бросил бутылку и гаркнул:

- Ты с ума сошла! Пошла прочь!

Это не имело никакого эффекта. Она с большим проворством стала гоняться за мной вокруг стола, иногда внезапно меняя направление. Я был так испуган, что схватил револьвер, но и он на нее не подействовал. А стрелять, хотя бы вверх, я все же не решился. Сказали бы: офицер напился и стрелял в старуху. Так мы крутились вокруг стола, наконец мне удалось выскочить на двор, старуха за мной по пятам. На дворе лестница была прислонена к крыше сарая. С обезьяньей ловкостью я взобрался на крышу, сбросил лестницу и уселся на перегиб крыши. Уф! Спасен. Вот чертовка!

Старуха внизу во дворе что-то напевала, пританцовывала и манила меня своим крючковатым пальцем. Среди двора была круглая клумба цветов.

— Что вы делаете на крыше с револьвером в руке?

Поручик Арсеньев спрашивал меня со стороны улицы. Я очень сконфузился, спрятал револьвер в кобуру и объяснил обстановку.

— Ха-ха-ха. Офицер, который испугался старой женщины и влез на крышу! Ха-ха-ха. Ведь никто этому не поверит.

- Если вы так храбры, как говорите, то войдите во двор. Вход находится за углом.

Арсеньев выпятил грудь и очень решительно вошел во двор. Но старуха тотчас же за ним погналась — и вот мой герой удирает от нее вокруг клумбы. Я же, на крыше, чувствуя себя в безопасности, смеялся навзрыд. Наконец Арсеньеву удалось вырваться в калитку, и он ушел, ругая меня и старуху на чем свет стоит и преследуемый моим хохотом.

К счастью, мастер вскоре вернулся. При его виде старуха сразу присмирела. Он ее запер и помог мне слезть с крыши. Я взял свои вещи и ушел на другую квартиру.

ПАТРУЛИ

Я был назначен с тремя солдатами патрулировать на окраине города в расположении батареи. Соседние полки выслали тоже патрули, и моя задача состояла в том, чтобы ходить от одного казачьего патруля до другого.

Это было крайне опасно, потому что казаки, вдрызг пьяные, принимали нас каждый раз за красных и готовы были открыть огонь. Стоило немалого труда уговорить их, что мы батарейцы. Убедившись же в своей ошибке, казаки непременно хотели поить нас теплой водкой, что тоже было крайне неприятно.

Водка холодная, с закуской — вещь божественная, а теплая и не вовремя — отвратительна. Но поди убеди пьяных в этом!

Когда наконец кончилось мое патрулирование, то у меня было чувство избегнутой смертельной опасности от своих же пьяных.

Покинули мы Изюм без сожаления. Дура из-за бескормицы, а я из-за старухи и патрулей. Кроме того, в Изюме есть было нечего. В таких случаях подтягивали поясной ремень.

НА КУПЯНСК

Мы провели ночь в Боровой. Наутро двинулись дальше, в направлении на Купянск. Местность была волнистой, дорога шла с холма на холм. Поэтому Топорков, используя местность, придал колонне совсем необычный характер. Сам Топорков, полусотня казаков и наши обе батареи составляли авангард. Три казака шли рысью впереди от холма к холму и осторожно выглядывали из-за гребня: если в следующей долине никого не было, то они рысью шли к следующему холму. Справа и слева на опушке леса шло по одному казаку — это было наше боковое охранение. Полки шли в полуверсте сзади.

Часов в десять утра передний казак снял папаху. Это был условный знак, что он видит неприятеля. Другой казак уже скакал к Топоркову.

— Большая колонна пехоты двигается нам навстречу, совсем близко.

Топорков послал сказать полкам подтянуться, приказал нашим двум батареям построить развернутый фронт и идти вперед. Сам он поскакал и выглянул из-за гребня и затем вернулся к нам.

— Выезжайте наметом, подойдите возможно ближе и жажните картечью. Посейте у них беспорядок, я атакую всеми полками. Идите с Богом!

Мы двинулись рысью и перешли в галоп. Выскочили на гребень. Рядом с нами оказалось красное охранение в несколько человек, на которое мы не обратили внимания и которое мялось, не зная, что им делать.

Перед нами в долине шла громадная колонна пехоты, артиллерии и обозов. Они не сразу сообразили, кто мы такие, так что мы смогли подойти к ним очень близко, шагов на двести. Потом поднялась беспорядочная стрельба. Мы снялись с передков, только когда стали падать убитые лошади.

— Налево кругом! С передков! К бою! Картечью. Три патрона. Огонь!

Стрельба очень усилилась, но смолкла после нашего залпа. Все смешалось и побежало, давясь и толкаясь. А наша картечь вырывала дыры в этой охваченной паникой толпе. Ни о каком организованном сопротивлении не могло быть и речи. Мимо нас прошли на рысях полки и ударили в эту кашу. Все сдались. Едва ли все длилось более десяти минут.

Красных войск больше не существовало. Были бесконечные колонны пленных, батарея, не сделавшая ни одного выстрела, большие обозы с патронами и зарядные ящики со снарядами. Пленных, орудия и обозы отправили под конвоем в тыл, а зарядные ящики и патроны оставили у себя и образовали из них особый парк при дивизии. Вероятно, по старой памяти о командировке Топорков назначил меня им командовать. Это мне очень не нравилось, и я это выразил капитану Обозненко, нашему старшему офицеру, который мне на смену прислал прапорщика Форберга. А я смог вернуться в наше орудие.

Наши потери, если таковые вообще были, были минимальны. Наша победа была легкой и очень ощутимой. К нам попали целый полк красных и батарея, и это исключительно из-за умения Топоркова использовать местность.

ДРУГОЙ БОЙ

Вскоре дивизия опять наткнулась на красных. Но на этот раз красные окопались и нас ждали. Завязался нудный бой. Красный бронепоезд, пришедший из Харькова, стал нас обстреливать с тыла и принудил к довольно поспешному отступлению. Особенно бронепоезд гонялся за нашей батареей. Нам пришлось даже спешиться и войти в высокую пшеницу, чтобы избежать его хорошо направленных гранат. Пшеница нас скрыла, и обстрел прекратился. У Шакалова весь задний выюк на седле был изрезан осколками гранаты, но ни он, ни лошадь не пострадали. Бронепоезд был невидим, а его наблюдатель где-то спрятан в пшенице. Один изгиб дороги, по которому мы отходили, был виден наблюдателю, потому что лишь только мы появились, тотчас же лопнули две шрапнели. Тогда первое орудие поскакало и смогло достигнуть того края, где его наблюдатель бронепоезда уже не видел. За спинами номеров лопнули две шрапнели. Тогда немедленно поскакало второе орудие. Опять две шрапнели, поскакало третье. Тогда наблюдатель решил хитрить. Он сделал паузу. Мукалов, не поняв это, поскакал, и шрапнель дала клевок у ног его лошади.

Лошадь взвилась, и Мукалов упал. Я поскакал, схватил Мукалова за руку и выволок из-под обстрела. За нами лопнули две шрапнели, и наше орудие проскакало невредимо. У Мукалова и у лошади ничего, кроме испуга, не было. Наблюдатель был, конечно, офицер и стрелял хорошо. Мы отходили, когда повстречали Топоркова.

- Куда это вы?
- Отступаем, ваше превосходительство.

Напрасно. Положение переменилось, и мы наступаем. Я послал подорвать путь, чтобы бронепоезд вас не беспокоил. Идите вперед.

Удивительно это у казаков. Сразу после оживленного драпа они способны на хорошую атаку. Действительно, красные отступали.

Не знаю почему, я был впереди нашего первого орудия и вел его и всю батарею по месту только что окончившегося боя. На моем месте должен был находиться брат или Мукалов. Я шел довольно далеко впереди орудия. На поле были индивидуальные окопы и несколько красных убитых пехотинцев. Среди них лежал убитый комиссар, на нем был бинокль и револьвер — вещи для нас очень ценные. Но я не остановил Дуру и прошел мимо. Сзади меня солдаты спрыгнули и обобрали труп комиссара, даже сняли сапоги.

— Почему ты не взял револьвер и бинокль? — спросили меня поздней офицеры.

- Мне претит грабить трупы.
- Какая неуместная сентиментальность.
Я только пожал плечами.

— Я тебя вполне понимаю, — сказал брат. — Ты хорошо сделал, что ничего не взял!

Солдаты были тоже удивлены, и после долгого обсуждения они принесли мне бинокль. Я от него отказался.

На следующий день мы вступили в город Купянск. Красных в городе не было. Мы купались в реке Осколе.

ДОБЫЧА

Жители нам рассказали, что при эвакуации города случилась паника. Один из поездов сошел с рельс и закупорил пути.

— Там, за рекой, полно составов, и в них все, все брошено.
Я отправился к полковнику Шапиловскому.

— Ну что же. Возьмите две повозки и несколько солдат и поезжайте посмотреть, может быть, найдете что-нибудь полезное для батареи.

Прапорщики Астафьев и Форберг ко мне присоединились. Уже по дороге мы встретили несколько казаков. Один держал под мышкой большой сверток неразрезанных “керенок” — листы в 800 и 1600 рублей — и раздавал эти листы встречным. Я от листа отказался, а Астафьев, Форберг и солдаты схватились за них.

Все наши ожидания были превзойдены. Составы стояли один к одному и до бесконечности. Все наполненные разными товарами. Я даже растерялся. Что брать?

Уже казаки и частные лица шныряли между вагонами.

Погрузили сперва в повозки белье. Но дальше был вагон с артиллерийской упряжью. Часть белья сбросили и погрузили упряжь. Вдруг обнаружили новые артиллерийские хомуты. Почесали за ухом, выкинули остальное белье и погрузили хомуты. Места в повозках больше не было. Но вдруг обнаружили седла, да еще новые. Совещание. Седла нужно взять в любом случае. Выкидываем часть упряжи и грузим седла. Казалось, лучшего не найдешь, можно возвращаться. Но вдруг вагон с новыми переметными сумами для седел. Как от них отказаться? Выбрасываем часть хомутов и грузим сумы.

— Баста! Лучшего все равно не найдем, да и надоело сгружать и нагружать. Подождите меня здесь, я для очистки совести пройду взгляну, что дальше делается.

Повозки с солдатами остались, а мы с Астафьевым пошли вдоль вагонов. В одном стоят какие-то ящики. Я отодрал доску и ахнул. В ящиках были синие суконные халаты-дохи и такие же черные. А каждый кавалерист мечтал о синих штанах, но достать синего сукна было невозможно. Я быстро прикрыл оторванную доску, чтобы бродившие казаки не увидели, и шепнул Астафьеву:

— Беги скорей приведи повозки, а главное —людей.

Он побежал. Но казаки, привлеченные каким-то грабительским нюхом, нагрянули в вагон. Мне пришлось лечь на ящики, чтобы предохранить их от расхищения. К счастью, появились наши солдаты, и мы буквально вырвали несколько ящиков. С болью в сердце выкинули несколько седел и погрузили ящики.

Стало уже смеркаться, и мы порядком устали. Поехали домой. Несмотря на темноту, собрали всю батарею и справедливо распределили добычу между всеми офицерами и солдатами, с обязательным условием тут же в Купянске сшить себе всем синие штаны, а не отправлять добычу на Кубань, как принято у казаков.

Через несколько дней на смотре, который здесь устроили, батарея выделялась новыми седлами, синими штанами и белыми рубашками. Все как на подбор.

Эти синие штаны породили зависть в 1-й конно-горной, и мне пришлось выслушать укоры, что я не дал синего сукна им. Дали бы они нам? Сомневаюсь.

В составах Астафьев нашел много денег, а Форберг сумочку с бриллиантами. Вопреки обычаю, они не поделились, а затаили. Но Астафьев все проиграл в карты, а Форберг накопил участков в Сочи, а потом застрелился.

На следующий день со многими повозками и солдатами поехали подобрать то, что выбросили, и отыскать чего-нибудь еще. Но это оказалось наивностью с нашей стороны. Толпы грабителей шныряли повсюду, и в составах осталось только самое неинтересное, то, что никто не брал.

В гражданской войне не давали наград за храбрость, и это было хорошо. Пришлось бы награждать всех поголовно. Давались только солдатские Георгии. Офицер не мог его получить. Наш конно-артиллерийский дивизион (две батареи) получил серебряные трубы и владимирский значок за хорошую работу.

За исключением двух-трех в батарее все были храбры. Не то что храбры, боялись все, но создалась привычка внешне страха не выказывать.

ЛЕГКИЕ ПОХОДЫ

Походы по красным тылам оказались очень легкими. Нигде мы не наталкивались на серьезное сопротивление. Больших боев не было. Красное командование старалось скрыть присутствие нашей дивизии в своем тылу. Поэтому наше появление вызывало полную неожиданность, панику и бегство. Красные рассчитывали встретить банду взбунтовавшихся, плохо вооруженных мужиков, а тут вдруг целая конная дивизия, да еще с артиллерией. Понятно, все бежало.

Население нам сочувствовало, питание было обильное, фуража достаточно. Было лето, тепло, можно было спать снаружи, купаться. Мы освободились от вшей. Походы походили на увеселительные прогулки. Батареи дежурили по очереди. Один день конно-горная, другой наша. Если Топоркову нужны были орудия, то выезжала дежурная батарея, другая вступала только в случае особой надобности.

У села Староверовки мы испортили железнодорожный путь оригинальным образом. Согнали все население и поставили вдоль пути. По команде они схватились за рельсы и стянули их под откос вместе со шпалами. Перешли дальше и сделали то же. Этим путь был испорчен надолго, и это позволило нам не взрывать мосты. Мы хотели их сохранить, так как думали, что наши войска займут эту территорию.

Реку Северный Донец мы перешли по примитивному мосту без перил. Река была неширокая.

Мы портили телеграфную и телефонную связь. Иногда по телефону переругивались с комиссарами, которые долго не могли понять, кто осмеливается на такую дерзость. Однажды мы подслушали разговор комиссара села и военного комиссара Харькова.

— Товарищ, что вы намерены предпринять против белых в нашем тылу?

— Ах, эти банды... Это не так важно.

— Банды?! Сегодня утром мимо моих окон прошел корпус хорошей кавалерии с артиллерией. Я мог их наблюдать. Поверьте мне, я не ошибся, я старый кавалерист.

Мы пожалели, что пропустили товарища комиссара, старого кавалериста, но тихонько повесили трубку, потому что он делал нам хорошую пропаганду, увеличивая наши силы. Очевидно, страх заставил его видеть вдвое. Нас была дивизия, а он видел корпус, то есть две дивизии.

С наступлением тепла 1-й Терский полк сменил папахи на широкополые войлочные шляпы. Терцы выглядели совсем как мексиканские ковбои. Не хватало только лассо.

ХАРЬКОВ

Главная цель нашего рейда была дезорганизация тылов Харькова. Харьков был центром красного сопротивления и крупнейшим городом юга России.

Наш рейд был настолько легким, что генерал Топорков решил попробовать захватить Харьков с налета. План конечно безумный, учитывая количество красных войск, сосредоточенных в городе и вокруг него. Но диверсия должна была вызвать неуверенность в красном командовании.

Вместо того чтобы пересечь шоссе Харьков—Белгород, мы пошли по нему в сторону Харькова. Впереди нас шел разъезд, задерживавший всех едущих по шоссе.

Но одному автомобилю удалось удрать и поднять в городе тревогу. Преимущество неожиданности было для нас потеряно. Кроме того, шоссе проходило по лесу и наша конница не могла развернуться перед городом.

Из Харькова были присланы против нас броневые автомобили, которые то появлялись на шоссе и нас обстреливали, то опять исчезали. Против них конногорная поставила на шоссе два орудия, одно за другим, которые отгоняли броневики.

Слева, по лесу, подошла красная пехота, но была вовремя обнаружена. Против нее послали несколько спешенных сотен и тотчас же затрещали выстрелы, но стали удаляться. Красных отбили.

Топорков убедился, что нужно оставить безумный план овладения городом и идти разрушать железные дороги к северу от Харькова, как было предвидено. Но прежде чем продолжать поход, он решил дать дивизии отдых.

Тотчас же на краю шоссе организовались пикники со скатертями, самоварами и участием соседних дачниц. Бой затих. Все казалось спокойным.

ПАНИКА

Нам приказали сменить орудия конно-горной, стоящие на шоссе, нашими. Послали наше орудие. При этом совершили две непростительные ошибки. Во-первых, не поставили за нами второго орудия. Во-вторых, капитан Мукалов, приглашенный в одну из дач, поставил наше орудие не на гребне шоссе, а против той дачи, куда его пригласили, то есть внизу большой выемки, откуда мы ничего не видели. А сам Мукалов исчез.

Номера нашего орудия разлеглись в тени и заснули.

Обеспокоенный нашей плохой позицией, я сел на Дуру и поехал на гребень шоссе, который находился от нас саженьях в ста.

На гребне находились полковник Агоев, командир 1-го Терского полка, и недалеко пулемет конно-горной с Костей Унгерном. У него болели ноги, и он, несмотря на лето, был в валенках. Впереди в версте находился наш разъезд.

То, чего я опасался, случилось. Вдали на шоссе появились два темных квадрата.

— Броневики, — сказал мне Агоев. — Постреляйте, иначе мои дикари разбегутся.

Разъезд впереди уже скрылся в лесу. Я бросил взгляд на броневики, чтобы учесть их скорость, и принял во внимание легкий изгиб шоссе. Очень обеспокоенный, я поскакал к орудию.

— К бою! Гранатой. Прицел 30.

Я сам направил орудие немного вправо. К несчастью, в этот самый момент появился Мукалов, и, вместо того чтобы оставить меня действовать, он заорал:

— Гранатой! Прицел 100. Огонь!

Ерунда, конечно. Прицел 100 равен четырем верстам, а броневики были рядом. Наводчик взглянул на меня. Я пожал плечами. Мы потеряли еще несколько ценных секунд, меняя прицел.

Наконец выпустили. Наша граната полетела в пространство, а броневики были уже на гребне, и их пулеметная очередь ударила по щиту нашего орудия. Орудие снова зарядили. Мукалов и солдаты испарились, удрали. Я бросился к

орудию, опустил ствол, вертя рукоятку, и выпустил вторую гранату. Как потом мне рассказал Костя Унгерн, моя вторая фаната лопнула между его пулеметом и броневиком.

Втроем (Нягу, брат и я) мы схватили орудие и бегом — по уклону шоссе было легко — догнали уходивший уже передок и нацепили орудие.

Трудно описать, что творилось кругом. Броневики строчили пулеметами без перерыва. Казачьи коноводы распустили лошадей. Лошади скакали без всадников, казаки бежали без лошадей. Наш коновод все же подал нам лошадей. Я схватил повод Дуры и прижался к ней, чтобы пропустить пулеметную очередь, затем вскочил на нее. Она стояла как скала. Я наклонился к ней и сказал:

— Ну Дура, вали!

Только тогда она помчалась и натолкнулась на не успевшего еще упасть казака. Я буквально видел, как пуля попала ему в голову. Из головы брызнул маленький фонтанчик, и папаха съехала. Он повернулся на одной ноге, и в это время Дура его сбила. До этого он бежал вовсю.

Я пригнулся и скакал. Впереди меня бежал брат, держа повод Рыцаря. Рыцарь обезумел от паники и не дал брату сесть в седло. Я попридержал Дуру и скакал шагах в двадцати за братом, чтобы помочь в случае нужды.

“Какая реклама для доктора Алексинского, — подумал я (Алексинский оперировал ногу брата). — Брат так бежит, что я вскачь к нему не приближаюсь”.

К счастью, недалеко шоссе делало поворот, и лес скрыл нас от броневиков. Сразу же из беспорядочного бегства мы оказались в строю в порядке. Орудие с рыси перешло на шаг, Мукалов и солдаты откуда-то появились и встали на свои места, и даже брат сел на Рыцаря.

Наше внезапное появление испортило идиллию пикника, и дивизия двинулась дальше, ставя на этот раз не две, а три пушки одну за другой на шоссе.

Броневики не решились следовать за нами за поворот шоссе. А если бы у них хватило смелости, они попали бы на пикник: ничего не было предвидено, чтобы их остановить.

Вся эта паника и потери произошли по вине Мукалова. Он был наркоманом и совершенно не способен командовать чем бы то ни было.

Дивизия отошла версты три по шоссе и свернула влево на лесную дорогу. На этот раз на шоссе стояли орудия конно-горной.

Орудия пропустили всю дивизию в лес и одно за другим снялись и пошли за дивизией. Последнее орудие собиралось уходить с шоссе, когда снова появились броневики. Орудие выпустило по броневикам несколько гранат, снялось и пустилось галопом в лес, куда броневики не могли, конечно, за ним следовать из-за узкой песчаной дороги. Случаю было угодно, чтобы на повороте колесо орудия соскочило с оси и покатило дальше по шоссе, а ось врезалась в землю. Броневики же стали стрелять. Тогда номера отцепили орудие, и передок ушел в лес. Трое офицеров схватили горную пушку и погрузили на случайно проезжавшую телегу. Телега проскакала шагов двести и разломилась под тяжестью орудия. Но уже поворот дороги скрыл орудие от наблюдения броневиков. Все это произошло очень быстро и под усиленным огнем броневиков. Чтобы снять орудие с разломанной телеги, пришлось применить силу двенадцати человек. А положили ведь орудие на телегу трое! В опасные моменты силы людей умножаются.

А было так просто срубить несколько деревьев и загородить ими шоссе от броневиков. Но мы об этом подумали только на следующий день.

Конечно, броневики нанесли нам потери, стреляли-то они много. Но наши потери были совсем не так велики, кажется, двое убитых, четверо раненых и две лошади. Больше было паники, чем потерь. Мы слишком привыкли к легким успехам и стали беспечны. Все поддались панике. Только Костя Унгерн и Дура сохранили достоинство.

ЗОЛОЧЕВ

Ночевали мы в лесной деревне Слатин, и красные нас не беспокоили. Тут была дневка. Наутро наша колонна пошла к железнодорожной станции Золочев верстах в шестидесяти к северу от Харькова. Дежурила наша батарея.

По колонне криком передали: “Батарея, рысью вперед”.

Топорков звал нас. Мы вышли из колонны и крупной рысью пошли вперед. Топорков находился на бугре. Он поставил задачу:

— Наш разъезд в Золочеве, там, впереди. Они испортили путь. Им сообщили, что идет специальный поезд “Че Ка” с высшими комиссарами. Вот он перед нами слева. Он что-то заподозрил и остановился. Не дайте ему опять уйти в Харьков. Действуйте.

Мы снялись с передков, и наши гранаты стали лопаться как раз на путях за поездом. Поезд ринулся вперед на Золочев.

На мосту у станции паровоз лег, вагоны встали дыбом, и отдаленный грохот достиг нашего слуха.

Мы спешно взялись в передки и бросились к месту крушения. Мы опоздали. Казаки были уже на месте и захватили чудные бинокли, револьверы, бумажники, кольца, портсигары, часы, кожаные куртки и сапоги.

Человек пятьдесят высших комиссаров были захвачены. Всюду валялись разорванные партийные билеты. Комиссаров расстреляли. Сотня сопровождавших их солдат была отпущена. Очевидно, Топорков не хотел создать впечатления, что мы расстреливаем всех без разбора. Только немногим удалось бежать обратно в Харьков под обстрелом, чтобы принести известие и посеять панику.

В поезде было несколько вагонов конфет, сахару и инжира. Мы взяли, что могли. Много еще осталось. Тотчас же появилась бесконечная вереница крестьян с мешками, чтобы забрать сахар и убедиться собственными глазами, что на этот раз настал черед комиссаров быть расстрелянными. Крестьяне посмеивались.

Топорков разрешил им брать, что они хотят. Дивизия пошла дальше.

Наша диверсия, правда, неудачная, против Харькова с лихвой окупилась захватом в Золочеве такого количества комиссаров. Они не чувствовали себя больше в безопасности в Харькове, решили бежать заранее и попались. Первыми покидают корабль крысы.

ДОЛЖИК

Мы прошли на север до села Должик. Испортили железную дорогу и ходили из Должика на восток в Казачью Лопань, где тоже основательно испортили пути. Тут были незначительные стычки. Красные разбежались. Дивизия вернулась в Должик.

Как ни напрягали слух, мы не слышали артиллерийской стрельбы на юге. Или мы ушли далеко от своих частей, или наступление наших благодаря нашему рейду обходилось без артиллерии, то есть красные всюду отходили.

Удивляло нас и то, что красные нас не беспокоили, и мы жили довольно мирно в Должике.

Нас поместили в довольно опрятный дом. Взор мой упал на французскую книгу в старинном кожаном переплете. Это значило, что где-то поблизости было имение. Хозяйка следила за мной, когда я взял книгу. На мой вопрос, есть ли тут имение, она, хоть поняла, но отговорила незнанием.

Я вышел на улицу и спросил первого встречного:

— Как пройти в экономию? (Так на юге называют имение.)

— Главный вход оттуда, а тут есть пролом в стене.

Имение было основательно разграблено, с той бессмысленной злобой, которая овладевает грабителями. Все, что не могли унести, разбито, разломано. Раз я не могу воспользоваться, пусть никому не достается.

Первое, что мне бросилось в глаза, был рояль, разрубленный топором. Паркет с узорами из черного дерева был взломан и тут же брошен — искаликлада. Двери, слишком большие для крестьянской хаты, разрублены, окна частью унесены, частью изломаны. Мелкая мебель исчезла. Крупная мебель -- шкафы и буфеты - порублены. Картины изрезаны. У портретов, а среди них были ценные, всегда проткнуты глаза и вспорот живот. Фарфор разбит...

Это был не только грабеж, но зверское уничтожение. Дом был громадный, скорее, старинный дворец. Есть законы грабежа. Я видел с полсотни имений, и все разграблены по той же системе.

Наверху, очевидно, в спальне, всегда валялись письма и фотографии. Комод унесли, а письма вывалили. Я взял одно из писем и, читая, по фотографиям старался восстановить прошлое. В этом письме какая-то девушка описывала подруге или сестре праздник: рождение или именины. Я читал, “что между дубами была натянута проволока и на ней висели разноцветные фонари”... Верно, вон эти дубы... “За прудом пускали фейерверк...” Вон и пруд... “Я танцевала с Андреем и Василием...” Кто из этих блестящих молодых офицеров на фотографиях был Андреем, а кто Василием? Вот, вероятно, сам князь, а это княгиня.

Я спустился по двойной каменной лестнице в громадный холл. К моему удивлению, кое-где висели еще громадные и прекрасные гобелены. Это были старинные гобелены, и материя кое-где истлела. Очевидно, грабители не сочли их достойными внимания: “Материя-то трухлявая, ничего путного не сошьешь”.

Где-то наверху была библиотека. Груды книг были сброшены и лежали на полу. По ним ходили. Книги в старинных кожаных переплетах никого не интересовали. Шкафы же красного дерева изрубили на дрова и увезли.

Я стал рыться в книгах. Негромкий кашель привлек мое внимание. Стоял старый лакей. Мне стало неловко. Он, вероятно, принял меня тоже за вора. Я с ним поздоровался и спросил, чье это имение. Он охотно разговорился.

— Имение это — знаменитый “Веприк”, принадлежало веками князьям Голицыным. Со времени революции его много раз грабили, но разгромили окончательно недели три назад. Не угодно ли взглянуть на конюшни. Всех лошадей забрали, коров увели, птицу перерезали. Вот сельскохозяйственные машины — изломали. Тут был фруктовый сад — остались одни пни. Вот оранжерея. Княгиня ее очень любила и часто заходила. Росли редкие растения, персики, орхидеи. Теперь все изломано, стекла выбиты...

С тяжелым чувством я пошел домой, то есть в хату крестьянина, который, конечно, участвовал в разгроме. Французская книга тому свидетельница. Хозяйка внимательно следила за выражением моего лица и очень хорошо нас накормила. Мои товарищи даже удивились. Я объяснил, что это, чтобы откупиться за грабеж. Никакой любви к русскому народу я не чувствовал. Так была бессмысленно уничтожена высокая культура и цивилизация. А из гобеленов, вероятно, нарезали портянки.

Я предложил полковнику Шапиловскому забрать уведенных княжеских лошадей для батареи. Это очень просто сделать. Найти одну, а там пойдут все выдавать друг друга: “Если у меня взяли, то пусть и у Петра возьмут...”

- Это было бы неплохо. Но сейчас мы ходим по тылам, и нам нельзя раздражать население. Теперь они нас извещают, а то будут о нас извещать красных.

ВЛОПАЛИСЬ

Красные нас в Должике не беспокоили, наоборот, отсюда мы ходили портить железные дороги и телеграфы по окрестностям. Мы так привыкли к легким успехам, что снова впали в преступную беззаботность.

Однажды крестьяне принесли нам известие, что красные оставляют Харьков.

Как ни странно, никто из наших командиров не подумал, что это самый опасный для нас момент, потому что мы находимся на пути отступления больших красных сил.

Самым беззаботным образом и без всякого охранения дивизия двинулась по направлению к Харькову. Хуже, генерал Топорков не находился с дивизией, а поехал вперед. Дорога шла по низине вдоль железной дороги. Дивизия остановилась, и все разъехались по соседним хуторам за едой.

Я по нужде отъехал от колонны на возвышенность. Пуля цыкнула около меня, еще одна. Что за сволочь — идиотские шутки! Еще пули просвистели. Вдруг скачет казак и кричит мне:

— Красные!

Я вскочил на Дуру и поскакал к своим. Что же делать? Все разбрелись. Надо их собрать как можно скорей. Я выстрелю из орудия. Это всех соберет.

На батарее, конечно, никого не было. С помощью ездовых, которые не могут отлучиться, я выпустил несколько шрапнелей по направлению красных, которых я еще не видел. Идея была хороша. При орудийных выстрелах всадники стали скакать со всех сторон, и полки стали строиться.

На бугре, где я раньше был, появилась красная цепь. Батарея открыла по ней огонь. Завязался бой. Мы наткнулись на большие красные силы, отходящие от Харькова. У красных оказалось преимущество сил, неожиданности и положения. Они были на буфе, а мы внизу. Мы стали отступать, но за нашей спиной оказалось болото. Положение наше было мерзкое. Я командовал орудийным ящиком, запряженным плохими лошадьми. Они совершенно выбились из сил, таща ящик по краю болота. Обозненко позволил мне бросить ящик. Мы отпрягли лошадей, и в сумятице я не подумал взять шинель, вещи и карабин, которые были привязаны к ящику. Я присоединился к своему орудию. Оно с трудом шло по зыбкой окраине болота. В одном месте канава черной воды пересекала тропу.

“Орудие завязнет”, — подумал я.

Мы скинули в канаву несколько ящиков инжира, которые со времени Золочева находились на передке, и сверху положили два лотка со снарядами. По этому импровизированному мосту орудие перешло канаву.

Мы шли по самому краю болота. Справа рядом с нами была высокая насыпь железной дороги, которая скрывала нас от красных. Слева громадное болото. Было чувство, что попали мы в мышеловку. Не выбраться нам отсюда. Все же шли, делать было нечего. Лошади напрягали все силы. Под ногами хлюпало. Вдруг тропа повернула налево в самое болото. Что делать? Пошли по ней. Вода выступала все выше и выше. Кругом были высокие камыши. Они определенно качались при нашем проходе. Трясина.

Мы протянули орудие еще шагов двести. Тут было что-то вроде мостика. На нем орудие застряло окончательно. Дальше тропинка исчезала под водой.

Один нетерпеливый казак хотел объехать орудие, загородившее тропу. Он свернул влево и тотчас же исчез в трясине. Его удалось вытащить, а лошадь так-таки и исчезла.

- Руби постромки, — приказал полковник Шапиловский. (Мелькнула мысль, что пришлось-таки услышать эту чрезвычайно редкую команду, — постромки можно было отстегнуть.)

Мы сняли затвор и прицел, а орудие бросили. Только тогда мы отдали себе отчет в том, что за нашим орудием никто больше не шел. Куда девалась вся колонна?

— Поручик Мамонтов, поезжайте посмотрите, что случилось с остальными.

Шапиловский, Мукалов, номера и ездовые, да с десятков казаков пошли дальше по тропе, а я повернул Дуру. Настал вечер, и наступила темнота. Я сразу остался один. Бой смолк, и кругом была полная темнота. Я очень беспокоился за брата. Я двигался с осторожностью, прислушиваясь. Копыта Дуры хлюпали по воде.

Недалеко перед собой я услышал приглушенный говор. Я остановил Дуру. И вдруг прямо передо мной команда: “Ба-та-льон... Огонь!” — и залп разодрал темноту прямо передо мной в нескольких десятках шагов. К счастью, красная цепь стояла на высокой железнодорожной насыпи, и все пули перелетели через мою голову. Меня скрывали от них только темнота и камыши. Я замер, подождал, потом тихо повернул Дуру и направился в болото. Когда Дура булькала в воде копытами, а это было неизбежно, красные принимались стрелять, а я останавливался. Они успокаивались, я продолжал идти, они принимались стрелять. Так много раз. Наконец я от них удалился, стрельба прекратилась. Запел соловей.

В БОЛОТЕ

Я спрашивал себя, что случилось с другими орудиями, с братом, со всей дивизией? Уничтожены? Рассеяны? Ушли по другой дороге? И что будем делать мы, здесь находящиеся? Сможем ли мы найти дивизию или добраться до наших у Харькова? Ведь на всех дорогах отступающие красные. Как глупо влопались. И все от беспечности, по нашей же вине.

Я дошел до нашего завязшего орудия. Дальше тропы никакой не было. Черная вода, в которой отражались месяц и камыши, которые качались при каждом шаге Дуры. Кругом тишина и соловей.

Где же тропа? Как ее найти? Хоть бы собака залаяла на той стороне, чтобы ориентироваться. Глупо ведь погибнуть в трясине, как давеча тот казак. Дрожь меня пробирала. Вдруг я одумался. Я ведь вовсе не один. Со мной Дура, и она меня выведет. Только ей не мешать. Пусть делает, как знает. Я ее погладил:

— Ты у меня умница, ты найдешь дорогу. Иди осторожно, потихоньку. Там, где прошли другие лошади.

У меня была уверенность, что Дура меня поняла. Я отпустил ей длинный повод, бросил стремяна и мысленно повторял: “Ты умница, ты найдешь дорогу”.

Я чувствовал, что она читает мои мысли и они ей помогают.

Дура тихо вошла в черную воду. Сначала вода доходила до колен, потом стала подниматься все выше и выше и дошла до груди. Дура вытянула шею, обнюхала воду со всех сторон и мелкими шажками пошла дальше. А соседние камыши равномерно качались с каждым ее шагом. Она остановилась, снова обнюхала воду, повернула направо и пошла. Потом повернула опять направо, прошла некоторое расстояние, остановилась, пошла налево. Вода как будто стала спадать. Но я боялся еще радоваться. Я все время подбадривал Дуру мысленно:

— Иди осторожно. Ты ведь знаешь, как идти...

Вода стала определенно спадать, и вскоре камыши перестали качаться. Дура пошла уверенней. Она шла по твердому дну и вскоре достигла берега болота.

- Спасибо, милая. Ты очень хорошо это сделала. Сам я никогда из болота не выбрался бы. Хорошо, что мне пришла мысль предоставить тебе искать дорогу.

Тут был маленький хутор, в котором я нашел Шапиловского с нашими людьми и два-три десятка казаков. Это было все. Никто не знал, куда подевались остальные. Из осторожности мы спали на улице, не заходя в хаты, чтобы держаться вместе.

В подобных случаях казаки замечательны. Потомки разбойников, они применяются к обстановке. Никаких разговоров, ни паники, ни растерянности. Мрачно молчат, и только.

Я смог дать Дуре только немного соломы и, конечно, ее не расседывал. Ночь была довольно холодная. Тут-то я спохватился, что моя шинель, вещи и карабин остались там, на зарядном ящике. У меня на поясе висела карта в кожаном футляре. Я достал карту юга России и завернулся в нее. Лег около Дуры и, несмотря на тревогу, сладко заснул.

Впоследствии иногда мне снилась черная вода с отражением месяца и качание камышей кругом... и дрожь пробирала.

В ПОИСКАХ ДИВИЗИИ

На рассвете полковник Шапиловский приказал попробовать вытянуть брошенное оружие. Сам он остался с казаками, а нас — Мукалова, меня и наших людей — послал на это абсурдное дело. Ведь он сам шел по болоту, и ему же должно было быть ясно, что оружие никоим образом вытянуть по болоту нельзя. Удивительно, как люди думают, а ведь Шапиловский не был дураком.

Я горячо протестовал, пытался втолковать Мукалову: вытянуть, конечно, невозможно, мы всегда найдем другое оружие. Мы только потеряем время, и казаки уйдут без нас. Что мы будем делать одни? У наших людей даже винтовок нет. Нужно объединяться, а не разъединяться. То, что мы делаем, совершенный абсурд и глупость. Даже если вытянем оружие — для чего? Чтобы отдать его красным?

Но все мое красноречие отскакивало от Мукалова, как от стены горюх. Видимо, он нюхнул кокаина, и, кроме того, старшие офицеры (Шапиловский и Мукалов) еще придерживались старого взгляда, что оружие есть знамя и из-за него надо жертвовать людьми. Я же смотрел на это иначе. Я был в полном отчаянии из-за безумия, которое мы делаем.

Но, к счастью, красные пришли мне на помощь. Да, именно красные. Они все еще стояли на насыпи железной дороги на той стороне и, увидав нас, открыли сильный огонь по нашей группе. Мы заворотили и вернулись в хутор. Казаки уже ушли. Хорошо тоже Шапиловский — послал нас на вероятную гибель, а сам ушел с казаками. Другое дело, если бы он сам с нами пошел.

Вскоре мы догнали наших казаков. Мы не знали, куда идти, но нужно было двигаться, чтобы не попасть в окружение. Не знаю, кто из казачьих офицеров нас вел, но вел он прекрасно. Все дороги были полны отходящими красными колоннами. Нужно было лавировать между ними.

Каждая красная колонна нас обстреливала, но когда мы отходили по дуге и их дорога оказывалась свободной, они предпочитали идти дальше, чем гоняться за нами. Следующая колонна опять нас обстреливала, и мы опять уходили по дуге. Это было отступление по спирали.

Красные нас обстреливали из артиллерии. Орудийные выстрелы шли скорей нам на пользу, потому что давали знать рассеянным накануне казакам о нашем присутствии. Казаки появлялись отовсюду — из-под мостов, из леса, из кустов и даже из реки. Орудийные выстрелы способствовали сбору отдельных беглецов. Утром нас было шестьдесят человек, в полдень сотня, вечером триста. Утром мы шли кавалькадой, а вечером появился строй, что указывало на энергию нашего начальника. Мы, артиллеристы, болтались в тылу нашей колонны, потому что у нас не было винтовок. Не помню, где и как мы ночевали, и ночевали ли или продолжали двигаться. Но на следующее утро мы встретили разъезд, посланный от дивизии нас искать. Нашел он нас тоже благодаря орудийным выстрелам.

Можете себе представить, какая это была радость! Оказалось, что дивизия ушла другой дорогой и находится опять в Должике, куда мы немедленно направились. Какой вздох облегчения вырвался у нас, когда мы увидели всю дивизию и обе батареи.

Мы встретились с братом и ничего не сказали, хотя многое чувствовали. Кончены были все беспокойства и сомнения.

ОТСТАИВАЕМСЯ

Теперь цель дивизии была много скромней: тихонько отстояться, пока пройдут все красные колонны. Хорошо, что мы раньше основательно испортили железную дорогу в Должике. Тут красные бросили артиллерийский состав с орудиями и снарядами, как будто специально для нас приготовленными. Мы тотчас же спустили с платформы одно орудие и запрягли его на место брошенного в болоте. Батарея была снова в полном составе. В конце артиллерийского поезда был вагон со снарядами. Мы поставили орудия нашей батареи около самого этого вагона, и, как только появлялась красная колонна или цепь, мы палили, что только могли выпустить, благо снарядов была тьма и

все равно забрать с собой все мы не могли. Стреляли до того, что стволы раскалялись и до них нельзя было дотронуться. Приходилось пережидать, пока остынут.

Красные несколько раз совались к нам, но, получив такой прием, спешно уходили и в конце концов оставили нас в покое. Так мы спокойно стояли среди моря отходящих красных войск. Наша батарея несла бессменно дежурство у вагона со снарядами, а конно-горная отдыхала. У них снаряды с более короткой гильзой. Эти им не подходили.

— Ах, — говорили казаки, — если бы вы могли всегда так стрелять, как бы это упростило нашу задачу!

Вспоминая наше блуждание малой группой, среди масс отходящих красных войск, не могу понять, как они нас упустили. Очевидно, у них не было кавалерии и они всецело заняты были отходом и гоняться за нами не хотели. Честь и слава тому, мне неизвестному казачьему офицеру, который сумел собрать разбежавшихся и вывести нас к дивизии без потерь.

Во время нашего отступления я почувствовал, что Дура слабеет. Я ее не кормил уже два дня из-за боев. Тогда, несмотря на огонь красных, я ее расседлал, позволил покататься по земле, протер ей спину соломой и быстро снова поседлал. Это очень облегчает лошадь. Поход был немалый, затрудняюсь даже сказать, сколько верст мы бродили, уходя от красных. Весь поход я проделал пешком, ведя Дуру в поводу и садясь в седло, только когда мы уходили рысью. Благодаря этому она перенесла этот поход и бескормицу сравнительно хорошо.

ДЕРГАЧИ

Дня через два мы убедились, что все красные части прошли мимо нас на север. Наши разъезды их нигде не встретили. Путь на Харьков был, очевидно, свободен. На этот раз с большой опаской и охранением мы двинулись на юг.

Я был в числе квартирьеров. Вместе с усиленным разъездом веселой кавалькадой мы шли рысью. Старший квартирьер никак нас не мог построить рядами.

Вдруг из-за поворота нам навстречу появилась такая же кавалькада. На головах у них были фуражки с нам неизвестными красно-розовыми верхами. Обе кавалькады остановились и даже попятиться. Потом начались переговоры, которые выяснили, что это высланный из Харькова разъезд конных разведчиков Дроздовской дивизии. Они нашли в Харькове материю и сшили себе белые фуражки с малиновым верхом.

— Вы можете возвращаться, до Должика красных нет. За нами идет дивизия.

Они решили дойти хоть до дивизии.

— Смотрите, как бы наши не стали стрелять по красным фуражкам. Они их не знают.

Орудийную стрельбу у Должика в Харькове было хорошо слышно. Они недоумевали, что это значит. Удивительно! Ведь главное командование знало о нахождении Терской дивизии в тылу красных. Слыхали канонаду и ничего, чтобы нам помочь, не предприняли. Ведь усиленная пальба означала бой, и даже сильный бой, — и пальцем о палец не ударили. Какой-то невероятный эгоизм, а то и бездарность.

К нашему большому разочарованию, нашу дивизию не пустили в Харьков, а расположили в деревне Дергачи верстах в пятнадцати к северу от Харькова. Конечно, для фуража и нашего довольствия это было лучше, но нам хотелось в большой город. Впрочем, нас пускали туда в отпуск и раз ввели всю дивизию для парада. Наша батарея надела, конечно, синие штаны.

Мы отыскивали Руктешелей и доктора, который лечил меня от испанки. Мой коллега Астров умер от тифа. Брат утешал барышню Руктешель, его невесту, и я думал, что завязывается роман. Доктор же принял нас холодно. Мне казалось, что он почему-то не поладил с белой властью. Не знаю почему.

Тут я украл у Кости Унгерна револьвер. Его родственник был назначен комендантом города, и Костя показал нам несколько отобранных револьверов. Я положил один в карман и ушел с ним. Вскоре устраивался праздник в городе. Нягу, брат и я остались дежурными в Дергачах. Остальные офицеры уехали в город. Причем револьвер полковника Шафрова отдали нам на хранение, так как Шафров, когда напивался, был неосторожен с оружием. Я переменял его револьвер-наган на украденный. Костя меня заподозрил и проверил номер револьвера. К его удивлению, он оказался совсем другим. А Шафров ничего не заметил и позднее в Крыму застрелился из краденого.

Я стал обладателем нагана, вещи для нас необходимой, но воровство остается воровством, и мне было не по себе.

Немного позже Кавказская Кубанская армия вместе с Донцами взяла город Царицын (поздней Сталинград) и дальше на север — Камышин.

Но Сибирская армия адмирала Колчака начала отходить. Нам не удалось образовать с ней единый фронт. Колчак был признан Главнокомандующим всеми четырьмя армиями: 1) Сибирской. 2) Нашей Добрармией на юге. 3) Армией генерала Юденича у Петрограда. 4) Армией генерала Миллера у Архангельска. Третья — западная и четвертая — северная не были многочисленны и вскоре были ликвидированы красными силами. Но наша Добровольческая и Сибирская представляли очень реальную опасность для красных. Ни нас, ни Колчака западные державы и Америка не поддержали, не поняв вовремя чем коммунизм был спасен.

ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БАТАРЕИ

Практика и опыт выработали некоторые привычки в конно-горной и нашей батареях, которые прижились, но не согласовались с уставом прошлой войны. Первая мера была отсутствие зарядных ящиков. Вначале из-за недостатка снарядов, которые все умещались в передке орудия. Потом заметили, что без ящиков батарея становится подвижней, ее колонна уменьшается вдвое и уменьшаются потери, особенно в лошадях. Излишек снарядов стали возить на обывательских повозках, в “боевом обозе”, немного за батареей. Стреляли снарядами из передка. В момент затишья одна повозка подъезжала к батарее и пополняла передки. Батарея была не шести-, а четырехорудийная. Прежде единицей был взвод, то есть два орудия. У нас же каждое орудие имело офицера и часто действовало отдельно от батареи. Орудие было и хозяйственной единицей.

Почти всегда батарея вела огонь с открытой позиции. Во-первых, в плоских кубанских степях трудно найти закрытую позицию. Во-вторых, нужно было в маневренной войне действовать быстро. Искать позицию было некогда. В-третьих, установили, что огонь с близкого расстояния действенней и в смысле поражаемости, и в моральном отношении. Нужно было быть быстрой неприятельской батареей. У красных вначале батареи были без офицеров и стреляли плохо, что позволяло нам рисковать. Если же батарея попадала под обстрел, то часто была выручаема другой батареей, заставлявшей замолчать неприятельскую, или же бралась “назадки” и уходила часто врозь, чтобы уменьшить потери.

У батареи была пулеметная тачанка, иногда две, для прикрытия. Когда батарея становилась на позицию, начальник пулеметной команды выбирал место на одном из флангов.

Боевой обоз состоял из санитарной двуколки и вещевых повозок для каждого орудия. Это были повозки, принадлежащие батарее. Кроме того, некоторое число обывательских повозок, в которых возились снаряды, ячмень, мука, соль и другие вещи; редко кухня — она не успевала готовить из-за быстрого движения. Боевой обоз шел непосредственно за батареей, чтобы не потеряться. Во время боя уходил в закрытое место поблизости. Если повозок становилось много, назначался офицер ими командовать.

Обоз второго разряда с портными, сапожниками, кузнецами находился верстах в ста в тылу. Туда офицеры и солдаты ездили лечиться и отдыхать.

Наличный состав батареи очень менялся. При наступлении было всегда больше народу, чем при отступлении. Летом больше, зимой меньше. Примерно колебалось от восьмидесяти до пятидесяти человек.

На ночь орудия ставились в “парк”, на площади или улице. Не всегда к ним ставили дневального. Лошадей каждый уводил в конюшню своего дома. Коновязей мы не любили и применяли их редко.

Ни перекличек, ни рапортов не делали, списков у нас не было. Вероятно, списки были в обозе, и неверные.

Стреляли снарядами из передка. Передок стоял в трех шагах от орудия. Дальний отъезд передков на подвижной войне немыслим. Никогда бы не успели в случае атаки подать передки.

Пока был инспектором конной артиллерии генерал Невадовский, наш из 64-й бригады, все шло хорошо. Но после его смерти инспектором конной артиллерии стал генерал князь Авалов, настоящий конник. И неприятности начались. Тому способствовали два обстоятельства. Во-первых, в офицерском составе наших батарей было мало настоящих конников. Были легкие артиллеристы, как я, и даже пехотные офицеры, как брат. Этого инспекция не могла переварить. В былое время конная артиллерия составляла касту, и Авалов к ней принадлежал. Во-вторых, все, что я выше упомянул, не согласовывалось с уставом.

Авалов редко бывал на позиции и не мог воочию убедиться, что наши нововведения практичны. Он думал, что это распущенность, и настаивал на точном выполнении устава, не желая признать, что устав устарел, что в подвижной войне нужен другой устав, нежели в позиционной.

РАЗМОЛВКА

Создалось очень странное положение. Наше непосредственное начальство — инспектор конной артиллерии — нас не любило и стремилось нас расформировать. А кавалерийские начальники нас очень ценили, и Авалов должен был с этим считаться. Кроме того, конно-горная была первой конной батареей в Добровольческой армии, и Колзаков был ее основателем. Авалов это помнил и под конно-горную не особенно подкапывался, а вот нашу 2-ю конную он преследовал, где только мог.

Произошла размолвка. В Хорциске, в каменноугольном районе, к нам и в конно-горную батарею инспекция прислала двух офицеров, чтобы проверить знания наших офицеров по артиллерии. Это после двух лет непрерывных боев и походов! Нас это возмутило. Мы сговорились и объявили экзаменаторам, что никакого представления ни о стрельбе, ни об артиллерии мы не имеем. Экзаменаторы пожаловались командиру батареи, полковнику Колзакову.

— Видите ли, — ответил Колзаков, — я сформировал батарею в Яссах, в Румынии, в начале 1918 года, в самых трудных условиях. Никто меня не поддержал, и все пророчили нам гибель... Тогда мы были рады каждому добровольцу и знаний их не проверяли. Их было немного. Добровольцев из конной артиллерии было всего человек пять. Пришлось брать легких

артиллеристов и даже пехотинцев. Несмотря на это, батарея получилась недурная. Два года постоянных походов и боев это доказали. Где же были тогда конные артиллеристы? Почему они появились только теперь на готовое, сделанное нами? Я их еще в бою не видел, а уже контролируют знания других, испытанных батарей. Считаю это мертвящей бюрократией и нетактичностью. Затем честь имею кланяться.

Мы были в восторге от этой речи. А сконфуженные экзаменаторы уехали. Воображаю, как Авалов рвал и метал! Инспекция смолчала, но злобу затаила и только ждала случая нас расформировать.

К тому ей представились два случая.

Во время большого отступления по Кубани, под Ново-Корсунской, красная батарея совершенно разбила нашу. Командир, капитан Никитин, смертельно ранен, почти все люди и лошади ранены, и остались только два очень юных офицера. Но Авалов не учел энергию прапорщика Казицкого, 20 лет, и мою, подпоручика 22-х лет. Не покладая рук мы переиначили и создали из остатков трехорудийную батарею, которую поставили на позицию. И это меньше, чем через час. Расформировывать существующую батарею не было повода. Но вместо благодарности Авалов меня страшно разнес и ушел недовольный.

Второй случай представился после эвакуации из Новороссийска. У нас не было ни орудий, ни лошадей. Правда, Авалов был уже убит, но новый инспектор конной артиллерии нас тоже не жаловал. Но случаю было угодно, что при большом отступлении наш взвод, работавший отдельно от батареи под командой капитана Ковалевского, пришел в Крым. Опять расформировывать существующую батарею не было повода.

Я был зачем-то послан к этому новому инспектору конной артиллерии (фамилию которого не запомнил, греческая).

— Вы, как кошки — всегда падаете на ноги, даже после Новороссийска. Поражаюсь вашей живучести... Если бы в другой батарее творился такой же беспорядок, как в вашей, то я бы решил, что батарея разлагается и надо ее расформировать. Но как могу я вас расформировать? Вы одна из моих самых старых и боевых батарей!.. Но не скрою от вас, что часто об этом думаю.

Это был разнос, который доставил мне самое большое удовольствие. Все же он отдавал нам должное. Вскоре после этого разноса генерал Врангель пожаловал нашему дивизиону (двум батареям) серебряные трубы и Владимирский значок за хорошую работу.

Должен сказать, что генерал князь Авалов был прекрасным офицером. Но интриги все время давали себя чувствовать.

С РЕГУЛЯРНОЙ КАВАЛЕРИЕЙ

ПОЛТАВА

После недельного отдыха в Дергачах около Харькова наши обе батареи погрузили там же, в Дергачах, в поезд и отправили в Полтаву. Наш дивизион переводили из Терской дивизии в регулярную кавалерию. Мы очень жалели терцев, к которым успели привыкнуть и с которыми так хорошо сработались. Кто знает, какова регулярная кавалерия?

На утро следующего дня я проснулся в товарном вагоне. Приехали в Полтаву.

Но города нигде видно не было. Рядом протекала болотистая речка.

— Это приток Ворсклы, а Полтава вон там, в полверсте.

Я пошел посмотреть на Полтаву. Попал на площадь. Одноэтажные дома, посреди немощеной площади памятник. На площади бродят свиньи и гуси. Впечатление глубокой провинции. Никаких укреплений. Как Полтава могла выдержать осаду шведов? Очевидно, укрепления скрыты.

Полтава это самая Украина, воспетая Гоголем и знаменитая Полтавской битвой, происшедшей поблизости между Карлом XII шведским и Петром Великим. Действительно, при походах приходилось встречать хорошо сохранившиеся земляные укрепления. Место Полтавского боя мне видеть не пришлось.

Я поспешил вернуться к нашему составу. Батареи выгружались. Приехал из обоза заведующий хозяйством полковник Лебедев и сообщил нам о производствах. Брат был представлен в штабс-капитаны, но чина этого не дождался. Я был представлен в поручики и со временем дождался. Многие были произведены в следующий чин. Обозненко был произведен в полковники — в 23 года! Он назначен старшим офицером батареи, что все одобрили, так как он был прекрасный офицер. Мукалов стал командиром взвода, а брат получил командование нашим первым орудием. Собственно говоря, это все было подтверждением того, что сложилось уже раньше в батарее. Все осталось по-прежнему. Некоторые радовались производству. Меня это удивляло — военная карьера меня не прельщала.

Брат и Мукалов поехали в отпуск в Екатеринодар. Брат взял у меня романовский пятисотрублевый билет, который я носил в мешочке на шее как неприкосновенный запас на всякий случай. Отдал его с неудовольствием. Носил его я, потому что я был, скорей, в мать, бережлив, а брат — транжир, в отца.

Батарея выгрузилась и пошла на сборный пункт, где собрался весь регулярный корпус. Мимо нас прошел эскадрон рысью. Драгуны были вооружены пиками и шли облегченной рысью. Это подпрыгивание эскадрона нас рассмешило. Мы отвыкли от классической посадки. Казаки, кубанцы и терцы, пик не носят и на рыси не облегчаются.

Пика очень неудобна на походе. Но кто хорошо ей владеет, тот обладает страшным оружием. В начале войны 1914 года донской казак Козьма Крючков получил первый Георгиевский крест за то, что переколол одиннадцать немцев пикой. Наши либералы старались всячески его осмеять, им было непонятно, как один человек... Но это был факт, тщательно проверенный и не единственный. Дело в том, что работа пикой — большое мастерство, и Крючков им обладал. Рана пикой почти всегда смертельна, во всяком случае выводит из строя.

Был уже целый корпус регулярной кавалерии и даже больше. Многие старые полки начали формироваться вновь. В этом были недостатки. Редко старый полк восстанавливался целиком. Но как только появлялся эскадрон, у него разрастался обоз. Думаю, что на каждого бойца приходилось два и больше тыловика. Полки же на фронте были сводные, из разных эскадронов, что тоже было недостатком. Были интриги и конкуренция. Старались для своего полка, а не для общей пользы. Командовал корпусом, мне кажется, генерал-лейтенант Юзефович, которого мы прозвали “великим молчальником”. Очень представительный по внешности, он всегда склонялся над картой и крутил свой длинный ус, но голоса его мы никогда не слышали. Распоряжался за него юркий полковник или даже ротмистр. Фактически он руководил корпусом. К счастью для корпуса, некоторые начальники дивизий, бригад и полков были первоклассные. Вскоре Юзефович исчез и был заменен кем-то, тоже не оставившим по себе следа, и наконец, командование сперва бригадой, потом дивизией, а затем всей регулярной кавалерией перешло к генералу Барбовичу, прекрасному начальнику. Кавалерия при нем стала грозной силой. Вся регулярная кавалерия в Добровольческой армии носила пики, даже гусары.

Наша батарея работала всегда со сводным полком 12-й дивизии. В него входили все полки с 12-м номером: Стародубские драгуны, Белгородские уланы и Ахтырские гусары. Больше всего было улан, командовал полком наш старый знакомый еще из Полог — полковник Псел, гусар. Некоторые офицеры носили форму мирного времени.

Вначале мы не очень доверяли регулярным и вперед не совались. Но постепенно привыкли. Конечно, у них не было казачьей лихости, но было упорство в бою и дисциплина.

Было, насколько я их встречал, шесть конных батарей: первая и вторая гвардейские, две наши — Дроздовские, седьмая и восьмая. В Полтаве мы не встретили других батарей, кроме наших двух. Но седьмая работала с особой группой кавалерии за Днпром (там служил Александров). Первую гвардейскую я встретил впервые в городе Нежине (в ней служили Кривошеины). Вторую конную гвардейскую встретил при отступлении и переходе через Дон. И с восьмой мы вместе шли на фронт из Брюховецкой. Очевидно, каждая действовала с разными частями, потому и редко встречались.

Тут, в Полтаве, мы впервые познакомились с нашим непосредственным начальником инспектором конной артиллерии генералом князем Аваловым и получили от него первый выговор из-за отсутствия зарядных ящиков.

НА КРЕМЕНЧУГ

Первая наша операция с регулярной кавалерией была направлена на город Кременчуг на Днепре. Мы прошли с малыми боями Сенжары, Лестиновку и Кобеляки. Вели огонь по возможности с закрытых позиций, издали. Ни пленных, ни вообще противника я за этот поход не видел. Нам казалось, что кавалерия действует вяло. Кончилось тем, что Кременчуг был захвачен другой кавалерийской группой, шедшей по той стороне, и мы вернулись в Полтаву, так и не повидав Днепра.

Походы были легкие. Был июль 1919-го, прекрасная погода, дождей было мало. Можно было спать снаружи, купаться, стирать белье. Мы были почти чисты. Летом походы напоминают прогулки, если быть победителем. А мы шли вперед. Какая разница с зимней кампанией — холод, вши, грязь. Плохие квартиры, невозможность раздеться и мыться. Развиваются болезни, и главная — тиф, причинивший нам больше потерь, чем пули. Я ни одним из тифов не болел.

Из Полтавы корпус очевидно разделился по дивизиям и шел на северо-запад несколькими колоннами, потому что у нас больше не упоминали корпуса, а говорили про дивизию.

НА РОМНЫ

Из Полтавы мы пошли на север. Прошли мимо Диканьки и вспомнили Гоголя. У Будища и Опошни были легкие стычки с красными, но они тотчас же отошли. Первый упорный бой произошел у небольшого городка Зенькова. Мы уже уверовали в регулярных и выезжали на открытую позицию, и на этот раз хорошо видели красных. Бой достиг большого напряжения и вдруг сразу стих. Красные отступили. Оказалось, что наши зашли во фланг и ударили. На этот раз были и пленные, и убитые на нашем пути.

Из Зенькова дивизия пошла на город Гадяч. Он находится на правом высоком берегу Псела. Река в этом месте широка и глубока. Взять город в лоб невыносимо. Дивизия пошла вправо и овладела селом Каменкой. Тут река разделяется на несколько рукавов. Наша батарея отеснила красных от берега, и части 12-го полка смогли переправиться на челноках и укрепиться. За ними полк мог переправиться уже на пароме, за полком наша батарея, а за нами вся дивизия. Был короткий жаркий бой, но красные отступили. В городе Гадяче красных не было.

На следующий день мы с боем заняли Липовую долину. Перед нами находились Ромны, старинная столица казачества. Но город, как и Гадяч, находился на той

стороне реки Сулы, и чтобы облегчить его взятие, послали один полк и нашу батарею влево — переправиться через реку и взять город с той стороны. Вечерело, и мы шли рысью, чтобы переправиться еще засветло. У деревни Жуковцы оказался маленький паром. Эскадроны переправились через Сулу вплавь, а мы стали перевозить орудия по одному на малом пароме. Это заняло много времени, и когда вся батарея была на той стороне, то кавалерии уже и след простыл. С кавалерией ушел и командир батареи, полковник Шапиловский, да еще увел с собой всех разведчиков. Как тогда, в окружении, с терцами. Батарея оказалась совершенно одна на вражеском берегу реки. Быстро наступила темнота. Батарея пошла по шоссе по направлению к Ромнам, вел ее Обозненко. Мы были очень обеспокоены нашим положением, даже не было разведчиков, которых можно было бы послать патрулем перед батареей. Предупредили солдат не курить, не разговаривать и, главное, не называть офицеров по чину — это могло выдать нас красным — у них чинов не было. Батарея во время движения беззащитна.

Еще до полной темноты к нам сбоку подошел разъезд из десятка всадников. Мы ничем не выказали своего беспокойства и продолжали идти шагом, не ускоряя. Разъезд постоял шагах в ста от нас и пошел вбок, не заговорив с нами и не спросив, какой мы части.

Вскоре наступила кромешная темнота. Мы шли по шоссе, Обозненко и я впереди батареи, и тихо переговаривались о нашем незавидном положении.

Нам навстречу едет пролетка. Мы ее не видели из-за темноты, но угадали по звукам. Мы с Обозненко посторонились и пролетку пропустили. За нашей спиной мы слышим следующий разговор. Незнакомый голос, вероятно, кучера:

— Эй вы, возьмите влево и пропустите нас.
Голос моего переднего ездового:

— Сворачивай сам, да поживей. Не то мы вас вывернем в канаву.

Другой голос, очень властный:

- Я комиссар фронта! Приказываю вам сейчас же освободить дорогу.

Короткое молчание, в котором, несмотря на темноту, чувствуется изумление.

Затем звук спрыгивающих ездовых и звук сапог, бегущих по шоссе.

Тот же голос, но удивленно:

- Товарищи, что вы делаете? Товарищи...

И больше ничего. Орудие даже не остановилось. Мы продолжали идти в темноте. Перед рассветом мы наконец догнали наш полк. Он остановился недалеко от города. Мы были очень рады к нему присоединиться. Я лег в

гречиху, держа повод Дуры, которая в ней паслась. Маленькие розовые цветы так чудно пахли. Я сладко заснул.

Разбудил меня дальний орудийный выстрел. Где-то там начался бой. Люди вставали, отряхивались и поправляли седла. Я подошел к своему орудию. У ездových были вещи, которые я видел впервые. У одного была на груди золотая звезда, и он ежеминутно вытаскивал из кармана золотые часы. Другой был одет в прекрасное кожаное пальто, а третий вытащил золотой портсигар и предложил мне папиросу.

- Это подарки покойного комиссара, — сказали мне ездových, смеясь.

За батареей следовала элегантная пролетка. В ней нашли папку с документами. Там был приказ воспрепятствовать переправе белых (нас) через Сулу. Место было верно указано, но комиссар ошибся днем, и это все изменило и для нас, и для него.

Боя за Ромны не было. Как только мы услышали, что с той стороны начался бой, мы дали две артиллерийские очереди шрапнелью. Этого оказалось достаточно, чтобы красные драпанули. Наша кавалерия, пошедшая вперед, уже красных не встретила.

Чтобы войти в Ромны, мы надели синие штаны и белые рубашки, что было вознаграждено улыбками барышень и цветами.

В мирное время в Ромнах стояли Изюмские гусары и две конных батареи, номера 16 и 17. Мы нашли склады, в которых обнаружили серебряные трубы гусар и чудные каски мирного времени конных артиллеристов. К сожалению, прочее обмундирование было уже расхищено. Трубы мы, конечно, гусарам не отдали, а организовали собственный оркестр. Он играл в городском саду и, понятно, играл плохо — не успел сыгратья. Чтобы компенсировать плохую игру, музыкантов нарядили в синие штаны и каски. Это произвело фурор среди публики, и в нашу батарею явилось человек шесть добровольцев из буржуазных семей города.

ВОЛОНТЕРЫ

Полковник Шапиловский позвал меня.

- К нам пришли волонтеры. Займитесь ими.
- Что я должен с ними делать, господин полковник?
- Как что? Сделайте из них солдат.

- Господин полковник, вы же знаете, что они пришли из-за касок и синих штанов. Когда они убедятся, что носить их не будут, то заболеют, попросятся в отпуск и не вернуться. То есть дезертируют и унесут еще наше обмундирование.

Они будут только в обузу батарее, хороших солдат из них не получится. Лучше сразу их отослать по домам.

— Я это прекрасно знаю и тоже предпочитаю мужиков, которые знакомы с тяжелой жизнью... Но мы не можем отсылать волонтеров... Идите, сделайте, что можете.

Я стал заниматься волонтерами. Был я требователен и неприятен до крайности, чтобы разогнать их как можно скорей.

Заставил их чистить лошадей. Вычистить лошадь, которую никогда не чистили, в один присест невозможно. Она кажется чистой, но стоит провести рукой против шерсти и грязь опять появляется.

— Нечисто. Начинайте сначала.

Чисткой лошадей я довел волонтеров до отчаяния очень быстро. Вечером второго дня один из них откашлялся и сказал:

— Господин поручик, я получил письмо (откуда? Почта ведь не ходила). Меня извещают, что моя мать заболела...

- И вы проситесь в отпуск? Не так ли?
- Да...
- Есть еще больные у других?
- Да, у меня... И у меня... И у меня тоже...
- Все матери сразу заболели, как по команде? Странная эпидемия.
- Нет, видите ли, это моя тетя... Моя кузина... Сестра...
- Ладно, ладно, не выдумывайте, не старайтесь. Вы еще не солдаты и можете уйти когда хотите.
- Мы вернемся через три дня.

- Идите. Держитесь крепче за подол вашей маменьки и не возвращайтесь... Не унесите щеток, сдайте их мне.

Все ушли поспешно, один остался.

- А ты, чего ты дожидаясь?
- Я не хочу уходить, господин поручик.
- Что?! Ты хочешь остаться в батарее?
- Так точно, господин поручик.

- Хм, хм... Как твое имя?
- Медведев, господин поручик.
- Слушай, Медведев, служба не состоит в том, чтобы гарцевать на красивом жеребце и пленять барышень. Есть усталость, работа, вши, грязь, страх, опасность.
- Я это знаю, господин поручик.

- И несмотря на это, ты хочешь остаться?
- Так точно, господин поручик.
- Хм... Хм... Тогда я тебе скажу, что жизнь солдата совсем не так тяжела. Иди отдыхай и отнеси каптенармусу щетки и скребницы.

Медведев оказался хорошим солдатом и остался в батарее до конца.

Я пошел доложить полковнику Шапиловскому о результате моей деятельности.

- Только один остался? Другие ушли? Результат неблестящий... Чем вы их разогнали?
- Я заставил их чистить никогда не чищенных лошадей.
- Ха, ха, ха. И потом проводили рукой против шерсти? Ха, ха, ха. Ну это-то, последний не убежит?
- Мне кажется, что не убежит.

Нам пришлось пройти через три главных левых притока Днепра: Ворскла, Псел и Сула — мы учили их в гимназии — и пройти с боем, о чем мы в гимназии не подозревали.

БАЙБАРАК

Во время этих походов почему-то не было красных бронепоездов, которые в других местах бывали часто. Не было, правда, и наших, но мы и без них обходились.

Мы не долго пробыли в Ромнах. Нашу батарею с полком послали вытеснять красных из окружающих деревень. Мы пошли по направлению к Прилукам, но до них не дошли. Вероятно, у Прилук действовала другая наша группа. Не помню теперь названия деревень и сел, через которые мы прошли. Тогда я их не записал, а потом ни на одной карте обнаружить не мог. Было несколько имений. Одно было сожжено, и торчали одни трубы и пирамидальные тополя, другое, наоборот, было так быстро нами занято, что товарищи не успели его разгромить. На радостях управляющий устроил нам хороший ужин. Жареные гуси и мороженое. В хороших конюшнях мы взяли двух лошадей. Бои были, но красные обыкновенно после жаркой стрельбы уходили.

В большом селе я сидел за столом и писал дневник. Вошел здоровенный парень, рыжий, пояс под пузом, нос картошкой. Он поздоровался, подошел к столу, оперся об него и спросил:

— Ты офицер?

В нем не было наглости, скорей непосредственность.

- Да, я офицер.
- Я хочу в артиллеристы.
- Почему ты хочешь поступить к нам? Пошел бы лучше к красным.

- Да я у них был.
- Ну и что же?
- Да нет, мне у них не понравилось, я дезертировал.
- Ты и от нас дезертируешь? У нас строго.

— Вот это-то мне и нравится. У меня на это глаз. Батарея мне сразу понравилась... У махновцев был полный бардак.

— Как, ты и у махновцев побывал?

— Ну конечно.

- А почему ты не хочешь остаться просто дома?
- Нет. Скучно. Мы недружны в семье. Я хочу посмотреть белый свет.

— А ты о том подумал, что мы можем проиграть войну. Что ты тогда будешь делать? Мы-то, вероятно, покинем Россию.

- Куда же вы поедете?
- Я не знаю. За границу.

— Вот это здорово. Я всегда мечтал попасть в Америку... Когда вы едете? Смотрите, меня не забудьте.

— Мы еще не потеряли войны. Наоборот, все идет хорошо.

- Жаль...
- Как тебя звать?

— Байбарак. А тебя?

- Видишь ли, Байбарак, я возьму тебя на пробу в свое орудие. Теперь ты должен называть меня “господин поручик”, потому что я твой начальник.

— Ладно. Я уже поспрашал у хлопцев. Они говорят, что ты не вредный.

— Байбарак, — сказал я строго. — Ты должен приучиться к более военной речи, И главное, ухаживай хорошо за лошадьми. Иначе я отошлю тебя... в деревню.

У него сделалось испуганное лицо, и он отдал мне честь (к пустой голове), да так нескладно, что я невольно рассмеялся.

Ни старший офицер Обозненко, ни командир батареи Шапиловский не были очарованы Байбарак, потому что он делал гафы, хоть и без намерения.

— Где вы откопали этого разбойника?

Я посадил Байбарака ездовым, и он исправно делал свое дело, и лошади у него были в порядке. Он не дезертировал. Он выехал с нами в Галлиполи и эмигрировал с другими в Бразилию. Там им не понравилось. Их повезли обратно в Галлиполи. Байбарак и поручик Казицкий спрыгнули с парохода и уплыли на Корсику. Пароход, конечно, не остановился и никаких мер к их спасению не принял. Люди говорили, что им удалось доплыть, будто бы их видели.

Разогнав красных из соседних деревень, мы вернулись в Ромны. Подходя к городу, мы заранее радовались отдыху в благоустроенной обстановке. Но не тут-то было. Войдя в город, мы увидели строящиеся полки и первую батарею, готовые к походу. Пришлось присоединиться к колонне и двинуться на север. Мы были очень разочарованы.

РУБАНКА

Было начало августа 1919 года, тепло и продовольствия сколько угодно. Наша дивизия пошла короткими переходами на север. Боев было мало, красные уходили.

После небольшой перестрелки мы перешли громадное поле сахарной свеклы и остановились на улице деревни Рубанки. Невдалеке проходила стена с решеткой, и за ней виднелись липы и дубы большого парка.

- Чье это имение? — спросил я крестьянина.
- Рачинских.

Я пошел по парку. Он не успел еще зарости. Пруды, еще видны дорожки. Вот и дом, в сравнительно хорошем состоянии. Конечно, разграблен, но остались двери и окна, и даже кое-где стекла. Я вошел на второй этаж, там всегда бывали груды писем и фотографий. Наклонился, чтобы взять одну из них, и ахнул, потому что на меня смотрело лицо тетки. Встречал ее часто у тети Маши Якунчиковой. Так это было все далеко и неожиданно, что не сразу вспомнил ее имя. Стал рыться в фотографиях и нашел еще знакомые лица. Рачинские, Рачинские?.. Ведь у нас были родственники Рачинские.

В это время пулеметчик Костя Унгерн протянул мне письмо.

— Смотрите, письмо Мамонтовой.

Я был взволнован. Пошел в деревню и расспросами нашел управляющего. Он отнесся сперва хмуро и недоверчиво и устроил мне экзамен. Я должен был перечислить свою родословную. Убедившись, что я действительно Мамонтов, он бросился мне на шею и зарыдал.

— Вы идете в Москву. Расскажите там, что случилось. Я не виноват...

Я его успокоил. Все имущества разграблены и даже сожжены. Это еще в сравнительно хорошем состоянии.

— Пойдемте, — сказал он таинственно.

Мы вернулись в дом. Он осмотрелся, убедился, что мы одни, и отодвинул тяжелый шкаф в конце коридора. За ним была дверь, он отпер ее ключом. Я ахнул. Там были две комнаты, наполненные вещами, картинами и мебелью.

- Мне удалось сохранить эти две комнаты и постепенно снести сюда ценные вещи. Войдите.

Он снова запер дверь.

Я себя чувствовал как в прошлом столетии среди этих чудом сохранившихся предметов.

— Вот вы там в Москве расскажите, что я спас, что мог.

- До Москвы надо еще дойти и остаться в живых.
- Ну, Бог вам поможет... Что вы мне посоветуете делать с этими вещам?

Несмотря на свою молодость, я дал ему очень практический совет.

— Видите ли, вам не удастся сохранить эти вещи... Белые, как и красные, грабят и реквизируют. Подождите два-три дня, пока пройдут войска. Уложите все в ящики, отвезите в большой город, продайте и на вырученные деньги купите доллары или английские фунты.

Он был возмущен моим советом. Он управлял этим имением тридцать лет, а до него его отец, а до отца его дед. Он не мог поверить, что имущества кончились и никогда не возродятся.

— Как можно продать эти вещи?! Каждая вещь дорога для вашей семьи. На кресле, на котором вы сидите, сидела обыкновенно ваша бабушка...

Он очень расстроился и холодно со мной простился. Особенно после того, как на правах родственника я снял со стены и взял себе большую и подробную карту юга России. Карта мне очень пригодилась — хорошие карты были редки. Думаю, что управляющий едва ли последовал моему совету. Со своей точки зрения, он был прав. Есть вещи, которые нельзя продать, не надломив сердца, может быть, даже лучше, чтобы они погибли. Так много потеряно, немного больше или меньше — все равно.

Я вернулся в батарею, колонна двинулась дальше.

БАХМАЧ

Первый упорный бой произошел за город Бахмач. Во время этого боя наша батарея попала под обстрел красной батареи. Два недолета, два перелета, красная батарея взяла нас в вилку. Мы уже втянули головы, ожидая, что следующая очередь будет по батарее. Но ничего не произошло. Оказалось, что первая наша батарея очень вовремя пришла нам на выручку и заставила замолчать красную батарею. Эту услугу конно-горная нам оказывала неоднократно. Я вспоминаю три случая, а было, вероятно, больше. Отплатили ли мы ей тем же, не знаю. Могу припомнить только один случай. Когда неприятельская батарея начинает пристреливаться, нужно тотчас же уходить и уходить вразброд, чтобы потом соединиться. Так уменьшаются потери. Но обыкновенно командир батареи увлечен стрельбой и хочет выпустить еще одну очередь. Тут-то и наступает трагедия, как с нами случилось под Ново-Корсунской полгода спустя.

Нам с братом удалось подобрать в нашем орудии прекрасных упряжных лошадей и хороших ездовых. Гордостью всей батареи был наш игрневый коренник (пара), сильный и легкий. Ездовой был Юдин, старый опытный солдат. Он обожал своих лошадей и ни за что не хотел с ними расстаться и занять более легкую должность. Байбарак сидел на среднем выносе рослых рыжих лошадей. Передний вынос был пара вороных, чуть легче средних. А вот кто был ездовой, хоть убей, вспомнить не могу. Вороные подходили хорошо к Дуре, когда я ехал перед орудием.

Вспоминаю я упряжку не зря, а вот по какому случаю. Во время боя красные притиснули батарею к лесу. Обойти его было уже поздно.

— Придется отходить через лес, — сказал мне Обозненко. — Идите вперед и выбирайте дорогу, где батарея сможет пройти, не зацепившись.

Я поехал вперед, мое орудие следовало за мной недалеко, а за ним вся батарея. Вначале было легко находить дорогу, но лес стал густеть, и наступил момент, когда я поднял руку и остановил батарею.

— Не пройдем, нужно искать в другом месте.

Но старый и опытный ездовой Юдин обратился ко мне.

- Ничего, господин поручик, пройдем. А ежели зацепим, то и повалим дерево.
- Ты уверен?

— Да, в Восточной Пруссии приходилось, и ничего, проходили, — он обратился к ездovým: — Эй, ребята, когда зацепим, наддайте.

И действительно, Юдин ловко зацеплял дерево в ногу толщиной осью передка и командовал: “Наддай”. Дерево скрипело и падало, вырванное с корнем. При этом он валил дерево в сторону, а не на лошадей. Это были сосны, у которых есть глубокий главный корень.

Повалив несколько деревьев, мы вышли в мелколесье, где пошли, давя все кругом. Вскоре выбрались на лесную дорогу и смогли присоединиться к нашей кавалерии.

Несмотря на все это, Бахмач мы все же взяли и расположились в нем на ночь.

НАПАДЕНИЕ

Очевидно, наше охранение было недостаточным, потому что ночью раздалась стрельба в самом городе. Мы вскочили, спешно поседлали, замуницили и выкатились из города под роем пуль.

Отойдя немного, дивизия собралась, дождалась рассвета и повела опять наступление на город. Красные не выдержали и отступили. Мы заняли город и расположились по старым квартирам. На площади мы нашли трупы нескольких захваченных наших. Трупы были сильно изуродованы. Очевидно, их пытали.

Но на следующую ночь случилось то же самое. Правда, на этот раз охранение не прозевало. Но красные появились ночью, и нам пришлось без паники, но уйти из города.

Тогда мы рассердились. Дивизия ушла в какую-то деревню, где простояла весь день. Ночью же мы совершили глубокий обход и на заре были севернее Бахмача в тылу у красных. Красные нас прозевали, и наше внезапное появление вызвало у них невероятную панику. Несмотря на большие силы, красные не смогли организовать сопротивление. Боя, собственно говоря, не было, а было страшное избиение.

ИЗБИЕНИЕ

Как репрессия за изуродованные трупы был отдан приказ пленным не брать. И как на грех, никогда так много пленным не брали. Пленных приводили со всех сторон. И их расстреливали. Красные и не думали о сопротивлении, а бежали

отдельными толпами и после первого залпа сдавались. Их расстреливали. А на смену вели уже другую партию.

Я понимаю, что в пылу боя можно расстрелять пленного, хоть это не годится. Но расстреливать сдающихся систематически, почти без боя — это просто отвратительно. Мы все надеялись, что начальник дивизии отменит свой приказ, но так и не дождались отмены. Думается, что расстреляли несколько тысяч. Это было какое-то побоище, вовсе нам не свойственное.

К счастью, артиллерия освобождена от этого гнусного занятия. Но даже смотреть было невыносимо.

В самом начале боевых действий из-за буфа вдруг появился товарный поезд, буквально облепленный удирающими красными. Совсем рядом проходила железная дорога, а мы и не догадались ее испортить.

— К бою! — завопил Шапиловский.

Мы спешно снялись и стали лупить по поезду. С поезда даже по нам не стреляли. Наши шрапнели срывали грозди людей с крыш вагонов. Но в паровоз мы не попали, и поезд, весь простреленный, смог удрать.

— Ничего. Они такого страху натерпелись, что распространят панику во всех красных частях.

Наконец к полудню расстрелы как будто кончились. Стрельбы больше слышно не было, и мы успокоились. Одни заснули, другие разошлись. Я тоже лег около своего орудия и заснул. Шли ведь всю ночь.

Я проснулся с чувством, что что-то неладно, поднял голову и обомлел. В нескольких стах шагах от нас из кукурузного поля выходил целый батальон красной пехоты. Я вскочил как ужаленный.

— К бою! — завопил я.

Но никого на батарее не было. С помощью ездовых я повернул орудие и выпустил две гранаты. Вторая ударилась в гущу и подбросила несколько человек. Красные побежали к лесу, и я, видя, что они и не думают нас атаковать, прекратил стрельбу.

— Пусть бегут.

Но мои выстрелы привлекли внимание кавалеристов, и они атаковали бегущих. Те, конечно, сдались, и их стали расстреливать маленькими группами.

Офицер-кавалерист подошел ко мне.

- Мы не справляемся с пленными. Есть у вас желающие?

- У нас, — ответил я, — нет желающих расстреливать. Офицер улыбнулся.

— Вы так в этом уверены? Разрешите мне спросить ваших людей?

— Сделайте одолжение, — сказал я и отошел в сторону.

Я был твердо уверен, что никто не отзовется. Каково же было мое изумление, когда буквально все с восторгом последовали за кавалеристом. Я удержал двух-трех:

— Как вам не стыдно?

Они остались нехотя, только чтобы сделать мне удовольствие. Даже откуда-то у всех появились винтовки, которые обыкновенно не заставишь их носить за спиной. Офицер увел моих людей и насмешливо мне улыбнулся. А я-то думал, что у меня в орудии все порядочные люди, которые не обидят мухи. И я ведь не был новичком. За два года гражданской войны пришлось повидать всякого. Но я был молод и верил еще в человека. С тех пор эта вера очень пошатнулась. Я пришел к заключению, что человек — хищник, и скверный хищник. Он любит убивать себе подобных и убивать зверски.

Должен отметить армянскую конную сотню. Их было человек триста, прекрасно обмундированных, на хороших лошадях. Появились они внезапно и так же внезапно исчезли. Никогда их ни раньше, ни после не видел и ни в одном бою не встречал. Да и по виду они были парадными, а не боевыми. Слишком сытые, слишком холеные. Армяне приняли живейшее участие в расстрелах. Они брали небольшую партию пленных и отпускали их, как бы не обращая на них внимания. Пленные мялись, потом тихонько шли к лесу, потом ускоряли шаг, потом пускались бежать. Тут-то армяне вскакивали на коней, гнались за ними и рубили. Говорили, что они отрезали уши, чтобы хвастаться убитыми “в бою”. Но не могу утверждать, что армяне были хуже русских, — все были звери.

Этот случай применения террора в большом размере - совершенно исключительное явление. За все время гражданской войны я о другом таком случае не слышал.

Террор применялся монголами в XIII столетии как тактическая мера. Паника им предшествовала, и все бежало. Террор введен как система у коммунистов. Без террора большевизм невыносим. К сожалению, террор всегда имеет успех.

После побоища красные не пытались больше захватывать Бахмач. Во-первых, мы фактически уничтожили большую часть их войск, и, во-вторых, в оставшихся войсках распространилась паника.

Вернувшись в город Бахмач, мы снова нашли несколько изуродованных трупов наших, которые до некоторой степени оправдали расстрелы.

Мы находились в области, которую называют лесостепь. В степях кавалерия имеет явное преимущество перед пехотой в маневренности и быстроте действия. Но в лесу пехота имеет преимущество перед конницей, которая вообще в лесу действовать не может. Мы били красных в полях, они уходили в лес и ночью нас атакывали.

Из Бахмачской операции я вынес три убеждения: 1) что человек большая сволочь, 2) что террор всегда достигает цели, 3) что кавалерия в лесу действовать не может. При походах на север в лесную область ей будет трудно.

ТЕМЕРЧЕНКО

Невольный и бессильный свидетель расстрелов, Обозненко подошел ко мне.

— Я больше не могу видеть это избиение. Зачем вы стреляли? Надо было дать им убежать.

— Я и сам не рад, но в первый момент я думал, что они нас атакуют.

— Пойдите, выберите человек двадцать для батареи. Если они нам не понадобятся, мы отдадим их потом, когда страсти улягутся.

Я сел на Дуру и въехал в бледную, запуганную толпу пленных. Инстинктом они поняли, что я представляю спасение, и стали жаться ко мне. С высоты седла я всматривался в лица.

— Ты, иди сюда... Ты тоже... Ты, нет, не ты, а твой сосед...

Я выбирал простые, наивные лица. Это может показаться странным, но мы научились узнавать коммунистов только по лицам. У коммунистов была твердость, даже жестокость в глазах. Все пленные были уже раздеты, в одном белье. По странной случайности один высокий тип сохранил сильно поношенную черную барашковую шапку и потому выделялся. Этот, конечно, коммунист, — подумал я о барашковой шапке. Кому понадобилась их пропотелая и вшивая одежда?

Я пересчитал выбранных, их было двенадцать. Сжалился над двумя мальчишками и взял их. Они оказались беспризорными и закоренелыми преступниками. Наши солдаты пороли их почти ежедневно за гадкие проделки. Они были неисправимы, например, мочились в суп. Наконец, солдаты, потеряв терпение, решили их расстрелять. Первой батарее нужна была соль. Я дал им мешок соли с условием взять от нас мальчишек и нам их больше не возвращать.

Беспризорные были дети расстрелянных или сосланных, потерявшие семьи. Они образовывали шайки голодных волков, которые терроризировали деревни и даже города. Большевики пробовали их перевоспитать, но, убедившись в невозможности, просто их расстреливали. Их были сотни тысяч. Когда говорят о достижениях революции, не нужно забывать такое вот “достижение”, которое большевики, конечно, замалчивают.

Но вернемся к пленным.

Я уже набрал 16... 17... 18... 19... еще остался один. Они чувствовали, что шансы уменьшаются, и все смотрели на меня с мольбой и надеждой.

Кого взять? — затруднялся я.

- Ты, — я указал на типа в шапке. Он пошатнулся от радости. А я недоумевал, почему я его выбрал? Ведь ясно, что он коммунист. Но дело было сделано, было бы жестоко менять.

— Куда вы уводите этих пленных? — спросил кавалерийский офицер.

— Они мне нужны для батареи.

Он пожал плечами, и я их увел. В это время остальных изрубили армяне. Я ходил, как работороговец, от орудия к орудию, предлагая людской товар. Третье орудие взяло у меня типа в шапке, потому что он был высокого роста. У меня осталось восемь человек.

— Подождем немного, — сказал Обозненко, — и потом отправим их к кавалеристам. Думаю, что теперь их не станут расстреливать.

Он ошибся. Когда через час мы их отослали, их тут же расстреляли.

Начальник третьего орудия привел мне типа в шапке.

— Я не хочу его. Он, конечно, коммунист. Берите его обратно, а всего лучше отошлите его к кавалеристам.

И ушел.

Я сидел на лафете и был в сильном затруднении. Тип передо мной дрожал мелкой дрожью. Что мне с ним делать? Не знаю. Отослать рука не поднимается — ведь на смерть. А оставить у себя страшно — он коммунист и может напасть. Мы оба молчали.

— Как тебя зовут?

— Темерченко.

— ... Я возьму тебя в свое орудие.

Его одели в вещи убитых, и я посадил его на передний вороной вынос ездовым.

Байбарак, как “старый” ездовой, объяснял ему все тонкости искусства.

Несколько дней спустя я присел за нуждой у сарая и случайно услышал разговор моих солдат внутри сарая.

— Ты нам очки не втирай, Темерченко. Ты же коммунист, это сразу видно.

— Да, я был коммунистом, но после того, что со мной случилось в Бахмаче...

— Что? Расскажи.

— Я был неверующим. Когда нас взяли и начали расстреливать, я вспомнил о Боге и сказал себе: “Если Бог существует, то пусть Он обнаружит себя”. И вот поручик Мамонтов въехал в нашу толпу и стал отбирать людей. Я был поражен этим и стал молиться: “Господи, спаси меня, и я в Тебя уверую”. А поручик на меня смотрит и отворачивается. Он выбрал уже девятнадцать человек, остался один.

Тогда я стал молиться от всей души, и он указал на меня. Я чуть не упал, потому что знал, что Господь направил его руку...

— Да, это удивительно, — сказал кто-то из солдат.

— Погодите, это еще не все. Меня взяли в третье орудие. Тогда я подумал: “Какая чушь верить в чудо. Просто повезло”. И сейчас же поручик третьего на меня посмотрел и сказал: “Я не хочу этого — он коммунист”. Я понял, что это наказание за мое неверие, и стал молиться. И поручик Мамонтов, хоть во мне не нуждался, но не отослал меня к кавалеристам. Я видел, как они расстреляли остальных отосланных... Вот что со мной случилось...

Наступило молчание, и я потихоньку ушел от сарая. На следующий день я спросил орудийного фейерверкера унтер-офицера:

— Шакалов, что ты думаешь о Темерченко? Он же коммунист. Можно ли его у нас оставить?

— Да, он коммунист, но он ничего против вас не сделает, господин поручик. Думаю, что его можно оставить.

— Это из-за Бахмача?

— Да-

— Знаешь, я не очень верю в благодарность. Ты последи за ним.

— Будьте покойны, господин поручик.

Темерченко не дезертировал, а это было бы ему легко, особенно при отступлении. Он проделал походы на север и все большое отступление. Он был смертельно ранен на Кубани, под Ново-Корсунской.

Я часто думал и думаю о нем. Что его у нас удержало? Благодарность? Или правда то, что я слышал у сарая? Чужая душа потемки.

Мы заняли город Конотоп. Брат вернулся из отпуска. В Екатеринодаре он встретил нашу тетку Мару Константиновну Свербееву и ее дочерей Марину и Таню.

БЕЛОПОЛЬЕ

Брат уговорил меня ехать в отпуск в Екатеринодар. Шапиловский меня отпустил. У меня было 800 рублей, и я считал себя богачом. Но цены так повысились, что через три дня я остался без копейки и был рад вернуться в батарею.

— Что скоро вернулись, господин поручик?

— Да, знаешь, денег не хватило. Там ведь за все надо платить и все очень дорого... И по вас соскучился, и по Дуре.

— Значит, в батарее-то лучше?

— И не сравнишь. Мы тут как у Христа за пазухой.

Дивизию регулярной кавалерии принял генерал Барбович, хороший начальник. Красные предприняли наступление от Путивля на Сумы. Наша дивизия двинулась из Конотопа и ударила им во фланг. Очень сильный бой разыгрался у Белополья. Красные несколько раз старались перейти в наступление. Обе наши батареи вели сильный огонь и с трудом сдержали красных. Пули летели роями. Бой был упорный и долгий. Тут был ранен Рыцарь. Брат его расседлал, думая, что лошадь погибла, но Рыцарь оправился и через несколько дней брат мог опять на нем ездить. Стрельба была так сильна, что я взял у коновода Дуру и сел на нее, потому что я верил, что лошадь не будет ранена, пока я на ней сажу.

Тут пришлось увидеть ужасную рану. С позиции ехала рысью телега, на ней сидел молодой драгун-вольноопределяющийся. В обеих щеках его была дыра в кулак величиной, вероятно, от осколка; нижняя челюсть перебита и отвисла, и левый глаз висел на длинной жиле снаружи. Тряска телеги была для него мучительна. Но он не мог лечь. Удивляюсь, как он не терял сознания. До сих пор как вспомню, так мороз пройдет по коже.

Вдруг один дом в Белополье загорелся. То ли от шрапнельного разрыва над сухой соломенной крышей (жара была сильная), то ли от зажигательного снаряда. Но мы не хотели поджигать деревню. Может быть, в пылу стрельбы перепутали снаряды.

Как ни странно, но этот пожар в тылу красных сыграл роль перелома в бою. Красные стали отступать, и мы заняли Белополье, перешли речку и заняли хутор на той стороне, в котором батарея осталась ночевать.

ТРЕВОГИ

Я был дежурным по батарее. Не спал, не снимал оружия и изредка выходил наружу, чтобы послушать, не стреляют ли. Вечером я вышел послушать. Выстрелы. У нас создался навык разбираться в значении стрельбы. Эта мне не понравилась. Хоть стрельба не была сильной, но направлена в нашу сторону. Я постоял. Опять выстрелы в нашу сторону. Я объявил тревогу.

- Седлать, заамуничивать.

Полковник Шапиловский появился на крыльце. А стрельба смолкла.

- Кто приказал седлать?
- Я, господин полковник. Стреляют.

Он прислушался, но ночь была спокойна.

— Вам почудилось. Прикажите расседлывать.
И он вернулся в свой дом.

Несколько минут поздней стрельба возобновилась и ближе.

— Седлать, заамуничивать.

Шапиловский появился опять и в плохом настроении. Как нарочно, раздалось два-три выстрела и смолкло.

- В чем дело?
- Стрельба, господин полковник.

— Я не знал, что вы так нервны (понимай трусливы). Ничего же нет. Не нервнируйте людей. Дайте им отдохнуть. Расседлывать.

И ушел.

Через несколько минут стрельба приблизилась. Тогда я поседлал Дуру, позвал номеров нашего орудия, брата. Приказал ездовым запрячь наше орудие, и мы стали ждать. Нам не пришлось долго ждать. Пулеметная очередь прошла над

нашими головами, и одна пуля разбила окно в доме Шапиловского. После этого все бросились седлать и заамунничивать.

Эскадрон гусар на рысях чуть не раздавил Шапиловского.

— Что вы тут делаете?! — заорал командир эскадрона. — Через минуту красные будут здесь, а вы еще только запрягаете и вам нужно еще перейти мост. Удирайте, и живо.

Все же он остановил своих гусар. Мы же были готовы. Брат скомандовал:

— Садись. Шагом марш.

И мы пошли, не дожидаясь остальных, которые нас догнали в поле. Мы отошли от Белополя, уже занятого красными, и шли по полю. Красные долго преследовали нас залпами. Но несмотря на луну, они нас не видели и стреляли на шум орудий при ходьбе. Мы ясно слышали команду: “Батальон! (все нагибались к луке) Огонь!” Залп, и все выпрямлялись. Не думаю, чтобы у нас были потери. Ночью пули безвредны. На следующий день мы легко, без усилий заняли опять Белополье и тот хутор. Красное наступление не удалось. Мы вернулись в Конотоп.

НЕЖИН

Распространилась радостная весть: наша дивизия идет на Киев. Хотелось в большой город. Надоело ходить по деревням. Дивизия перешла в Бахмач.

Меня назначили квартирьером от наших двух батарей в Нежин. Квартирьерам предложили на выбор — идти вперед дивизии верхами или ехать на товарном поезде. В Нежине стояли эскадрон конной гвардии и взвод гвардейской конной артиллерии. Кроме того, туда пошел наш бронепоезд. Так что Нежин был солидно занят нашими. Мы, конечно, выбрали единогласно поезд. Устроились с двумя десятками кавалерийских квартирьеров на открытой платформе и поехали. У меня было четыре солдата нашей и два первой батареи, кроме того, присоединились прапорщики Мильчев и Форберг. Нежин отстоял от Бахмача верст на шестьдесят, что было большим переходом для дивизии, она прибудет только вечером, а мы будем там через полтора часа.

Мы прибыли в Нежин. На главной площади около вокзала стояли гвардейцы и два орудия. Наш главный квартирьер распределил районы города между частями. Нашему дивизиону досталась большая площадь, поросшая травой, с уютными домиками. Распределили квартиры, и я послал солдат в соседние деревни за сеном. Одного, чтобы встретить батарею, на окраину города. На карте, которую я взял в Рубанке, было отмечено, что в Нежине есть оружейный завод. Мильчев и Форберг поехали на извозчике туда, надеясь найти револьверы. Я просил их взять там новое ложе для моего карабина. Кстати,

карабин остался у брата. На мне была шашка, револьвер и переметные сумы, которые я снял с седла.

Все разошлись, и я остался один на площади. Меня окружили дамы.

— Господин офицер, пожалуйста к нам на чашку чая.

- Нет, идемте ко мне, у меня к чаю сладкий пирог.
- А у меня будет ваше любимое варенье...

Я не знал, к кому пойти, чтобы не обидеть других. Я ведь был первый Доброволец, которого они видели. Но пожилой господин отстранил дам и авторитетно заявил:

- Вы должны идти ко мне.
- Но дамы пригласили меня раньше вас.

— Я майор Турецкой войны (1877 г.), и потому у меня приоритет.

— В таком случае конечно, господин майор. Простите меня, сударыни.

Чай у майора был брандахлыст и без варенья.

— Вы еще молодой человек и, вероятно, еще пороху-то не нюхали. А я в двух баталиях участвовал.

Чтобы его не огорчать, я промолчал о сотне боев, в которых бывал, и просил его рассказать, как это было в его время. Майор стал рассказывать, а я прислушиваться не столько к рассказу, сколько к отдельным выстрелам в городе. Выстрелы участились. Что за черт? — подумал я.

Вдруг бухнуло орудие, и где-то в городе разорвался снаряд.

- Э... Дело-то серьезно.
Я встал.
- Что это такое? — спросил обеспокоенный майор.

— Кажется, начинает пахнуть порохом, как вы изволили выразиться. Надо пойти посмотреть. Сохраните, пожалуйста, мои переметные сумы.

Очевидно, красные вошли в город, а я разослал всех своих людей и остался совершенно один. Что же мне делать?.. Надо идти в центр города. Там есть наши, раз там стреляют.

В центре была сильная перестрелка, но отдельные выстрелы раздавались по всему городу. Я расстегнул кобуру револьвера, чтобы скорей его вытащить, если... и шел по пустынной улице, поглядывая на окна и на крыши, — не затаился ли там стрелок. С одной стороны улицы была невысокая стена

кладбища. Не перепрыгнуть ли стенку и затаиться среди могил, пока не подойдет наша дивизия? Нет, а вдруг дивизии не удастся занять город? Лучше пойду искать своих... Эх, была бы у меня Дура, было бы совсем другое дело. Кому пришла эта несчастная мысль ехать поездом? Без лошади, как без рук.

Извозчик ехал мне навстречу. Я его остановил, попросил седока вылезти и сам сел на его место.

- Пошел к центру.
- Но там ведь стреляют.

— И все-таки поезжай.

На перекрестке встретил двух других извозчиков с кавалеристами-квартирьерами. Короткое совещание — и мы поехали к центру. Но летящие оттуда пули заставили нас свернуть в поперечную улицу. Мы решили выехать из города. Навстречу идут два воза с сеном.

— Эй! — закричал я. — Есть на возу солдаты? Появились заспанные головы моих солдат.

— Поворачивайте и следуйте за нами.

На моего извозчика сел кавалерист. Он удержал меня, когда я хотел стрелять в типа в черном пальто с винтовкой в руках.

— Так это же наш гусар.

Успел стибрить пальто. А я принял его за махновца. Мы вышли из города и устроили военный совет. Нас было человек двадцать. Гусары хотели атаковать, но возобладало мое более благоразумное мнение: идти к вокзалу, установить связь с нашими и уяснить обстановку. Тут должен быть наш броневой поезд.

Мы рассыпались и пошли к железной дороге. По ней медленно отходил состав. Очевидно, база бронированного поезда. Увидя нашу жидкую цепь, он прибавил ходу. Мы стали кричать и махать руками. Наконец он остановился. Мы подошли. Они нам сообщили, что бронепоезд один пошел на Киев. Куда девался эскадрон конной гвардии, они не знали, а сами отказались к нам присоединиться, хотя их было человек шестьдесят — все высунулись с любопытством.

База, в отличие от храброго бронепоезда, который рискнул один, без наших войск идти за 120 верст на Киев (и с успехом), оказалась робкой и самостоятельно действовать не решалась.

— Ступайте тогда быстрее и предупредите нашу идущую дивизию о том, что случилось.

Но они и на это решиться не могли. Мы оставили этих трусов и пошли в город. Мы были храбры, потому что чувствовали за спиной идущую нашу дивизию.

Стрельба между тем смолкла. Мы прошли по пригороду, никого не встретив. Дошли до моста, и я предложил тут и остаться и дожидаться прихода дивизии. Кавалеристы, видимо, устали, поэтому со мной согласились. Я лег у дороги и крепко заснул.

Проснулся я от шума прибывшей дивизии. Было совсем темно. Я услышал голос прапорщика Мильчева, рапортующего полковнику Шапиловскому.

- А куда девались поручик Мамонтов и солдаты?
- Мы их больше не видели, они исчезли.
- Я тут, со своими солдатами. Это вы исчезли, — крикнул я в темноту.
- Ну и слава Богу, значит, все в целости, — отозвался Шапиловский.
- Вот ты где, — сказал брат. — Ты знаешь, я пересел на Дуру, потому что Рыцарь еще не совсем оправился от раны.

Я похлопал Дуру по шее и засмеялся.

ПОГРОМ

Спустя некоторое время мы узнали, что произошло. Нежин со стороны Сейма примыкает к болотам и кустам. Очевидно, гвардейцы поставили охрану по железной дороге и просмотрели болота. Банда, вроде махновцев, вошла именно с этой стороны. Охранение их прозевало, неожиданность была полная. У бандитов была даже сорокавосемиллинейная мортира, из которой они пальнули лишь раз. Гвардейцы были захвачены врасплох и удирали на неоседланных лошадях. Артиллеристы не успели запрячь орудия. Но бандиты скрылись так же быстро, как появились, и даже не увезли с собой брошенные два орудия. С приходом нашей дивизии бандитов уже нигде не обнаружили.

Несмотря на довольно сильный огонь красных, потери гвардейцев были не так велики. Кажется, два убитых и несколько раненых, две или три лошади. Конечно, это было очень неприятное происшествие для гвардейцев, и в виде мести они стали утверждать, что еврейское население Нежина принимало участие в нападении. И устроили погром.

Вполне вероятно, что несколько агентов бандитов принимали участие, но ни в коем случае не все евреи. Не думаю, чтобы убивали, но, конечно, грабили. Нашу дивизию не ввели в город, а расположили в пригороде. Для того чтобы удержать солдат от грабежа, говорили одни. Для того чтобы облегчить грабеж, говорили другие. На самом деле, поселенные солдаты не позволяют грабить их дом. Понятно, что грабили зажиточных, то есть наименее склонных к коммунизму.

Многие офицеры протестовали против погрома, и генерал Барбович его прекратил энергичными мерами. Кого-то пороли и даже кого-то повесили, и все сразу прекратилось. Дивизия вошла в город и расположилась по квартирам. Я пошел к майору за моими переметными сумами.

Объясняется погром, может быть, тем, что в то время значительный процент красных комиссаров составляли евреи и главнокомандующим был Троцкий-Бронштейн.

Киев был взят без нашего участия 30 августа 1919 года. Мы остались стоять в Нежине. Тут мы подверглись критике нашего начальника, инспектора конной артиллерии, генерала князя Авалова. Он потребовал коновязи. Вывели лошадей из прохладных конюшен и привязали на площади на коновязи. Солнце, жара, мухи, трудно поить и кормить. Но что поделаешь — воля начальства.

Мильчев и Форберг ничего интересного на заводе не нашли, но привезли новое деревянное ложе для моего карабина.

Постояв некоторое время в Нежине, дивизия перешла опять в Конотоп. Я отдал свою чудную шашку “отпустить”, то есть наточить, и когда мы выступили, не было времени за ней заехать. Мы часто возвращались в Конотоп, и я не волновался. Но в Конотоп мы больше не попали, и моя шашка пропала. Я заменил ее драгунской, но это все же было не то.

В СЕВЕРСКОЙ РУСИ

ЧЕРЕЗ СЕЙМ

В начале сентября 1919 года наша регулярная кавалерийская дивизия под начальством генерала Барбовича двинулась из Конотопа на Белополье и у станции Ворожба перешла на северный берег Сейма. Красные не оказали нам сопротивления, и мы вошли в Путивль. Тут дивизия остановилась на два часа вдоль длинной белой стены. Очевидно, наша разведка пошла вперед, а мы ждали. Мы старались вспомнить “Слово о полку Игореве”: ведь Ярославна плакала на какой-то стене тут, в Путивле.

Вскоре дивизия пошла на север, к городу Глухову, у которого завязался упорный бой.

С переходом через реку Сейм местность заметно изменилась, приобрела холмистый характер, поля перемежались с лесами. Появились береза и черный

хлеб, крестьяне говорили по-русски. С Украины мы перешли в Россию. Вместо хат были избы из бревен. Но деревни были часто беднее, чем на Украине. Зато встречалось много местечек, почти города и даже индустрия, заводы.

Бой у Глухова был долгий и упорный. Красные несколько раз пытались наступать. Но в конце концов им пришлось отступить. Наша батарея много стреляла.

Во время боя к батарее подошел великолепный, серый в яблоках гунтер. Он был тяжело ранен и искал помощи у людей. Лошадь в страдании безмолвна, но в глазах отчаяние. Помочь ему было невозможно. Я его погладил. Он покачнулся, как пьяный, и упал. Пришлось пристрелить его в ухо. Мне было его жаль. Думаю, что у хозяина не хватило мужества пристрелить свою любимую лошадь.

Мы заняли местечко Воронеж (не путать с городом Воронежем). Тут было много мелких заводов. Я пошел по местечку, надеясь найти что-нибудь полезное для батареи. Ничего не нашел, но на маленьком заводе, принадлежавшем еврею, я встретил нашего пулеметчика, поручика Андиона. Он вовсе не обрадовался нашей встрече и по-французски, чтобы другие не поняли, просил меня не вмешиваться. После этого я присутствовал при следующем диалоге между Андионом и евреем:

- Купи у меня приводной ремень. Тебе он понадобится, — сказал Андион.
- Покажи его, как можно покупать заглазно, — отвечает еврей.
- Да вот же он перед тобой.
- Но ведь это мой.

— Ты отстал от времени. Это при царе было твой и мой, а большевики нас учат, что теперь все общее. Так покупаешь?

Еврей сообразил, в чем дело, и почесал за ухом. Началась торговля, причем Андион расхваливал ремень, а еврей умалял его достоинства. Наконец, сторговались. Андион засунул деньги в карман.

- Ну а теперь снимай приводной ремень, — сказал он.
- Послушай, Андион, это уж слишком, — вступился я.

— Вот ведь я так и знал, что ты мне все испортишь.

Кто-то из наших офицеров нашел на химическом заводе целую железную бочку спирта и привез ее на батарею. Вообразите нашу радость. Но радость была недолгая. Спирт отдавал эфиром и пить его было невозможно. Даже солдаты отплевывались. Что делать? Нельзя же просто выкинуть. Спирт все же. Так и возили с собой и на каждой остановке пробовали — не исправился ли он. Ведь, говорят, мадера от качки судна улучшается. Может, и спирт от тряски на телеге... Нет, определенно пить нельзя.

Как-то дал выпить хозяину дома. К моему удивлению, он выпил с удовольствием и даже крикнул.

— Как так? Почему?

- Мы этот спирт давно знаем. Вначале тоже плевались, но постепенно привыкли.
- И ваши соседи тоже его пить будут?
- С превеликим удовольствием.

— Тогда объявите всей улице, чтобы приходили с закуской.

Через двадцать минут вся улица была запружена очередью. А через полчаса все были пьяны, лезли целоваться и клялись в любви и верности. Мы им оставили бочку. Это было в большом селе Шастке.

Конечно, и за Воронеж, и за Шастку были бои, но обыкновенные, ничем особым не отличающиеся, и я их забыл, сегодня не припомню.

У НОВГОРОДА СЕВЕРСКОГО

Как я уже сказал, инспектор конной артиллерии князь Авалов принялся наводить порядок в наших двух батареях. Еще в Нежине он потребовал коновязей, а в Конотопе приказал запрячь зарядные ящики и чтобы они следовали в колонне за орудиями. Это удлинило колонны батарей в походе, и на мосту через Сейм из-за плохих лошадей и неопытных ездовых произошел затор, который мы с трудом распутали. А в первом бою у Глухова, когда надо было поставить ящики около орудий, произошла общая путаница.

— Увезти ящики в тыл, — приказал полковник Шапиловский и назначил меня ими командовать.

С этих пор ящики не ходили в колонне с батареей, а отдельно. Я становился во время боя где-нибудь в укрытии и в момент затишья ехал на батарею с одним из ящиков и пополнял снарядами передки. На моей обязанности было избегать встречи с красными и особенно с князем Аваловым. Это оказалось так неудобно, что через несколько дней мы вернулись к нашей испытанной системе с обывательскими подводами. А ящики отправили в обоз. При случайной встрече с князем Аваловым я должен был хитрить и рассказывать ему туры на колесах — что я ездил с ящиками пополнять их снарядами или что еду поить лошадей. Это, конечно, не обманывало Авалова, опытного офицера, и он начинал меня разносить. Тогда я прикладывал руку к козырьку (громоотвод) и отмалчивался. Так произошло наше с ним знакомство, и далеко не в мою пользу, хоть я был ни при чем, исполнял приказание командира батареи. С первой батареей было то же самое.

При выступлении из местечка Шастка мы тотчас же наткнулись на красных. Произошел горячий бой, и красные отошли в лес. Мы за ними последовали, ежеминутно ожидая засады, но лес мы прошли благополучно и вышли на высокий берег реки Десны. Наверху было несколько дач. Город Новгород Северский был для нас невидим. Он находился где-то слева, на той стороне реки. Внизу, у реки, проходила железная дорога. Бой стих, красных видно не было, стрельбы не слышно. Обе батареи и полки остановились наверху, около дач. Шапиловский послал брата и наше орудие вниз, к железной дороге, на случай появления красного бронепоезда. В этот день наша батарея много стреляла, и я взял один ящик и поехал на батарею пополнять передки. Когда я подъехал к орудиям, снизу, с той стороны реки заработал пулемет и ранил одну лошадь и ездового в моем ящике. Помню, пули грохотали по железной крыше дачи. Раны ездового и лошади были пустяшные, а пулемет замолчал. Мы пополнили передки и поехали к орудию брата вниз. Но еще издали брат стал махать мне рукой, чтобы я не подходил. Я поставил свой ящик за домами и стал ждать.

Вот что произошло внизу у брата. Он поставил орудие за домиком у самой железной дороги, и все его внимание было притянато к ней. Когда заработал пулемет, который ранил у меня ездового и лошадь, брат повернул голову направо и обомлел. Всего в трехстах шагах от него на отмели, на той стороне реки лежала рота красной пехоты в боевом порядке с четырьмя пулеметами. Но, очевидно, они не видели орудия. Брат тотчас же приказал всем солдатам лечь, передок же стоял за домом. Ползком они притащили щит от снега из горбылей и поставили его перед орудием, чтобы скрыть его от глаз красных. В это-то время я и хотел к ним подъехать — хорошо, что я издали понял и остановился. Брат приготовил пятнадцать шрапнелей, поставили трубки на нужную дистанцию, медленно повернули орудие, навели его через щель щита и, когда все было готово, опрокинули щит и открыли огонь. Семь выстрелов подряд, потом еще пять, и после этого ничего больше не двигалось на отмели.

Обождав немного, я подъехал к орудию и пополнил передок снарядами.

— Будь осторожен, не выглядывай. Может статься, что есть еще живые и они могут стрелять, — сказал брат.

Я все же выглянул. Боже! Никогда не думал, что орудие может произвести такое опустошение. Пулеметы исковерканы, перевернуты.

Несколько кавалеристов переправились на лодке на ту сторону и привезли сильно попорченные пулеметы.

Несколько дней спустя гусарский офицер протянул мне газету. В ней описывался этот бой, но описывался иначе.

“Наша доблестная кавалерия на реке Десне, в лихой атаке изрубила батальон красной пехоты и захватила восемь пулеметов”. Следовали детали этой атаки.

Ни слова про наше орудие и брата, которые одни сделали все дело. Не сказано, как кавалерия переправилась через реку, — вплавь, очевидно. Рота красных превратилась в батальон, четыре пулемета — в восемь. Ненавижу корреспондентов, всегда должны перевернуть все с начала до конца.

Брату очень повезло, что красные его не заметили, что они открыли пулеметный огонь по моему ящику, когда я был наверху, и это привлекло внимание брата. Благодаря выдержке, которую он выказал, приготовив все, он достиг блестящих результатов (даже неловко говорить о блестящих результатах при этом побоище). Это был в некотором роде экзамен (ведь брат был пехотный офицер) — может ли он командовать орудием. И он экзамен выдержал хорошо.

Мы не переправлялись через Десну, а повернули и пошли на Михайловский хутор, там, где мы переходили границу Украины, когда бежали из Москвы. Дивизия остановилась в каком-то местечке. С несколькими солдатами я задержался в парке, пополняя снарядами передки. Ко мне подошло несколько евреев.

- Господин офицер, пожалуйста ко мне на квартиру.
- Нет, приходите ко мне, у меня для вас хорошая комната.
- А у меня вам приготовят ваше любимое кушанье.
- А я угощу вас хорошим вином.

Я недоумевал. Обыкновенно старались избежать постоя, а тут вдруг нарасхват. Ухмыляющиеся солдаты мне разъяснили.

— Они боятся, что ночью придут их грабить. Вот и хотят, чтобы вы их охраняли.

Я ночевал у евреев, и все прошло спокойно.

СИТУАЦИЯ НА ФРОНТЕ

Начало сентября 1919 года было кульминационным моментом успехов Добровольческой армии. Под командой генерала Деникина Армия заняла весь юг Европейской России. Мы заняли Полтаву и Харьков. На правом фланге наша пехота заняла Курск, Орел и Мценск, в 250 верстах от Москвы. На левом фланге были взяты Киев, Житомир и Одесса. Генерал Врангель с Кавказской кубанской армией захватил Царицын (Сталинград) и Камышин (18 июня 1919 г.).

Большевики, фальсификаторы истории, утверждали, что Сталин отстоял Царицын. Неправда, Царицын был взят. А имя Сталина было совершенно неизвестно, командовал красными Троцкий.

Донцы взяли Воронеж, и генерал Мамонтов (однофамилец) ходил успешно по тылам в районе Тамбова.

Было и плохое. Фронт адмирала Колчака откатился на восток. Нам не удалось с ним соединиться. Позднее Колчак был предан чехословаками и выдан большевикам за право увезти краденое русское золото — золотой запас из Казани.

Имя адмирала Колчака было облито грязью не только большевиками, но и нашей же левой эмиграцией, сидящей в Париже и Лондоне. На самом же деле Колчак был рыцарски честный человек и прекрасный офицер. Жадность и интриги своих и иностранцев его доконали.

Две наши небольшие армии — Западная генерала Юденича и Северная генерала Миллера, плохо поддержанные “союзниками”, были ликвидированы большевиками. Их участникам не позволили ехать к нам на юг.

Но несмотря на все эти неудачи, наш южный фронт победоносно двигался на Москву. Существовал проект: собрать кулак из лучших полков и идти без оглядки на Москву. Не думаю, чтобы красные смогли нас остановить. А судя по рейду генерала Мамонтова у Тамбова, население встречало его с радостью и пополняло его ряды.

Конечно, это был большой план, и надо было быстро решиться. Но именно решиться и оказалось очень трудно — все обсуждали. Время прошло, красные смогли подтянуть все освободившиеся силы с других фронтов. А наши доблестные полки были измотаны штопкой прорех: фронта-то сплошного не было. Были отдельные группы войск, а между ними никого. Просочиться было просто.

И вот в один вовсе не прекрасный день фронт стал откатываться. Резервов у нас не оказалось и пришлось все выносить тем же поредевшим полкам. А тылы в то же время кишели военными, никогда не нюхавшими пороха. Для нашей кавалерийской дивизии город Севск стал “камнем преткновения”.

СЕВСК

Конец сентября, по утрам морозит, у Севска выпал первый снег. Дивизия шла к северу, занимая с боями деревни и местечки. Было много лесов. Около Михайловского хутора нам пришлось идти часами по чудному лесу, принадлежавшему графу Игнатьеву. Дубы в два-три обхвата, липы, ясени и клены. Лес этот произвел большое впечатление на наших солдат, никогда такого не видевших. Я тоже им восхищался. Бой у города Севска был долгий и упорный. Севск с одной стороны приткнулся к лесу, с другой — к полю. Город небольшой и деревянный. Был мороз со снегом. На полях мы разбили красных, и они ушли в лес. Мы заняли город.

На следующий день мы мылись всей батареей в чудной, просторной и чистой бане. Это было не только удовольствие, но и необходимость — с холодом у нас появились вши.

На следующий день дивизия выступила и пошла к северу в Брасово. Но как только мы ушли, красные вышли из леса и заняли Севск, посеяв панику в наших обозах. Дивизия вернулась и выбила красных из города. Они снова ушли в лес. Мы простояли два дня в городе. Красные не показывались. Но как только мы ушли на север, красные снова вышли из леса и заняли город. Дивизия снова пошла к Севску. Но на этот раз красные сосредоточили большие силы, и после целого дня боя мы их сдвинуть не смогли.

Получилось странное положение. Мы стояли фронтом с севера на юг, а красные с юга на север. Трудно было сказать, кто кого обошел. Пожалуй, они нас. Ситуация была довольно неприятная, но она резко изменилась, когда нам на помощь пришел, очевидно, из Орла Дроздовский полк под начальством знаменитого полковника Туркула. Дроздовцы очень дельно, без суеты заняли фронт, а наша кавалерийская дивизия ушла куда-то в другое место. Но нашу вторую конную батарею оставили при дроздовцах. Очевидно, они пришли без своей артиллерии. Бой разыгрался снова с утра. Наша батарея стояла на крайнем правом фланге дроздовцев. Вернее, даже на отлете, потому что около нас никаких наших войск не было. Мы увидели густую колонну красных и открыли по ней огонь. Красная колонна сразу куда-то исчезла. Мы развернули карту и увидели, что красные спустились в овраг и по нему должны были выйти на наш фланг, никем, кроме батареи, не охраняемый. Мы обеспокоились, выставили пулемет, полковник Шапиловский послал меня к Туркулу сообщить об обходной колонне. Я сел на Дуру, отыскал Туркула и доложил ему о ситуации.

— Можете показать по карте?

Я показал овраг, место, где мы видели красных, и позицию батареи. Туркул минуту подумал и затем стал отдавать распоряжения, к обходной колонне отношения не имеющие. Я подумал, что он забыл про меня, и осмелился его прервать. - Господин полковник, что прикажете сказать командиру батареи?

— Ах да. Насчет обходной колонны... Скажите командиру вашей батареи, что мы сейчас так ударим их центр, что они забудут всякие обходы.

И он повернулся к другим с распоряжениями. Очень мало удовлетворенный этим ответом, я поспешил на батарею.

— Ну что? — встретил меня Шапиловский.
Я передал ответ Туркула.

— Да вы ему точно сказали об обходе?

— Даже показал на карте и показал, где стоит батарея.

Шапиловский да и все мы были мало удовлетворены ответом Туркула и приготовились драпать.

Но все случилось так, как сказал Туркул. Красный центр был прорван, и красные бежали. Наша обходная колонна просто исчезла, нигде не появилась.

Путь на юг был свободен, и наша дивизия пошла на юг. Это был наш первый отход. Хотя мы были победителями и считали отход временным, но отход начался. Мы еще не думали о катастрофе.

Стало очень холодно. Батарея выступала из маленькой бедной деревни в овраге. Кругом редкий лес. Ко мне подошел Обозненко.

— Сдайте Дуру и поезжайте в обоз. Достаньте обмундирование. Стало холодно, а батарея плохо одета.

Я отдал карабин и Дуру брату и с неудовольствием смотрел, как батарея пошла куда-то. Потом сел в телегу и направился в тыл. Обоз меня не прельщал, и за брата я беспокоился.

Самым северным пунктом, куда дошла батарея, было село и имение Брасово, принадлежавшее жене великого князя Михаила Александровича (брата Государя).

СУМЫ

ПОДВОДНАЯ ПОВИННОСТЬ

Интендантских повозок для перевозки грузов не существовало или было недостаточно. Все грузы перевозились на частных повозках. Это называлось подводная повинность, и ложилась она на население тяжелым бременем. Постой солдат не был очень обременителен, потому что войска все время двигались и редко ночевали два раза в том же доме. Постой солдат гарантировал крестьян от грабежа. Если войска оставались дольше в деревне, то кормили из походной кухни, и крестьяне ели вместе с солдатами. Крестьяне ныли, но больше по привычке ныть. А вот подводная повинность была очень тяжела.

В батарее было всего несколько казенных повозок: санитарная двуколка и четыре вещевых повозки, а все остальное перевозилось на обывательских подводах. Из-за недостаточной организованности интендантства получилось так, что каждый эскадрон и каждое орудие было отдельной хозяйственной частью и заботилось о себе, не отдавая отчета никому. Части реквизировали повозки в деревне и везли на них поклажу очень далеко. Сменить повозку и отпустить крестьянина домой было трудно — все повозки были уже взяты красными и нашими, — да и некогда. Когда наконец несчастного отпускали, почти наверняка его перехватывала другая часть и вводила его еще дальше. Случалось, доведенные до отчаяния, крестьяне бросали повозку и лошадей и сами убегали.

При нашем приближении к деревне мы иногда видели крестьян, бегущих в лес, прятать повозки и лошадей. Подводчику ничего не платили и редко заботились о корме для него и для лошадей. Это зависело от командира части. Только при Врангеле в Крыму стало лучше. Обязали платить подводчику поверстно, и это распоряжение сразу уменьшило обозы.

До этого обозы разрастались ужасно, несмотря на приказания сократить их. Тогда генерал Барбович останавливался около моста и инспектировал повозки, следующие за частями. Излишние грузы просто вываливались и обрадованного подводчика отсылали домой. Но даже эти драконовы меры были ненадежны: вскоре обозы снова разрастались.

Если у крестьянина была хорошая лошадь, ее у него забирали или в лучшем случае обменивали на худшую. Бывало, что крестьяне сами приходили и просили обменять хорошую лошадь на раненую — эту они имели шансы сохранить. Но иногда это была хитрость: крестьянин обменивал лошадь, украденную в имении, чтобы ее не узнали.

При постоянном движении войск развивалась безнаказанность. Военные делали что хотели, и крестьяне фактически не имели возможности жаловаться. Конечно, если крестьянин тотчас же обращался к командиру части, то следовал приказ отдать взятое, но если часть ушла, где искать виноватого?

В СУМАХ

Я попал в город Сумы, где были сосредоточены все обозы нашей кавалерийской дивизии. Город был благоустроенный, с хорошими домами и чистыми мощеными улицами. Здесь в мирное время стоял Нижегородский драгунский полк. Благодаря этому я смог купить солдатского шинельного сукна и у хорошего портного сшил себе необычайно тонкую шинель, до пят, с острыми отворотами рукавов. Все ахали при виде моей шинели. А я был очень горд.

Зима была ранняя. Англичане отдали нам склады своего обмундирования, оставшегося после войны. Оно пришло в Новороссийск уже год назад, но до фронта еще не дошло. А все тыловики его носили, и оно уже продавалось на черном рынке.

Все наши многочисленные полковники, кроме Обозненко, который командовал батареей, собрались в Сумах. И порядочное число офицеров. Думаю, что полковники, более опытные, отдавали себе отчет в том, что надвигается катастрофа, а мы, молодежь, более глупые, были идеалистами, включая Обозненко. Кроме того, было холодно, неуютно, и Армия отступала, а это всегда притягивало большинство в обоз.

Я прочел “Историю крестовых походов”, написанную Груссе. Меня поразило сходство того, что творилось в XIII веке у крестоносцев и у нас на юге России во время гражданской войны. Эта смесь идеализма и меркантильного эгоизма,

которая овладевает, видимо, обреченными обществами. Потому что, без всякого сомнения, наша гражданская война была крестовым походом против большевиков. В батарее, на фронте был идеализм, а здесь, в Сумах, был самый неприкрытый эгоизм, который господствовал также в больших городах.

К стыду своему, сознаюсь, я дал себя убаюкать приятной жизнью в Сумах. Иногда Шапиловский приглашал нас, молодых офицеров, в хороший ресторан и угощал неподражаемым молочным поросенком с хреном и, конечно, с запотелой от холода водкой. До сих пор слюнки текут.

Но меня мучила совесть. Они там в такой холод без теплой одежды меня ждут, а я тут блаженствую!

Я шел к полковнику Лебедеву, заведующему хозяйством двух батарей. Он равнодушно меня выслушивал и зевал.

— Мы еще не получили английского обмундирования (он был во всем английском). Как только оно прибудет, я вас извещу... Для вас лично я могу дать хорошую кожаную куртку. У меня еще есть одна.

— Нет, спасибо. Я хочу обмундирование на всю батарею. Я возьму то, что мне полагается, но там, а не здесь. Лебедев усмехался.

— Как знаете.

Взволнованный, я шел к полковнику Шапиловскому. Он тоже улыбался и зевал.

— Подождите немного, обмундирование в конце концов прибудет... И приходите вечером ужинать, будут дамы.

Конечно, я шел на ужин. Но я еще был застенчив и краснел, что очень забавляло женщин.

Обоз обеих батарей устроил даже бал в хорошем зале и с собственным оркестром. Полковник Лукьянов, мой сожитель в Сумах, представил меня прелестной барышне, царице бала.

На следующий день на улице, в новой шинели, я встретил ее и с трепетом сердечным встал перед ней во фронт. Но красавица подняла брови и смерила меня удивленным взглядом (искренним? притворным?) и гордо проследовала. Я же, покраснев, скрылся.

Как-то после ужина с водкой я спал непробудно. Но меня растолкали. Был назначен смотр в Сумах. Цель его была показать тайно сочувствующим красным, что войска есть и будет оказано сопротивление в случае чего. Обоз каждой части выставлял для этой цели взвод солдат и офицера.

Из-за моей шинели командовать взводом артиллеристов нашего дивизиона назначили меня. На нас напялили каски, взятые в Ромнах, и тотчас же мои портные и сапожники превратились в Ахиллов, а я сам чувствовал себя, не меньше Гектора. Каска чудная вещь, она мгновенно меняет человека и превращает его в героя. Публики собралось много, и все смотрели только на наши каски. Мы это сознавали и выпячивали грудь. Я заметил, что ремешок шпоры у меня отстегнулся. Я был так затянут новой шинелью, ремнями и каской, что мне трудно было нагнуться. Я поставил сапог на тумбу... И толпа устремилась ко мне: каждый добивался чести затянуть мне ремешок шпоры. Солидные господа, дамы, мальчишки и даже барышни. Однако всех оттеснил мастеровой, встал на колени и затянул ремешок. Вот какой эффект производит каска! Может быть, что мастеровой нам вовсе не сочувствовал, может даже, был коммунистом, но и он не мог противостоять шарму каски. Думаю, что не зря раньше одевали военных в красивые мундиры и каски. Один парад мог уладить всякие политические разногласия: нельзя было не подпасть под очарование.

Моя красавица была в публике, и на этот раз она соблаговолила меня узнать и мне мило улыбнулась. Все из-за каски...

Мы были очень горды. Но когда мы проходили мимо офицера, принимавшего парад, он нам гаркнул:

— Здорово, пожарные!

Мы ответили плохо и были очень оскорблены. Думаю, что он это сделал нарочно из зависти.

Возвращаясь со смотря в обоз, я заметил вольноопределяющегося, который все на меня заглядывал. Тоже любит каской, подумал я.

Но он повернулся к солдату и спросил:

— Есть ли у вас поручик Мамонтов?

— Вот он, — ответил тот.

Тогда я внимательно в него взгляделся.

— Леня?! Какими судьбами?

Это был Александров, наш друг из Москвы. Я и не знал, что он в Добровольческой армии. Он служил в 7-й конной батарее. Мы хотели его сейчас же перевести к нам, но это случилось только в Крыму, много поздней.

В БАТАРЕЮ

Обмундирование наконец прибыло. Я тотчас же его погрузил в вагон и с двумя солдатами отправился искать батарею. Генерал Колзаков дал мне письмо к

своей матери Волконской в Белгород и поручил мне ее эвакуировать. Но оказалось очень трудно найти все время движущуюся батарею, да еще двигаясь поездом и при отступлении. Никто не знал, где находится дивизия.

— Позавчера дивизия была тут, но снова ушла.

— Куда?

Комендант станции только пожимал плечами.

В городе Льгове я услышал орудийную стрельбу, быть может, нашей батареей. Но без повозок ничего не мог сделать и решил уходить отсюда, чтобы не попасть в руки к красным. Настоять на том, чтобы прицепили вагон к отходящему поезду, было трудно. Приходилось прибегать к подкупу, а раз к угрозе револьвером. При этом сам убеждался, что действительно прицепили, и ставил одного солдата сторожить, чтобы не отцепили. Я изъездил много дорог, и все впустую. Нужно ехать на подводах, в вагоне ничего не выйдет.

Однажды состав так рванул, что наша печка упала и вагон сразу наполнился дымом. Я испугался, что обмундирование загорится, и хотел уже выкинуть печку наружу. К счастью, солдаты мне этого сделать не дали, поставили печку, собрали рассыпавшиеся угли и подключили печку к трубе. Что бы мы делали без печки? На дворе был мороз.

Наконец я попал в Белгород и пошел разыскивать мать Колзакова. Нашел ее в маленьком уютном домике с мебелью красного дерева, с фарфором в горке и гравюрами на стенах. Я передал письмо Колзакова и предложил свои услуги, чтобы вывезти ее в Сумы к сыну. Но она мне объявила, что решила остаться и никуда не эвакуироваться. Я стал ее уговаривать и предупреждать об опасностях, которым она себя подвергает. Но она осталась тверда и, сознаюсь, мне это импонировало. Осталась ли она жива? Шансов мало, не знаю. Она дала мне письмо к сыну. Я вернулся в свой вагон, и мы поехали обратно в Сумы. Мне было очень стыдно, что я не сумел исполнить задание и найти батарею, но без повозок это было невозможно.

Сумы как раз начали эвакуировать. Обозы уходили на юг. Я отдал письмо Колзакову и сказал ему, что мать его отказалась эвакуироваться. Но еще не поздно, он сможет поехать и ее уговорить.

Несколько офицеров присоединились ко мне, чтобы ехать в батарею. Среди них поручик Мальцев, которого я ценил за его энергию. Он был пехотным офицером, но старше нас и опытней. С ним я был уверен — мы найдем подводы и батарею. К моей большой радости, в мой вагон попросилась моя сумская красавица и ее кузина. Я, конечно, был в восторге, и мы их довели до Мерефы.

В Мерефе нам удалось достать несколько подвод, частью санных, частью на колесах. Лежал снег. Мы сгрузили на них обмундирование и пошли на север.

Шли всю ночь, и под утро услышали оружейные выстрелы, и пошли на них. И встретили отступающую нашу дивизию. Встреча произошла у Дергачей, там, где мы стояли с Терской дивизией. Брат ехал на Дуру, оба выглядели устало. Но были живы, и это было главное. Я двинулся со своими повозками за батареей. Шли весь день и всю следующую ночь и пришли опять в ту же Мерефу. Харьков отдали без боя. В эту ночь пошел дождь, снег сошел, и дорога обратилась в сплошную грязь. Сани шли по лужам с трудом. Мне пришлось переложить поклажу с саней на колесные повозки. Сам я ехал на последних санях, которые едва тащились по грязи. Вдруг на краю дороги я увидел худого, изможденного, больного офицера-дроздовца.

— Ради Бога, не бросайте меня. Я болен тифом и идти больше не могу.

Что делать? Я положил его в свои сани и, чтобы их облегчить и самому не заразиться сыпняком, проделал всю дорогу от Харькова до Мерефы пешком, по грязи. Пришли в Мерефу с темнотой. Я ужасно устал. Два дня и две ночи мы только и делали, что шли. Посадил больного тифом в санитарный поезд. Он меня горячо благодарил.

Брат и несколько офицеров поехали поездом в обоз. Я же сел на Дуру, закинул карабин за плечи и принял команду над нашим первым орудием. Дура была в плохом состоянии, а запряжка, особенно корень, в хорошем виде. Солдаты встретили меня улыбками. На одной из следующих остановок распределили обмундирование и отпустили повозки.

Обозненко остался за командира батареи. Было начало ноября 1919 года. Часто лил дождь, и было неуютно. Мы отходили с боями. Люди были хмуры. И все же я был рад снова очутиться в привычной батареейной обстановке среди своих людей и лошадей. Тут не было угрызений совести, которые меня мучили в Сумах из-за безделья. Тут я был на своем месте.

ОТСТУПЛЕНИЕ

ОТ МЕРЕФЫ ДО ЛОЗОВОЙ

Большое отступление началось для нашей пехоты от Орла, а для регулярной кавалерии от Севска и до реки Дон. Затрудняюсь сказать, в каком составе была тогда регулярная кавалерия. Она достигла двух корпусов, то есть четырех дивизий, но из-за потерь, болезней и походов превратилась в дивизию. Может быть, были части, которые шли отдельно от нас. Поздней под Егорлыцкой был опять корпус кавалерии. То же явление было и в пехоте. Наши четыре основные

полка развернулись в четыре дивизии, но во время отступления были опять сведены в четыре полка.

Само отступление можно разбить на две резко разнящиеся части. От Севска до Лозовой был отход с постоянными боями. Отход был медленный, причем мы шли прямо на юг, то есть в Крым. Происходил он в октябре и первой половине ноября 1919 года. Морозы были редки, часты дожди, снегу совсем не было. А от Лозовой до Дона было настоящее отступление. Шли большими переходами, боев избегали, да их и не было. Направление нашего отхода изменилось на юго-восточное. Очевидно, Украину решили отдать без боев. Это продолжалось с середины ноября до середины декабря 1919 года. Погода — морозы с небольшим количеством снега. Должен отметить прекрасное состояние дорог, позволившее нам делать громадные переходы. Цель наша была — первыми, до красных, достигнуть реки Дон, не дать красным отрезать нас от Кавказа.

БОИ

До Лозовой были ежедневные долгие бои под морозящим дождем, без решительной атаки и без надежды победить, что нас очень деморализовало. Вечером с темнотой мы отрывались от противника и отходили дальше на юг. Ночевали очень скученно, чтобы облегчить сбор при ночном нападении. Но ночных нападений я не помню. Красные, хоть обладали большими силами, но шли с опаской. Обыкновенно они появлялись часам к десяти или даже позже, завязывался нудный бой до вечернего отхода.

Мы научились искусству отступать без суеты, будто меняем позицию. Дневки были крайне редки. Постоянные походы и бои очень изнуряли людей, но особенно лошадей. Нужно было следить, чтобы лошадей поили и кормили. Усталые люди заваливались спать и не могли встать, чтобы дать лошадям корм. А от их состояния зависела возможность нашего движения. На водопой назначался офицер, который следил за тем, чтобы все лошади были достаточно напоены.

Мы остановились под вечер в какой-то деревне. Смеркалось, и шел легкий снежок. Накануне шел дождь и была гололедица. Меня назначили к колодцу проверять, все ли лошади напоены. Я накинул шинель и вышел. К тому же колодцу пришли драгуны. С ними был поручик Рупчев. Он раньше служил в конно-горной и затем перевелся в драгуны. Мы встали вместе немного поодаль от колодца. У Рупчева за поясом был заткнут обрез.

— Вероятно, он стреляет неточно?

— Должно быть. Но крестьяне его ценят, потому что его легко спрятать.

Люди вытаскивали из колодца воду и наливали в желоб, где пили лошади. Подъехали два всадника и стали проталкиваться к корыту с водой.

— Ишь бездельники, — ругались наши солдаты. — Мы достаем воду, а они поят своих лошадей. Слезайте, сволочи, вытащите несколько ведер. А то на готовое. Паразиты.

Поднялась ругань, но вскоре сникла. Все были смертельно усталые, и даже ругаться не хотелось.

— Как называется эта деревня? — спросил один из всадников.

— А кто ее знает, — ответил мой солдат и, обращаясь ко мне: — Господин поручик, как называется эта деревня?

Всадники задержали поводьями, стараясь выехать из массы лошадей. Но это им плохо удавалось. Лошади тянулись к воде и скользили на гололедице. Мы смотрели с недоумением на всадников. Потом кто-то крикнул: “Красные!” А мы все были без оружия. Красные выбрались из массы лошадей и нахлестывали своих коней, чтобы перевести их вскачь, но лошади скользили. Рупчев схватил свой обрез и выстрелил. Один из всадников упал, убитый наповал. Другой скрылся в сумерках.

— Здорово же вы стреляете, — сказал я Рупчеву.

— Это первый раз, что я стреляю из обреза.

Обращение солдата ко мне “господин поручик” разъяснило красным, что они попали к белым. Не выкажи они столько торопливости, мы бы ничего и не заметили.

Вернувшись с водопоя, я поделился этим случаем с другими офицерами. Обозненко рассказал, как где-то под Льговом они взяли проводника, чтобы он отвел обе батареи в деревню Селезневку. По ошибке ли или нарочно, но проводник привел их в деревню Утковку, занятую красными. Наша батарея шла впереди. Она вошла в деревню, дошла до середины. К счастью, Обозненко, ведущий батарею, понял, в чем дело, и не растерялся. Вечерело и было темновато. Обозненко завернул батарею, и так же шагом батарея вышла из деревни и отошла еще на некоторое расстояние, прежде чем уходить рысью. Конно-горная, которая шла за нашей, не вошла в деревню и повернула раньше. Когда с Обозненко заговаривал красный, он задирает плечо, чтобы тот не увидал золотого погона.

— Несмотря на то, что было холодно, я был в поту, - закончил Обозненко. — Очевидно, красные так ничего и не заметили. Стрельбы не было.

ОТ ЛОЗОВОЙ ДО ДОНА

Как сказано, от Лозовой наша дивизия изменила направление и пошла на юго-восток, к Дону. Была, вероятно, вторая половина ноября 1919 года, погода установилась морозная с небольшим выпадом снега. Дороги смерзлись, грязи не было, шли, как по паркету. Это позволило делать большие переходы. Боев не было. Красных мы не видели. Они, конечно, за нами следовали и даже старались нас перегнать, чтобы отрезать нам отступление, но мы их не видели.

Дневок не было. Все зависело от состояния лошадей. Очень важно было хорошо их поить и кормить. Но доставать фураж было трудно. Ездовые моего орудия прекрасно справлялись с этой трудной задачей, и моя чудная запряжка была в прекрасном состоянии. Другие лошади выглядели хуже. Дура была утомлена, и я старался делать походы пешком, ведя ее в поводу.

Усталость была страшная. Если колонна почему-нибудь останавливалась, то все сейчас же засыпали сидя в седле, засыпали и лошади, и, чтобы тронуться дальше, нужно было всех будить. Отступление вызвало, конечно, подавленность, но дезертирства у нас не было, может быть, один-два случая, да и то это не было дезертирство, а люди продолжали спать, когда батарея уходила, и потом догоняли. Иногда спали слишком долго и попадали к красным. Развала никакого не было. Ни в полках, ни в батареях.

В эту зиму свирепствовали тиф, холера и чума. Вначале мы боялись домов с больными и шли искать другие, но найти дом без больных было трудно. Под конец так отупели от грязи и усталости, что входили в дом и грозно приказывали:

- Больные, выметайтесь отсюда.

Потому что часто при нашем приходе крестьяне ложились в кровать и охали, надеясь, что их дом не займут. Больные перебирались в другую, нетопленную половину дома, а мы ложились на их место, не раздеваясь, понятно. Стелили на пол солому и ложились. Приходилось видеть ужасных больных — на теле висели как бы спелые сливы. Оспа, что ли?

Обозненко, несколько офицеров и солдат заболели, думаю, тифом. Батарею принял штабс-капитан Скорняков, а из офицеров остались только я да Казицкий. У пулеметчиков был капитан Погодин, но он в батарейных делах участия не принимал. Это трио: Скорняков, я и Казицкий - составляли долгое время кадры батареи. На Погодина нельзя было положиться. Он был пехотным офицером, лишен всякой энергии и робок. В трудных случаях я видел сгорбленную фигуру Погодина, уходящего назад.

- Куда вы? Пулемет должен охранять этот фланг.

- Пулемет заело, — отвечал Погодин.

Или:

— Патронов нет.

Вольноопределяющийся Вильбуа горько на него жаловался:

— И пулемет в порядке, и патроны есть, а вот смелости ни на грош.

Скорняков был прекрасный офицер. Прапорщик Казицкий, несмотря на юность, обладал кипучей энергией. Я делал, что мог. А батарея все шла. Мы проходили большое местечко. Скорняков сказал мне ехать сзади и не давать солдатам расплыться для грабежа.

Ко мне подъехал Тимошенко, солдат третьего орудия, грабитель и насильник.

— Господин поручик, разрешите воды напиться.

— Нет, не разрешаю. Встань на место.

Батарея прошла местечко. Я проехал вдоль по батарее, чтобы убедиться, что все солдаты на месте. Тимошенко не было. Как он мимо меня увильнул, не знаю. Вдруг он появился.

— Где ты был?

— Я, господин поручик, все время тут находился. Слишком честно смотрит в глаза. Я направился к вещевой повозке. Брезент откинут и лежит незнакомый мешок.

— Чей мешок? — спрашиваю у возницы.
Тот отводит глаза и говорит:

— Не знаю. Не видел, кто положил.

— Тимошенко, твой мешок?

— Никак нет, господин поручик.

— Чей мешок?

Все отвечают незнанием.

— Вот здорово, прибудился сам собой ничей мешок. Мы его и разделим между всеми, кроме Тимошенки, потому что он уехал из батареи, несмотря на запрет.

На следующей остановке разложили содержимое на несколько кучек, по числу участников. Один солдат отвернулся, а другой тыкнет в кучку и спрашивает: кому? Отвернувшийся называет кого-нибудь. Солдаты потешались над Тимошенко. Мне досталась занавеска, из которой я сшил рубашку.

За Юзовкой (потом Сталине) мы проходили мимо имения. Я не утерпел и свернул. Имение, конечно, разграблено. Я проехал по чудному парку со старыми липами и, не слезая с Дуры, въехал в большой овальный зал. Разбитое зеркало отразило странную картину всадника в зале, видевшем прелестных женщин, блестящие балы... Какие романы разыгрывались под сенью этих лип? А теперь полусодранные двери пропускают снег в зал, зеркала разбиты, стекла выбиты, все изломано... Раздалось несколько выстрелов, и я перевел Дуру в галоп в самом зале и присоединился к батарее.

НАПЕРЕГОНКИ С КРАСНЫМИ

Начиная от Юзовки наше отступление ускорилося. Мы шли непрерывно, днем и ночью, без ночевки. Только два раза в сутки останавливались часа на два, чтобы накормить лошадей. Мы шли наперегонки с красными, чтобы они нас не отрезали от Дона. Но несмотря на громадные переходы, это не было беспорядочным бегством. Наша кавалерия, более легкая в походе, ушла от нас вперед. Обе батареи шли совершенно одни. Где шли другие батареи, не знаю. Во время отступления мы их не видели и встретили только при переходе через Дон. Кроме наших двух, у Дона видел две гвардейские и седьмую батарею. Восьмая появилась поздней.

Дорога была прекрасная. Сильно морозило, и была полная луна, которая облегчала ночные походы.

Наши лошади слабели не по дням, а по часам. Лошадь менее вынослива, чем человек. Человеку достаточно поесть и выспаться — и он снова работоспособен. А лошадь нуждается изредка в дневке — роздыхе. Роздыхов мы делать не могли, надо было обогнать красных. Мы старались возместить отсутствие дневок усиленным питанием. Но в деревнях достать ячмень было трудно. А вот моя чудная орудийная запряжка держалась, несмотря на громадные переходы. Чудо заключалось в любви к своим лошадям моих ездовых: Темерченко, Байбарака и Юдина. Как-то я слышал, как Темерченко отбирал ячмень у крестьян для своих лошадей. Как настоящий большевик, с угрозой, и достал там, где другие не могли. Иногда я останавливался и пропускал мимо себя батарею, чтобы еще раз полюбоваться моей запряжкой, и особенно корнем Юдина, — почти идеальными лошадьми для конной артиллерии, которых трудней всего найти. Лошади должны быть сильные и резвые. Редко эти два качества совпадают.

Другие же лошади худели, и бока у паха начинали впадать — признак, что лошадь изнурена. Я замечал это даже у Дуры, хоть и старался ее подкармливать и делал все походы пешком, ведя ее в поводу.

Вообще наша колонна шла в поводу из-за холода, а чтобы согреться, пускалась бегом в поводу же. Одну ночь так морозило, что орудийные колеса перестали крутиться и пушка скользила как на полозьях со скрипом.

На моей обязанности был обоз. Надо было смотреть, чтобы повозки не отставали, чтобы груз был правильно распределен и чтобы солдаты не ложились на повозки спать. Они могли замерзнуть, а кроме того, это утяжеляло повозку. Но было так холодно, что солдаты предпочитали идти пешком, чтобы согреться.

ГАЛЛЮЦИНАЦИИ

Вероятно, благодаря усталости, отсутствию сна, луне и снегу, часты бывали галлюцинации. Мы видели то, чего на самом деле не было. Я стал часто видеть боковым зрением вскакивавшего с лежки русака (зайца), но когда поворачивал голову, ничего не было.

Ночью при полной луне мы, несколько офицеров нашей и конно-горной, шли впереди колонны. Копыта предыдущих колонн взрыхлили снег, и вот один офицер стал в этих комках снега видеть розы. Сначала мы над ним посмеивались, но вскоре мы все увидели ворохи роз, всех цветов и даже голубые и фиолетовые. Некоторое время это было забавно. Ворохи роз появлялись шагах в пятидесяти и исчезали шагах в пяти перед нами. Мы шли по ковру роз. Но вскоре это стало нас беспокоить, и мы старались больше не смотреть на дорогу, чтобы не увидеть их снова.

Батарея переходила железную дорогу. Скорняков сказал мне остаться, пропустить батарею и пересчитать все повозки — не отстала ли какая из них. Я сел на Дуру. Рядом со мной встал железнодорожный сторож и смотрел на батарею. Я пересчитал повозки, все были тут. Я еще взглянул на дорогу, освещенную луной, — она была пуста.

— Сколько верст до следующей деревни? — спросил я сторожа.

Ответа не последовало. Удивленный, я повернулся. Никакого сторожа не было. Я посмотрел во все стороны — никого. На снегу, где он стоял, следов нет. Почудилось. А я так ясно видел все детали — его зипун, стоптанные валенки, остроконечную барашковую шапку, два свернутых флага (красный и зеленый) под мышкой и в руках потухший фонарь. Фата-моргана.

Недалеко стояло несколько товарных вагонов. Я поехал посмотреть, что в них. Не слезая с Дуры, отпихнул дверь. Но полная луна давала густую тень — я не мог рассмотреть, что там внутри. Прямо с седла я влез в вагон, но тотчас же поспешил опять сесть в седло и уехать. Потому что в вагоне были замерзшие люди. Вероятно, брошенные больные. На этот раз это была не галлюцинация. Я содрогнулся. Какой ужас. И вероятно, таких покинутых множество повсюду.

Нет никаких лазаретов. Самое верное место в батарее, пусть возят на повозке. Люди в частях сроднились и тебя не бросят.

Мы приближались к Дону. Батарей все шли, днем и ночью. Одуревшие от усталости, как автоматы. С одной только мыслью: прийти и заснуть, и спать, спать, спать.

Наконец пришли, и пришли раньше красных, в станицу Синявку у устья Дона. Пришли под вечер. Погода резко изменилась, пошел дождь. Тут была вся наша дивизия. Нам объявили, что линию Дона будут держать, что идут части нас сменять, что по реке прошел ледорез, чтобы красные не перешли на ту сторону. И что завтра дневка. Впервые расседлали и разамунчили лошадей. Впервые за много дней мы сняли сапоги и заснули. Была, должно быть, середина декабря 1919 года.

ПО ДОНУ

ПРИШЛИ

Бои вдоль по Дону являются одним из любопытнейших этапов гражданской войны. Происходили они во второй половине декабря 1919 года, в январе и начале февраля 1920 года.

После громадного и трудного отступления от Севска до Дона наши измученные полки и батареи заняли позицию к северу от устья Дона. Тут произошел ряд боев, которые привели нас к беспорядочному отступлению, я бы даже сказал бегству через Дон. Казалось, наступил развал. И вдруг что-то случилось. Трусливые беглецы как-то сразу превратились во львов и во многих боях жестоко били красных. Период этот я заканчиваю большим кавалерийским боем под Егорлыцкой. Наш регулярный кавалерийский корпус вынес удар Буденновской конницы и отразил ее. Бой под Егорлыцкой 17 февраля 1920 года был, вероятно, последним большим кавалерийским боем в истории человечества. После бывали конные бои, но меньших размеров.

Итак, после кошмарного отступления мы наконец пришли в станицу Синявку, у устья Дона. Тут мы присоединились к нашей дивизии, пришедшей раньше нас. Поставили орудия в парк, распрягли их и со вздохом облегчения разошлись по квартирам. Вечером потеплело, пошел дождь.

Из Ростова приехали два наших офицера. Они были очень оптимистично настроены: Ростов и Новочеркасск будут держать во что бы то ни стало, новые войсковые соединения идут нас сменять (почему не пришли уже?), по Дону прошел ледорез, чтобы не допустить перехода реки красными, мы получим из обоза все нужное. На словах они были воинственны, на деле меньше. Нас было трое офицеров в батарее, а нужно по крайней мере пять. Мы надеялись, что эти два нас пополнят. Но тут они заегозили и тотчас же удрали обратно в Ростов. Эта осторожность испортила впечатление их воинственности. От них я получил

неутешительные новости о брате. Обоз снарядил орудие для действия, командовал им капитан Ковалевский, и офицерами пошли капитан Кузмин и мой брат. Больше известий об этом орудии не было. Может быть, оно еще придет с отставшими частями, или оно ушло в Крым, или же... Кроме того, брат себя плохо чувствовал. Подозревали тиф. Тут я подумал о вагоне с замерзшими больными и содрогнулся. Так быстро оставляют раненого или больного в новом отряде, еще не сплотившемся. Я часто и горячо молился за него.

Думаю, что излишне упоминать, что все хорошие обещания приехавших офицеров остались в области фантазии, кроме проклятого ледореза, который доставил нам немало забот, когда нам пришлось спешно переправляться через Дон.

Утром следующего дня я проходил мимо орудийного парка. Вечером шел дождь, а ночью был мороз — и колеса орудий были схвачены льдом. В случае быстрого выступления сдвинуть орудия не удастся. Я сообщил об этом Скорнякову.

— Оставьте людей отдыхать. Сколем лед завтра.

Но мне лед не давал покоя. Я собрал ворчащих солдат, и лед скололи.

В СМЕРТЕЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ

Сколка льда произошла вовремя, так как через 20 минут раздались выстрелы и батарея стала спешно запрягать. Наша дивизия выкатилась из Синявки. За станицей был небольшой косогор с гололедицей. Лошади скользили и падали. Скорняков оставил меня с номерами вытаскивать наверх наши повозки. Когда мы вытянули последнюю повозку, все пошли к лошадям. Дуры не было. Я плохо оценил положение и вместо того, чтобы сесть в последнюю повозку или взобраться на круп к одному из солдат, сказал, чтобы мне прислали Дуру, и не спеша стал подниматься наверх. Солдаты ушли рысью. Я остался один. Когда я поднялся на дорогу, кровь моя похолодела. Влево над Синявкой вершины холмов были заняты цепью красной пехоты. А внизу всего в каких-нибудь 400 шагах от меня разворачивалась на рысях красная кавалерийская дивизия. Наших видно не было. Я побежал изо всех сил по дороге направо. К счастью, меня обогнал отставший солдат нашей батареи, мне удалось на лету схватить хвост его лошади, и она меня потащила за собой, как тогда, под Мангушем. Но вскоре я почувствовал, что слабею и вот-вот упаду.

— Стой! — заорал я солдату. — Дай мне стремя, я сяду на круп. Но солдат боязливо оглядывался на красных и продолжал нахлестывать.

Я схватился за револьвер и заревел:

— Я тебя пристрелю, если ты не остановишься!

Это подействовало, и он остановился и дал мне стремя. Не теряя ни секунды, я вихрем взлетел на круп. Солдат же верещал:

— Вот они, вот они. Пропали мы...

— Пошел во всю!

И мы пустились карьером.

Я боялся оглянуться, чтобы не потерять равновесия, но слух уловил топот копыт совсем близко. Постепенно топот стал ослабевать и совсем смолк.

— Убавь ходу, — сказал я солдату. — Сохрани силы лошади, если опять понадобится.

Нам навстречу скакал Половинкин с Дурой в поводу. Красные отстали. А в версте впереди разворачивалась к бою наша дивизия.

Я пересел на Дуру и ничего не сказал Половинкину за то, что он увел Дуру. Какое блаженство сидеть в седле своей лошади, а не бежать от красных по дороге. Я думаю, что это был момент самой жгучей опасности, пережитой мной за все время гражданской войны. И ушел я только благодаря тому, что ситуация была мне уже знакома. Под Мангушем я ее уже раз испытал и знал, что и как нужно делать, и сделал все нужное, не теряя ни полсекунды.

Уф! Хоть я их не видел, но чувствовал их совсем рядом за спиной. Все зависело от секунд. Мы скакали по гололедице, спасая жизни, а они опасались поскользнуться и попрिдержали коней, а там увидели нашу разворачивающуюся дивизию и отстали. Мы рысью присоединились к батарее.

БОЙ У СИНЯВКИ

Наша дивизия развернулась и пошла навстречу красным. Наши обе батареи открыли огонь. Но дело решили два полученных от англичан танка, которые страшно тарахтели и не внушали, видимо, красным опасения. Но когда они открыли огонь из пулеметов, красная конница пустилась наутек, а пехота побежала. Через час бой стих за неимением противника. Артиллерии красной, видимо, не было или она благоразумно скрылась раньше, потому что разрывов около танков не было.

Но вечером танки бросили, вероятно, из-за недостатка горючего. Наша дивизия пошла к Ростову. Танкисты шли пешком.

Был сильный мороз. Я подъехал к нашей вещевой повозке и сменил сапоги на валенки.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ДОН

Шли мы всю ночь. Было очень холодно. Ругали мороз: ведь замерзнет опять полоса воды, пробитая ледорезом. А этот мороз нас спас, позволив перейти Дон на следующий день. Но мы этого не знали и ругались.

Утром мы увидели дома предместья Ростова. Мы были уверены, что наша пехота занимает город. Там ведь находился единственный мост через Дон. Послали даже квартирьеров: Казицкого и трех солдат. Дивизия остановилась. Вдруг мы услышали оживленную стрельбу в городе и узнали, что Ростов занят красными. Это известие нас очень смутило.

А вскоре мы были атакованы красной кавалерией, которая следовала за нами. Тут паника охватила большинство наших. Некоторые части перемешались, и людская лавина ринулась налево, к Дону. Мы находились на высоком берегу с обрывом саженей в двести. Реки от нас видно не было. Все думали о проклятом ледорезе, который два дня назад прошел по реке. Успел ли мороз нынешней ночи скрепить опять лед?

Бой был беспорядочный. Приказания никто не отдавал или, быть может, они до нас не доходили. Части действовали по своему усмотрению. Некоторые защищались, другие бежали. Наша батарея стреляла и рассеяла красную лаву перед нами. Мы видели, как красные захватили две брошенные 7-й батареей пушки. Той батареей, где служил Леня Александров. К счастью, красные захватили обоз дивизии и занялись грабежом его, оставив нам время перейти Дон. Главная трудность была спустить орудия по обледенелому обрыву к реке и там переправить по тонкому еще льду.

Растерянность была полной, и, не получая приказаний, мы отошли к гребню обрыва и здесь поставили орудия на позицию.

В это время появился полковник Кузьмин со своим Первым офицерским конным полком.

— Что вы тут делаете? Утекайте, и живо. Мы последние, за нами идут красные. А вам еще нужно спуститься с кручи.

Все же он остановил свой полк и рассыпал его в лаву.

Справа от нас на железной дороге в станице Гниловской горел состав со снарядами. Снаряды разлетались и взрывались. Это служило нам прикрытием фланга. Едва ли красные сунутся с этой стороны. От нас сверху не было видно реки, но мы увидели колонну пеших и всадников, идущих в направлении к Койсуту на том берегу. Слава Богу, лед держит пешего и всадника. А вот выдержит ли орудия? Я заранее придумал план спасения, если лед окажется слишком тонким: раздобыть доску, лечь на нее и с ней ползти через тонкий лед. Но тогда спасусь я, а батарея и Дура погибнут.

Дорога шла вниз зигзагами, очень крутая и обледенелая. Отпрягли два передних выноса, поставили тормоз на колеса, Юдин перекрестился и стал спускать мое орудие на одном своем чудном корне. Мы повисли на орудии, стараясь его задержать, но оно скользило все быстрее. Дышло уставилось в небо, кони почти сели на зады. Ход все увеличивался, и Юдин перевел лошадей на рысь, чтобы орудие их не раздавило, потом поскакал, уходя от пушки. Мы с волнением за ним следили. Удастся ли Юдину взять поворот, не будет ли он отнесен в обрыв? Юдин скакал у поворота, скрылся за ним, появился ниже. Лошади шли карьером. Опять скрылся за поворотом и появился совсем внизу. Юдин постепенно сдерживал лошадей и остановился. Мы вздохнули с облегчением: каков молодец Юдин!

Я забрал все запряжки и побежал с ними вниз переправлять орудия. А Юдин на своей чудной паре лошадей спустил все четыре орудия с кручи. Ни другому ездovому, ни другим лошадям доверить эту опасную операцию было немислимо. Перед нами спускалась вторая гвардейская батарея и оставила на обрыве опрокинутый ящик. Скорняков с номерами остался наверху спускать повозки, а я с ездovыми был внизу у реки. Лед был белый, покрытый снегом, а посередине зловещая прозрачная полоса тонкого льда, там, где прошел ледорез. Я выбрал место, где было много кусков старого льда. Запряг только передний вынос, чтобы распределить тяжесть и, если орудие провалится, спасти лошадей. Под сошник положили доску, чтобы он не перерезал лед. Сам я встал на один из старых кусков льда, чтобы в случае чего обрубить постромки.

— Ну, Темерченко, с Богом. Веди.

Темерченко с улыбкой повел свой вороной передний вынос. Лед заходил ходуном у меня под ногами. Это было до того жуткое чувство, что я малодушно бросился бежать на другую сторону. Но орудие перешло благополучно. Стали переводить другие орудия.

Вдруг на меня набросился полковник Дмитриев, командир второй конной гвардейской батареи.

— Я же приказал запрягать корень, а вы запрягли передний вынос.

— Господин полковник, это вторая конная генерала Дроздовского батарея.

— Ах, простите, я думал, что это моя.

Хорош командир, подумал я, который не знает своих лошадей, не узнает своих офицеров и солдат.

Мы запрягли орудия, и, не дожидаясь Скорнякова и номеров, которые копались со спуском повозок, я быстро, рысью отвел батарею на версту от обрыва и тут остановил, чтобы дождаться остальных. Когда появились на гребне обрыва красные, мы были уже вне обстрела. А что красные могли наделать, не займись

они грабежом обоза, а поставь пулемет или орудие на гребне, когда внизу еще кишели люди... Но Бог милостив, и все обошлось.

В тот же вечер сильно потеплело и пошел дождь. Мы вовремя перешли Дон, на следующий день это было бы невозможно. Дождь дал нам несколько дней отдыха от красных атак — между нами был непроходимый Дон. Мы этими днями хорошо воспользовались, чтобы упорядочить части.

Наша вещевая повозка тоже попала к красным с моими сапогами, и я шлепал по мокроте в валенках.

ЧАСТИ ПРИВОДЯТСЯ В ПОРЯДОК

Наше бегство с той стороны Дона вызвало беспорядок в частях. Удирали часто индивидуально, без части. Мы не досчитались прапорщика Казицкого и трех солдат, посланных квартирьерами. Казицкий отбил от батареи и не мог ее найти. Он присоединился к драгунскому полку. Через два дня я случайно в Койсуте с ним встретился и вернул их всех в батарею.

Конно-горную батарею мы нашли тоже случайно, увидев издали их маленькие орудия. Ночевали мы на хуторе, куда пришли также Изюмские гусары. Не стали спорить и поселились вместе.

В первый же день мы случайно наткнулись на заведующего хозяйством дивизиона полковника Лебедева. Даже странно, что он оказался так близко к фронту. Очевидно, он брал деньги в казначействе Ростова. У моста постреливали, Лебедев был явно равнодушен к стрельбе и старался от нас отделаться и уехать. Но Скорняков и я осыпали его упреками и требованиями — батарея после отступления нуждалась во всем.

— Ничего того, что вы просите, у меня тут нет. Единственно, что могу вам дать, — это денег.

Он вручил Скорнякову пачку новеньких пятисотрублевых билетов. Пачка была, очевидно, в сто штук, величиной в кирпич и ни в один карман не влезала. Кроме того, билеты в пятьсот рублей были еще крупной монетой и разменять их было очень трудно. Все же мы могли платить крестьянам за забранный фураж.

В это время стрельба усилилась, и Лебедев, даже не взявши от Скорнякова расписки, укатил. Деньги нам были ни к чему — купить ничего нельзя было. Магазины пустовали. Пачка денег никуда не влезала, и Скорняков с ней мучился. Он клал ее в переметные сумы седла, но тогда не мог отойти от лошади. На ночлеге он клал пачку под подушку, забывал ее при выступлении и мчался в хату за пачкой. Наконец он отдал ее мне. Я отказался:

— Нет, избавьте, ненавижу чужие деньги.

— Возьмите, кроме шуток, я больше не могу с этими треклятыми деньгами. Ни к чему они нам не служат, а тревог с ними масса. Я вам приказываю их взять.

Настала моя очередь мучиться. В хате клал их на подоконник за занавеску. Как-то выступили. Начался бой, и вдруг я хватился денег. Нету, оставил в хате. Стремглав я поскакал туда. Ворвался в хату, уже занятую какой-то частью, прямо к окну и... вздох облегчения. Деньги лежат себе.

— А мы-то тут уже минут двадцать, — сказали солдаты. — Прозевали миллионы.

После этого я сказал Скорнякову, что больше не могу нянчить эти проклятые деньги. А то сбегу и унесу их. Мы решили раздать в счет жалованья всем солдатам и офицерам по билету и сохранить остаток, который мог уже влезть в карман к Скорнякову, для нужд батареи. Так и сделали и вздохнули с облегчением. Солдаты же стали играть в карты и ссориться. В общем, деньги принесли нам одни неприятности.

А дождь продолжал идти еще несколько дней. Это нам было на руку. Генерал Барбович воспользовался этими днями, когда красные не могли переправиться через Дон, и привел части в порядок. Эскадроны получили пополнение.

Из Ростова, при его занятии, к нам в батарею явились несколько офицеров. Но они почему-то в батарее не задержались и под всякими предлогами улетучились. Кадры остались все те же: Скорняков, Казицкий и я, да Погодин у пулеметчиков.

ЗАЩИТА ДОНА

Когда через несколько дней погода переменилась, опять наступили морозы и Дон замерз, красные решили наступать. У них было впечатление, что они легко с нами справятся. После такого отступления и последних боев, когда они легко заняли Ростов и наша кавалерия бежала через Дон, чего раньше не случалось, красные, вероятно, вообразили себе легкую победу.

И действительно, когда они переправились через Дон, то наши части стали отходить. Но в эти несколько дней что-то произошло в наших войсках. Это не были больше беглецы, но рвущиеся в бой войска. Мы отошли, чтобы заманить красную пехоту подальше от прикрытия их батарей на том высоком берегу. Потом все разом повернулись и яростно атаковали красных. Красные никак не ожидали такого фортеля и растерялись. А мы не дали им опомниться и гнали их до самого Дона. Только темнота прекратила побоище.

У красных было преимущество сил, преимущество позиции — высокий берег Дона, откуда их батареи могли, для нас невидимые, прекрасно обстреливать поле сражения, и преимущество мороза, который сковал Дон и позволял беспрепятственный переход на нашу сторону. Они не могли примириться с

поражением и много раз пытались переходить через Дон. Но каждый раз терпели неудачу. Они решили даже переправить артиллерию, чтобы поддержать наступление пехоты. Результат был тот, что мы забрали их орудия, которые они не смогли быстро увезти.

В течение двух недель красные пробовали форсировать Дон по крайней мере четыре раза, а может быть, и больше, и каждый раз были биты. Бои настолько походили один на другой, что не могу их больше различить. Помню только, что бои были упорные и поражение красных жестокое. У меня сложилось впечатление, что каждые три дня был бой.

Наша кавалерия пополнилась. Эскадроны были опять эскадронами. Регулярную кавалерию свели в корпус, которым командовал генерал Барбович.

В боях под Ростовом особенно отличался полковник Кузьмин со своим Первым офицерским конным полком. Но все полки и батареи вели себя прекрасно.

Мы ходили дозором между Азовом — Койсутом — Батайском.

На походе солдаты моего орудия подъехали ко мне. Фейерверкер моего орудия Шакалов сидел на чудном караковом коне, которого я видел впервые. Он держал в поводу совершенно такого же другого.

- Господин поручик, вот лошадь для вас. Дуре нужно дать отдых. Мы давно заметили, что вы в походах ходите пешком, чтобы не утомлять Дуру. Мы искали для вас лошадь. Вот она.

Я был тронут заботой солдат. Правда, что Дуре нужен был отдых. Караковый жеребец был великолепен. Чуть молод.

- Вот спасибо. Красавец... Где вы его сперли?
- У немцев (колонистов). Не беспокойтесь. Все одно красные у них все отымут. Лучше уж вы попользуетесь.
- Ну что же, спасибо вам. Принимаю подарок. Переседлайте Дуру, я сейчас его попробую.

Караковый оказался хорошим конем, резвым и не особенно шkodливым. Не очень сильным из-за молодости. Но я недолго на нем ездил. Вот что с ним произошло. Утро с туманом. Тревога. Одетый я вышел из хаты, и поляк-солдат ведет мне оседланного каракового. В это время красная граната, совершенно случайно сюда залетевшая (они же не видели из-за тумана, куда стреляют), лопается между мною и лошастью. От неожиданности поляк выпустил повод, конь взвился и исчез в тумане. Я послал поляка его искать, сам этим не мог заняться, потому что начался бой. Поляк его не нашел. Так исчез караковый с седлом, переметными сумами и моими вещами. Конечно, кавалеристы его поймали и спрятали. В походах мы его искали, но напрасно. Хорошо еще, что

пачка денег была у меня за пазухой, а не в седле. Пришлось вернуться к Дуре, которая все же немного отдохнула.

БРЮХОВЕЦКАЯ

Нежданно-негаданно батарея получила приказание идти в станицу Брюховецкую, где были наши обозы, для пополнения и отдыха. Удивленные и обрадованные, мы решили выступить немедленно же, чтобы избежать возможности отмены приказа. Спешно собрались и выступили, как тати в нощи, стараясь не привлекать внимания. Отошли с десятков верст и тут же заночевали в каком-то хуторе.

У Кушевки начинается Кубанская область. Мы вели бои еще в Донской области. Донские казаки относились к нам, добровольцам, без враждебности. Кубанские же были тогда сепаратистами, хотели создать свое государство и относились к нам враждебно. Эта перемена в настроении кубанцев происходила каждый раз, когда наши дела были плохи. Они легко поддавались большевистской пропаганде. Брюховецкая лежит примерно в ста пятидесяти верстах от фронта.

Казаки-хозяева были хмуры, и мне досталась комната в нетопленной половине хаты. Я бы мог уйти и поселиться с другими офицерами, но настроение мое из-за тревоги за брата сильно понизилось и мне хотелось быть одному. Люди меня раздражали. Я остался в нетопленной хате. Брал книги в библиотеке школы и читал. Но станица была богатая, и наши люди и лошади здесь хорошо отдохнули. В Брюховецкой мы справили Рождество. Тут находились генерал Колзаков, полковник Шапиловский и много других офицеров нашей батареи. Обозненко поправился от тифа. Батарея пополнилась людьми, лошадьми и офицерами. В станице стояли обозы всего корпуса.

ИНСПЕКТОРСКИЙ СМОТР

Перед тем как вернуться на фронт, батарея подверглась инспекторскому смотру. Смотрел генерал князь Авалов, инспектор конной артиллерии. Было много снега, и батарея встала на краю дороги возле обширного плаца со снегом и отдельными деревьями.

При инспекторском смотре команд не подают. Авалов подошел к моей первой пушке. Мы, конечно, вычистили и смазали орудие, почистили лошадей, сами приоделись, вычистили сапоги и упряжь. Но все это пропало зря. Ящиков с батареей не было. Авалов беглым взглядом окинул номеров (солдат), внимательней посмотрел на лошадей. Снял чехол и открыл затвор орудия, заглянул внутрь, мазнул по внутренности пальцем и посмотрел на свет. Потом он нагнулся и открыл коробку на лафете, предназначенную для панорамы (прицельное приспособление). Панорамы в ней не оказалось. Дело в том, что во время походов железная коробка получает толчки, деформируется и больше не закрывается. В мороз панорама покрывается инеем, и ее нужно очищать и отогревать до того, как начать стрельбу. Мы поступали практичнее: наводчик

возил панораму за пазухой, — там она не индевеет и всегда готова к действию. Но, понятно, это против устава. Мы так свыклись с этой системой, что даже в голову не пришло положить панораму в коробку для смотра.

Обозненко и я следовали за Аваловым по пятам. Шапиловский остался дома, сказавшись больным. Итак, коробка оказалась пуста.

- Где находится панорама? — спросил меня Авалов.
- За пазухой у наводчика, ваше превосходительство, — ответил я.
- Что?! — он повернулся к Обозненко. — Вы в курсе этого?

- Так точно, ваше превосходительство.
- А панорамы других орудий находятся тоже за пазухами у наводчиков?
- Так точно, ваше превосходительство. Мы это делаем, потому что опыт пока...
- Я не хочу смотреть такую батарею!!! — крикнул князь, махнул рукой, повернулся и скорыми шагами удалился.

Смущенные, мы с Обозненко смотрели друг на друга. Как это мы не догадались положить проклятые панорамы в ящик для смотра? Все бы обошлось, а теперь скандал.

— Что же делать? — сказал Обозненко. — Нам не остается ничего другого, как идти на квартиры... По коням... Садись... Батарея шагом ма-арш.

И батарея пошла, я впереди своего первого орудия. Обозненко остался сзади. Вдруг я увидел Авалова. В своей ярости он ошибся тропинкой и теперь утопал в снегу. Как полагается, я скомандовал:

— Ба-та-рея смирно! Равнение налево. Господа офицеры, — и взял под козырек.

Авалов, который, видимо, одумался, приказал мне остановить батарею.

Я поднял руку (все надо было делать по уставу).

— Ба-та-рея, стой!

Появился обрадованный Обозненко. Авалов стал командовать и заставил батарею делать всякие перестроения. Глубокий снег и деревья сильно эти перестроения затрудняли. Но перед каждым орудием был офицер-артиллерист, и потому мы исполнили движения удовлетворительно. Авалов, видимо, остался доволен. Ученье кончилось, и нам приказали идти на квартиры. Авалов разговаривал с Обозненко. Батарея проходила мимо них. Меня подозвали. Авалов улыбался.

— У вас, поручик, прекрасная упряжка. Особенно коренник. Могучий и легкий. Очень трудно соединить эти два качества. Потому-то лошадей для конной артиллерии трудней всего найти. Ваша запряжка почти идеальна.

Я покраснел от удовольствия. Авалов был знаток лошадей. А после “панорамы за пазухой” такой комплимент имел большую ценность. Авалов составил себе очень неблагоприятное обо мне мнение. Вроде того, что я разлагаю батарею. Но из-за моих хороших лошадей многое мне прощал. Кроме того, Обозненко, вероятно, замолвил за меня слово.

Странно, что он ни слова не сказал об отсутствии ящиков. Неужели признал пользу нашего нововведения?

Авалов не любил нашу батарею и этого не скрывал. А так как я часто бывал перед своим орудием, то есть впереди батареи, то он меня запомнил и часто распекал. Разносить поручика легче, чем полковника, и так у него создалась привычка меня разносить.

— В вашей батарее нет дисциплины. Вы более походите на веселую банду махновцев, чем на конную батарею. У вас какое-то содружество вместо дисциплины.

Но Авалов был прекрасным офицером. Он не мог не знать нашей хорошей работы на фронте и того, что кавалерийские начальники нас ценили. Мы были второй по старшинству конной батареей, после конно-горной, в которой царил такой же беспорядок или, верней, порядок особого характера.

А панорамы так и остались за пазухами наводчиков.

НА ФРОНТ

Нас направили на фронт не просто, как мы всегда ходили, а в составе дивизиона со вновь сформированной 8-й конной батареей. Восьмую я впервые видел. Шли мы из Брюховецкой в Батайск. Там мы, конечно, опять вошли в дивизион с конно-горной. То есть дивизион был составлен, только чтобы доставить обе батареи на фронт. Командир восьмой, полковник Сапегин, оказался старшим. Не желая ему подчиняться, Шапиловский сказался больным. Нашу батарею повел Обозненко.

Меня послали квартирьером в станицу Уманскую. С несколькими солдатами мы на рысях опередили батарею. Я выбрал, конечно, лучшие дома для нашей батареи, а другие, на той стороне площади, для восьмой, послал солдата навстречу дивизиону, а сам заказал самовар, снял сапоги и надел туфли.

Вскоре прибыли батареи. Из любопытства посмотреть на восьмую я надел фуражку, шинель внакидку и в туфлях вышел на громадную площадь.

Сапегин и Обозненко выравнивали орудия в парке. Я остановился поодаль. Вдруг я увидел, что Сапегин и следом за ним Обозненко направляются ко мне. Сапегин остановил коня передо мной, приложил руку к козырьку и сказал:

— Рапортуйте.

У нас ничего подобного не бывало. Тем не менее я подтянулся и, несмотря на туфли и шинель внакидку, взял под козырек и отрапортовал:

— Господин полковник, квартиры в станице Уманской для сводного конно-артиллерийского дивизиона выбраны.

После чего я замолк, не зная, что еще прибавить. А Сапегин, видимо, ждал продолжения, потому что все держал руку у козырька. Из-за его спины Обозненко ворочал глазами и беззвучно мне что-то подсказывал. Я молчал. Видя, что он продолжения не дожидается, Сапегин спросил:

— Сколько людей в вашей батарее?
Я не знал, но без запинки ответил:

—Шестьдесят два, господин полковник.

—А лошадей?

Тут ты меня не поймашь, подумал я, есть подручные лошади в упряжках. Лошадей должно быть больше. Рассчитывать было некогда, и я уверенно выпалил:

— Семьдесят три, господин полковник.

Я видел, как Обозненко вздохнул с облегчением, значит, попал. Сапегин повернулся к нему.

— Это правильно?

— Так точно, господин полковник, — не задумываясь подтвердил Обозненко.

— Я вижу, что вы не привыкли к рапортам, — сказал спокойно Сапегин. — Но я этого требую. До свидания.

И он не спеша удалился.

Сдерживая смех, мы вошли в дом и там дружно расхохотались. Наши офицеры, оказываясь, издали следили за моим рапортом. Никто из нас не знал ни количества людей, ни лошадей. Но каждый из нас мог бы переименовать всех людей и всех лошадей.

— Подите все же пересчитайте лошадей, — сказал мне Обозненко.

Я вышел на крыльцо, постоял, потом вошел без улыбки, встал во фронт.

— Господин полковник, счет людей и лошадей окончен. Во второй конной генерала Дроздовского батарее в данное время находятся 62 солдата и 73 лошади.

Все прыснули от смеха и Обозненко первый. Но так как он был человек очень добросовестный, то он сам пошел считать. Другие полагали это излишним. Числа все время менялись.

— Знаете, — сказал мне Обозненко, — вы ошиблись всего на два человека и только на одну лошадь.

На следующее утро мы с ужасом увидели, что та батарея поставила в орудейный парк часового, а мы об этом не подумали.

8-я батарея делала переключку. А у нас даже списков не было. Сапегин сделал вид, что не заметил отсутствия переключки. Во время похода он считал наших лошадей и, видимо, остался доволен. Решил, вероятно, что сам ошибся в счете на одну лошадь.

Конечно, у нас не было зарядных ящиков. Но и у 8-й их тоже не было. Значит, заимствовали наш опыт и, видимо, он оказался не так уж плох.

Должен сказать, что полковник Сапегин был прекрасный и энергичный офицер. В Новороссийске мы только благодаря ему влезли на пароход. Был январь 1920 года. Был лютый мороз, а снегу мало.

БОИ У РОСТОВА

Мы вернулись на фронт в Батайск и присоединились к конно-горной батарее. В наше отсутствие бои не прекращались, и с нашим прибытием мы приняли в них живейшее участие. Красным никак не удавалось перейти через Дон, несмотря на превосходство сил, на высокий берег и на то, что Дон замерз и не представлял препятствия.

Героем этих многочисленных боев можно смело назвать полковника Кузьмина с его Первым офицерским конным полком. Чуть что, он бросался в атаку, прорывал фронт, брал пленных и орудия. Был он необыкновенно счастлив, имел всегда успех и мало потерь. Люди его обожали. Но и все остальные полки и батареи были на должной высоте.

Ночью 8 февраля 1920 года наша корниловская пехота заняла внезапно станицу Гниловскую, вышла во фланг Ростова и заняла город. Наш кавалерийский корпус ввели в Ростов и разместили там. Но на востоке, на Манычском фронте, донцы не смогли остановить многочисленную конницу Буденного, которая пыталась охватить широким обходом с тыла всю Добровольческую армию у Ростова. Укрепления на Маныче были рассчитаны на лето, а морозы сковали

воды и болота и сделали укрепления недействительными. Да и донцы были не те, что прежде. Глубокой ночью в лютый мороз — все скрипело кругом — нашу кавалерию вывели опять из Ростова в Батайск, чтобы идти навстречу Буденному на Сальск. Мы покинули Ростов без боя и без нажима со стороны красных.

НАВСТРЕЧУ БУДЕННОМУ

За два дня похода к Мечетенской значительно потеплело. Снег сошел, стало почти тепло. Дождя не было, бывали туманы. Сальские степи, куда мы шли, — холмистая местность без деревьев. Тут находятся Донские конные заводы и живут калмыки.

Чтобы противодействовать охвату нашего тыла Буденным, сосредоточили всю нашу кавалерию у станицы Мечетенской. Наши силы состояли из регулярного корпуса кавалерии под начальством генерала Барбовича. Корпус насчитывал примерно пять тысяч шашек с пятью конными батареями и был в прекрасном состоянии.

Но массу нашей конницы составляли казаки: донцы и кубанцы. Они были в плохом состоянии. Донцы были деморализованы потерей своей территории и были небоеспособны. Они потеряли дисциплину, бросали пики и винтовки, чтобы их не посылали в бой. Во всяком случае они не были нам, Добровольцам, явно враждебны. Они исполняли приказы нехотя. Было их по всей Армии, вероятно, от четырех до пяти тысяч шашек.

Совсем иначе вели себя кубанцы. Они были сплочены, собирали кинутые донцами винтовки. У каждого всадника были две, иногда три винтовки за плечами. Но они были к нам определенно враждебно настроены. Драться с красными не желали. При дальнейших походах нам отсоветовали идти теми же дорогами, которыми идут кубанцы. Открытых столкновений как будто не было, но где-то на реке Кубани казаки перегнали все лодки на другой берег и намеренно обрекли 4-й батальон Корниловского полка на гибель. Недалеко от Екатеринодара на совещании кубанцев и донцов было принято решение не следовать приказам командующего генерала Деникина, не ехать в Крым, не отходить на Тамань, а идти в Грузию. Потом же казаки плакались, что будто бы русские части покинули их в Новороссийске.

Конечно, не все донцы и кубанцы поддались красной пропаганде, были и такие, которые держались за Добровольцев. Но большинство митинговало. Кубанцы поверили, что красные признают их независимое государство, как только они порвут с нами, Добровольцами. Кубанцев было примерно столько же, сколько донцов, то есть от четырех до пяти тысяч шашек.

Были терские казаки, немного лучше сохранившиеся, под командой нашего знакомого, генерала Агоева. Но их было немного, от двух до двух с половиной

тысяч шашек. Были калмыки, вполне нам верные, но их было всего шашек пятьсот—шестьсот. Всего с нашей стороны было собрано от пятнадцати до восемнадцати тысяч шашек. Грозная сила, если бы казаки были прежние. Мы же знали, что весь удар придется вынести только нашему корпусу.

Как всегда у бюрократов, на бумаге все обстояло отлично. Командование наивно надеялось, что казаки будут драться. Лучше бы они нам дали полк Дроздовцев или Корниловцев с двумя батареями, и мы Буденного бы раскатали.

У Буденного были массы конницы. Говорили про сто тысяч, но это преувеличено. Конечно, можно ошибиться, но вот то, что видел своими глазами: у красных было, по-моему, от двадцати пяти до тридцати тысяч шашек. Огромное количество. Но все это были новые формирования без хороших офицеров, да и сам Буденный был только вахмистром. У нас же каждый всадник участвовал уже в большом количестве боев и были прекрасные начальники. Наша артиллерия хоть уступала красной в количестве батарей, но по качеству оказалась много выше. У нас было пять батарей: две гвардейских, две наши и 8-я конная, 7-я присоединилась поздней.

МЕЧЕТЕНСКАЯ

В станице Мечетенской нас построили в громадное каре. С одной стороны регулярная кавалерия, с другой донцы, с третьей кубанцы, с четвертой терцы. Прилетел на самолете генерал Деникин и обратился к нам с речью. Но был ветер и плохо слышно. Кроме того, он говорил долго, и вскоре это стало утомительно и скучно. Тут нужен был бы Врангель, в черкеске, на чудном коне, осадивший коня и кинувший, как под Спицевкой, несколько слов. Это могло бы зажечь казаков. А не сутулая пешая фигура Деникина и длинная малопонятная речь.

Нас, регулярных, пропагандировать было не нужно, мы были в прекрасном состоянии, а вот казаки были небоеспособны, и речью их боеспособными не сделаешь. На бумаге было нас от пятнадцати до восемнадцати тысяч, а на деле дрались только пять тысяч. Лучше бы вместо речи дали бы нам Корниловский полк, и все было бы в порядке. А казаков можно было увести в тыл, от них никакой пользы, а мог быть и подвох. Не знаю, кто командовал операцией под Егорлыцкой, наверное, сам Деникин, лучше бы был Врангель. Но Деникин не любил Врангеля. А казаки его любили. К сожалению, играли роль симпатии и антипатии, которые вредили делу.

После речи наш регулярный корпус пошел к станице Егорлыцкой, но в станицу не вошел, а встал возле, построившись в резервную колонну. Не ввели нас в станицу, вероятно, из-за двух причин: во-первых, чтобы скорей быть готовыми к бою, а во-вторых, из-за недоверия к кубанцам: напасть на расквартированных легче, чем на стоящих в строю. Так в резервной колонне мы простояли всю ночь. К счастью, было не очень холодно и не было дождя. Донцы остались в

Мечетенской, а где находились кубанцы, не знаю. Думаю, в Егорлыцкой — видел небольшие кубанские части, отходящие из станицы.

В дозоре находился полковник Кузьмин со своим Первым офицерским полком. Под вечер он прислал донесение:

— Буденный движается. Его колонна от горизонта до горизонта. Авангардная бригада (два полка) заняла хутор в семи верстах от Егорлыцкой.

Послали бригаду калмыков численностью примерно в шестьсот шашек против красной бригады в хуторе. Калмыки пошли. Стрельба должна бы начаться через 20 минут, но царил тишина, ни выстрела. Мы недоумевали: что делают калмыки?

КАЛМЫКИ

Ночь прошла спокойно. Калмыки появились с первыми лучами солнца. Впереди ехали несколько всадников, орали дикий напев, били в бубны и размахивали несколькими захваченными красными флагами. За ними следовал молча на белой лошади шаман. За шаманом всадник вел в поводу лошадь, на которой был прикручен, очевидно, комиссар. Лицо в крови и качался в седле, но веревки не давали ему упасть. Вслед за ним группа всадников толкала перед собой дюжину бледных, перепуганных пленных, раздетых, в одном белье. Толкали их конями и остриями шашек. Наконец шли сотни. Все оглушительно вопили и размахивали обнаженными шашками, с которых струилась кровь. Некоторые насадили на бамбуковые пики отрубленные головы. Каждый всадник вел в подводу одну, две, а иногда даже три захваченные лошади. На седлах было навьючено всякое добро: сапоги, обмундирование, оружие.

Это было необычайное зрелище, скорее устрашающее.

Полковник Лукьянов толкнул меня локтем.

— Сережа, так ведь это татары!

Мы невольно подались назад. Было чувство скорей сочувствия к этим несчастным пленным.

Калмыки подползли потихоньку, сняли часовых и перерезали всю красную бригаду без единого выстрела. Красной бригады больше не существовало.

За сотнями не шли ни захваченные пулеметные тачанки, ни обозы. Думаю, что калмыки их не хотели показывать, боясь, что отнимут.

Калмыки — чистейшие монголы и по-монгольски называются ойраты. Единственные, которые сохранили еще кочевой образ жизни. Они входят в состав Донского и Астраханского казачьих войск. У астраханцев синие шаровары с желтым лампасом. Вооружены они бамбуковой пикой (английская,

наша — металлическая), винтовкой казенного образца и донской казенной шашкой. Сидят на малорослых, но выносливых лошадях, седло казачье. Одеты в грязные нагольные (когда-то белые) полушубки и остроконечные серые барашковые шапки.

Калмыки редко воевали против русских, но часто держали в повиновении других кочевников: казахов и ногайцев. Они ненавидели большевиков за то, что те украли у них главного идола Будды, говорят, из чистого золота.

ЕГОРЛЫЦКАЯ

Вскоре начался бой. Начался он жидкой стрельбой в самой станице. Очевидно, в нее вошел красный разъезд. Кубанцы уходили из станицы. Никто их не преследовал, драться они не желали.

Резервную колонну нашего регулярного корпуса повернули, и мы пошли и заняли высоту холма к юго-западу от Егорлыцкой. Станица осталась влево. От нашего холма длинный пологий спуск вел к ручью Ей (границе Донской и Кубанской областей) и на той стороне вновь поднимался к высоте-холму к юго-востоку от нас. Кругом ни одного деревца.

Из-за этой-то высоты и появились красные. Было часов 10 утра 17 февраля 1920 года. Красные части появились неразвернутыми, но в резервных колоннах, видимых как темные четырехугольники. Думаю, что это были полки.

Наши батареи стояли уже на позиции, и первые появившиеся квадраты красных были нами тотчас же разбиты. Дистанция была в три версты и действие шрапнели очень ощутимо. На смену рассеянным появились из-за бугра новые квадраты, которые подверглись приблизительно той же участи. Наконец, появились красные конные батареи, и мы занялись исключительно ими. Это правило боя: сперва нейтрализовать артиллерию противника, а затем помогать нашей кавалерии.

Мне кажется, что нам удалась первая часть нашей задачи — привести к молчанию (или почти) красную артиллерию. Нужно было действовать быстро, чтобы сбить красную батарею раньше, чем она собьет нашу. Теперь весь склон холма был покрыт темными квадратами — полками и батареями. Было даже слишком много целей. Мы стреляли не покладая рук. Многие красные батареи были разбиты, не успели даже сняться с передков; видимо, у них было мало опыта в ведении полевой войны.

Мне кажется, что нам удалось задавить красную артиллерию, потому что оживленный огонь красных батарей в начале боя стал слабеть и обратился в редкий под конец. Когда мы убедились, что с красной артиллерией почти покончено, внизу у ручья конный бой кипел всюду. Было трудно разобрать, где

наши, а где красные. Нельзя было стрелять туда — можно нанести потери своим. Но мы направили огонь на красные резервы, которые находились на середине склона и все еще в резервных колоннах, не развернувшись. Красные должны были нести сильные потери от нашего огня. Думается даже, что эти резервы так и не вступили в бой из-за больших потерь.

Было полное впечатление, что красное командование растерялось. У него не было опыта маневрирования большими массами кавалерии. Оно не пыталось охватить наши фланги, несмотря на громадный численный перевес, даже не пыталось расширить фронт. Они все перли, как бараны, в одном направлении и перли в резервных колоннах, что сильно увеличило их потери.

Буденный привык к легким успехам. Обыкновенно при появлении масс его конницы все бежало и ему оставалось только преследование. Он не приготовился к сопротивлению, это было неожиданностью, и он растерялся и был неспособен изменить план боя. Да вероятно, никакого плана у него и не было. Вахмистр же. Должен сказать, что наш план был тоже нарушен отсутствием в бою казаков. С участием казаков произошел бы полный разгром Буденного. Удар кубанцев в правый фланг красных, когда мы громили их резервы, дал бы решительный перелом. А поиск донцов к Сальску, где находились все обозы красных, посеял бы панику. Но казаки не двинулись и этим спасли Буденного от разгрома.

Эх, были бы тут Дроздовцы или Корниловцы, все случилось бы иначе. Один наш корпус не мог уничтожить в семь раз превосходившего нас врага. Он и так вел себя доблестно.

Если красное командование спасовало, то их солдаты дрались хорошо. Были встречные атаки, что происходит очень редко. Обыкновенно в последнюю секунду один из противников поворачивает.

Под вечер Терская конная казачья дивизия под командой генерала Агоева охватила левый фланг красных и принудила их отступить. Это был лишь охват. Ни красные не стреляли по терцам, ни терцы по красным. Все же для нас это была помощь.

Думаю, что Буденный, идя на Егорлыцкую, был осведомлен об успехе красной пропаганды среди казаков и рассчитывал на легкий успех. А тут вдруг он наткнулся на наш корпус и получил энергичный отпор, вот и растерялся. Красные отступили, поле сражения осталось за нами. Но это был всего только наш успех, а не разгром красной конницы, на который мы могли бы рассчитывать. Красные понесли сильные потери, но могли перегруппироваться и вновь угрожать нам охватом нашего тыла.

Конечно, и мы понесли потери, но корпус остался вполне боеспособным, и на следующий день мы вновь пошли навстречу красным, но Буденный не

появился. Должно быть, большие потери вывели его конную армию временно из строя.

Участь территории Кубани была решена. Наша армия начала отходить на Новороссийск, чтобы переехать в Крым, где борьба должна была продолжаться. Цель была сохранить Добровольческую армию. Было бы безумием защищать ею Кубань, которую сами казаки защищать не хотели. Говоря откровенно, под Егорлыцкой казаки нас предали. Мы еще вели арьергардные бои, чтобы задержать наступление красных и дать нашим тылам время эвакуироваться.

Думаю, что бой у Егорлыцкой был последним большим кавалерийским боем в истории человечества. Я горд, что мне пришлось в нем участвовать.

Оговариваюсь. Были еще два больших боя с участием кавалерии: тот, в котором была уничтожена красная конная группа Жлобы, в Таврии, и за Днпром у Никополя. Но в этих двух боях участвовала также и пехота, а под Егорлыцкой была только кавалерия и конная артиллерия.

Были еще конные бои меньшего размера на Кубани во время десанта в августе 1920 года, у Ольгинской, и два боя в октябре в Таврии, к юго-западу от Серогоз и под Рождественской. Но во всех этих боях участвовало с каждой стороны по дивизии кавалерии.

Любопытная деталь вычитана мной в истории кавалерии. Несмотря на бесчисленное количество конных атак, прямое столкновение двух частей происходит чрезвычайно редко: обыкновенно в последнюю секунду одна из частей поворачивает. Вот под Егорлыцкой произошло такое столкновение, части перемешались, и было трудно разобрать, где свои и где чужие.

Классическая встреча и столкновение двух корпусов произошло в 1805 году под Аустерлицем. Там встретились французские кирасиры с русскими кавалергардами и Конной гвардией. Никто не отступил, и после атаки осталось всего несколько десятков всадников из обоих корпусов. Под Егорлыцкой с нашей стороны атаковали те же полки.

Бой под Егорлыцкой был особенный бой, не такой, как другие. Индивидуальное чувство исчезло почти совершенно и уступило чувству коллективному. Бой был необычайно упорный. Вся эта часть степи была покрыта темными квадратами — полками и батареями. Не было места развернуть всю массу конницы. Движения производились не эскадронами, а полками и даже дивизиями. Вот так, вероятно, выглядели бои в старину.

Все батареи, наши и красные, стояли на открытых позициях, то есть были видны со стороны врага. Наша батарея находилась на левом фланге. Одна из красных батарей взяла нашу под свой огонь. Направленная в нас очередь снарядов дала перелет саженей в пятьдесят и взорвалась как раз в рядах проходившего за нами 12-го сводного полка. Один всадник улетел высоко в

воздух, вертясь как волчок. Люди и лошади упали. Но полк не дрогнул и продолжал идти шагом, оставляя раненых и убитых на попечение санитаров, следовавших за полком. Командир полка полковник Псел повернулся в седле и ровным голосом скомандовал:

— Рав-няй-сь!

И полк прошел шагом, как шел, не дрогнув.

Мы же, батарейцы, втянули головы, ожидая, что следующая очередь будет по нам. Но очереди не было. Оказывается, конно-горная опять пришла нам на выручку. Она заметила стреляющую батарею и заставила ее замолчать.

Еще раз пришлось видеть всадника, улетающего вверх волчком метров на десять, в Таврии под Серогозами. Это, очевидно, происходит, когда снаряд взрывается в теле лошади.

Началось жуткое отступление по непроходимой кубанской грязи на Новороссийск. Под Егорлыцкой в наших двух батареях потерь не было вовсе. Думаю, что и у других батарей их не было.

Наш корпус мог выдержать удар во много раз превосходящей нас числом конницы Буденного из-за умения наших начальников, опыта бойцов и превосходства артиллерии. У красных было лишь количество, и это оказалось недостаточным.

ЧАСТЬ 4

ПО КУБАНИ

ОТХОД

После боя у Егорлыцкой выяснилось, что защищать Кубанскую область мы не будем и Добровольческая армия отходит в Новороссийск, чтобы переехать в Крым, где борьба будет продолжаться.

К оставлению Кубани нас побудило настроение казаков. Донцы были деморализованы и потеряли боеспособность. Кубанцы же были нам явно враждебны, драться с красными не хотели и приказов главнокомандующего генерала Деникина не выполняли. И донцы и кубанцы заявили, что ехать в Крым они не желают. Собственно, они сами не знали, чего они хотят. Митинговали, под влиянием неудач поддались большевистской пропаганде и посулам.

Казакам было приказано генералом Деникиным отходить на Тамань, откуда их вместе с лошадьми и имуществом легко бы перевезли в Керчь. Казаки на Тамань не пошли, а пошли частью в Грузию, а частью в Новороссийск, где дезорганизовали транспорт и заполнили набережные. Там они вдруг захотели ехать в Крым. Грузия же казаков выдала большевикам. Генералу Врангелю удалось вырвать силой у Грузии несколько тысяч казаков, но громадное большинство попало в плен к красным. Офицеров расстреляли, а казаков послали против поляков. Понятно, ни о какой самостоятельности и помину не было.

Во время походов на дорогах наблюдалась следующая картина: по обочине тянулись без строя, когда гуськом, когда малыми группами, донцы без винтовок и пик. Пики и винтовки лежали тут же, брошенные вдоль дороги. Донцы бросали оружие, чтобы их не посылали в бой.

На одном мосту случился затор. Лошадь донского полковника провалилась ногой и загородила мост. Донцы объезжали лошадь и шли дальше, а полковник не решался им приказать вытащить лошадь. Командир нашей батареи, капитан Никитин, узнав, в чем дело, был возмущен. Он выхватил шашку и заставил нескольких казаков слезть и вытащить лошадь. Полковник благодарил его со слезами на глазах. Другой же раз, под Ново-Корсунской, многочисленный Кубанский полк, в строю, отказался вступить в бой с переправлявшимися через речку красными и ушел. За спиной каждого казака было по две, а у некоторых по три винтовки — из тех, что бросили донцы.

Понятно, что не все казаки митинговали. Но здравомыслящих было меньшинство. В Крыму были и донцы, и кубанцы и хорошо дрались. У нас в орудии были казаки-линейцы, кубанцы, которых пропаганда не коснулась. Линейцев я всегда предпочитал черноморцам, они спокойнее и дельнее.

РАССТРЕЛ

Нашей батарее тоже коснулась красная пропаганда. Стали дезертировать по ночам люди и уводили лошадей. Люди нас не особенно беспокоили: уходили ведь ненадежные, по большей части недавние пленные. Заменить их было нетрудно. А вот уведенная лошадь и седло нас очень неприятно трогали. Мы ждали случая, чтобы восстановить дисциплину. Такой случай представился.

Как-то явился солдат, служивший давно в батарее, и донес, что недавний военнопленный ведет красную пропаганду.

— Вот прекрасный случай, чтобы восстановить дисциплину, — сказал полковник Шапиловский. — Капитан Косович, вы ведь юрист?

— Так точно, господин полковник.

— Назначаю вас председателем военного суда. Члены — поручик Мальцев и подпоручик Мамонтов. Поручик Мальцев тотчас же арестует обвиняемого.

Так я попал в состав военного суда, чего всегда боялся. Хоть выяснилось при допросе, что была карточная игра и ссора, но обвиняемый пропаганды не отрицал. Имени его не помню. Суд был скорый. Двое членов приговорили к расстрелу. Я молчал в растерянности. Видя это, Косович сказал мне следующее:

— Конечно, понимаю вас, трудно подписаться под смертным приговором. Дело ведь идет о человеческой жизни, и мы можем его расстрелять только в том случае, если все трое согласны. Но с другой стороны, вы должны подумать, что, приговаривая его к смерти, вы спасаете батарею. Подумайте хорошенько.

Я подписал, и несчастного расстреляли. Отмечаю две странные вещи. Солдаты, назначенные расстреливать, исполнили это с восторгом. Я не присутствовал, но мне говорил Мальцев. И затем — я никаких угрызений совести не чувствовал. Дезертирство прекратилось.

КОМАНДИРЫ БАТАРЕИ

Кубань была нашей главной базой, в особенности город Екатеринодар. Понятно, что у многих офицеров оказались семьи, жены, близкие в Екатеринодаре и они стали проситься в отпуск, чтобы их вывезти.

Под Егорлыцкой было много офицеров в батарее, но из Сосыки, железнодорожной станции, почти все уехали в Екатеринодар. Осталась опять наша троица: Скорняков, Казицкий и я. И Погодин у пулеметчиков. Нам спастись было некого, и мы считали, что при отступлении гораздо безопасней быть в батарее, чем одному в чужом городе. Случилось, что Скорняков заболел тифом. Ни доктора, ни ветеринара у нас не было, и диагноз поставил я. Скорняков просил его не эвакуировать — где искать госпиталь при общем отступлении, — а возить его с батареей на повозке. Так он был по крайней мере уверен, что его не бросят.

Вместо Скорнякова Колзаков прислал нам как командира поручика Абрамова. Но Абрамов приехал уже нездоровый и сейчас же слег. Я установил тиф, и мы положили его на ту же повозку, где лежал Скорняков. Тогда Колзаков прислал нам из конно-горной капитана Никитина, хорошего и энергичного офицера. Но и он недолго у нас остался.

Помню нудный бой у станицы Екатериновской. Помню его оттого, что я сидел замковым 2-м номером на орудии, то есть на солдатской должности, и после выстрела затвор орудия оказался приоткрытым, о чем я доложил Обозненко. Он приказал перестать стрелять из нашего орудия, и техник его исправил. Команды передавались по телефону, мы стояли на закрытой позиции и много стреляли, то есть снарядов не жалели.

Из этого можно заключить, что на батарее было много офицеров (потому что я был на солдатской должности), что отступали без спеха — был проведен телефон, и снарядов не экономили, был техник.

Потом мы прошли через Сосыку, и большинство офицеров, как я сказал, уехало. А уже в нескольких переходах, в станице Батуринской, нами командовал Никитин, то есть сменились три командира. Снаряды экономили, но телефон провели, значит, еще не спешили. Отходили медленно, задерживая противника.

Был март 1920 года. Началась распутица. А в конце марта и начале апреля кубанский чернозем превращается в клей. Невозможно перейти улицу, не оставив сапог в грязи. Дороги, разъезженные отходящими частями и беженцами, превратились в засасывающую трясику. Орудия и повозки застревали, лошади падали обессиленные. Приходилось то и дело вытаскивать повозки руками, поднимать упавших лошадей. За этот поход я навострился поднимать упавших лошадей. Сколько я их поднял самолично, уж не помню, но порядочно. Походы превращались в сущее наказание. За сутки постоянного похода, без ночлега, только с двумя двухчасовыми остановками для корма лошадей, напрягая все силы, батарея проходила верст двадцать—двадцать четыре. Обоз наш удлинялся повозками с ранеными и больными и очень нас задерживал. Постоянно одна из повозок застревала. Все до того уставали, что при остановке тотчас же засыпали — и люди, и лошади. Красные шли за нами в таких же условиях и не могли нас догнать. Только грязь нас разделяла.

БАТУРИНСКАЯ

Собственно говоря, настоящего боя в Батуринской и не было. Станица Батурильская, недалеко от Брюховецкой, разделяется рекой Бейсуг надвое. В каждой части есть церковь и колокольня. Мы перешли в южную часть станицы и разрушили мост. Наш наблюдательный пункт был на колокольне, и там дежурили офицеры конно-горной. В полдень мы их сменили. Командовал нами уже капитан Никитин. Он послал меня на колокольню, а сам остался при орудиях внизу. Орудия были замаскированы деревьями у самой церкви. Никитин предупредил меня, что стрелять не будем, потому что обнаружен недостаток снарядов. На колокольню был проведен телефон, были два солдата-телефониста от дивизиона и великолепная подзорная труба Цейса с развилкой.

Меня удивило, что офицеры конно-горной вовсе не закамуфлировали наблюдательный пункт. Я тотчас же закрыл ставни и вынул из них по тонкой дощечке. В образовавшуюся щель можно было наблюдать, оставаясь невидимым.

Напротив, через реку, в каких-нибудь двухстах саженьях стояла другая колокольня. Надо было ожидать, что красные командиры не преминут на нее взобраться, чтобы осмотреть местность. Я сказал об этом по телефону Никитину, и он со мной согласился. Мы тщательно навели орудие на колокольню и даже решились выпустить две шрапнели, чтобы пристреляться.

Вскоре появилась красная пехота на бугре и стала спускаться в станицу. Я спросил у Никитина разрешения стрелять, красные шли густыми толпами, их было много.

— У нас недостаток снарядов, — ответил мне по телефону Никитин. — Мы можем стрелять только по батарее или по группе офицеров.

— Я не вижу ни орудий, ни групп офицеров, но вижу компактные массы пехоты. Можно было бы произвести разгром, пока они не рассыпались в цепи.

— Ничего не могу поделать. Я получил приказание от князя Авалова.

— Если мы не будем стрелять, как мы войну выиграем?

— О выигрыше не может быть речи. Мы ее уже проиграли.

После этого неутешительного разговора мне ничего другого не осталось, как сложа руки наблюдать, как красная пехота вошла в ту часть станицы. Как я и предполагал, один красный солдат взобрался на соседнюю колокольню. В трубу я его хорошо видел. На той колокольне ставен не было. Солдат спустился, но снова полез на колокольню в сопровождении нескольких типов. Они осмотрели станицу в бинокль, скользнули взглядом и по нашей колокольне, на ней, к моей радости, не задержались (не придали значения) и развернули карту. Я внимательно за ними следил. Конечно, это были начальники.

- Орудие к бою! Два патрона... Беглый огонь!

Шрапнели хорошо покрыли колокольню. Я не мог видеть, были ли раненые, но наблюдатели сбежали во всю мочь вниз.

В ответ невидимая красная батарея искала наши орудия, разбрасывая снаряды по всей станице. Затем все успокоилось.

Опять красный наблюдатель взобрался осторожно на колокольню. Он перевесился и что-то крикнул вниз. Другие поднялись. Я подождал, чтобы их собралось побольше и снова открыл огонь с тем же результатом.

Солдат-телефонист передал мне трубку.

— Генерал князь Авалов вас требует к телефону.

— Поручик, я отдал приказание экономить снаряды. Почему вы стреляете?

— По группе офицеров-наблюдателей, ваше превосходительство.

— Я приду посмотреть.

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

Он был в плохом настроении. Уже одна лестница на колокольню чего стоит.

— Где ваши наблюдатели? Я ничего не вижу.

— Подождите немного, ваше превосходительство. Они опять соберутся.

Ждать пришлось довольно долго, и Авалов воспользовался этим временем, чтобы меня отчитывать. Солдат-наблюдатель у трубы прервал его.

— Опять один лезет на колокольню.
Авалов сам приник к трубе.

— Вот и второй, и еще третий поднимается... Что вы думаете, поручик? Стрельнем?

- Осмелюсь предложить подождать, чтобы их собралось побольше.

Авалов увлекся и отдал несколько раз приказание стрелять. Командир дивизиона, генерал Колзаков, забеспокоился и вызвал меня по телефону.

— Что вы там вытворяете, Мамонтов? Вам же сказано не стрелять.

— Это не я стреляю. Стреляет князь Авалов.

Этот последний, который слышал наш разговор, кашлянул смущенно.

— Конечно, надо экономить снаряды. Но трудно удержаться, когда перед тобой такая цель.

Он спустился с колокольни. Я больше не стрелял.

В тот же день конно-горная спрятала орудие перед разрушенным мостом. Когда красные стали его чинить и собрались на нем в большом количестве, то наши ахнули по ним картечью и, пользуясь общим замешательством, увезли орудие.

НОВО-КОРСУНСКАЯ

Часов в 10 утра мы услышали выстрелы. Никитин приказал седлать, замуничивать, и батарея вышла из станицы Ново-Корсунской и пошла в поводу к югу. Навстречу нам скакал ротмистр Аглаимов, ахтырский гусар, татарин-блондин. Он носил эффектную форму мирного времени и золотую серьгу-полумесяц в левом ухе. Сидел на вороном коне.

— Капитан Никитин, — крикнул он. — Там влево красная кавалерия переправляется через реку. Задержите их, пока я не приведу своих гусар... Вон, вправо уходят кубанские казаки — они отказались драться с красными.

— А, сволочи, — сказал Никитин по их адресу. — Хорошо, ротмистр, я пойду к реке.

Никитин взял мое орудие и орудие Казицкого. Другие же две пушки и обоз направил с Погодиным за большие стога, где велел ждать нас.

У реки мы увидели два или три эскадрона красной кавалерии, которая переправлялась. Многие были уже в реке, а несколько всадников были даже на нашем берегу. Наши низкие разрывы шрапнели вызвали у них панику. Они стали бесцельно метаться по тому берегу. Те, которые были на этом берегу, опять бросились в воду. Никитин с увлечением гонял их. Но из-за холмов на той стороне прилетели две шрапнели недолетом. Потом две другие перелетом.

— Капитан Никитин, нужно уходить, — крикнул я ему.

— Сейчас, еще только одну очередь.

Он был увлечен, а я думал, что мы уже запоздали с отходом, — красные уже пристрелялись. Две шрапнели лопнули почти на батарее. Тогда Никитин дал приказание отходить.

— Пойдем врозь, чтобы уменьшить потери.

Солдаты нацепляли орудие. Я подошел к щиту орудия и наклонил голову, делая вид, что помогаю солдатам. В это мгновение красная шрапнель забарабанила по щиту пушки. Садюк (наводчик) закричал, раненный в ногу. Я усадил его на лафет и, чтобы избежать паники, приказал идти в поводу шагом. Мы пошли влево, орудие Казицкого вправо. Еще несколько шрапнелей лопнуло вокруг нас, но поражений у нас не было. Мы направились к стогам.

За стогом я нашел два орудия и обоз в полной панике. Красные запулили туда несколько гранат, и кое-кто был легко ранен. Погодин же, бросив всех, удрал. Я стал приводить все в порядок, ругаясь и заставляя работать. Вместе с обозными я стал поднимать опрокинутую повозку со снарядами. Мы ее подняли, и тут я вспомнил о ранении Садюка и сделал несколько шагов к своему орудью. В это время несколько снарядов (гранат) взорвались вокруг меня. На этот раз красная батарея поразила нашу. Убитые и раненые, упавшие лошади. Все, кто со мною поднимал повозку, были убиты. Эти несколько шагов, которые я сделал, спасли мне жизнь. Мой передний вороной вынос лежал убитым. Темерченко лежал рядом. Байбарак и Юдин были легко ранены, все их четыре лошади были легко ранены. Ко мне подошел Тимошенко, солдат третьего орудия, грабитель и насильник, он отвернул свой темно-зеленый полушубок и показал рану. Осколок попал ему в член. Рыдая, он взобрался на свою лошадь и ускакал, больше я его не видел.

Казалось, что все люди и лошади были ранены, кроме меня и Дуры. У стога стоял мальчишка обозный.

- Чего ты стоишь, иди работай.

Вместо ответа он задрал голову. На шее пятно крови. Тьфу ты, что же это такое, все, буквально все ранены. Я даже растерялся.

Как потом оказалось, действительно раненых было много, но большинство ран были легкие. У мальчишки была содрана кожа. То же с лошадьми. Дура была цела.

В этот момент появился Казицкий. Его появление придало мне сил и энергии. Не задавая излишних вопросов, мы стали с ним работать: выпрягать убитых лошадей, впрягать легко раненных, класть на повозки тяжело раненных, сажать за кучера легко раненного, отругав его предварительно, чтобы придать мужества. К счастью, красная батарея больше не стреляла.

Я подошел к Темерченко. Он лежал совершенно спокойно, похлестывая плетью землю.

—Ты ранен?

—Оставьте меня, господин поручик. Со мной кончено. Сами утекайте. Красные могут нагрязнеть.

— Пустое. Я тебя положу на эту повозку.

Я поднял его и чуть не выпустил. Это был мешок с разбитыми костями. Кровь бежала струйками. Он не издал ни одного стога. Я положил его на повозку с пустыми гильзами снарядов, где он должен был страшно страдать от встрясок. Я даже подумал, что, пожалуй, лучше его оставить спокойно умереть на земле. Но нельзя же его покинуть. Вот и не знаешь, как лучше. Вероятно, он вскоре умер. Я часто о нем думал и думаю. Что его у нас удержало? Благодарность за Бахмач или правда то, что я слышал у сарая? Сложная вещь душа человека.

Наконец, с Казицким мы привели все в относительный порядок. Я разослал все орудия и повозки врозь в разные стороны, чтобы красная батарея их не преследовала, и назначил всем собраться у мельницы на бугре верстах в двух к югу. Сам с Казицким и Бондаренко, который держал наших лошадей, остался у стогов наблюдать, будет ли красная батарея стрелять по орудиям, и в случае чего прийти им на помощь. Но все обошлось, красные не стреляли. Тут только Казицкий сказал мне:

— Капитану Никитину снарядом оторвало ногу. Я его эвакуировал. Вам принимать батарею.

Я еще раз осмотрел место происшествия. Не забыли ли чего? У разбитой повозки сидели на снарядных ящиках два трупа обозных. В первый момент после обстрела я подумал, что они отдыхают, и хотел толкнуть. Но вовремя заметил, что черепа у них проломаны. Их так и оставили. Надо бы взять

снаряды и, может быть, хомут с убитой лошади... Но ни людей, ни повозок для этого нет. Что там хомут, когда не знаешь, цела ли батарея.

Хорошо стреляли, стервецы. Конечно, под руководством офицера-предателя. Чтоб тебя большевики замучили на Лубянке. Сволочь.

Поздней Александров рассказывал, что 7-я конная батарея прошла за стогами после нас и видела эту ужасную картину: сидящие трупы, убитые лошади, изорванная упряжь, и всюду кровь и воронки. Они все же взяли снаряды.

СКОЛАЧИВАЕМ БАТАРЕЮ

У мельницы, за курганом, я нашел остатки того, что еще час назад было одной из лучших батарей Армии.

И тут мы с Казицким спрыгнули с лошадей и принялись, не обращая ни на что внимания, переиначивать и сколачивать батарею. Создавать из остатков новую батарею. Мы стали выпрягать, впрягать, менять солдат, менять лошадей. В конце концов мы получили трехорудийную батарею. Четвертое орудие за недостатком людей и здоровых лошадей, мы запрягли ранеными лошадьми, посадили на них раненых ездовых, вынули снаряды для облегчения и решили возить его в обозе. Я пошел осматривать раненых людей и особенно лошадей. Ведь от их состояния зависела наша возможность отступления по кубанской грязи.

У нас не было ни доктора, ни сестры милосердия, ни ветеринара. Но солдаты и казаки любят своих лошадей и сделают все от них зависящее, чтобы их вылечить. С каким облегчением я нашел, что мои коренники были лишь легко ранены. Юдин, сам раненный в плечо, лечил их, мочась на их раны.

— Юдин, ты ранен. Хочешь эвакуироваться?

— Не, я остаюсь. Не могу покинуть моих коренников. Кто будет за ними ухаживать? Нет. И рана-то моя пуштышная. Остаюсь.

Байбарак тоже решил остаться. Казаки моего орудия, среди них были раненые, ответили:

— Никуда мы не уйдем. Мы пойдем с батареей до конца.

Недаром я начал опрос со своего орудия. Следуя этим примерам, все легкораненые и в других орудиях решили остаться. Я был доволен. Батарея еще держалась и даже держалась крепко вместе. Я подошел к повозке, на которой лежали Скорняков и Абрамов. Абрамов бредил, Скорняков был слаб, но в памяти. Я ему рассказал, что произошло, и успокоил, что батарея цела.

ПОГОДИН

Пока мы с Казицким сколачивали батарею и работали не покладая рук, прибежал солдат-пулеметчик.

— Капитан Погодин вас требует, господин поручик, - сказал он мне.

— Скажи ему, чтобы он катился к черту.

— Князь Авалов с ним.

— Сейчас не могу, приду, когда освобожусь.

Этого еще не хватало. Известно, что от Авалова никакой помощи, а одни разносы. Кто его известил? Наверное, этот бездельник Погодин.

Я повел вновь созданную трехорудийную батарею в поводу и поставил ее в выемку-кратер громадного холма-кургана. Это была хорошая полузакрытая позиция. Передки и коноводов увели на закрытый склон кургана.

7-я батарея хотела было встать рядом с нами, но тотчас же прилетели две гранаты, и 7-я быстро снялась и ушла. Нас же красные не беспокоили, несмотря на то что мы были совсем рядом с 7-й, но в кратере. Красные нас не видели. Убедившись, что батарея хорошо стоит, мы с Казицким пошли к Авалову, который разговаривал с Погодиным внизу под курганом. Я подошел, встал смирно, приложил руку к козырьку и начал рапорт.

— Ваше превосходительство, вторая конная генерала Дроз...
Авалов не дал мне закончить. С яростью набросился на меня:

— Поручик, у вас никакого воспитания. Вы меня прерываете, когда я говорю с вашим начальником.

Я даже рот открыл от изумления: Погодин, и наш начальник?! Вот-те здрасте. Авалов же повернулся к Погодину, делая вид, что я больше для него не существую.

— Итак, капитан, вторая батарея фактически больше не существует?..

Но я снова его прервал и весьма решительно.

— Вторая батарея находится на позиции, ваше превосходительство, и она готова к бою.

Настала очередь Авалова раскрыть рот. Он некоторое время смотрел на меня с удивлением.

— Где находится батарея?

— На вершине кургана.

— Я должен посмотреть.

— Идемте... Мне хотелось бы отплатить красной батарее, которая нам насолила.

Авалов молча прошел по батарее, внимательно все осмотрел и ушел молча, не кивнув мне даже головой, не сказав даже до свидания и, конечно, не поблагодарив за быстрое восстановление батареи. Ему казалось, что наконец-то осуществилась его мечта нас расформировать, да еще по необходимости, из-за потерь. А тут вдруг какой-то подпоручик и прапорщик из разбитой батареи создали новую, да еще в течение часа. И он, инспектор конной артиллерии, оказался в глупом положении.

Мы стреляли по красной батарее, и она замолчала. Хотя я ничего не видел, она хорошо спряталась, но у меня была уверенность, что мои гранаты упали в ее близости.

Под вечер на той стороне реки, на горизонте, громадная красная колонна шла вправо. До них было верст восемь.

Ко мне подошел полковник Псел, командир сводного 12-го полка.

— Разбейте эту колонну вдрызг.

Ужасно не люблю, когда люди, ничего не понимающие, вмешиваются. Но что делать? Отказать нельзя. Все же Псел. Ведь если бы была возможность, я бы не стал дожидаться его разрешения и сам бы открыл огонь. Но стрелять нужно на пределе, что неточно и портит оружие. Снарядов же мало. Подкопали сошник, чтобы задрать ствол на 43 градуса, и пальнули два раза. У меня бинокля не было, был вечер. Но как будто гранаты упали неплохо. Но Псел остался недоволен.

— Я же вам сказал разбить колонну вдрызг, а не постреливать.

Я не стал ему объяснять, предпочел смолчать и прекратил стрельбу. Что-то сегодня все мной недовольны.

После того как Авалов ушел, Казицкий предстал передо мной красный как рак.

— Вы слышали, что сказал Авалов? Погодин наш начальник, командир батареи! Я этого так не оставляю. Я пойду к Авалову и ему скажу. Почему вы промолчали? Надо было сказать, что он трус и бездарный. Солдаты не будут его слушать. Батарея развалится.

— Успокойтесь, пожалуйста. Я ничего не сказал Авалову, потому что был сам огорошен этой неожиданной мыслью: Погодин, который и своим пулеметом плохо командует, вдруг командир батареи?! Но мы это устроим по-семейному, без шума. Я поговорю с Погодиным и посоветую ему не рыпаться.

— Я хочу при этом присутствовать.

— Хорошо. Идемте.

Я пошел к Погодину и ровным голосом, без крика ему сказал, чтобы он и не мечтал командовать батареей. Я ему батарею не отдам. А если он все же будет настаивать, то мне придется отдать приказание солдатам его не слушаться. Казицкий это подтвердил. Погодин выслушал молча и потом на нас дулся. Не знаю, жаловался ли он Авалову. Возможно. Но знаю, что Авалов справлялся обо мне и Погодине у Колзакова и у больного Скорнякова. Скорняков вполне меня одобрил. Думаю, что и Колзаков меня одобрил, он же знал Погодина.

Во всяком случае, нового командира нам не прислали и предоставили нам с Казицким выпутываться самим, и мы в общем неплохо выпутались. Никто мне не поручал командование батареей, кроме Казицкого. Просто я взял власть в свои руки, и все нашли это нормальным, кроме Погодина. Я нечестолюбив и другому бы уступил с радостью, но не Погодину. Если хотели сохранить батарею, то нужно было, чтобы Погодин до нее не касался. Пулеметчику вольноопределяющемуся Вильбуа я сказал, чтобы он стрелял из пулемета, если нужно, не считаясь с Погодиным.

Беря на себя командование в такое исключительно трудное время, я сознавал, что беру на себя крест, может быть, не по силам. Но я считал это моим долгом. Ведь никого другого не было. Несмотря на то что меня все ругали, я все же спас батарею от красных, от Авалова и от Погодина.

ТИХОЕ БЕГСТВО

Считая от Ново-Корсунской станицы, наше отступление превратилось в бегство. Но в медленное бегство. По кубанской грязи не побежишь. Она хватала орудия за колеса и не выпускала их. На колеса наворачивались сплошные грязевые круги. Лошади останавливались от тяжести. Приходилось то и дело очищать колеса, но этого хватало ненадолго. Как назло, начались дожди, и дороги превратились в хляби. Чтобы облегчить повозки, мы мобилизовали другие и разложили грузы. Но это значительно увеличило наш обоз, и все время одна из повозок застревала. Надо было возвращаться и ее вытаскивать. Только эту вытащили, застревала другая, и так все время.

По очереди мы были с Казицким впереди батареи: один узнавал дорогу, другой был в конце колонны. Этому приходилось плохо — он должен был вытаскивать застрявших. Обоз нас очень задерживал. Нужно было самому слезать в грязь, тогда и солдаты слезали выпрягать упавшую лошадь, поднимать ее, снова запрягать. Толкать, тянуть, пихать. Конца этому не было. Люди и лошади так переутомились, что засыпали, лишь только батарея останавливалась. Нужно было все делать самому, тогда и солдаты следовали нехотя примеру.

Погодин на нас дулся и ничем не помогал. Он только к нам обращался, когда застревал его пулемет. Он даже не был способен сам его вызволить. Он стоял в сторонке, ручек не марал и давал непрошенные советы. Убить мало.

Наша дивизия вошла в станицу Дядьковскую. Была ночь и стрельба из пулемета. Почему? Красные? Кубанцы? Мы прошли через станицу, не останавливаясь, и ушли ночевать в станицу Медведковскую. Ночевали очень тесно, чтобы легче собраться при тревоге. На полу хаты раскладывали несколько снопов как постель, два снопа в головы как подушки. Снимали с повозок наших тифозных больных офицеров и ложились с ними рядом. Очевидно, переутомление и напряжение не давали нам с Казицким заразиться тифом.

На следующий день кавалерия, как более легкая, от нас ушла. Сперва мы шли без кавалерии, но с конно-горной. Но у конно-горной орудия были значительно легче наших, и она тоже ушла от нас. Мы шли совершенно одни. Колзаков присылал к нам разведчика, который нам говорил название станицы, где будет ночевать дивизия. Но только раз нам удалось под утро войти в эту станицу и увидеть уходящие полки. Следовать за ними мы не могли. Лошади обессилели.

Цель наша была дойти до реки Кубани и перейти ее раньше красных. После Медведковской мы шли уже одни, очевидно, последние, за нами, вероятно, красные.

Около кузницы стояла тяжелая батарея и ковали лошадей. Нашли время! Мы их предупредили, что мы последние, но они как-то не реагировали. Я залюбовался на их лошадей — тяжелые ардены. Эти крепыши из любой грязи выпрут. Больше мы этой батарее не видели. Неужели из-за легкомыслия попали к красным? У нас было чувство, что красные где-то тут, за плечами, и нас разделяет только грязь.

В станице Ново-Величковской мы так обессилели, что решили ночевать. Станицу прошли и расположились очень тесно в последних хатах. Мы с Казицким обошли всех лошадей и убедились, что подпруги отпущены, что удила вынуты изо рта, что все лошади достаточно напоены и накормлены. Я поставил часового, но сам четыре раза ходил его проверять и все четыре раза находил его спящим. Напряжение было сверх сил человеческих.

Беспокоило нас, что, судя по карте, там, куда мы шли, не было моста через Кубань, но была железная дорога. Стало быть, все же есть мост. Не ведет же нас Барбович в пустое место?!

ПЕРЕУТОМЛЕНИЕ

Под вечер мы пришли в станицу Ново-Мышастовскую. Притащились ценой сверхнапряжения. Кавалерия ушла утром. Мы решили хорошенько накормить лошадей и идти всю ночь без ночевки.

По пути я пробовал запрягать четыре и даже пять выносов (десять лошадей) в орудия. Но пришлось эту систему покинуть и вернуться к основным трем выносам (шесть лошадей). Тянули хорошо на прямой, но при малейшем повороте дороги средняя лошадь падала. Ее внезапно дергало в бок, а ноги удерживала грязь. Орудийный ездовой — это трудное ремесло, не всякий может. Мобилизованные мною казаки этого не могли. Пришлось отставить.

Когда наша колонна остановилась в станице, то вместо отдыха для нас с Казицким началась работа и забота. Обойти всех лошадей, убедиться самому, что железо вынуто изо рта, что подпруги опущены, что есть сено. Через два часа нужно лично убедиться, что лошади напоены, что они получили достаточно ячменя. Все лично, верить никому нельзя — все отупели от усталости. Скажут “слушаюсь” и не исполняют. Нужно найти несколько подвод, чтобы заменить самых слабых лошадей, которые нас в пути все время задерживают. Снимаем с повозок больных и раненых, кормим их, перевязываем, ассистируем при необходимости. Никому поручить нельзя — не сделают. Даже хорошо, что все люди повалились и спят. Пусть немного отдохнут.

Скорняков передал мне деньги, оставшиеся от знаменитой пачки. Покупка фуража происходит следующим образом: обращаюсь к хмурому казаку.

- Мне нужно сена и ячменя для батареи.
- Нема ячменя.
- Слушай, я заплачу деньги. Если же ты откажешь, то будем сами искать и тогда ничего не заплатим.

Казак видит, что мне не до шуток, после некоторых колебаний он соглашается продать. Красные же все равно все отберут.

Я больше забочусь о лошадях, чем о людях. От состояния лошадей зависит наше движение вперед. Мы требуем от лошадей работы, превышающей их силы. Мы задержались дольше двух часов, но зато лошади хорошо накормлены и некоторое время задержек не будет. А через час-другой опять начнутся застревания.

Когда батарея выступила, мы с Казицким вовсе не отдохнули. На этот раз я нахожусь сзади. Я пропустил всю батарею, пересчитал повозки и последовал за последней. Ночь быстро наступала, было почти темно.

Я не заметил, как я крепко заснул, и Дура тоже заснула и остановилась. Не знаю, как долго я спал. Проснулся я от тишины, но проснулся у себя в комнате в Москве, сидя в кожаном кресле. Было совсем темно, кто-то потушил электричество. Должно быть, мать — не хотела меня будить. Очевидно, очень поздно, потому что так тихо, на улице ни звука. Надо идти ложиться спать. А как хорошо сидеть на этом удобном кресле... Я хотел опереться на локотники кресла, но локотников не было. Ничего не понимая, я ощупал сиденье.

Безусловно, это кожа, но вовсе не кресло. В чем дело? Что со мною происходит? Мои пальцы нащупали что-то мохнатое и теплое подо мной, и оно зашевелилось. Я пришел в ужас. Боялся двинуться и ничего не понимал. Вдруг, как молния, проснулось сознание: война... революция... гражданская война... отступление... Кубань... Дура...

Дура тоже проснулась. Кругом нас черная ночь и тишина.

Где батарея? Сколько времени я спал? Не прошли ли мимо меня красные, пока я спал? Где дорога? Ни одной звезды, чтобы ориентироваться, — сплошная чернота. Я слез, надеясь ошупью найти дорогу. Всюду грязь, грязь и только грязь. Тогда я снова сел в седло и тихонько толкнул Дуру. Отпустил ей повод. Она пошла в ночь. Но я был уверен, что она следует за батареей.

Через довольно долгое время я услышал крики вдали -впереди вытаскивали повозку. Наши или красные? Вскоре я догнал колонну в походе. Но спросить боялся, все надеялся, что узнаю голоса. Как на грех, все молчали. Наконец я различил в темноте светлое пятно. В нашем обозе была белая лошадь. Я поднялся выше по колонне и по звуку узнал шум орудий в походе. И тогда осмелился спросить:

— Шакалов, ты тут?

— Здесь, господин поручик.

Я вздохнул с облегчением и спросил, все ли слава Богу.

К СЛАВЯНСКОЙ

Дороги были непроходимы, грязь нас держала, люди и лошади совершенно измучились. Но батарея медленно, постоянно застревая, двигалась вперед. Наконец стало светать.

Слева сбоку к нам подходил разъезд человек в двенадцать всадников.

— Красные, господин поручик.

— Почему ты так думаешь?

— Пик нету, винтовки на изготовку держат и фуражки ихние.

— Верно, пожалуй, ты прав... Эй, ребята, приготовьте-ка винтовки и цельтесь не торопясь. Зря не стрелять.

Пулемет, конечно, куда-то запропастился. Я снял карабин из-за спины и поехал по колонне, приказывая взять винтовки на изготовку.

Разъезд подошел шагов на двести—триста и остановился, видимо, не зная, на что решиться. Я знал, что мои люди, отупевшие от усталости, не окажут сопротивления. Я мог рассчитывать на Казицкого и на двух-трех солдат моего орудия. В лучшем случае наши разбегутся, бросив все. Я заметил, что ездовой третьего орудия сорвал погон.

— Нечего кукситься, не дрейфите, из-за грязи они нас атаковать не смогут. Пойдут шагом, и мы их не спеша всех перестреляем.

Как ни странно, упоминание грязи несколько ободрило наших. Только один солдат третьего орудия схватился за шашку с блестящими глазами.

— Атакуем их, господин поручик!

— По грязи не очень атакуешь, — сказал я ему и улыбнулся. А сам подумал: мы будем трое атаковать — ты, Казицкий и я. Другие не двинутся.

Ситуацию разрешил Байбарак, который все всегда делал не вовремя. Он вдруг запел. Пел он фальшиво, но громко и спел на этот раз очень кстати: не нападают на батарею, люди которой поют, то есть веселы и беззаботны. Разъезд постоял, закинул винтовки за плечи и ушел. А мы были легкой добычей, совершенно измотаны. Но, вероятно, они были тоже измотаны.

Перед нами калмыки прогнали, уходя от красных, бесчисленные стада овец. Овцы истоптали грязь. Образовался как бы матрац, который прогибался, но выдерживал даже орудие. Мы этим воспользовались и продвинулись вперед без застрелываний. Выглянуло солнце, грязь как будто уменьшилась. Часов в двенадцать дня мы догнали нашу конно-горную батарею, которая где-то ночевала. Настроение наше сразу поднялось, мы не были больше одни. Под вечер увидели очертания кавказских гор и с офицерами конно-горной стали вспоминать стихи Лермонтова: “Как-то раз перед толпою соплеменных гор...”

Наконец, недалеко от станицы Славянской мы вышли на шоссе. Подумайте, какая радость — шоссе! Кончилась власть грязи, идем, как по паркету. Мы влились в общую колонну отступающих обозов. Железнодорожный мост был взорван, но все же пройти по нему было возможно. Повозки переходили одна за другой. Справа от шоссе была высокая железнодорожная насыпь. Там за ней шел бой. Была слышна стрельба, и изредка лопались красные шрапнели. Но никто не обращал на это внимания. Наша цель была перейти мост, а он был рядом. Двигались пять шагов, остановка, пять шагов, остановка. Хорошо, что мы не остались ночевать в Ново-Мышастовской. Завтра было бы поздно. Красные вечером займут мост. Как раз в последний момент пришли.

Я был во главе колонны. Я обернулся и увидел, что за мной идут только два выноса моего орудия со спящими ездовыми, а орудия нет и нет за ними батареи. Я разбудил ездовых. Вага отцепилась, и передние выносы ушли, а вся батарея

осталась. Мы рысью вернулись и нашли всю колонну спящей, как в заколдованной сказке. Быстро всех разбудили, нацепили вагу, рысью же пошли к мосту и перешли его без всяких затруднений. Боже! Как мы с Казицким были счастливы. Перешли мост раньше красных. Исполнили то, что от нас требовалось.

Отошли версты три и тут же заночевали. Хоть квартиры были тесные и плохие, спали мы впервые без забот.

РЕКА КУБАНЬ

Но утром мы узнали, что перешли всего только протоку реки Кубани, а самая река впереди. Снова замунили, поседлали, и батарея пошла дальше.

Скоро дошли до Кубани. Тут столпилось масса частей и обозов. Саперы оканчивали чудный широкий понтонный мост.

К моей великой радости, с той стороны реки пришел полковник Шапиловский. Мы пожали руки. Я вкратце рассказал о состоянии батареи. Пошли к повозке Скорнякова. Шапиловский вновь ушел. Мне даже в голову не пришло рапортовать ему. Да и он, видимо, этого от меня не ожидал. Я был счастлив, что наконец появился настоящий командир батареи и вся тяжесть ответственности с меня снимается.

Вскоре после его ухода по колонне стоящих частей передали криком приказание:

— Вторая батарея к переправе через мост.

Мы взяли влево и пошли в поводу. Таким образом, мы перешли первыми только что оконченный мост. Хотя многие части пришли раньше нас. Я шел впереди батареи, Казицкий сзади. Посреди широкого моста я увидел весь наш артиллерийский штаб: Авалов, Колзаков и Шапиловский.

— Ба-та-рея смирно, равнение налево.

Так как Казицкий, единственный офицер, был сзади обоза, то я опустил вторую часть команды, обращенную к офицерам. С рукой у козырька я продолжал идти, думая, что надо скорей освободить мост для прохода следующих частей. Но не так думал наш штаб, то есть Авалов. По колонне передали:

— Поручик Мамонтов, назад.

Я вернулся. Колзаков указал глазами на Авалова.

— Рапортуйте.

Я встал смирно, приложил руку к козырьку.

— Ваше превосходительство, вторая конная генерала Дроздовского батарея прибыла счастливо к переправе через реку Кубань.

И замолк. Опять не знал количества людей и лошадей. Хотел придумать, но были обозы, которые усложняли расчет. Предпочел молчать. Авалов, в отличие от меня, все держал руку у козырька. Оба мы молчали. Наконец, видя, что продолжения не дожидается, сказал:

— Потери?

Я стал перечислять убитых, раненых и больных (но с какого времени?). Авалов с раздражением:

— Я хочу знать, сколько орудий, ящиков и повозок вам пришлось бросить?

Я с недоумением посмотрел на него: ящиков-то и в помине не было.

— Ничего не бросили.

Авалов отмахнулся: врет, мол, поручик. Тут вступился Шапиловский:

— Вторая батарея пришла в полном составе, ваше превосходительство .

Авалов выразил явное недоверие на лице, но Колзаков ему что-то шепнул на ухо. Тогда Авалов внимательно на меня взглянул, протянул руку.

— Спасибо, поручик. Я все люблюсь корнем первого орудия. После такого похода по кубанской грязи лошади в прекрасном состоянии. Откуда вы их достали?

Надо было бы на “спасибо” — “рад стараться” ответить. А я промямлил про корень:

— Не знаю. Они давно в батарее.

В это время вся батарея и обоз прошли мимо нас и шел Казицкий. Я поймал его за рукав и притянул.

— Вот, благодаря ему мы спасли батарею.

Казицкий вспыхнул как мак, Авалов улыбнулся, и нас отпустили с миром.

Очевидно, в других батареях, несмотря на рапорты, на знание количества людей и лошадей, порастеряли орудия, ящики и повозки, даже при наличии полного офицерского состава. Поэтому Авалов не хотел верить, что батарея сдвумя только, и очень юными, офицерами пришла целиком. Очень жаль, что Авалов, прекрасный офицер, своими постоянными придирами достиг того, что мы его избегали, как врага, заранее зная, что будет разнос. Никогда никакой помощи от

него не видели. Это ли цель инспектора артиллерии? Правда, с нас, как с гуся вода, стекали его разносы, но все же...

На той стороне моста нас ждали все наши офицеры. К нашему удивлению, нам устроили что-то вроде овации.

Поздравляли, жали руки, завидовали. Если бы они только знали, какое это было мучение и как мы были счастливы наконец избавиться от этой невыносимой ответственности! Видя, что я какой-то герой, я потребовал:

- Сена и ячменя для Дуры. А для меня чаю и спать, спать и спать.

На следующее утро меня позвал полковник Шапиловский.

— Вы понимаете, здесь много старых офицеров, и я предлагаю вам третье орудие. Не могу вам предложить большего.

- Могу я выбрать, господин полковник?
- Понятно, вы можете выбирать, после того как привели батарею.
- Я выбираю должность второго номера (замкового) в моем орудии.

Замковый почти ничего не делает, сидит и закрыт щитом во время стрельбы.

— Как, должность солдата?

— Да, хочу отдохнуть от ответственности.

Отступление продолжалось, но в лучших условиях для меня и Дуры. То ли грязь подсохла, то ли грунт стал каменистее ближе к горам, но идти стало много легче. Грязь больше не держала колеса орудий и повозок.

Дивизия пошла в большую станицу Крымскую. За станицей начинались горы. Тут, к своему крайнему изумлению, я смог купить в магазине сапожную кожу и недорого. Во всей России магазины пусты, а тут вдруг...

В Крымской чувствовался восток — кипарисы, серп луны между ними и звук зурны. Встречались черкесы.

ПОПЫТКА СОПРОТИВЛЕНИЯ

Из Крымской дивизия пошла опять к реке Кубань. Мы попробовали тащить орудия по грязи дороги, а потом подняли их на полотно железной дороги и пошли по шпалам. Это было очень неприятно. Движение состояло из сплошных толчков, но все же легче, чем по грязи.

Тут-то нас обогнал князь Авалов. Как-то никто его не заметил, кроме меня.

— Батарея, смирно. Равнение налево. Господа офицеры! — гаркнул я, хотя не имел никакого на то права.

— Здорово артиллеристы! — поздоровался Авалов, и мы ответили ему плохо.

Он меня узнал и сделал мне, конечно, какое-то замечание.

— Слушаюсь, ваше превосходительство. Я передам ваше замечание начальнику орудия.

— Как, разве не вы начальник орудия?

— Никак нет. Я на должности замкового номера. Авалов некоторое время смотрел на меня с изумлением, потом поднял руки к небу.

— Какая батарея! Ничего у вас не поймешь. И уехал.

Это был последний раз, что я встретил Авалова. Через несколько дней в станице Натухайской он был убит вместе с Пселом. Граната ударила в хату, где они сидели.

Дивизия пошла опять к реке Кубань. Видимо, пытались организовать фронт по реке. Но боеспособность частей сильно уменьшилась. Настоящий бой был только у станицы Натухайской. Бой долгий, нудный и неудачный. Красные прошли уже к Анапе на нашем фланге.

Я пошел взглянуть на реку Кубань. Шел через камыши. Вдруг наткнулся на совещание кубанских казаков, это был третьеочередной Уманский полк. Все сидели кругом и на меня не обратили внимания. Но от них веяло нарочитой самостийностью, и я поспешил вернуться в батарею.

Дивизия пошла к Новороссийску. Эвакуация была очень плохо организована. Мы сели на пароходы (верней, взобрались) только благодаря энергии полковника Сапегина и нашим карабинам.

КОНЕЦ ДУРЫ

Дура пришла со мной в Новороссийск. Когда я убедился, что взять ее немисливо, я вытащил револьвер. Но я не мог убить Дуру, рука не поднималась. Я отыскал сад с травой и бассейном воды, расседлал, разнуздал, поцеловал ее, закрыл калитку и не оборачиваясь ушел. Мой чудный корень и ездовой Юдин тоже остались там. Седло свое я бросил в Черное море.

КРЫМ

НОВОРОССИЙСК

Новороссийск... При одном имени содрогаюсь. Громадная бухта, цементный завод, горы без всякой растительности и сильный ветер норд-ост. Все серо — цвета цемента.

В этом порту Черного моря закончилось наше отступление от Орла через весь юг Европейской России. Уже давно было известно, что наши войска могут эвакуироваться только из этого порта на Кавказе, чтобы переехать в Крым, который еще держался. Остальная Россия была для нас потеряна.

Это знали... и все же необъятные ангары были набиты невывезенным добром. Ничего для эвакуации не было приготовлено. Дюжина пароходов, уже до отказа набитых частным имуществом, тыловыми учреждениями и беженцами. Лазареты же переполнены ранеными и больными, без всякой надежды на выезд. Измена? Нет, не думаю. Генерал Деникин был хорошим генералом, но, видимо, из рук вон плохим организатором. С эвакуацией он не справился. На бумажных рапортах, вероятно, все обстояло прекрасно.

Обессиленная, усталая и морально подорванная армия дотащилась с таким трудом до Новороссийска, чтобы увидеть переполненные пароходы и забытые народом пристани. Сколько нас пришло? Никто точно не знал. Может быть, и сто тысяч, а может, и двадцать. Русские части лучше сохранились, чем казаки. Большинство казаков потеряли свои части, дисциплину и боеспособность. Потому нашу дивизию расположили фронтом на возвышенностях вокруг города.

Вечером подожгли ангары. Мы наблюдали с горы этот грандиозный пожар. Столб огня, в версту в диаметре, поднимался прямо к небу. На уровне вершин гор схваченный норд-остом дым ломался под прямым углом и уходил в море. Зрелище потрясающее, но жуткое. Ангары горели несколько дней.

Вначале у нас была уверенность в организации эвакуации. Потом появились сомнения и вскоре убеждение, что никто эвакуацией не руководит. За эти несколько дней, что мы были в Новороссийске, пароходы могли бы легко сделать два рейса и, выгрузив беженцев в Керчи, вернуться за нами. Нет, они все стояли почему-то неподвижно, перегруженные народом. Почему? Мы решили поехать и посмотреть сами. Втроем — Мильчев, Астафьев и я — направились в город. Необъятные пристани были буквально забиты повозками, лошадьми и людьми. Пробраться к пароходам было немыслимо. Никто не распоряжался. Пароходы, насколько можно было видеть издали, были набиты людьми впритык. Мы были сильно обеспокоены.

Проезжая мимо горящих ангаров за бетонной стеной, я решил посмотреть, что там. Было место, где люди влезали через стену и возвращались с пакетами. Я отдал Астафьеву держать Дуру и полез за другими. Там были составы вагонов. В одном из первых вагонов было английское обмундирование. В это время

раздались оружейные выстрелы. Нас, мародеров, охватила паника. Я схватил пачку английских штанов и полез обратно. На стене толкались и я едва не выпустил своей добычи. Оказалось, что самое большое английское судно, “Император оф Индией”, стреляло из бухты в направлении Тоннельной, за 18 верст. Стреляло самыми большими орудиями, вероятно шестнадцатидюймовыми. Разрывы были едва слышны. Мы тут же скинули свои старые и вшивые штаны и надели новые. Остальные я раздал людям своего орудия.

Я пошел к Шапиловскому, где застал Колзакова и других полковников. Я рассказал, что мы видели в порту.

— Пароходы переполнены, места больше нет. Никто не распоряжается. Если мы хотим сесть на транспорты, то должны рассчитывать только на самих себя и действовать нужно немедленно. Если мы будем дожидаться распоряжений, мы рискуем остаться у красных.

Мои слова явно обеспокоили полковников, чем я остался доволен. Теперь они что-то предпримут, а не будут сидеть сложа руки и ждать, чтобы кто-то взял их и посадил на пароход.

Питались мы консервами “корнед-биф”, которые кто-то достал так же, как я штаны. Запивали чудным вином, взятым в Абрау-Дюрсо. Интендантство ничего для нашего прихода не приготовило. Оно все бросило и удрало на пароходы. Вот такими тунеядцами и наполнились транспорты. А нам, армии, места нет!

Наконец, утром, на третий день, дивизия пошла в порт. Дорога шла мимо лазарета. Раненые офицеры на костылях умоляли нас взять их с собой, не оставлять красным. Мы прошли молча, потупившись и отвернувшись. Нам было очень совестно, но мы и сами не были уверены, удастся ли нам сесть на пароходы. Столько прошло времени и не эвакуировали раненых офицеров! Грех непростительный. Батарея остановилась на небольшой площади. Полковник Шапиловский приказал:

— Распрячь. Испортить орудия.
Это исполнили молча.

— Расседлайте и разнуздайте. Мы оставляем лошадей.

- Что?! Покинуть лошадей?
- Невозможно будет их взять.
- Может быть, только Дуру и моих коренников?

— Немыслимо. Нету достаточно места для людей. Будет счастье, если нам всем удастся влезть на пароход. Посмотрите на эту толпу.

Я отвел Дуру в большой сад покинутой виллы. Там была трава и неглубокий бассейн с водой. С тяжелым сердцем я присоединился к цепочке наших, которые с седлами на плечах следовали гуськом за полковником Сапегиным. Пройти к пароходу было невозможно из-за толпы. Пришлось идти вдоль горящих ангаров. От них полыхало жаром. Мы прикрывались седлами.

Юдин, ездовой, заступил мне дорогу.

— А коренники?

Что ему сказать? Ведь он их так любит.

— Веди их. Может, все же удастся.

Он повел их за мной. Наконец мы достигли пристани и увидели пароход. Жуткий страх и беспокойство сжали сердце. Конечно, нечего и думать погрузить лошадей. Пароход был маленький, и люди стояли на нем впритык друг к дружке.

— Юдин, оставь коренников. Напрасно тащить их дальше.

— Как, их оставить?

— Ты же сам видишь, что делается.

Юдин разнуздал лошадей, погладил и заплакал. Я отвернулся, чтобы скрыть свои слезы. Он пошел за мной рыдая, потом махнул рукой в направлении парохода и вернулся к своим коренникам. Больше я его не видел.

Мы ждали на пристани около парохода весь день. Настал вечер.

— Я больше не могу никого взять. Нет места, — крикнул в рупор капитан.

У меня тут шестьдесят артиллеристов, — ответил Сапегин. — Вы их всех возьмете, даже если места нет.

— Невозможно. Судно перевернется. Вы же видите.

— Вы нас всех возьмете, — повторил Сапегин очень решительно. — А если места нет, то я его создам.

Он снял свой карабин из-за спины. Сейчас же мы все положили седла и с карабинами в руках сгруппировались вокруг Сапегина, стоявшего на груди мешков. Кругом воцарилось молчание. Защелкали затворы. Несчастный юнкер у схода съезжился. Что он мог сделать?

— Я даю вам три минуты на размышление. Потом я буду стрелять, — очень спокойно, но твердо сказал Сапегин.

Мы бы стали стрелять. Дело шло ведь о жизни и смерти. Кроме того, на пароходе набились всякие тыловики, эгоисты и трусы, из-за которых мы войну проиграли. И эта сволочь хотела уехать, а нас, армию, оставить! Так нет же! Конечно, если были бы войска или раненые, то стрелять не стали бы, но эти тыловые крысы не возбуждали в нас никакого сожаления.

Прошла томительная минута молчания.

- ... Ладно... Возьмем артиллеристов, но без седел и багажа.
- В добрый час... И смотрите без предательства. Я буду следить.
- Артиллеристы, бросьте седла в море... Без колебаний. Я вам приказываю... Но сохраните карабины — они могут вам пригодиться.

Один за другим мы входили на баржу и потом на пароход. Наконец настал мой черед. По доске я добрался до баржи, так наполненной людьми, что пришлось идти по плечам, чтобы попасть на пароход. Там меня подхватили на руки, как пакет, и передавали друг другу. Мелькнула мысль: не сбросят ли они меня в море? Но нет. Меня опустили на палубе у противоположного релинга. Я за него схватился и мог поставить одну ногу на палубу. Для другой места не было. За плечами был карабин и на плече переметные сумы, которые я снял с седла. В это мгновение я был эгоистически счастлив: спасен!!! Или почти... Конечно, ужасно, что столько народу не может уехать и попадут к большевикам. Катастрофа белого движения непоправима. Потеря батареи, Дуры и моих коренников — большое несчастье... Но я на пароходе, и это главное... Я облокотился на поручни и, сдавленный соседями, крепко заснул, стоя на одной ноге.

Сильный военный флот западных держав находился в бухте. Несколько очень крупных английских судов, одно французское, одно итальянское и даже одно американское. Нам казалось, что под охраной столь могучего флота ничего неприятного с нами произойти не может. У этого флота ведь такая могучая артиллерия, и в случае нужды он мог взять свободно десять тысяч человек и даже больше... Он взял пятьсот—восемьсот человек, чтобы сохранить видимость и не очень загрязнить свои светло-серые палубы.

Я спал беспросыпно и без сновидений всю ночь. Утром меня разбудили орудийные выстрелы. Две красные трехдюймовые пушки, очевидно, взвод конной батареи, обстреливали бухту. Конечно, их внимание привлек самый большой дредноут, которому их снаряды никакого вреда причинить не могли. Их притягивала светлая окраска и элегантные формы “Императора оф Индии”. Это было наше счастье, потому что для простых транспортов их снаряды были бы губительны. Но мы были темные, неказистые, и они на нас не обратили внимания.

Снаряды, падая в воду, поднимали высокие столбы воды, как на старинных картинах. Я с интересом наблюдал это зрелище, удивляясь как артиллерист, что они в суда не попадают. Должно быть, страшно волнуются.

Эта стрельба вызвала на нашем пароходе “Аю-Даг” короткую панику среди стиснутых людей. Но властный голос капитана ее успокоил.

— Я прикажу выкидывать за борт всех, кто волнуется. Стойте неподвижно, чтобы пароход не перевернулся.

Палуба была нагружена сверх меры, а трюм недостаточно.

Несколько снарядов упало поблизости “Императора оф Индией”, и, к нашему изумлению, громадный дредноут задымил и пустился наутек, увлекая за собой весь военный флот.

У нас, конечно, нашлись специалисты: - Подождите, они только отходят, чтобы открыть огонь, который опрокинет горы.

Но флот просто и постыдно бежал перед двумя красными трехдюймовками. Два года спустя этот же флот так же бежал перед турецкими пушками Кемаль-Паши.

Это неожиданное бегство посеяло панику среди транспортов. Все подняли якоря. Два пустых транспорта только что вошли в бухту. Они тоже стали заворачивать. Крик отчаяния поднялся из толпы на пристанях. Как живая река, толпа устремилась вдоль берега в направлении Туапсе. Но уже на южной оконечности бухты застрекотал красный пулемет. Дорога на Туапсе была отрезана. По бухте плыли гребные лодки. Некоторые смельчаки пытались добраться до пароходов вплавь.

Наш пароход “Аю-Даг” бежал как другие. Он вел на буксире баржу. Кабель лопнул, и, несмотря на крики людей на барже, он продолжал бегство.

Я думаю, что было бы лучше для нас, если бы интернациональный военный флот вовсе не приходил в Новороссийск. Мы слишком надеялись на его защиту, и его неожиданное бегство посеяло панику среди пароходов. Роль этого могучего флота осталась для меня тайной. Почему он стрелял накануне без всякой видимой надобности по Тоннельной и почему он не стрелял сегодня, когда это было необходимо? Не могу поверить, что флот испугался двух трехдюймовок. Тогда зачем он находился в Новороссийске? Чтобы бежать при первом выстреле и уничтожить легенду “могущества Запада” и у русских красных и белых, и у турок, и у многих других, кто раньше в него верил?

Хороший залп этого флота мог оживить в нас надежду, заставил бы задуматься большевиков и даже мог изменить ход истории. Но, страстно нами ожидаемый, этот залп так и не последовал.

Только один маленький черный миноносец не пустился бежать. Это было единственное русское военное судно. Он вышел на середину бухты и своими пулеметами заставил замолчать красные орудия. Потом прошел к югу и

обстрелял красный пулемет, который преграждал дорогу в Туапсе. Он вернулся в бухту, остановил пустые убегаящие пароходы. Одного пустого заставил взять часть людей с перегруженного парохода, другого направил на Туапсе. Капитаны исполняли его приказание, потому что он был очень решительным.

— Возьмите баржу на буксир, иначе я вас торпедирую.

Одним словом, капитан миноносца внес некоторый порядок в общий ералаш. Мне кажется, он был единственный, который не потерял головы. Другие начальники — а ведь их должно было быть порядочно — никак себя не проявили.

Нам очень повезло — море было спокойное и ни одно из перегруженных судов не опрокинулось.

Впоследствии обвиняли главное командование в том, что оно брало русские части и отказывалось брать казаков. Это не совсем справедливо. Не думаю, чтобы было злое намерение, а просто неспособность. Никто посадкой не руководил. Части садились сами. Те части, которые сохранили дисциплину, могли погрузиться, потому что они представляли силу. Казаки же в большинстве случаев потеряли свои формирования, дисциплину и митинговали. Они явно выразили враждебность главному командованию, и вполне понятно, что командование не желало ввозить заразу в Крым. Теперь это с возмущением отрицается казаками, но тогда было именно так.

Кроме того, не все казаки митинговали, и было немало частей казачьих, переехавших в Крым. Так, наши обе батареи работали в Таврии сперва с Волчьим Кубанским полком. Затем ходили в десант на Кубань с Кубанской первой конной дивизией генерала Бабиева. С донцами мы не работали, но встречались в Крыму. Знаю, что там дрались донцы генерала Фикцелаурова: 5-й Калмыцкий и 18-й Донской полк. Генерал Врангель послал пароход с оружием и вывез с боем интернированных кубанских казаков из Грузии. Это было сделано с риском дипломатических осложнений не только с Грузией, но и с западными державами.

То есть я хочу сказать, что немитингующих казаков брали охотно, а митингующих брать не хотели и правильно делали. В нашей батарее было порядочно линейных кубанских казаков, и все они переехали в Крым и остались в батарее до конца.

Новороссийск был катастрофой белого движения. Мы потеряли громадную, плодородную и густо населенную территорию, весь материал и, вероятно, две трети нашей армии. Сколько офицеров, оставленных в лазаретах, застрелилось? Сколько было расстреляно и сколько утоплено в бухте? В Новороссийске погибли результаты двухгодичной славной борьбы. Союзный флот присутствовал при этом как зритель. Никогда наша армия не переживала такой катастрофы в боях с красными. И вот, эта катастрофа была ей причинена своим

же собственным генеральным штабом. Генерал Деникин должен был отказаться от командования, его принял на себя генерал Врангель.

Мы направились в Крым, чтобы продолжать борьбу с большим опытом и меньшими иллюзиями. Это произошло в конце марта или начале апреля 1920 года.

ФЕОДОСИЯ

“Аю-Даг” шел медленно, подошли к порту Феодосии. Мы были в Крыму.

— Стойте неподвижно, — крикнул капитан. — Не наваливайтесь на один борт. Когда причалим, не бросайтесь, как бараны, а сходите потихоньку. Пароход может опрокинуться даже у пристани. Трюм у нас не нагружен.

Все обошлось благополучно, и мы очутились на пристани.

Меня охватила радость: спасен! Жив! Вот это повезло! Я стал смеяться, петь и почти плясать. Мы слишком долго шли локоть к локтю со смертью, причем все преимущества были на ее стороне. И наконец, мы на какое-то время были в безопасности. *Бе-зо-пас-но-сти*, поймите это! Это может оценить только человек, вышедший из долгой смертельной опасности.

Очень хотелось есть. Мы ничего не ели и не пили в течение двух дней. И это было наше счастье, потому что из-за тесноты на пароходе справлять натуральные потребности было невозможно. Я пошел искать съедобного. Не нашел, но увидел, как казак открыл какую-то банку, высыпал на ладонь белый порошок и взял в рот. Казака перекосило, и он стал плевать. Я взглянул на этикетку: сахарин. Тотчас же купил литровую банку за 200 рублей и позднее в Керчи продал ее за двадцать тысяч, причем вся батарея пользовалась сахарином.

Набережные Феодосии скорей голы, как набережные всех портов мира. Но мне они показались верхом красоты. Этот воробей, как он великолепен. Скачет и чирикает... А это чахлое деревце, какая в нем нежность! Какое счастье ими любоваться, видеть солнце, небо. Ведь мой труп очень просто мог бы гнить где-нибудь на Кубани или в Новороссийске или болтаться в глубине бухты. А я вот тут — молод, здоров и живой. *Живой*. Ха, ха, ха!

Полковник Шапиловский послал меня с двумя солдатами-квартирьерами. Мы пошли через весь город. Я улыбался каждому встречному. Наверное, мои чувства были написаны на моем лице, потому что все встречные мне тоже улыбались. А начальник какого-то обоза, узнав, что мы из Новороссийска, дал нам хлеба и консервов. Мы на них набросились, как голодные, но все же принесли кое-что и в батарею. Нас, квартирьеров, отозвали на вокзал.

Тут мы узнали счастливую новость: у нашей батареи в Крыму были два орудия на фронте. И мой брат был живой и находился с этими орудиями. Слава тебе, Господи. Какая двойная радость!

Это было то орудие, которое обоз отправил с капитаном Ковалевским. Они были отрезаны при отступлении от Дона и усиленными переходами направились в Крым. По дороге они подобрали и запрягли кем-то брошенное орудие, так что получился взвод. Они добрались до города Геническа и ушли на Арбатскую стрелку, где и стояли на фронте.

Александрову тоже удалось выехать из Новороссийска. Люди 7-й батареи были взяты на английский крейсер “Калипсо” в обмен на шампанское, которое 7-я захватила в Абрау-Дюрсо. Александрову позволили перейти в нашу батарею. Он приехал в Керчь двумя днями позднее нас, тотчас же заболел тифом и долго лежал в нашем лазарете. Между прочим, во время отступления брат тоже болел тифом. Его не бросили и возили за батареей. В Керчи я его не застал, он был на Стрелке.

Совершенно случайно в Феодосии я нашел свою тетю Софью Федоровну Тучкову. Она узнала о смерти сына и приехала из Москвы. Мы очень обрадовались друг другу и часто вместе ходили на могилу Мити.

Оказалось, что был проект нас расформировать, потому что после Новороссийска у нас ни лошадей, ни орудий не было. Но существование нашего взвода на фронте изменило положение. Не было больше причины нас расформировывать. Генерал Колзаков обратился к нам с речью, предлагая слиться снова с конно-горной в одну батарею, как раньше. Но мы, вторая конная, решили использовать преимущество, которое нам давало существование взвода на фронте, и под командованием Шапиловского тайно уехали в Керчь. Мне было жаль Колзакова, и я лично готов был согласиться, но большинство офицеров отказались. Вероятно, так было даже лучше, потому что конно-горная очень скоро получила орудия и лошадей. Дивизион был вновь возрожден.

КЕРЧЬ

В Керчи мы нашли наш обоз и хорошо расположились на квартирах. У пролива был бульвар с рестораном. Когда бывали деньги (нечасто), ходили туда, но обычно питались супом из бычков, который вскоре осточертел. Иногда покупали на рынке корзину копченых сельдей. Это было так вкусно, что корзинку съедали враз. Рыбаки рассказывали об обилии рыбы. Иногда весло не падало, воткнутое в стаю проходящей рыбы. Можно было ее черпать ведром.

Над городом находилась гора Митридат, где делали раскопки и находили монеты и всякие предметы, но ходить туда было опасно. Там были катакомбы, в которых скрывались всякие злоумышленники и коммунисты.

После катастрофы Новороссийска генерал Деникин не мог больше оставаться командующим, его сменил генерал Врангель и оказался прекрасным организатором не только в рапортах, а в действительности. В короткий срок из остатков приехавших из Новороссийска он создал сплоченную армию. Провел важные реформы, касающиеся крестьян и земли. Он показал сильную власть. Грабежи в армии почти исчезли, зеленое движение ушло в подполье. Наступил порядок.

Конечно, у нас не было надежд победить большевиков своими силами. Но коммунисты воевали с поляками, и это оттягивало их главные войска. В центральных районах России постоянно возникали крестьянские восстания, особенно сильные около Тамбова. К сожалению, эти восстания происходили, когда наших войск поблизости уже не было и мы им помочь не могли.

Мы все еще надеялись, что западные державы в конце концов прозреют, осознают опасность коммунизма и нам серьезно помогут. Вместо этого они от нас отrekliсь одна за другой. Большевики, прекрасные политики, распознали их слабую сторону и заманивали их интересными концессиями, понятно, если настанет мир. Первыми попались на эту удочку американцы, потом англичане очень наивно предложили нам заключить мир с большевиками! Как будто это было возможно. А когда мы отказались, они нас предали. Только французы нас не предали, но не сумели нам хорошо помочь. Франция сама трещала по швам. Греческие и французские войска, высаженные в Одессе, замитинговали, бежали при первых выстрелах и кинули на произвол судьбы наши добровольческие части. Само собой разумеется, что большевики, достигнув своих целей — чтобы англо-американцы нас покинули, - не дали им никаких концессий.

Но не нужно забывать, что мы были молоды, немного глупы и вовсе не интересовались политикой. То есть мы были прекрасными солдатами. Меня больше интересовало, как портной скроит мне синие штаны, чем иностранная политика. И все же мы еще вели долгую и упорную войну с большевиками, и у нас было несколько крупных успехов.

АРБАТСКАЯ СТРЕЛКА

Наши два орудия занимали любопытный участок фронта - Арбатскую стрелку. Это название нас с братом заинтересовало, так как в Москве мы жили в районе Арбата.

Вся западная сторона Азовского моря представляет из себя почти прямую песчаную косу (волны выкидывают песок на более мелкое место). Коса тянется от города Геническа на 110 верст к югу среди моря и примыкает к Крыму, где татары выстроили когда-то крепость Арабат, которая и дала название стрелке. Ширина стрелки около 100—200 саженьей. Она возвышается над морем на сажень. Справа Азовское море, слева Сиваш, или мертвое море. Около Геническа есть промоина и протока. Вот на промоине-то и находился фронт. Красные занимали Геническ на высоком берегу.

Между Крымом и стрелкой находится Сиваш. Солнце выпаривает воду, и оставшаяся вода очень солонa, ширина Сиваша очень разная, от 3 до 30 верст. Это мелкая вода, по грудь человеку. Но на дне вязкий, толстый слой грязи. При завоевании Крыма наши войска принесли фашины и перешли Сиваш вброд.

Сиваш служит местом добычи соли. Известный участок огораживается грязевой загородкой, чтобы вода не приливалась. Солнце выпаривает воду, и соль сгребают лопатой. Ее складывают на стрелке в громадные “мастаба” (усеченные пирамиды). Тут же хибарки соляных сторожей. Здесь все солонo: воздух, вода в колодце, молоко коров, яйца кур. Выкупаться в Сиваше трудно — не найдешь места окунуться. Когда вылезешь, солнце уже успело осушить тело, и оно все белое — покрыто солью. Каждая царапина жжет. Надо бежать обмыть соль в Азовское море.

К северу стрелка включает в себя два острова и расширяется. Там деревни. В общем, Арбатская стрелка представляет из себя пустыню среди моря. Тут часты миражи. Вы видите вещи, которые видеть не следовало бы. Вдруг дома в полнеба, потом деревья или даже верблюды. Но чаще вы видите какую-то мешанину, не поймешь, что такое.

После хорошего отдыха в Керчи нас, прибывших из Новороссийска, отправили на фронт, чтобы сменить находившихся там. Мы поездом приехали во Владиславовку, где и ночевали. Дальше нужно было ехать на подводах. Утром я пошел осмотреть развалины крепости Арабат. Влез на башню. Крепость запирает стрелку, и, когда глядишь с башни, стрелка уходит прямо в море. Но проследить глазами стрелку невозможно, даже злило. Начинал несколько раз сначала, но успеха не добился.

Меня позвали, наши сидели уже на подводах. Ехали вдоль Сиваша. Смесь песка с солью создает прекрасный твердый грунт, где едешь, как по паркету. Свернешь налево — засосет, направо — зыбучий песок, не проедешь. Очень плохо ночевали в хижине соляного сторожа. Нас мучила жажда. Думали купанием в Азовском море ее облегчить, но стало хуже. Даже лошади отказывались пить воду из колодцев, а люди пили. А местные люди не страдали от солености всего, привыкли.

Все время думаешь о воде. Это превращается в бред. Воду чувствовали, ее видели, ее слышали. И вдруг чудо! На 55-й версте, то есть на самой середине стрелки, там, где до горизонта со всех сторон море, артезианский колодец и вода свежая, холодная, пресная, бьет с силой из завернутой книзу трубы в руку толщиной.

Невозможно описать, какая это радость! И мы, и лошади напились всласть. Тут же на песке появляется трава и растет чахлое деревце. И дальше на север, каждые десять верст есть такой же артезианский колодец, и появляется жизнь и даже деревни.

В одной деревне мне посчастливилось встретить человека, “чающего движение воды”. Я с большим интересом стал его расспрашивать. Он сказал, что просто видит воду, текущую под землей, и даже может примерно определить глубину и количество воды. Когда сверлили артезианские колодцы, то инженеры его всегда спрашивали. К сожалению, подошли наши офицеры и стали шутить над стариком. Тот замолчал, и я не смог уговорить его рассказывать дальше. Очень досадно.

Фронт на стрелке был стабильный. С обеих сторон протоки были вырыты окопы. Фланги были обеспечены морем. Окопы занимали пехотинцы и даже не стреляли. Жили мы в большой деревне. Орудия стояли на постоянной позиции. Запряжки, то есть лошади, стояли неподалеку в конюшнях. Наши подводчики решили отдохнуть денек, раньше чем пускаться в обратный путь, чему я был рад, — мог повидать брата, с которым так давно не виделся и за которого так волновался. Он уезжал с нашими возвращавшимися подводами.

РЫЖАЯ КОБЫЛА

Пока мы были в Керчи, все время велась борьба. В нашей, 2-й конной батарее, были два орудия, а в 7-й конной были лошади и седла. Их обоз тоже отошел в Крым. Инспектор конной артиллерии решил слить обе эти батареи в одну. Вопрос был в том, какую из батарей сохранить. Но все же наше боевое прошлое победило и решили влить 7-ю в нашу. Это на бумаге. На практике получилось иначе. Мы получили прекрасных кабардинских лошадей и седла, а офицеры и солдаты 7-й ушли во вновь формирующуюся 8-ю батарею. Вот бессмысленная деятельность инспекции. Вместо того чтобы слить 7-ю и 8-ю, что прошло бы нормально, решили слить совсем разные — нашу и 7-ю. Мы, конечно, не жаловались, потому что хапнули прекрасных лошадей, но, вероятно, 7-я затаила горечь. Офицеры 7-й на стрелке чуждались наших, и наши чуждались их. Брат не принял участия в этом бойкоте и сдружился с ними, а когда я приехал, ввел меня в их общество. Я у них часто бывал на стрелке. Неудивительно, что, уезжая, они мне сказали:

— Возьмите себе эту рыжую кобылу, это лучшая из наших лошадей.

К стыду своему, не помню ее имени. Да мне и не пришлось на ней долго ездить. Невзрачная с виду, она была хорошей кабардинской породы, резвая и умная. Как доказательство ее ума расскажу случай. Я взял рыжую кобылу к себе, и никто на это не обратил внимания. А я усиленно за ней ухаживал, чтобы она ко мне привыкла. И она, видимо, привыкла. Перед отъездом офицеры 7-й устроили выпивку и, насколько помню, из наших офицеров пригласили одного меня. Я приехал на рыжей кобыле. Меня, конечно, напоили, я плохо стоял на ногах. Возвращаясь, я бросил повод и вцепился в гриву.

— Не бойтесь, она вас довезет, — сказали офицеры 7-й.

Действительно, кобыла шла осторожно, и, когда я сползал, она останавливалась и движением спины меня выпрямляла на седле. По дороге была канава и доска поперек. Идя туда, она перепрыгнула канаву. Но на обратном пути ввиду моего состояния она этого не сделала. Она остановилась, выправила меня в седле, потом быстро, мелкими шажками, перешла по доске и опять меня выправила. Довезла целым до дома. Просто умница. Думаю, что у нее был опыт с ее прежним хозяином.

Итак, я завладел лучшей лошадей. Сперва никто на это не обратил внимания, но вскоре полковник Обозненко, командовавший батареей (Шапиловский остался в Керчи), стал коситься на мою кобылу. И чтобы завладеть ею, он придумал не особенно хороший способ. Даже удивительно со стороны Обозненко, который был, скорее, рыцарем.

Он знал, что я нашел тетку в Феодосии и что я хотел бы повидаться с братом, с которым встретился только мельком. Он отправил меня во Владиславовку к новому инспектору конной артиллерии с каким-то рапортом и с разрешением потом ехать в Феодосию и Керчь... А во время моего отсутствия попросил разрешения ездить на моей кобыле. Я, конечно, с радостью согласился — она будет в хороших руках... Но когда я снова попал в батарею, он отказался мне ее отдать. А я отказался сесть на другую лошадь и ездил в обозе. Но судьба сама разрешила наш спор. Дня через два кобыла была убита в бою, а я получил Андромаху, тоже прекрасную кабардинскую лошадь. Караковую. Вороную с подпалинами, мою самую любимую масть.

МОРСКОЙ БОЙ НА СУШЕ

Фронт на стрелке был неподвижный, к чему мы были непривычны. Мы изнывали от тоски и временами забывали, что находимся на фронте. Чтобы нам это напомнить, у красных был бронированный поезд с великолепной шестидюймовой пушкой. После 5 часов, когда солнце его не слепило, он появлялся на высотах у Геническа и посылал нам несколько снарядов. От Геническа шла ветка железной дороги на самую стрелку, очевидно, для вывоза соли. Наверху, у Геническа, наши трехдюймовки могли его достать только на пределе (8 верст). Но, как я уже говорил, стрельба на пределе и неточна, и портит накатник, и артиллеристы ее не любят. Хорошая стрельба на 3—4 версты. Но бронепоезд крайне редко спускался вниз, где мы могли бы его достать хорошим, средним выстрелом. Так что мы на его стрельбу отвечали молчанием, и это нас злило.

Как-то достали ужаснейший самогон. Сидели и выпивали, морщась и отплевываясь. Вдруг входят два морских офицера.

— Моряки?! Здесь, на стрелке? Какими судьбами?

— Буря выкинула нашу канонерку на песок. Сейчас 5 часов и бронепоезд начнет стрелять по нашему судну.

— И вы оставляете ваше судно без боя?!

— Что вы хотите? У нас две очень устарелые сорокадвух-линейные пушки, которыми до Геническа не достанешь. Если бы бронепоезд спустился на стрелку, тогда да, но...

Мы были выпивши и недавно приехали, то есть полны еще энергии.

— Есть у вас снаряды?

— Да, немного.

— Идем, дадим морской бой бронепоезду!

Быстро влили в моряков по стакану самогона, чтобы поднять их настроение, и с восторгом побежали к судну. Моряки последовали за нами гораздо медленнее. Они ведь знали силу шестидюймовой пушки бронепоезда и бессилие своих орудий. Но они не могли отстать от нас.

Конечно, судно только с натяжкой могло именоваться “военным судном”. Это был старый угольщик небольших размеров. На палубе были привинчены две архаические пушки, почти вышедшие из употребления. А в виде защиты от осколков висели пробковые матрацы, которые оченьгодились.

Моряки только успели объяснить нам употребление орудий, как появился бронепоезд и первый снаряд поднял столб воды и песка. Бронепоезд продолжал обстрел. Снаряды падали вокруг парохода. Видимо, у них не было офицера, иначе стреляли бы лучше.

И вот, ободренный нашим молчанием, бронепоезд стал спускаться вниз. Мы дали ему подойти возможно ближе и потом по команде открыли огонь и выпустили что только могли. Бронепоезд тоже стрелял без перерыва. Это длилось несколько ужасно долгих минут. Пробковые матрацы танцевали все время от ударов в них осколков. Наконец, бронепоезд задымил и отступил довольно быстро. В течение нескольких дней он не показывался. Может быть, мы его и повредили.

Он же нас очень повредил. Когда бой затих, мы пошли осматривать результаты. Вся стрелка кругом была вспахана. Осколки снарядов валялись на палубе. А в боку парохода была дыра. К счастью, стенки были так тонки, что не вызвали разрыва снаряда. Снаряд пробил обе стенки парохода и взорвался в песке за ним. Невольно мы поежились. Повезло.

— Какое счастье, что пароход на мели. Будь мы на воде, мы бы потонули.

Бронепоезд долго оставался наверху. Наконец, убедившись, что снарядов у нас больше нет, он спустился и еще дважды прострелил судно. Снарядов больше не

было, и мы морских боев больше не устраивали. Нам в общем очень повезло, у нас потерь не было.

Но мы не хотели оставить последнего слова за бронепоездом. Пехотинцы нам сказали, что перед их окопами есть большая яма. Ночью мы ее осмотрели и тихонько привезли в яму орудие. Запряжка ушла, а мы по очереди изнывали в яме. Даже встать во весь рост было нельзя, красные были недалеко. Наконец мы дождались. Бронепоезд спустился вниз. Наши его подпустили и пошли обкладывать гранатами. Одновременно издали стало стрелять другое орудие. Хитрость удалась. Бронепоезд спешно отступил, стреляя вдаль. На следующий день бронепоезд влепил в яму с десятков снарядов. Красные все же обнаружили наше укрытие. Но яма была пуста. Ночью мы увезли орудие.

Я не участвовал в обстреле бронепоезда, мое дежурство кончилось накануне. Но издали наблюдал, и думается, что ему порядком досталось. При мне бронепоезд больше вниз не спускался.

ТЫЛЫ

Как я уже говорил, я получил отпуск благодаря своей рыжей кобыле, которой решил завладеть Обозненко. Сперва я явился во Владиславовке к инспектору конной артиллерии, генералу с греческой фамилией, о разное которого я уже говорил. Мне все же очень понравилось, что он, несмотря на мой малый чин, говорил со мной как с равным. Потом на станции я встретил брата и, кроме того, проходящий состав с конно-горной батареей. У них были уже орудия и лошади с седлами. Они шли на фронт на Чонгар.

Я проехал в Феодосию, повидался с теткой и направился в Керчь, где мы провели несколько счастливых недель с братом и Александровым, который оправился от тифа.

Тыл за то время, которое я провел на стрелке, очень изменился, и к лучшему. Врангель оказался прекрасным организатором. Армия быстро восстанавливалась. Уж из одного того, как быстро конно-горная получила орудия, лошадей и седла, можно было заключить, что в тылу порядок. Часто встречались взводы пехоты. Это уже не были растерянные беженцы, прибывшие из Новороссийска, а солдаты. По одному тому, как ровно они несли штыки, было видно, что это хорошая, боевая часть. И в то же время нигде не было видно марширующих полков и батарей. Все делалось скромно, чтобы усыпить бдительность красных. Что и удалось.

Говорили, что выход нашей армии из Крыма в Таврию произошел легко и был неожиданностью для красных.

Армия стала называться Русская армия. Были проведены крестьянские реформы.

БОИ У АГАЙМАНА

Я не участвовал в выходе из Крыма, потому что был в Керчи. Нас с братом послали на фронт. Мы нашли батарею в Таврии, у Агаймана. Я получил Андромаху, очень хорошую кабардинскую кобылу. У Шакалова была совершенно такая же Анафема. Они были сестрами и до того одинаковые, караковые, что мы иногда их путали. Я сейчас же стал заниматься с Андромахой и очень быстро достиг чего хотел: чтобы она от меня не бегала, а ходила за мной, как собака, чтобы стояла неподвижно, пока я сажусь, и чтобы она читала мои мысли.

Я проделал с ней следующий опыт. Когда мы шли походом в колонне, я бросал повод и стремяна и старался не двигаться в седле. Но мысленно обращался к Андромахе:

— Налеву. Налеву. Андромаха, иди налево.

Ей не хотелось покидать других лошадей. Она поворачивала голову налево, и я читал ее мысли:

— Почему ты хочешь, чтобы я шла налево. Там же ничего нет.

Но я настаивал:

— Налеву. Налеву.

Тогда она решалась:

— Хорошо, чтобы тебе сделать удовольствие, пойду налево. И сворачивала.

А я думал:

— Рысью, рысью, Андромаха, рысью.

Она переходила на рысь, несмотря на то что все другие лошади шли шагом. Я уверен, что даже ненароком не наклонялся влево и ее на рысь не подталкивал.

Многие мне не верили. А меня удивляло другое. Как это возможно, что между всадником и лошастью, на которой он постоянно ездит, не возникает мысленного контакта? И ведь это у громадного большинства.

Какая лошадь была у брата, хоть убей не помню. Неужели все тот же Рыцарь? Если бы была какая-нибудь особенная, я, конечно, бы помнил.

В батарее было уже четыре орудия, и вся батарея была верхом. Работали мы с Кубанским Волчьим полком. Они были еще пешими, и мы очень следили за своими лошадьми. Батарея вышла из Крыма через Чонгар.

“Волки” носили низкую папаху из волчьего меха, что придавало им зверский вид. Их побаивались. Но со временем мы убедились, что они стойки в бою, дисциплинированы и на них можно положиться. Никогда недоразумений с ними у нас не было. Недалеко от Агаймана был первый бой по нашем приезде в батарею. Нас атаковала конная бригада “Червонных казаков”. Шагах в трехстах перед батареей была цепь “волков”. При атаке они сбежались в малые группы, очевидно, повзводно, образовали ежа, то есть круг, ошетиленный винтовками. Так что мы могли стрелять в промежутки картечью в атакующих. Красная атака буквально разбилась о твердость и хладнокровие “волков”. Красные кавалеристы крутились вокруг ежей, а “волки” снимали их редкими выстрелами. Мы же косили их картечью. Стрельба была трудная. Надо было хорошо наводить, чтобы не попасть в своих. А это очень трудно при волнении. Красная атака отхлынула. В этом бою был смертельно ранен в живот капитан Скорняков, с которым мы проделали большое отступление.

Сотня “волков” села на лошадей, добытых в этом бою. Вскоре весь полк стал конным.

Был момент, когда я струхнул и искал глазами коновода, который держал Андромаху. Но “волки” не дрогнули. Они действовали без суеты и очень уверенно.

— Мы не стреляем по лошадям, — сказал мне “волк”. — Даем всаднику приблизиться, снимаем его выстрелом и ловим коня. Видите, как просто.

— Просто ли?

С “волками” мы прошли с боями к северу до села Васильевки у Днепровских плавней. Затем повернули налево и пришли в большое село Знаменку, против Никополя.

ПРОТИВ НИКОПОЛЯ

Село Знаменка находится как раз против города Никополя. Здесь нет плавней и крутые берега Днепра подходят близко друг к другу. Боев не было.

Наблюдательный пункт нашей батареи находился на заброшенном пивном заводе. Мы не стреляли. Единственно — мы заставили пароход выкинуться на мель и прострелили его на всякий случай.

Стоянка была спокойная, и Обозненко решил использовать ее для учений. Он предложил мне поселиться с ним вместе. Это было, скорей, неприятно, потому что он был служака и надоедал всякими вопросами. Но отказаться я не мог. Я не ходил на занятия, а завертывался с головой в шинель и делал вид, что сплю. Обозненко ходил из угла в угол. Наконец:

— Сергей Иванович, сколько снарядов у вас в передке?

Из-под шинели, не двигаясь:

— Не знаю, Евгений Николаевич.

— Хм... А сколько...

— Не знаю.

Обозненко уходил. Возвращаясь, он меня спрашивал:

— Вы не были на занятиях?

— Нет, не был.

— Почему?

— Считаю это игрой в солдатики. Все же прекрасно знают свои обязанности. Зачем же их учить тому, что они знают. Когда будет бой, поверьте, я буду на своем месте.

Обозненко не настаивал.

Пошли в Днепровку. Тут было столько вишен, что издали деревья казались красными. Мы только вишнями и питались и набили оскомину. Делали сами вареники и ели со сметаной. Тут мы узнали, что наш дивизион переводят в Первую конную Кубанскую дивизию, которой командовал генерал Бабиев, наш старый знакомый по Северному Кавказу. Он по старой памяти просил дать ему наши обе батареи для десанта на Кубань. Это нам польстило, но и встревожило. Было лестно, что лучший кавалерийский начальник нас ценит, но десант нас вовсе не прельщал. Это последнее дело, там надо победить или умереть. А победить трудно. Были два малых десанта: один на Тамань, другой в Бердянск, и оба неудачно. А умирать вовсе не хотелось. Мы некоторое время ходили без боев вдоль Днепровских плавней, где были расквартированы Кубанские полки. Они все были уже конные и усиленно учились рубке. Но конский состав был неважный.

ДНЕПРОВСКИЕ ПЛАВНИ

Там, где мы стояли, Днепр образует плавни. Высокие берега расходятся на 60 верст и между ними болота, кусты, протоки, песчаные острова. Судходное русло Днепра проходит у того берега.

Тут в XVI столетии образовалось любопытное вольное государство “Запорожской казачьей сечи”. После покорения Крыма Екатерина II упразднила сечь и перевела казаков на Кубань. Кубанские “черноморские” казаки и есть потомки запорожцев.

Первая Кубанская конная дивизия состояла из полков: 1-го Кубанского (Корниловского), 1-го Екатеринодарского, 1-го Уманского и 1-го Запорожского. Казачьих конных батарей при них не было, оттого-то мы к ним и попали.

Мы прошли по селам: Васильевка, Балки, Белозерка, Лепетихи. Но боев не было. Тут нас застал приказ двигаться на Акимовку, маленькую станцию, чтобы грузиться. Поезд довез нас быстро, в одну ночь, до Феодосии.

ДЕСАНТ НА КУБАНЬ

(1 — 19 августа 1920 года)

ПОГРУЗКА

Было начало августа 1920 года. Очень рано. Состав вагонов остановился на запасном пути около моря. Мы были в Феодосии.

Один солдат, из пленных, взятых в Таврии, был из Вятки и никогда моря не видел. Он выглянул из товарного вагона.

— Глядь, речка!

В голосе явное удивление из-за размеров этой речки. Голос из глубины вагона:

— Эх ты, деревня. Это море.

— Море?! — вотяк вылезает из вагона, идет к морю, долго стоит и возвращается. — Воды-то, воды! И вся порченая.

Мы выгрузились, и обе батареи пошли в центр города и там построились на площади. Генерал Врангель сказал нам речь и наградил наш дивизион серебряными трубами на Владимирской ленте. За хорошую работу. (Воображаю, как осеклась инспекция конной артиллерии, которая все время мечтала нас расформировать!) Серебряные трубы мы взяли в Ромнах, а Владимирская флюгарка была у нас спокон веков. Так что это было только подтверждение существующего. После этого мы пошли на пристань и стали грузиться на пароход. Грузились мы на тот же “Аю-Даг”, который привез нас из Новороссийска. Но на этот раз на нем были только наши две батареи и лазарет, так что было просторно.

Очень любопытно грузят лошадей. Лебедка подхватывает лошадь широкой подпругой. С того момента как лошадь теряет почву под ногами, она висит неподвижно, и лебедка переносит ее в трюм. Меня послали с несколькими солдатами в трюм расставлять лошадей. Мы еще расставляли предыдущих, когда нам спустили еще одну. Ее остановили сантиметров на двадцать от пола и она раскачивалась на тросе лебедки. Эта летающая лошадь вызвала враждебность всех лошадей, и, когда, раскачиваясь, она приблизилась к одному ряду лошадей, все как по команде заложили уши и дружно ударили задом. Бедная лошадь отлетела к противоположному ряду, который таким же манером отослал ее обратно. Получилась игра в футбол. Несчастливая лошадь летала во всех направлениях, а мы бегали, стараясь ее избежать. Наконец догадались

крикнуть наверх: “вира”. Лошадь приподняли. Она продолжала беспокоить других лошадей, но была вне досягаемости.

К вечеру все было погружено. Мы трое: брат, Александров и я — пошли ночевать к тете Соне и спали в беседке в саду. Тетя Соня Тучкова объявила нам, что решила ехать в Москву. Она чувствовала себя одинокой. Как мы ее ни отговаривали, она уехала. До Москвы, конечно, не доехала и умерла в тюрьме в Рязани.

Она пошла нас провожать на пристань. К нам подошел полковник Шапиловский. Мы его представили тете.

— Тучкова? Из тех самых?

— Да, из тех самых, бородинских.

Было очевидно, что Шапиловскому это импонировало. Брат этим воспользовался. Он попросился остаться, не идти в десант.

— А как же ваше оружие?

— Вот брат будет им командовать.

— Ну ладно...

Видимо, Шапиловский согласился только из-за присутствия тети Сони. Я был искренне рад за брата. Десант отвратная вещь. Никогда не знаешь, вернешься ли.

С тяжелым сердцем мы простились с тетей Соней, зная, что она идет на верную смерть. Потом с Александровым мы взошли на пароход, и “Аю-Даг” отошел от пристани.

Десант на Кубань был, конечно, тайной. Но все эту тайну знали и о ней говорили. Само собой разумеется, что и красные знали о десанте, и они навезли в Кубань массы войск. Единственное, что удалось сохранить в тайне, — это место высадки.

МОРСКОЙ ПОХОД

Вечером “Аю-Даг” пошел на юг в открытое Черное море. Когда совсем стемнело, мы присоединились к десятку пароходов, которые стояли на одном месте с потушенными огнями. Это был сборный пункт. Сюда шли пароходы из разных портов. В полночь, когда все собрались, пароходы выстроились в кильватерную колонну и пошли на север.

— Не курить и не разговаривать.

Тамань ведь была занята красными, и там, конечно, сидели наблюдатели, а ширина пролива всего восемь верст.

Ночь была темная, безлунная. Пароходы шли очень близко друг за другом. Красные не заметили нашего перехода в Азовское море. Шли мы всю ночь и часть дня и встали на якорь как раз посередине Азовского моря, так что наши суда нельзя было увидеть ни с какого берега.

Во время похода мы занимались стиркой белья упрощенным способом: белье привязывали на канате и волокли за пароходом. Через десять минут белье было сравнительно чисто и все вши погибали. Но некоторые плохо привязывали и теряли все белье.

Наш флот остановился посреди Азовского моря с потушенными котлами, чтобы дымом не выдать своего присутствия. Стояли весь день. Было жарко, и мы стали купаться. Я чуть не утонул по собственной глупости. В разговоре я как-то заявил, что люди прыгают в воду неправильно. Нужно прыгать вниз головой, тогда нельзя разбиться. Мои слова подхватили и обязали меня прыгнуть со шканцев “Аю-Дага”, то есть самого высокого борта. Я по глупости согласился, но когда взглянул вниз со шканцев — дух захватило. Хоть “Аю-Даг” был маленьким пароходом, но на шканцах высота была трехэтажная или даже больше. Кругом собралась публика и даже сестры милосердия. Отказаться было нельзя, и я прыгнул. В воздухе я почувствовал, что меня заносит, и сделал движение поясницей, чтобы выправиться. В это время упал на воду грудью и почувствовал, как в хребте что-то хрустнуло. Я вытянул в воде руки, ожидая, что меня вынесет на поверхность, но поверхности что-то не было. Я открыл глаза. Желтый свет, но поверхности не видно. Очевидно, ушел глубоко. Не попасть бы под пароход. Я заработал руками и, когда воздуха уже больше не было, выскочил на поверхность среди наших купающихся. Но грудь сдавило, как обручем, и я не мог ни вздохнуть, ни позвать на помощь. Я стал медленно погружаться.

— Молодец, все же прыгнул. А небось боязно было? -говорили наши, не замечая, что я тону.

“Как глупо утонуть среди купающихся”, — подумал я.

Вдруг я услышал с радостью, что поручик Ладутко обратил внимание.

— Что с ним? Ему плохо?

Он подхватил меня под руку и подтащил к веревочной лестнице. Как только я за нее схватился, грудь отпустило и я мог вздохнуть всей грудью. Спасен. Но влезть по лестнице я не мог, ноги не действовали. Малая волна меня шлепала о подводный борт, покрытый ракушками, и я весь изрезался о них. Кто-то обратил внимание на кровь. Веревочную лестницу спустили, я поставил на нее ноги, и меня втянули наверх. Пришел доктор, помазал йодом и сказал, что легкий

вывих позвонка. Не болело, но было трудно садиться в седло. Однако я был молод, и организм вскоре все наладил. Ночью мы снялись с якоря и пошли куда-то. Рано утром в тумане мы услышали отдаленную стрельбу. Наши высадились в Приморско-Ахтарской и оттеснили красных. Берег был очень мелкий, и высаживались при помощи мелкосидящих железных барж с мотором. Нас забыли выгрузить, и мы не протестовали, потому что жизнь на “Аю-Даге” была приятная. Но лошади стали страдать от жары и недостатка воды. Тогда генерал Колзаков устроил тарарам, и нас сейчас же выгрузили.

ЕЩЕ МОРСКОЙ БОЙ

Все воинские части пошли уже вперед, но станица была переполнена обозами, беженцами и даже женщинами и детьми. Бог знает, как они сюда попали. Какая глупость — брать беженцев в десант! Они только нас связывали и подвергались напрасно опасности.

Наши обе батареи тотчас по выгрузке запрягли, и они пошли искать Кубанскую дивизию. А меня и нескольких офицеров и солдат оставили, для того чтобы мы нашли повозки, погрузили снаряды и следовали за батареями.

Еще вечером все пароходы и два миноносца, которые нас охраняли, снялись и ушли в Крым. Было тягостное ощущение, что мосты сожжены и отступление нам отрезано.

Утром мы были разбужены взрывами снарядов крупного калибра. Один дом около нас обрушился. Как и следовало ожидать, после ухода миноносцев красный буксир притащил баржу, на которой стояло крупное орудие. Еще было счастье, что у красных не было военного флота. Этот обстрел вызвал панику среди обозов. Никаких войск в Приморско-Ахтарской не осталось. Но мы вспомнили, что при выгрузке видели английское орудие на пристани. Очевидно, оно было привезено именно для такого случая — прихода красных с моря. Несколько офицеров побежали на пристань. В передке были снаряды. На горизонте виден был буксир и баржа. Английская система была нам незнакома, но в принципе все орудия похожи друг на дружку. Мы поставили орудие и направили его, вкопали сошник, открыли затвор и зарядили. А вот произвести выстрел не сумели. Стали дергать за все, что имело вид спуска. Выстрел произошел внезапно: кто-то дернул за настоящий спуск. Первый снаряд был большим недолетом. Пользоваться прицелом мы не умели и потому просто стали поднимать ствол, чтобы увеличить дистанцию. Вскоре так наловчились, что наши гранаты стали падать вокруг баржи, и противники решили уйти от греха. Отмечу, что английская пушка стреляет дальше нашей и для морского боя вполне подходит.

Очень гордые отражением морского нападения, мы вернулись в станицу и нашли ее пустой. Все удрали. Мы едва смогли найти наши повозки, погрузили снаряды и под вечер отправились искать батареи.

ЗА ДИВИЗИЕЙ

Мы были очень беспокойны. Ехали мы маленькой группой на враждебной территории, не зная, куда ехать и где наши, и все время озираясь кругом, нет ли где красного разъезда.

Какие части участвовали в десанте, точно не знаю. Но думаю, что не ошибусь, назвав тех, с которыми мы встречались. Это была конная дивизия генерала Бабиева, четыре полка, и наши две батареи, числом около двух-двух с половиной тысяч шашек, и Константиновское пехотное училище в пятьсот—шестьсот штыков. Это было все. Совершенно недостаточно, чтобы завоевать всю Кубань. Врангель рассчитывал на поголовное восстание казаков, но оно не произошло, так как красные навезли массы войск. Но отношение казаков было к нам доброжелательное, и много добровольцев пополняли ряды наших полков. Командовал десантом генерал Улагай, а фактически генерал Бабиев. Говорили еще про “главные силы генерала Улагая”, которые будто бы пошли вправо и находились в районе станицы Ново-Николаевской. Но это был миф. Никаких главных сил не было, и генерал Улагай спокойно сидел в Крыму. Но “идти к главным силам” было условным кодом и значило: отступить в случае неудачи в плавни через станицу Ново-Нижне-Стеблеевскую. Ведь нельзя было этого сказать просто — красные заняли бы станицу и отрезали нам отступление. Эта тайна была известна одному только Бабиеву, и он ее сохранил. Кроме того, миф о главных силах сослужил нам службу: во-первых, мы сами в них верили, чувствовали, что мы не одни. Главные силы поднимали наш дух. Во-вторых, красные тоже в них поверили и особенно боялись, не находя их нигде и ожидая всюду. Это связывало их действия. Видимо, они были убеждены, что наш десант имеет целью отвлечь их силы, а главные силы тогда-то и высадятся там, где их не ожидают. Этим и объясняется, что красные действовали недостаточно решительно и что мы смогли унести ноги с Кубани. Несмотря на неудачу десанта, мы оттянули громадное количество красных войск на Кубань, и благодаря этому в Таврии у нас был крупный успех: окружение и уничтожение красного конного корпуса Жлобы. В критический момент у красных не было резервов, и Жлоба погиб. Все резервы были на Кубани. За все время десанта мы не слышали других артиллерийских выстрелов, кроме наших, что доказывает, что других войск и не было.

Наша маленькая группа ехала в поисках нашей батареи. Когда совсем стемнело, мы хотели заночевать на каком-то хуторе, но вокруг него лежали многочисленные трупы с погонами. Здесь произошла какая-то трагедия. Это нас испугало, и мы решили продолжать путь всю ночь, и хорошо сделали, потому что утром мы нашли наши батареи, а вечером по той же дороге шли красные. Если бы мы остались ночевать, мы бы к ним попали. Нашли мы обе наши батареи в станице Роговской, отделенной от главной дороги двумя большими прудами. Батареи еще не нашли дивизию, но уже была слышна орудийная стрельба. Мы пошли в этом направлении. Вскоре услышали пулемет, потом отдельные ружейные выстрелы, и наконец шрапнель разорвалась над нашими головами. Мы пришли. Дивизия вела бой у станции Тимашевки. Красные

успели сосредоточить на ней большие силы, и дивизия отходила. Очень может быть, если бы наши две батареи сгрузили с пароходов вовремя, то Тимашевку мы бы взяли.

Мы были рады присоединиться к дивизии. С ней мы чувствовали себя в безопасности. Дивизия пошла опять в станицу Роговскую. Был черед дежурства нашей батареи. Во время похода по колоннам полков передали приказ Бабиева:

— Батарея наметом (галопом) вперед!

Бабиев звал нас для боя.

Мы взяли вправо и пошли галопом вперед. Я отъехал, чтобы взглянуть на батарею. Меня поразило радостное выражение на лицах людей и хорошее состояние лошадей. Я поделился своим наблюдением с капитаном Маловым.

— Идут, как на праздник, а ведь идут в бой.

— Это отдохнувшие нервы. Ты увидишь, что через несколько дней картина будет совершенно другая.

Он был прав.

Настоящего боя не было. Мы стреляли по отходящим красным, привели несколько пленных. Это было все.

Ночевали в станице Роговской. Она имела то преимущество, что соединялась с главной дорогой только узкой дамбой между двух прудов. Было легко ее охранять. На следующий день была дневка. Бабиев сказал нам:

— Отдыхайте хорошенько.

Он никогда зря не говорил. Значение его слов мы поняли потом. Нам предстоял трудный день.

Отправляя нас в десант, Врангель сказал:

— Не оглядывайтесь назад. Идите вперед, прямо на Екатеринодар. Тогда казаки восстанут поголовно.

Очень энергичный приказ. Но мы оглядывались, потому что жить хотелось.

Красные навезли в Кубань массы войск, и поэтому поголовного восстания не произошло. Но казаки встретили нас на этот раз радостно. Они отвели красное господства. От былой враждебности не осталось и следа. Приток добровольцев был непрерывен. Мы вернулись в Крым в большем составе, чем мы из него ушли. И это несмотря на потери.

Место высадки, Приморско-Ахтарская, было хорошо выбрано. С южной стороны примыкали знаменитые Кубанские плавни — приют повстанцев, — которые могли нам служить убежищем в случае чего. С севера шел ряд болотистых озер с двумя только переправами. Одну из этих переправ, в станице Брыньковской, тотчас по выгрузке заняли юнкера Константиновского пехотного училища. Открыта была только юго-восточная граница четырехугольника в 30 верст ширины и в 70 верст длины. Красные расположили войска по всему побережью, ожидая наш десант, но проглядели Приморско-Ахтарскую, несмотря на то что она расположена недалеко от Екатеринодара. Но спохватились и стали стягивать войска отовсюду. Цель Бабиева была разбить подходящие колонны красных, каждую в отдельности, пока они не соединились в крупные силы.

Река Кубань выше станицы Славенской разделяется на два русла, которые оба впадают в Азовское море, но далеко друг от друга. Все громадное пространство между этими руслами и еще дальше на север занято плавнями — болотистой, ненаселенной местностью.

Вот мы опять на Кубани и опять чтобы драться. Для меня это был третий раз, а были у нас офицеры, для которых это был четвертый раз. Мы как-то сроднились с Кубанью.

— Кубань и Дон, — сказал мне старый казак, — хорошо политы человеческой кровью. Все нашествия прошли тут. Потому-то земля наша так плодородна.

Был август 1920 года. Погода была чудная, дождей не помню. Арбузы и дыни созрели и служили нам главным питанием. Они насыщают и утоляют жажду. Даже лошади едят арбузы, но не дыни. Арбузы чудные, огромные, темно-зеленые, а внутри красные, сладкие и холодные. С двумя арбузами в руках невозможно сесть в седло. Один из них падает и разбивается.

ТРУДНЫЙ ДЕНЬ

Началось в полночь.

— Седлать, заамунничивать. Не курить. Не разговаривать и не шуметь.

Это значило, что красные совсем рядом, но не подозревают нашего присутствия. Действительно, как только наша колонна перешла дамбу, мы врезались в красную колонну, которая шла по главной дороге. Крики, выстрелы, пулеметная очередь в полной темноте. Мы приготовились к встрече, а для красных она была неожиданностью. Думаю, что они разбежались, но ничего не видел, хоть батарея была во главе колонны. Был день дежурства нашей батареи.

— Рысью марш!

Мы пересекли дорогу и пошли прямо на север. Долго шли рысью, не обращая внимания на отдельные выстрелы, которые раздавались изредка то справа, то слева. Стало светать.

Мы были далеко к северо-востоку, где нас не ожидали. Перед нами лежала станица Семенцево. Красные войска мирно спали. Мы грубо нарушили их сон. Часть сдалась, а часть побежала. Полки преследовали их в направлении станицы Брюховецкой, там, где мы провели Рождество.

На площади стояла толпа пленных под охраной нескольких казаков и наши две батареи. Мы все легли на землю и заснули. Шли ведь всю ночь.

— По коням! Садись! Рысью ма-арш!

Нас спешно звал Бабиев. Был наш черед дежурства, и наша батарея пошла к Бабиеву. Он стоял за большой скирдой и рассматривал что-то в бинокль.

— Вон там идет сюда красный батальон. Он ничего не подозревает и идет в колонне. Подъезжайте как можно ближе и ахните по ним картечью... Я послал за полками, но мы не можем их дожидаться. Я соберу казаков и атакую их с фланга. Понятно? Хорошо. Идите с Богом.

Мы вышли из-за скирд и пошли, не совсем на красных, в орудийной колонне, то есть орудие за орудием. Красные смотрели на нас с удивлением, но не стреляли. Потом, когда мы оказались на их уровне, то Шапиловский скомандовал:

— Поорудийно направо ма-арш... Галопом ма-арш!

Орудия повернулись, батарея оказалась в развернутом фронте и перешла с рыси в галоп. Тут красные заволновались и стали стрелять. У нас упала лошадь, другая. Но мы были уже совсем близко.

— Налево кругом. С передков. К бою!

После первого нашего выстрела у них произошла неопишуемая паника. Толкаясь и мешая друг другу, они побежали, а наша картечь вырывала дыры в толпе. Справа Бабиев атаковал их своим штабом и двумя десятками казаков. Красные бросили винтовки и сдались. Было их человек шестьсот. Мы взяли в передки и пошли рысью туда же.

Но красные комиссары, придя в себя, увидели, что казаков всего три десятка.

— Товарищи, их немного, — крикнули они. — Возьмите опять винтовки и переколите этих собак!

И двое из них бросились на Бабиева, который выделялся своей фигурой, широкими генеральскими погонами. Кроме того, у него была сухая правая рука от старой раны. Шашку он держал в левой руке, а повод в зубах. Но товарищи

плохо выбрали свою жертву. Хоть левой рукой, но Бабиев прекрасно владел шашкой. В мгновение ока он отразил их штыки и раскроил обоим череп. Остальные замялись.

— Рубите их всех! — закричал Бабиев.

Мы подходили рысью, когда увидели, что что-то там происходит неладное. Без колебания мы быстро снялись и пустили очередь картечи в бушующую толпу, рискуя повредить и своих, но выбирая места, где конных не было. В это время мимо нас прошел на рысях полк и с обнаженными шашками ударил на толпу красных. Мы тотчас же взяли опять в передки, но когда мы пришли на место, то все было кончено. Красных всех порубили.

Бой длился не более 20 минут. Это произошло вокруг отдельно стоящей хаты. Хуторянин осмотрелся с ужасом кругом.

— Господи, что же я буду делать со всеми этими убитыми? Как смогу я жить среди трупов?

И он без шапки пошел прочь от своего хутора. - Вы очень хорошо сделали, что стреляли еще, — сказал нам Бабиев. — Правда, вы нас тоже чуть не угробили, но ваша картечь пришла как раз когда нужно. Это холодит вам кровь — видеть пушки, которые в вас стреляют в упор. Это именно то, что должна, по-моему, делать артиллерия. Стрельба издала не так действенна и много менее впечатляюща... Но не станем терять времени. Нам предстоит еще много дела... По коням! Здесь все кончено.

Он не преувеличивал. Сотни трупов лежали вокруг хутора. И сказать, что несколько десятков минут назад это был целый батальон! Бой был очень недолгий.

Дивизия пошла к западу. Через некоторое время наши дозоры донесли, что по параллельной нам дороге движется красная колонна, всего в версте. Нас разделяло только поле пшеницы.

Мы атаковали эту колонну, и она без особого сопротивления разбежалась. Бой был ничем не интересный. Когда бой кончился, казаки привезли в конногорную тело капитана Барского, того самого, который меня ругал за то, что я напоил его лошадь.

Никто не знал, как он был убит. Он не был обобран. Около двух часов пополудни мы остановились в саду среди степи, чтобы накормить и напоить лошадей: тут был колодец.

ОТРУБЛЕННАЯ ГОЛОВА

Я воспользовался остановкой, чтобы расседлать Андромаху, протереть ей спину соломой и позволить ей повалиться на траве. Сам же я стоял с седлом рядом и прислушивался, готовый вновь поседлать при первом выстреле.

Рядом со мной разговаривала группа казачьих офицеров. Молодой удивлялся.

— Почему среди убитых нет обезглавленных? Можно ли одним ударом отсечь голову? Видишь иногда прекрасные удары: череп рассечен наискось, а вот отрубленных голов я не видел.

Старший офицер объяснил:

— Чтобы отрубить голову, вовсе не надо слишком сильного удара. Это вопрос положения, а не силы. Нужно находиться на том же уровне и рубить горизонтальным ударом.

Если конный противник нагнется, а он всегда нагибается, то горизонтальный удар невозможен. Пехоту же мы рубим сверху вниз... Эх, жаль, если бы подвернулся случай, я бы показал, как рубят голову.

В одном из предыдущих боев мы захватили комиссара. Впопыхах его посадили в пролетку генерала Бабиева, которая случайно проезжала мимо. Посадили и про него забыли. Пролетка служила Бабиеву рабочим кабинетом. На этой остановке Бабиев слез с коня и направился к своей пролетке. Он с удивлением увидел комиссара.

— Кто этот тип и что он делает в моей пролетке?

— Комиссар, ваше превосходительство, — сказал адъютант. — Мы подумали, что вы захотите его допросить.

— Вовсе нет. У меня масса работы. Освободите от него пролетку.

Комиссара любезно попросили слезть и подойти к разговаривавшим офицерам.

— Вот случай, который сам собой напрашивается, — сказал пожилой.

С комиссаром были вежливы, предложили папиросу, стали разговаривать.

Я все еще не верил в исполнение замысла. Но пожилой зашел за спину комиссара и сухим горизонтальным ударом отсек ему голову, которая покатила на траву. Тело стояло долю секунды, потом рухнуло.

Я сделал ошибку. Надо было бы наблюдать, что делается с головой, а меня привлекла его шея. Она была толстая, наверное 42, и вдруг сократилась в кулак, и из нее выперло горло и полилась черная кровь.

Меня стало тошнить, и я поспешил отойти. Все это произошло без всякой злобы, просто как демонстрация хорошего удара.

— Это что, — сказал пожилой. — Вот чтобы разрубить человека от плеча до поясицы нужна сила.

Он вытер шашку об мундир комиссара. Человеческая жизнь ценилась недорого.

ОЛЬГИНСКАЯ

Накормив лошадей, мы двинулись дальше и под вечер пришли в хутор Бутенково. Порядком усталые из-за большого похода и нескольких боев, мы собирались тут заночевать. В Бутенкове красных войск не было, но жители нам рассказали, что в станице Ольгинской, верстах в пятнадцати, красные окружили юнкеров. Бабиев тотчас же принял решение.

— Идем в Ольгинскую и поторопимся. Уже вечерет. Полки пойдут шагом, чтобы кони отдышались для возможной атаки. А вы, батарейцы, идите со мной на рысях.

Мы с Бабиевым и сотней казаков пошли к Ольгинской. Вскоре мы стали слышать выстрелы, а когда подошли к самой станице, увидели красные цепи. Они наступали на станицу и подставляли нам тыл. Видимо, они не подозревали о нашем присутствии.

Все произошло по-бабиевски. Мы развернули фронт двух батарей, подошли вплотную и ахнули картечью. Бабиев атаковал их с фланга. Часть удрала, часть сдалась, а часть была перебита. Их начальники не имели времени очухаться и подать команд к перестроению. Все длилось несколько минут. Конечно, это был опасный блеф, но зато бой был короткий.

С этого конца все было кончено, когда из-за другого конца довольно большой станицы повалила черная масса пехоты с каким-то гомоном.

Мы выпустили в них несколько шрапнелей, которые их не остановили. Странно, пехота не стреляла, а что-то орала. Мы приготовились уже удирать, когда к нам приехал Бабиев.

— Ну, герои, вы, кажется, собираетесь удирать? Не бойтесь — они сдаются. Но, пожалуй, лучше не подпускать их близко к пушкам. Отойдите на этот бугор и держите картечь на всякий случай. Я послал за полками. Уж очень много их сдается сразу. Тысячи три.

Наконец пришли наши полки, и мы снова приняли уверенный вид.

Оказалось, что в Ольгинскую прибежали выжившие в предыдущих боях с криком:

— Белые идут, всех решают.

Они посеяли панику, и, когда раздались наши залпы, красная пехота, мобилизованная, решила сейчас же сдаться. Мы из них сделали полки, и они вполне добросовестно сражались на нашей стороне.

В Ольгинской мы освободили юнкеров Константиновского пехотного училища, которые были при последнем издыхании, без патронов. Мы пришли как раз вовремя. Все падали от усталости, но все же хорошо накормили лошадей, раньше чем заснуть. Я считаю этот день одним из самых трудных во время гражданской войны. Было пять боев и семьдесят, а то и больше верст похода. Андромаха хорошо перенесла трудности.

РАССКАЗ ЮНКЕРА

Наше Константиновское пехотное училище выгрузилось первым в Приморско-Ахтарской, оттеснило красных и после нескольких незначительных стычек заняло станицу Бриньковскую. Наша задача была держать переправу между двумя большими озерами и воспрепятствовать подходу красных частей. Что мы и выполняли. Но красные прошли через Бутенково и нас окружили. Мы потеряли всякую связь и с дивизией Бабиева, и с Приморско-Ахтарской. А главное, у нас стал ощущаться недостаток патронов.

Наконец, видя безнадежность нашего положения, мы пошли к югу, к плавням. Но идти приходилось в сплошном окружении. Мы шли ночью — от бахчи до бахчи. Арбузы спасали нас от голода и, главное, от жажды. Было разрешено стрелять только в упор, чтобы не промахнуться. Приказано было сохранить два патрона, последний для себя. Убитых мы оставляли, но что было ужасно — приходилось пристреливать своих же тяжелораненых.

Наконец мы добрались до станицы Ольгинской и из-за количества раненых и отсутствия патронов не могли двинуться дальше. И никаких сведений о наших. Кругом же красные, которые все больше и больше напирали. Мы выстреливали уже последние патроны.

И вот вчера мы вдруг услышали отдаленный гром. Но небо было чистое. Неужели орудия? Наши? Как их известить? Гром смолк, но через час появился опять и уже ближе. Без всякого сомнения это были орудия. А красные, чувствуя, что мы можем спастись, напирали. Потом опять все смолкло. И вдруг совсем рядом за станицей грохнули залпы, красных охватила паника, и казачий разъезд вошел в станицу. Это было избавление.

КОРРЕСПОНДЕНТ

С нами в десант отправился английский корреспондент. Он хорошо говорил по-русски и был прекрасно снабжен всем нужным и ненужным. У него была чудная кровная лошадь с новым скрипящим седлом, другая лошадь с вьючным

седлом, кожаными чемоданами, служащим и даже с палаткой. Чтобы подчеркнуть свою нейтральность, корреспондент не носил оружия, а только фотоаппарат и бинокль. Он носил даже перчатки и новую английскую форму. На пароходе все хорошо функционировало, но как только спустились на землю, он не мог добиться утром горячей воды, что-бы бриться, и “брекфеста”. Он определился в штаб Бабиева. Но этот штаб был крайне беспокоен. Большинство вещей, которые он с собой привез, оказались ни к чему и только мешали. Палатку только поставили, глядь — штаб снимается и уходит. Палатку надо выучить впопыхах. В одном бою он потерял свою выючную лошадь, в другом исчез его служащий с обоими чемоданами.

Наконец настал день, когда Бабиев повернулся к своему штабу и скомандовал:

— Шашки вон! Пошли в атаку!

Корреспондент был в нерешительности. Но остаться одному было, пожалуй, еще опаснее. Мог ведь появиться, откуда ни возьмись, красный разъезд. Тогда он пришпорил свою лошадь, а лошадь у него была хорошая, она вынесла его далеко вперед, и он оказался среди удиравших красных, которым было плевать на его нейтральность, и они стали гоняться за этим странным всадником. Только быстроте своей кобылы и усилиям Бабиева корреспондент был обязан своей целостью. При этом он потерял бинокль и заменил его револьвером.

Мы все с большим любопытством следили за эволюцией корреспондента. В продолжение нескольких дней я его не видел.

— Что с ним случилось? — спросил я казачьего офицера.

— Он все тут. Но вы его больше не узнаете. Ха, ха, ха. Смотрите, второй в шестом ряду Запорожского полка. Тот, с рыжей бородой, — это он.

— Как? В полку? Как он до этого дошел?

— А он все перепробовал. Если бы можно было уехать, он бы, конечно, уехал. Но сообщения с Крымом нет. У Бабиева в штабе ему не понравилось. Ушел в обоз и там чуть к красным не угодил, все вещи растерял. Тогда он попросился в полк. И в этом он прав — это самое безопасное место... Он исправно несет службу и ничем не отличается от казака.

— А его чудная кобыла и английское седло?

— Кобылу убили, седло он потерял и перчатки больше не носит.

— Вместо “брикфеста” ист кавун, — добавил другой казак. — И больше не брвится. Борода ему к лицу.

Во время драмы с отрубленной головой корреспондента поблизости не было. Сперва он не хотел верить, но ему показали голову. Тогда он воскликнул:

— Почему меня не предупредили, я мог бы сделать хорошую фотографию.

БРЫНЬКОВСКАЯ

Благодаря взятию станицы Ольгинской, которая занимала центральное положение в четырехугольнике между озерами и плавнями, мы смогли восстановить связь с Приморско-Ахтарской, где находились наши обозы, лазареты и патроны. Но красные занимали станицу Брыньковскую между двумя озерами и угрожали нашим флангам и сообщениям.

После дневки в Ольгинской, необходимой для лошадей, дивизия в полночь тихонько направилась к Брыньковской. Обе батареи шли впереди с Бабиевым. Полки следовали. Но на этот раз красные были настороже и встретили нас пулеметным огнем. Была кромешная тьма, и у нас потерь от красного огня не было. Но батарея ничего не видела и не могла стрелять. Кроме того, красные выкопали окопы, что усложняло дело для нашей конницы. Бой затягивался.

Видя, что внезапность не удалась, Бабиев переменял тактику. Тут был небольшой лесок. Бабиев поставил за ним полки и обе батареи так, чтобы скрыть их от красного наблюдателя на очень высокой Брыньковской колокольне. Против окопов он послал пехоту. Думаю, что это были пленные из-под Ольгинской. Хоть мы и были закрыты от глаз красных наблюдателей лесом, но они подозревали наше присутствие там и каждые три минуты посылали нам гранаты, раскидывая их по всем направлениям. Так проходили часы. Этот беспорядочный обстрел нас очень нервировал: не знаешь, куда упадет следующая граната. Трудно переносить обстрел, ничего против не делая. Казаки становились угрюмы.

Были любопытные случаи. Три офицера конно-горной уселись на земле играть в карты. Граната упала как раз на карты, ушла глубоко, потому что стреляли издали и гранаты падали почти вертикально, не дала разрыва, а лишь дымок. Камуфлет! Чертовски повезло!

Мне тоже повезло. Меня вдруг охватило беспокойство. Я поднялся и думал укрыться у орудия, но там все места были уже заняты. Тогда я подошел к передку и прижался к нему со стороны колеса, делая вид, что я что-то ищу на нем. Я не слышал разрыва, очутился на четвереньках, и что-то сильно ударило в затылок. “Убит”, — пронеслось в голове. Осторожно отер лоб и посмотрел на руку — крови нет. Дотронулся со страхом до затылка, ожидая нащупать ужасную рану, — ничего. Тогда, осмелев, стал ворочать головой — ничего. Двигать руками — ничего. Тогда встал и увидел за собой воронку, как раз там, где я раньше сидел. Очевидно, в затылок попал ком земли или ударила подножка колеса, так как при разрыве лошади дернули. Мне очень повезло, что-то меня предупредило об опасности и заставило уйти, когда уже граната летела, то есть в последнюю секунду.

Были и другие подобные случаи, но были и убитые люди и лошади, и это длилось очень, очень долго.

Около трех часов пополудни наша пехота пошла в атаку на окопы, потом повернулась и пустилась бежать. Красные не выдержали, вылезли из окопов и пустились ее преследовать. Наши бежали все резвей к леску. Красные потеряли всякий строй в преследовании. Этого-то и ждал Бабиев. Из-за леска внезапно вылетели наши полки и пустились рубить теперь уже удирающих красных. Сразу с налета полки ворвались в станицу Брыньковскую и даже прошли за нее, всюду рубя растерявшихся красных. Урон был страшный, и победа полной. Мы, батареи, шли за полками на рысях, но не могли за ними угнаться.

Выйдя из-за леска, мы увидели поле, буквально усеянное трупами красных. Было трудно провезти орудие, не раздавив трупа. Казаки отомстили за молчаливые потери за леском. Были прекрасные удары: черепа срезаны блюдцем и открыты, как крышка коробки, которая держалась только на полоске кожи. Понятно было, что в древности делали из черепов кубки, — все это были готовые кубки.

Я шел впереди своего первого орудия, тщательно выбирая дорогу между трупами, чтобы провести батарею, не раздавив их. А сзади меня мои ездовые старались наехать колесом на голову, и она лопалась под колесом, как арбуз. Напрасно я ругался, они божились, что наехали случайно. В конце концов я уехал дальше вперед, чтобы не слышать этого ужасного хруста и отвратительного гогота, когда еще не совсем мертвый красный дергался конвульсивно. В этот момент я ненавидел своих людей. Это были какие-то неандертальцы.

Но странно. Они увидели щенка, выпавшего из мешка зарубленного. Тогда вдруг все разжалобились.

— Нельзя же его здесь оставить. Он ведь погибнет.

Один соскочил и подобрал щенка.

— Осторожно, ты, своими лапищами — он же маленький.

Что это такое? После гогота над дерганьем умирающего? Человек — великая тайна, но и большая сволочь.

Не доходя до Брыньковской, обе батареи остановились. Один солдат, отошедший для натуральной потребности, вернулся бегом.

— Там в двухстах шагах окопы и красные в них.

Полки прошли, не заметив их. Они были уже с той стороны станицы. Никаких наших частей поблизости не было. Мы были сильно обеспокоены. Все же установили орудия и пулеметы и послали разведчиков. Рота красных вышла из окопов и сдалась нам. Нас это вовсе не устраивало. Мы боялись наших

пленных. Батареи беззащитны во время движения. Но мы, конечно, этого не показали. Обращались с ними сурово и повели в станицу. Там, к нашему большому облегчению, стояла на площади большая толпа пленных и несколько казаков их охраняли. Мы сдали им своих пленных, легли на землю и заснули. Но спать долго нам не пришлось. “По коням! Садись. Рысью!” — Бабиев звал нас.

БОЙ У ОЛЬГИНСКОЙ

Мы узнали, что красная кавалерия заняла у нас в тылу Ольгинскую, посеяв панику среди обозов и раненых. Константиновские юнкера храбро оттеснили красных, но нужно было спешно идти им на выручку. Бабиев вернул зарвавшиеся полки. Дивизия собралась и развернутым строем двинулась на Ольгинскую.

Мы прошли мимо красного разъезда, который по ошибке принял нас за своих и так перетрусил, поняв ошибку, что даже не решался удирать, а мялся на месте.

Мы с хода ударили по красной кавалерии. Бой был очень упорный. Наш взвод, два орудия, под начальством капитана Малова, командира взвода, послали на крайний правый фланг. Наших частей с нами не было. Против нас лава красной кавалерии и бронепоезд, который регулярно посылал нам шестидюймовый снаряд с небольшим перелетом, снаряд за снарядом и все по тому же месту. Укороти они на одно деление — и от нашего взвода остались бы рожки да ножки. Тогда я подумал: плохо стреляют без офицера. А сегодня я думаю, что стрелял именно офицер и стрелял очень хорошо. Он, очевидно, нас щадил и стрелял так, чтобы с броневика казалось: все попадания.

Нас беспокоила красная кавалерия. Несмотря на наш огонь, она к нам продвигалась. Малов не отличался ни храбростью, ни хладнокровием. Он посеял у нас панику, вдруг заорав истерическим голосом:

— Назадки! Галопом!

Положение вовсе не было трагическим, и можно бы было отойти и рысью. Но паника заразительна. Мы бросили два лотка со снарядами и поскакали наутек.

В это самое время нам навстречу адъютант Бабиева вел на подмогу наших пленных, которые храбро бежали в бой и отбили красную кавалерию. Мы были очень пристыжены, что бросились бежать слишком рано и без особой надобности.

Все зависит от начальника. С Бабиевым мы были львами, а с Маловым мышами. Я не имел склонности ни к тем, ни к другим, а предпочитал работать под командой Шапиловского, который делал работу хорошо и не очень рисковал.

Бой затягивался. Мы отбили красных, освободили станицу и наши обозы, но не смогли нанести красной коннице решительного поражения. Стало очевидно, что красным удалось сосредоточить большие силы, во много раз превосходящие наши. Под вечер мы находились около Бабиева, когда появился самолет. Мы расстелили простыни на земле, самолет снизился и кинул коробку, в которой был приказ генерала Улагая нашей дивизии присоединяться к главным силам, которые находятся у станицы Ново-Николаевки. Как я уже сказал, это был условный код, который значил: отступить в плавни. Но мы крепко верили в наши “главные силы” и только удивлялись, что не слышим их орудий. (По запискам генерала Врангеля, главные силы действительно были.)

Тут мне пришлось подтянуть моего друга Леню Александрова. После нашего драпа люди были нервны и робки. Вдруг Леня заныл, смотря на самолет:

— Теперь они нас и с воздуха будут бомбардировать.

— Дурак. Самолет наш и привез нам приказание.

Леня на меня очень обиделся, а люди стали улыбаться.

Дивизия ночевала в станице Ольгинской. Раненых и обозы отправили в Приморско-Ахтарскую с приказанием всем обозам из Приморско-Ахтарской идти через плавни на юг по плохой дороге. Чтобы конвоировать раненых и обозы, послали полки из пленных. А чтобы конвоировать этих последних, послали Константиновское училище. Наша жедивизия запаслась патронами, мобилизовала пустые повозки для будущих раненых и приготовилась к труднейшему фланговому маршу. Впрочем, вру. Мы, простые участники, ничего не знали о намерениях Бабиева и спали безмятежно.

ФЛАНГОВЫЙ МАРШ

У нас не было ни календарей, ни часов, мы едва знали, какой месяц. Некоторые даты я узнал много спустя из книг старших генералов, описывавших события, в которых мне пришлось участвовать. Но генералы описывали их в общих чертах, не зная всех деталей, которые пришлось пережить мне. “Конница генерала Бабиева, оттесняя противника, направилась на соединение с главными силами”. Конечно, это верно, но коротко и вовсе не передает те бои, опасности и трудности, с которыми пришлось встретиться нам, простым участникам этого труднейшего похода. А ведь детали составляют всю суть дела.

Чуть стало светать, как мы в глубоком молчании оставили станицу Ольгинскую и направились на юг к плавням, камышам, кустам и высокой нескошенной траве, которая могла скрыть нас от глаз красных. Нам благоприятствовал густой туман, лежащий пластом на земле. В этот день конно-горная была дежурной и ее поставили у начала высоких камышей, чтобы дать пройти всей колонне под ее охраной. Мы же, вторая конная, замыкали колонну наших обозов. Мы уходили из Ольгинской последними.

Верстах в трех перед конно-горной выделялся над туманом красный бронепоезд. Это была заманчивая цель, и конно-горная не выдержала: когда мы, последние в колонне, подошли к ним, они, раньше чем сняться и идти за нами, пустили несколько гранат в бронепоезд. Мы его ясно видели, он стоял на железнодорожной насыпи. А он нас не видел, мы стояли внизу, в полосе тумана. Бронепоезд как бы проснулся, стал отходить и стрелять неизвестно куда. Но это оказалось крупной ошибкой с нашей стороны. Красные прозевали наш уход из Ольгинской, и если бы мы ушли молча, то час-другой нашего ухода не заметили бы. Наши выстрелы их разбудили, и они кинулись нас преследовать и не отставали от нас до самого вечера.

Наши обе батареи шли рысью, чтобы догнать ушедшую колонну, когда на одном повороте среди высоких камышей мы буквально натолкнулись на красный броневик. Завернули мою первую пушку и направили ее в упор на броневик. Но он не двигался, и дверь его была открыта. Тогда несколько храбрецов с карабинами подошли к нему. Броневик был пуст, но все указывало, что он только что оставлен людьми. Обыскали соседние камыши и вытащили трех трясущихся красных. Что с ними сделали, не знаю, потому что батарея пошла дальше догонять колонну.

Дивизия шла сперва на юго-запад и дошла до края плавней, затем повернула и пошла на юго-восток по самому краю плавней. Был сухой период, и берег плавней был крепок, повозки и даже орудия шли по нему хорошо. Вскоре появились красные и обложили нас тесным полукольцом.

Чтобы двигаться вперед, наша колонна должна была отбрасывать красных впереди нас, удерживать напиравших слева и отбиваться от наседавших на хвост колонны. С раннего утра до позднего вечера был один сплошной бой. Мы занимали совсем маленькое пространство, где сейчас находилась колонна, а кругом были красные. Пули летели отовсюду, только не из плавней. Нас иногда скрывал склон почвы к плавням и высокая трава, но не всюду. Не было места в колонне, где бы не жужжали роями пули. Красной артиллерии не помню. Вероятно, красные цепи были так близко к нам, что их артиллерия не могла стрелять. А может быть, я просто забыл. Артиллерист не обращает внимания на снаряды, а боится пуль. Пехота же наоборот.

Так весь день мы шли в тесном окружении. С другим начальником такой поход был бы невозможен, но нас вел Бабиев, и мы ему слепо верили, сжимали зубы и шли. Наши обе батареи были все время заняты — работали челноком. Одна отстреливалась, а другая неслась вперед по самому краю воды, выскакивала в голове колонны и стреляла на картечь. Иногда Бабиев считал обстановку благоприятной для атаки. Тогда сразу отбрасывали красных на версту, и вся колонна спешила на рысях пройти освободившееся пространство без стрельбы. Но вскоре красное кольцо опять сжималось.

Я старался, насколько было возможно, задерживаться в низине или за кустами и проходить как можно быстрее открытые пространства. Вначале боялся очень,

потом страх притупился. Боялся я за себя и за Андромаху. Изредка искал глазами Александрова — цел ли еще. Я был рад, что брат остался в Крыму.

Раза два батарею посылали отстреливаться от напавших сзади. Тогда проходили мимо повозок с ранеными, и они нас спрашивали о положении. Мы делали веселый вид и отводили глаза. Иногда раненые просили их прикончить, чтобы они не попали к красным. Их успокаивали, но старались скорей пройти. Да, лучше быть убитым, чем раненым. С Андромахой мы разделили арбуз — ничего другого не было. В обозе патронов и снарядов становилось все меньше, а раненых все больше.

В ТУПИКЕ

Под вечер болотистый ручей преградил нам дорогу. На той стороне на расстоянии в полверсты находился хутор Кирпили. Через болото на хутор вела дамба-дорога. Кирпили были заняты красными. Мы были зажаты в тупике. С двух сторон болото, а с третьей напирала красные. Положение казалось безвыходным.

Мы находились около Бабиева, когда он отдал приказание есаулу (командиру сотни). К сожалению, фамилию его не запомнил.

— Есаул, вы должны взять Кирпили. Это наше единственное спасение. Не отступайте. Атакуйте по плотине. Бог вам в помощь. Ступайте.

Услыхав этот приказ, я сильно обеспокоился. Атаковать по плотине в полверсты? Верхом? Это же невозможно. Десяток стрелков может защитить дамбу против полка.

Но есаул ответил очень просто:

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

— Чтобы отвлечь их внимание, — продолжал Бабиев, — я сейчас атакую всеми силами. Воспользуйтесь этим моментом.

Есаул повернулся к своим людям — человек пятьдесят всадников — и ровным голосом скомандовал:

— Справа по три, шагом ма-арш!

И они пошли.

Мы же всеми силами атаковали красных перед нами, но не смогли их оттеснить. Поручик Абрамов был ранен около меня. Я помог положить его на повозку. Он схватил мою руку.

— Не бросайте меня красным. Лучше прикончите сейчас.

— Какие глупости. Мы вас возьмем с собой, — сказал я, стараясь говорить веселым голосом, и отвел глаза.

Мы встретились глазами с Александровым и ничего не сказали, но поняли друг друга. Казалось, наступает конец. Вдруг солдат вскрикнул и указал пальцем на Кирпили: на той стороне болота появились всадники. У них был характерный силуэт казаков.

— Наши!!! Кирпили взяты!!! Спасены!

Эти радостные слова повторялись по нашим войскам, как крик победы. Это было даже больше, это было Избавление.

Бабиев тотчас же послал подкрепление есаулу. А мы на рысях пошли по длиннейшей дамбе, чтобы скрыться в Кирпилях.

Идя по узкой плотине, я спрашивал себя, как могли они пройти по ней? Они прошли наметом (галопом) гуськом и атаковали красных среди плетней и домов, то есть в худших условиях для конной атаки. И все же они взяли Кирпили и даже с малыми потерями. Они даже не хвастались, думая, что сделали работу, как всякую другую, а не совершили подвиг.

— Взяли врасплох, — говорили они.

Дивизия быстро втянулась в Кирпили. Теперь нас отделяло от красных широкое болото, и мы могли вздохнуть свободно, по крайней мере на время. Пора было вздохнуть: после целого дня жестоких непрерывных боев снаряды, патроны да и нервы были на исходе. Напряжение в течение дня было чересчур сильно.

КИРПИЛИ

Мы оставались два дня в Кирпилях. Нам было запрещено стрелять, чтобы сохранить снаряды и патроны, которые у нас остались на случай нападения. Но наша батарея стояла на позиции, и всегда при орудиях были дежурные номера и офицер. Другой офицер был на наблюдательном пункте, на стогу сена среди болота, и к нему был протянут телефон.

Не знаю почему и крайне удивляюсь, но красные находились только по ту сторону ручья Кирпили. Они почему-то не пытались зайти с этой стороны ручья. Очевидно, местность им не благоприятствовала (болотистая). Наше молчание придало красным смелости, и они поставили на том берегу открыто батарею и разгуливали целыми формированиями в сомкнутом строю. Какая цель! Но с нашей стороны ни выстрела. Я отношу это к большой дисциплине, которую удалось ввести Бабиеву.

Днем и ночью красные посылали нам гранату каждые десять минут. Гранаты разбрасывали бессистемно, чтобы нельзя было предугадать, куда упадет следующая. Это действует на нервы. Мы разговаривали, шутили, смеялись.

Потом замолкали, прислушивались. Слышен был выстрел, полет снаряда, разрыв. Тогда все опять заговаривали до следующего снаряда.

Я был дежурным у молчаливых орудий. Поручик Арсеньев с наблюдательного пункта попросил меня шепотом по телефону прийти скорей к нему на копну, но без шума. Я почти полз и лег около него на копну. Он приложил палец к губам и протянул мне бинокль. Я обследовал ту сторону, но не нашел ничего особенного. Взглянул на него вопросительно — он указал пальцем вниз копны.

Да, это было редкое зрелище. Тут на маленькой мочажине собрались, вероятно, перед отлетом дупеля, бекасы, кроншнепы и всякие другие кулики и голенастые, которых даже и видеть-то не приходилось. Оба мы были охотниками и долго любовались необычайным зрелищем. Какое преимущество уметь летать. Мы им завидовали. Если бы могли, с какой радостью улетели бы в Крым.

Бабиев чего-то ждал. Местный казак пробрался к нам через болота и сообщил о прибытии наших обозов из Приморско-Ахтарской. Они находились в трех верстах от Кирпилей, но с той стороны, занятой красными. Сидели в камышах и ждали приказаний. Они пришли по малопроезжей дороге через плавни.

Это и была та новость, которую ждал Бабиев. Он послал им сказать, чтобы они на рысях проходили в Кирпили при первом орудийном выстреле. Мы немного подождали, дали казаку добраться до обоза. По данному сигналу наша батарея смела красную батарею, так наивно вставшую на открытую позицию на той стороне ручья. Той же участи подвергся разгуливавший эскадрон. Полки перешли дамбу, ударили по растерявшимся от неожиданности красным и оттеснили их от проселка, ведущего в плавни. А по этой дороге уже нахлестывали бесконечные обозы из Приморско-Ахтарской, а рядом с повозками раненых и патронов бежали бегом солдаты в английском обмундировании, вызывая у нас недоумение. Оказалось, чтобы освободить повозки для раненых, пленным из Ольгинской раздали английское обмундирование. Весь проход наших обозов в Кирпили длился не больше часа. Когда красные наконец опомнились и подтянули резервы, мы были опять в Кирпильях за длинной дамбой. Но теперь у нас были и патроны, и снаряды, и красные должны были держаться поодаль. Мне кажется, что во время этой вылазки у нас не было потерь или самые ничтожные.

Конечно, короткая фраза сообщения: “Конница Бабиева, оттесняя противника, направилась к главным силам”, — очень плохо или, верней, совсем не передавала тот ужас, который мы пережили в этом труднейшем фланговом походе. Мы думали, что находимся теперь недалеко от наших главных сил генерала Улагая, которые будто бы находились в станице Ново-Николаевке, верстах в шестидесяти. Повторяю, как мы думали, потому что никаких “главных сил” в действительности не было. Но мы в них твердо верили, и это нас очень подбодряло.

Дав отдохнуть день обозам, мы пошли в Ново-Николаевку. Как будто красных между Кирпилями и Ново-Николаевкой не было.

НОВО-НИКОЛАЕВКА

Итак, мы направились в станицу Ново-Николаевку. Чтобы улизнуть незаметно от красных, мы выступили среди ночи, в полной темноте. Наши батареи шли впереди, за Бабиевым. Вдруг перед нами заработал пулемет, но сразу смолк. Оказалось, что наша застава Запорожского полка спростонья не разобрала, кто идет.

Несмотря на этот досадный шум, красные наш уход из Кирпилей проспали и во все время длинного и долгого похода нас не преследовали. Это была удача, потому что с нами были бесконечные обозы и охранять их в бою было бы очень трудно. Мы постоянно останавливались и давали обозам подтянуться.

Обозы от нас отделились и пошли направо, вдоль границы плавней, в станицу Ново-Нижне-Стеблеевскую у самых плавней и на реке Кубани. С обозами пошли юнкера Константиновского училища.

Мы же, дивизия Бабиева и ольгинские пленные, пошли прямо на Ново-Николаевку. Шли мы весь день и часть ночи и пришли в станицу примерно к полночи. В станице было много пехоты, и мы заключили, что это-то и есть “наши главные силы” генерала Улагая. Мы прошли до площади, поставили на ней наши орудия, распрягли их и разошлись по квартирам, которые находились довольно далеко от оружейного парка.

Перед тем как ложиться спать, мы разрезали очень большой арбуз. Вот как это делалось. Его разрезали и потом отпускали, и он распускался, как роза. Лучший кусок был тот, к которому прилипла серединка, и каждый хотел им завладеть. В правилах игры можно было хитрить. Когда арбуз отпустили и он развалился, я кинул: “Стреляют!” Все прислушались, и я завладел лучшим куском. Но к моему удивлению, все вскочили и стали пристегивать оружие, потому что в станице действительно стреляли.

Мы бросили арбуз и кинулись к орудиям. Их спешно запрягли. Вестовой протянул мне повод поседланной Андромахи. Как только я получил Андромаху, я перестал бояться. Орудия запрягли, и мы двинулись шагом, чтобы избежать паники, вон из станицы.

Вот что произошло. Наши ездовые с распряженными лошадьми направились к домам, которые им указали квартирьеры, и нашли дворы переполненными спящими солдатами.

— Вы какого полка? — спросили они одного солдата, который не спал.

— 237-го советского, — ответил он.

— А...

Наши ездвые имели присутствие духа уйти не спеша к орудиям и снова их запрячь. Они известили других. Между тем началась стрельба, и обе стороны пустились наутек. Как квартирьеры не заметили неприятельской пехоты?! Конечно, думали о наших “главных силах”, которых не было.

Когда вспоминаю этот эпизод, волосы шевелятся на голове. Очень просто: вошли в забитую неприятелем станицу, пошли на центральную площадь, распрягли там орудия и ушли на квартиры. Нам еще повезло, что мы не потеряли орудий. Нам удалось уйти из станицы, и без потерь. Ночью пули не причиняют много вреда. Проходя мимо нашего дома, я соскочил с Андрوماхи, вошел в дом и взял свой чудный кусок арбуза, и ел его в седле во время отступления. Мы вышли из станицы, отошли немного и остановились. Я лег на землю и держал повод бедной Андрوماхи, которую не поили, не кормили и не расседывали после очень долгого похода.

БОЙ

Бой начался с зарей и вскоре принял нудный, затяжной характер. Станица осталась незанятой, между нами и красными. Бабиев решил этим воспользоваться, чтобы ударить по левому флангу красных. Он взял наши обе батареи и два полка, на рысях прошел по главной улице станицы и свернул вправо, в малую улочку, выходящую из станицы.

Но на этот раз счастье не сопутствовало Бабиеву. Как только мы свернули в улочку направо, пули густыми роями полетели нам навстречу. Внезапность нападения была потеряна. Перед нами, говорили потом казаки, была выстроена батарея из семнадцати пулеметов. Если даже число пулеметов преувеличено, то во всяком случае их было много, а пуль еще больше. Листья лип падали срезанные. Житья от пуль не было. Мы пригнулись к луке и поскакали вперед. Казак, скакавший впереди меня, был убит пулей в лоб, я видел, как что-то брызнуло из головы. Совершенно такой же случай был под Харьковом.

Мы вышли из станицы. Тут была низина, старое русло, которое нас скрыло от глаз противника. Обе батареи тут и затаились, а полки пошли вперед в атаку. Мы были спрятаны от глаз красных, но не от пуль и снарядов. Мы стояли, ничего не делая, не стреляя и не удирая, а просто бессмысленно стояли под сильным огнем и несли потери. Наши многочисленные полковники ушли вперед с казаками и никаких приказаний не отдавали. А старшие офицеры, которые в таких случаях должны взять командование в свои руки, тоже не могли решиться и преступно молчали. Не взял же нас Бабиев с собой для того, чтобы мы молча стояли под огнем? Нам было бы легче переносить обстрел стреляя, чем ничего не делая. Кроме того, стреляя, мы бы сбили несколько пулеметов и облегчили казакам их атаку. Нет, мы ничего не делали, и я уверен, что мы бы так целиком попали к красным в руки, если бы не встретили

случайно Бабиева. Какое-то непонятное оупение нашло на наших командиров, особенно на Обозненко. И все это были опытные и энергичные люди. Очень странно. Некоторым оправданием нашим полковникам служило то, что командиру конно-горной, полковнику Алябьеву, снарядам оторвало ногу. Он попросил генерала Колзакова его прикончить. Колзаков выстрелил с седла и промахнулся.

— Да не нервничай ты, — сказал умирающий, — слезь и прикончи меня.

Что тот и сделал.

У нас на батарее были потери и в лошадях, и в запряжках, особенно в моем орудии. Одна лошадь падала убитая, мы ее выпрягали и впрягали другую на ее место, но и эта внезапно падала на землю. Просто руки опускались. В моем орудии было убито три лошади и две ранены. И заменить их было уже нечем. Были потери в лошадях и людях в обеих батареях.

Оба наши взводные командира, Малов и Пташников, не отличались мужеством и самым простым образом удрали. Я обратился к Обозненко, старшему офицеру батареи.

— Евгений Николаевич, не находите ли вы, что глупо стоять так под обстрелом, ничего не делая? Дайте приказание стрелять или удирать.

— Совершенно с вами согласен, — ответил он. — Но все наши полковники должны отдавать приказания, а они молчат. Кажется, все потеряли головы.

— Тем более, возьмите ситуацию в свои руки и прикажите что-нибудь.

В это время в моей запряжке убили еще лошадь, я отвлекся от Обозненко и не убедил его действовать.

Должен отметить двух храбрецов. Первым был фельдшер Гюльногов, который, не обращая внимания на гранаты и пули, переносил раненых и перевязывал их как ни в чем не бывало. Благодаря его хладнокровию все раненые были вывезены. Подозреваю, что чувство страха у него было атрофировано. Может ведь статья. Другой был поручик Арсеньев, тот, который хотел смирить сумасшедшую старуху в Изюме и который позвал меня на копну смотреть голенастых птиц. Он, очевидно, боялся, как и все мы, но силой воли заставлял себя ходить не спеша взад и вперед, посвистывая.

Я же боялся ужасно. Я лег на землю и старался в нее вдавиться. Поручик Высевка был ранен в пятнадцати шагах передо мной. Мне стоило громадного усилия воли подняться и к нему подойти. Земля притягивала меня, как магнит, и мне трудно было пройти эти несколько шагов, чтобы опять не лечь. Изредка я бросал взгляд на Александрова и Андромаху, чтобы убедиться, что они еще целы.

Наши полки вернулись из неудачной атаки и прошли мимо нас. Они должны были понести большие потери, и, вероятно, все убитые и раненые остались там, у красных. Мимо нас раненых не провозили.

А мы продолжали стоять, дожидаясь приказа, который так и не последовал. Так бы батареи и попали в руки красным по какому-то затемнению умов. Но на наше счастье, появился отступающий Бабиев.

— Вы что тут делаете? Удирайте, и живо. Красные идут сюда.

Если это говорил Бабиев, ему можно было верить, он не был паникером.

ЗАСТРЯЛИ

Конно-горная ушла по той же улице, по которой мы пришли, а наша батарея взяла влево и в поводу, чтобы избежать паники, пошла по следующей, более широкой улице. На повороте мое орудие, запряженное только тремя лошадьми, — остальные были убиты — взяло неправильно поворот и колесо передка уткнулось в земляную изгородь. Лошади рванули, колесо передка перевалило через изгородь, но зато колесо орудия прочно заклинилось в углу изгороди. Ни взад, ни вперед, ни даже отцепить орудие от передка невозможно. Лошади тянут, люди толкают — и ни с места. А ценные минуты проходят. Кругом подозрительно тихо. Кругом никого. Батарея ушла. Красные должны вот-вот появиться.

Черт побери эту треклятую пушку. Мы не будем рисковать нашими жизнями из-за нее. Мы легко найдем другую. Я отдал приказ моим людям, или, верней, тем, которые со мной остались у орудия. Некоторые, в том числе Александров, удрали. Распрячь, снять затвор и прицел и собраться за угловым домом на главной улице, в ста саженьях. Убедившись, что все исполнено, я побежал туда же. Там я застал моих людей, Арсеньева и Обозненко.

— Господин полковник, орудие безнадежно заклинилось. Разрешите его бросить, чтобы не рисковать людьми?

Но Обозненко был старой школы. Для него орудие представляло знамя.

— Нет, нет и нет! Нужно его вызволить во что бы то ни стало!

Мы опять взяли лошадей и побежали к орудью. Арсеньев, силач, присоединился к нам. Обозненко вернулся к остальной батарее.

Кругом никого, зловещая тишина. Кое-как прицепили лошадей, пихали, тянули, напрягались сверх сил. И вот орудие тронулось и пошло. Мы вскочили на коней и пошли рысью. Завернули за угловой дом. Наших видно не было. Постромки были перепутаны. Две прицеплены на тот же крючок, одна обвилась вокруг ноги лошади. Но останавливаться было слишком опасно. Мы шли дальше

рысью. Я убежден, что красная пехота занялась грабежом убитых и раненых казаков и дала нам время увести оружие.

Наконец мы увидели цепь пехоты, идущей нам навстречу. Они были в английском обмундировании — наши пленные из-под Ольгинской.

— Наконец-то, вот наши.

Как только мы прошли цепь пехоты, мы спрыгнули и распутали построшки. Это потребовало всего полминуты. Опять сели и пошли дальше рысью.

Арсеньев сказал мне:

— У этой пехоты странный вид.

Действительно, хоть все мое внимание было обращено на построшки, я заметил, что один пехотинец чертил вокруг себя круги штыком по земле. Так не идут в бой. У нас было чувство, что они нам смотрят в спину. Наконец поворот улицы скрыл нас от их глаз. Мы перешли на шаг.

Вдруг откуда ни возьмись появился капитан Малов, удравший во время обстрела. Рубашка его была залита кровью.

— Саша, ты ранен?

— Нет, это кровь лошади.

Он сконфуженно сел на лафет.

Злые языки (Лукьянов) уверяли, что Малов так перетрусил, что залез в развороченный снарядом труп лошади и пролежал там все время боя.

Казачий пост направил на нас винтовки.

— Стойте! Кто вы такие?

— Артиллеристы, черт вас побери. Опустите винтовки.

— Откуда вы идете?

— Вы же видите, что мы идем из станицы.

— Станица занята красными.

— Вовсе нет, мы только что повстречались с нашей пехотой.

— Она уже больше не наша. Они перебили офицеров и перешли к красным.

Вот тогда я действительно испугался. Раньше все мое внимание было поглощено орудием и не было времени сообразить положение. Почему они нас пропустили? Не убили или не забрали в плен? Приведенное орудие доставило бы им похвалу красных.

Я думаю, что все зависело от психологического момента. Мы не сомневались, что они наши, и не уделили им никакого внимания. Если бы мы показали страх или недоверие, они бы нас перестреляли. Русский мужик тугодум, ему надо сообразить дело, а мы не стали дожидаться. Не думаю, что красные встретили их радостно, — они ведь дрались против них, — тем более что они были в английской форме.

Сейчас же по нашем выходе из станицы завязался бой. Батарея очень поскромнела после пережитых треволнений. Мы стреляли под командой Шапиловского.

Появился Бабиев и приказал:

— Выезжайте вперед и жахните картечью.

Мы переглянулись. Выехали не совсем вперед и стреляли шрапнелью, а не картечью. Даже обрадовались, когда вышли все снаряды и нас отправили в тыл, в станицу Ново-Нижне-Стеблеевскую. Неудача нашего последнего боя решила участь десанта. Мы уходили в плавни. Судя по карте, станица Ново-Нижне-Стеблеевская находилась на северной ветке реки Кубани и от нее шла вдоль реки дорога-дамба до самого моря.

НОВО-НИЖНЕ-СТЕБЛЕЕВСКАЯ

Река Кубань раздваивается. Одна ветка впадает в Азовское море у Темрюка, другая много северней у Ачуева. Все пространство между этими двумя ветками и много на север занято плавнями. Примерно, 100 на 70 верст. Плавни необитаемы. Станица Ново-Нижне-Стеблеевская стоит на северной ветке реки Кубани и на границе плавней. Река углублена, и земля выброшена на правый берег. Образовалась дамба-дорога до самого моря, которая не заливается даже в дождливый период. После неудачи у Ново-Николаевки нам предстояло уйти к морю по этой дороге. Наши обозы стояли в Ново-Нижне-Стеблеевской.

Расстреляв все снаряды, наша батарея шла в эту станицу. По дороге были отдельные хаты. Мы зашли в одну из них, чтобы поесть. Крестьянка подтвердила, что вдоль Кубани идет хорошая дорога до моря.

— Но это вам ни к чему не послужит, — спокойно добавила она. — Сегодня утром красные заняли станицу.

Мы подскочили и с большим беспокойством направились дальше. Мы уже достигли первых домов станицы, когда вокруг нас стали разрываться

сорокавосемилейные снаряды. На батарее был момент паники и растерянности, но какой-то офицер громким голосом объявил:

— Мост и выход на дамбу в наших руках. Идите на мост. Обстрел тут же кончился, и наша батарея перешла мост через небольшую речку и пошла по дамбе уже в самых плавнях. Все вздохнули с облегчением и переглянулись со счастливой улыбкой: уф! Спасены.

Никто из нас не знал, куда мы идем и что с нами будет. Но сейчас мы чувствовали себя в безопасности. Не стреляли, и красных кругом не было. Капитан Кузьмин, офицер нашей батареи, рассказал нам, что случилось в Ново-Нижне-Стеблеевской.

— Наши обозы расположились в станице, когда сегодня утром приплыли на барже красные. Батальон с одной мортирой. Это было неожиданно, и они легко заняли почти всю станицу. Но, к счастью, с нами были юнкера Константиновского училища. Они организовали сопротивление. Их начальник мобилизовал в обозах всех способных носить оружие, и красных отбросили в южную часть станицы. Я тоже явился верхом, и меня как единственного всадника послали в разведку. Стрельба стихла. Я осторожно пошел по главной улице. У поворота я остановился, идти дальше боялся. Случайно взглянул налево за плетень и обмер. Там лежало семь красных стрелков. Я стал было заворачивать коня, как заметил, что один из них поднял голову, взглянул на меня и опять опустил голову. Определенно, они меня боялись. Тогда я грозным голосом: “Сдавайтесь!” Один поднялся на колени и поднял руки в знак сдачи.

—А что же другие?

— Я сам их ужасно боялся. У них семь винтовок, а у меня один револьвер. Шестеро из них были убиты: прошла очередь пулеметного огня. Один остался жив. Тут я приосанился, велел своему пленнику собрать все винтовки и привел его к нашему начальнику, который меня похвалил. Пленный рассказал, что знал. Я же увидал нашу батарею и потихоньку сбег и присоединился к своим. А то, чего доброго, пошлют еще в разведку. Раз сошло, а другой раз может ведь и боком выйти.

В ПЛАВНЯХ

Батарея двигалась не спеша по дамбе-дороге в плавнях, и мы были счастливы. Нам удалось вырваться от красных, кругом тишина, не стреляют и, главное, безопасность. Это было очень приятно. Этого чувства мы были давно лишены.

Плавни были особым миром. Это не лес, но отдельные развесистые деревья. Всюду камыши выше человеческого роста. Был сухой период. Когда идут дожди, все залито водой. Река Кубань, верней ее северная ветвь, неширока - всего саженой двадцать-двадцать пять, но глубока и с сильным течением. Говорят, в плавнях много дичи: медведи, кабаны, рыси и даже встречается

олень. Громадное количество водоплавающей птицы. Над нами часто пролетали утки. Было легко заблудиться в камышах, которые начинались сейчас же около дороги. Тут наблюдался любопытный акустический феномен. Стоит немного углубиться в камыши — и не знаешь, с какой стороны доносятся звуки двигающейся колонны.

Сейчас же возникла проблема питания. В особенности для лошадей. Трава росла только на дамбе, а среди камышей ее не было. Люди как-нибудь обойдутся, подтянут ремни, а вот лошади должны есть, чтобы работать. Наши обозы, конечно, не догадались отправить баржу с ячменем вниз по течению, даже баржа с арбузами облегчила бы наше положение. Досадно думать, что обозники живут неплохо, но не могут додуматься, что надо заботиться о войсках. Ни интендантство, ни обозы никогда ничего в этом смысле не сделали, и почему-то это считают нормальным. От них не ожидают и не требуют. А нужно требовать, ведь они для того и созданы. Было досадно думать, что хороших организаторов так мало, а тупиц сколько угодно.

Где только на дамбе я видел хорошую траву, я останавливался, чтобы Андромаха могла попасться, а потом догонял батарею. Хорошо, это Андромаха, а все другие лошади моего орудия и батареи? Они не ели с выхода из Кирпилей, уже два дня. Колонна остановилась и ночевала на дамбе. Был конец августа, и было тепло. Я расседлал и разнуздal Андромаху, но держал повод в руке, чтобы она не ушла в камыши, где ее трудно будет найти. Каждые полчаса я просыпался и менял место, чтобы Андромаха нашла новую траву.

Тут на водопое утонула упряжная лошадь моего орудия. Берега дамбы были крутые. Лошадь соскользнула, скрылась под водой и больше не появилась. Никогда не думал, что лошадь может так легко утонуть. Правда, она была некормлена, непоена и очень устала, но все же удивительно. Или вода попала в уши, или холодная вода вызвала удар. Я приказал поить лошадей из ведра, чтобы и с другими не случилось того же.

Под вечер следующего дня мы достигли устья Кубани у моря. Тут, по счастливой случайности, находился пост Ачуев, который состоял из ангара со строительным материалом. Так что мы могли построить мосток для пешеходов и маленький плот, на котором переправили все орудия и повозки. Этот строительный материал оказался тут так неожиданно, что мы говорили, что Николай Угодник его тут устроил, чтобы нас спасти. Лошадей переправили вплавь в сопровождении нескольких лодок. Несмотря на крутые берега и сильное течение, все обошлось благополучно. Когда был готов плот, я сделал глупость переехать со своей пушкой на ту сторону для пробы плота. Орудие прикрутили к плоту и тянули его сперва с мостика, а потом с той стороны. Ну и натерпелся я страху! Плот был слишком мал для тяжелого орудия и грозил ежесекундно опрокинуться. Конечно, я не смог бы плыть в шинели, сапогах, с шашкой, револьвером и карабином. Я был счастлив, когда мы наконец причалили к другому берегу. Несмотря на шаткость плота, на нем переправили всю артиллерию и все повозки.

НА БЕРЕГУ МОРЯ

Передок и орудие были переправлены, и все мои люди и лошади находились на южной стороне реки. Полковник Шапиловский, чтобы избежать толкучки, приказал мне запрячь мое орудие и идти по пляжу. Там, верстах в трех, квартирьеры укажут пляж для батареи. Орудия будут подходить по мере переправы. Таким образом, мы пошли первыми и шли совершенно одни по пляжу плавней, где, вероятно, редко ступала нога человека. Была ночь, и светил месяц. Слева шелестели камыши плавней, а справа малые волны шептали о песок. Кругом тишина и таинственность. Это составляло такой приятный контраст с трескотней пулеметов и громом разрывов. Мы шли как зачарованные. Я обернулся в седле.

—Как хорошо-то.

—Да, хорошо и так тихо.

Я уже знал по опыту Арбатской стрелки, что на пляже есть твердая полоса песка, где орудие идет, как по паркету. Свернешь направо — мокрый песок затянет, свернешь налево — по рыхлому песку не проедешь.

Тишина и равномерный шепот волн нас убаюкали, и мы заснули. Я проснулся оттого, что Андромаха остановилась. Я повернулся в седле и ахнул. Лошади и люди — все спали, а орудие, приблизившееся к воде, уходило на глазах в песок. Я быстро всех разбудил, мы кинулись вытягивать орудие. Лошади тянули, мы пихали и выгребали песок. Но все наши усилия ни к чему не приводили. Орудие только перестало углубляться в песок. Одно колесо ушло до оси. Песок не хотел отдавать нам орудие.

— Все вместе, наддадим еще раз. Эх, ухнем! Каким-то чудом орудие высвободилось и встало на твердый песок. Мы стояли кругом, переглядываясь.

—Это морской царь хотел взять наше орудие.

—Ты уж не серчай, морской царь, а пушка нам будет еще нужна.

Никто не улыбнулся. Была ночь, луна и таинственность.

— Странно, — подумал я. — В Ново-Николаевке орудие заклинилось и, видимо, хотело там остаться. На плоту чуть не перевернулось, и тут ушло в песок. Неспроста это.

Вся дивизия расположилась на пляже. Было неплохо, но голодно, и нас мучила жажда. Пробовали пить морскую воду, но без успеха.

Утром нас разбудил красный самолет. Он прилетал часто и всегда бросал бомбы. Но в те времена и самолеты и бомбы были паршивые. Прилетал он раз пять, и только одна бомба попала на пляж и кого-то ранила. Мы стреляли по

нему из винтовок. Но тут нужно знать, что целить следует много вперед и выше самолета. Кто этого не знал, стрелял впустую.

С Александровым мы собрали все фляжки, взяли парусиновое ведро и поехали на реку Кубань. Говорили, что тот берег занят красными, но мы никого не видели.

Наши лошади, почуяв пресную воду, буквально взбесились. Рвались к воде. Пустить их нельзя — свалятся с крутого берега и течение их унесет. Тут мне пригодился мой опыт коновода. Я их держал, пока Александров черпал ведром воду. Надо было сперва напоить лошадей, и только после этого мы смогли сами напиться. На обратном пути надо было защищать фляги от жаждущих казаков.

— Да езжайте сами по воду, красных там нема.

Я послал номеров и ездовых на Кубань поить лошадей. По их благополучному возвращению и другие орудия пошли поить, а глядя на нас, повели поить и конно-горная, и полки.

В КЕРЧЬ

На третий день пребывания нашего на пляже за нами пришли пароходы. Мы ввезли повозки просто в воду и из них сделали пристань. Плоскодонные баржи перевезли нас, лошадей, орудия и повозки на пароходы. Прилетел опять самолет, его пять бомб упали между пароходами в воду. Опять на пароходах не было предвидено ни еды для людей, ни фуража для лошадей. Повесить бы каждого десятого интенданта! Матросы дали нам половину своего супа, который мы с жадностью проглотили. Конечно, на всех было мало. Но как он нам показался вкусен!! И все же мы были счастливы. Отбрыкались. Десант кончился, мы остались живы и даже смогли вернуться в большем числе, чем пришли.

Десант был неудачен. Казаки не поднялись поголовно, потому что красные навезли массы войск. Но казаки встретили нас как освободителей и многие к нам присоединились. Нас было слишком мало, чтобы завоевать всю Кубань. Против нас были втрое сильнейшие красные войска. Выбрались мы только благодаря Бабиеву. Десант ужасная вещь, Боже сохрани от десанта. Считаю, что нам повезло, что мы вернулись.

Я лег на палубе и крепко заснул. Проснулся я уже в Керчи. Пароход стоял у пристани. Меня послали в трюм разгружать лошадей.

Брат был в обозе в Керчи. Он очень беспокоился обо мне. Слухи ходили самые фантастичные. Он пришел на пароход. Снизу из трюма я услышал его голос, спрашивавший обо мне. Я поднялся на палубу. Мы улыбнулись друг другу.

— Ну, как было?

—Ужасно. Мы едва вырвались.

—А Андромаха?

— Было очень трудно для нее, но она все хорошо перенесла.

Я снова спустился в трюм доканчивать выгрузку лошадей. Было чувство счастливой усталости. Все же отбрыкались, остались живы.

Хоть десант на Кубань был неудачный, но мы отвлекли на Кубань много красных сил и дали возможность нашим в Таврии окружить и уничтожить конный корпус Жлобы (18 и 19 июня 1920 г.). В нужный момент у красных не оказалось резервов — все были на Кубани.

ТАВРИЯ

ПРОИГРЫШ

Вернувшись из десанта, обе батареи пробыли недели две в Керчи. Коновязи и орудейные парки были на большом дворе школы. Обозненко придумал устраивать там занятия с солдатами. Я на занятиях регулярно отсутствовал, и мой плохой пример заразил других офицеров. Брат играл в карты где-то в городе, и играл довольно счастливо. Когда он был в выигрыше, мы шли ужинать в приморский ресторан.

В Керчи нам выдали жалованье. Я получил что-то около трех тысяч рублей. Офицеры тотчас же стали играть. Я в карты не играл, но в этот раз меня уговорили взять карту. Очень быстро я проиграл пятьдесят две тысячи. Проиграл бы больше, если бы капитан Ковалевский не приказал кончить игру и разойтись. Главное, игра не вызвала во мне азарта, а просто я не умел. Очень подавленный я пошел на нашу квартиру и сказал брату:

— Я проиграл в карты.

— Знаю, мне уже сказали.

— Что же делать?

— Надо платить.

— Как?

— Не знаю.

Я лег на кровать, самые темные мысли вертелись в голове. Заплатить из жалованья я не мог. Надо было бы выплачивать годами, не теряя ничего на себя. Тогда самоубийство, раз я не мог заплатить долг чести. Но это мне казалось глупо, особенно после десанта, где избежали стольких опасностей, и из-за часа

игры, который мне не доставил никакого удовольствия. Но что же делать? Смеркалось. Вошел брат.

— Есть у тебя деньги?

— Да.

Я постеснялся отдать выигравшему мои несчастные три тысячи. Он их взял и ушел. Я провел бессонную ночь. Господи, Господи, что я наделал! Теперь и он проиграется из-за меня. (Я знал, что он пошел спасать меня.) Почему меня не убили на Кубани?

Он вернулся, когда заря чуть осветила окна. Я сделал вид, что сплю, но внимательно следил за ним. Он подошел к окну, и я услышал шуршание бумаги. Я наострил слух. Деньги?

— Сколько ты проиграл? — спросил он, не поворачиваясь.

— Пятьдесят две тысячи.

Он отсчитал и бросил мне пачку денег.

— Заплати и никогда больше не трогай карт.

Он лег, не раздеваясь, и сделал вид, что заснул. Я не мог дожидаться утра. Как только встало солнце, я пошел к выигравшему офицеру и отдал деньги.

— Что вы, что вы. Я не могу взять от товарища такую сумму.

— Возьмите, потому что я играл серьезно.

— Нет, право, я не могу... Вот что я вам предлагаю. Сыграем на все.

И он достал карты.

— Нет, я больше к картам не притронусь. Я уже заплатил за урок.

Я ушел, оставив ему деньги. И с тех пор не играю.

ФЕОДОСИЯ

Обе батареи погрузили в длинейший поезд и повезли в Таврию. А обоз пошел в Феодосию. Шапиловский и несколько офицеров поехали в обоз. Между ними брат, Александров и я. Поместились в Феодосии в дачах на горах.

Тут мы нашли полковника Шафрова, который оказался командиром нашей батареи. Он был болен астмой и редко бывал в батарее, его заменял Шапиловский, который был старшим офицером. Для нас это была, скорей, неприятная неожиданность. К Шапиловскому мы привыкли, а Шафрова не

знали или, верней, знали не с самой лучшей стороны. На Северном Кавказе, в Петровском, он чуть не загубил батарею и в Махновском районе рассорился с начальником 2-й группы. Но Шафров нас очаровал. Он устроил ужин, купил хорошего вина, и много, и пригласил всех наличных офицеров, чтобы с ними познакомиться. Он просил Шапиловского нас ему представить. Шапиловский сопровождал каждого хвалебной фразой. Я покраснел, как мак, когда, представляя меня, он сказал:

— Поручик Мамонтов, на любую дикую лошадь может сесть, и она его не сбросит.

Это было сильно преувеличено, но приятно слышать.

Играли наши трубачи. Шафров был весел и остроумен. Он сказал речь о молодости, радости жизни, любви. О счастье. Под конец мы были все в полсвиста. Отпустили трубачей, завладели трубами и стали сами пытаться дудеть. Воображаете? Собаки всей округи нам аккомпанировали воем. Наконец разошлись, унося каждый свой инструмент.

На следующее утро поручик Горобцов зашел за мной, и мы пошли на дачу Шафрова и Шапиловского, где было наше собрание. Шли мы, смеясь и дудя на наших трубах. Из дачи вышел брат.

— Не шумите так. Сегодня ночью Шафров застрелился.

Он оставил записку: “Проспался, не пьян. Больше не хочу”.

Господи, подумал я, он застрелился из моего краденого револьвера. Тогда я еще не знал, что в шафровском револьвере, который был у меня, все патроны были испорчены. Из своего револьвера он не мог бы застрелиться. Неисповедимы пути Твои, Господи. Я способствовал его смерти, не ведая о том. Значит, вчерашний ужин был прощальный. Он хорошо это сделал. Ни минуты нельзя было это заподозрить. А вой собак? А мы-то смеялись. Они выли на смерть.

ПОХОРОНЫ

В обозе было орудие, и мы решили похоронить нашего командира, полковника Шафрова, как полагается артиллеристу, на лафете. Для этого снимается ствол и к полозьям привязывается гроб. Шапиловский назначил ездовыми: брата в корень, Горобцова в средний вынос и меня на передний. Лошади, особенно в корне, который один должен был спустить лафет с гробом с нашей горы, были слабы, и, при неопытности ездовых и лошадей, я несколько опасался за судьбу гроба. Дело в том, что из нас троих только я, и то очень недолго, был ездовым.

Перед домом выстроилась процессия. Впереди священник и псаломщик, за ними хор детей, затем лафет и мы, хор трубачей, взвод солдат с винтовками, пролетка для Шапиловского и дальше остальные офицеры и солдаты пешком.

— Смирно!

Разговоры смолкли, и все подтянулись. Вынесли и привязали гроб. Шапиловский с горя выпил все оставшееся от ужина вино и появился на крыльце пьяный. Он хотел сказать слово об усопшем, но мы услышали только неопределенное мычание и пьяную икоту. Он махнул рукой и быстро направился к пролетке. Он не рассчитал своего стремления — влез с одной стороны, но вылез с другой. Тогда, уцепившись за пролетку, он оглядел нас свирепым взором — не смеемся ли мы. И осторожно влез, и благополучно сел в экипаж. Хор запел, и процессия двинулась.

Но вскоре начался спуск с горы. Дорога была узкая, вырыта в склоне горы. Податься было некуда: справа обрыв, слева отвесная гора. Мы поставили, конечно, тормоз, и брат делал все усилия, чтобы сдержать коренных лошадей. Лошади чуть не сели на зады, но лафет скользил все быстрее и быстрее. Мы с Горбцовым ничем брату помочь не могли. Все наше внимание было направлено на то, чтобы не натягивать постромки и чтобы лошади не заступили за них. Наконец корень перешел на рысь, чтобы уйти из-под лафета. Мы с Горбцовым тоже перешли на рысь. Я крикнул детям из хора, шедшим передо мной:

— Эй, вы! Поспешайте, иначе я вас раздавлю.

Они заметались вправо и влево, но убедившись, что дорога узка, пустились бегом, увлекая причт. Дети пытались продолжать петть на бегу, но из этого ничего путного не получилось. Рысь становилась все крупней и крупней, и бег хора и причта усиливался. Не могу вспомнить без смеха дородного священника, который, задрав рясу, с крестом в руке опередил всех бегущих.

Наконец мы достигли ровного места и смогли удержать лошадей. Процессия приняла опять благопристойный характер. Все же мы были горды тем, что благополучно довели нашего командира до кладбища, не опрокинув в овраг. Оркестр сыграл “Коль славен”, солдаты дали три залпа, могилу закопали. Самоубийц не принято отпевать.

Шапиловский сел в пролетку и уехал, не пригласив нас на поминальный обед.

Думаю, что Шафров был единственным из офицеров обеих батарей, которого хоронили на лафете.

В ТАВРИИ

Обоз перешел в Таврию, в небольшую деревню. Мне отвели квартиру у колдуньи, которая ни за что не хотела меня пускать. А мне захотелось познакомиться с колдуньей, и я настаивал. Разговор велся через закрытую дверь.

— Нет, я не хочу. Ты мне все травы перепутаешь.

— Обещаю, что ничего не трону.

— Нет, нет. Ты еще будешь курить в комнатах.

— Не курю и в Бога верую.

Молчание.

— Посмотри через шелку. Вот я тебе дам кусок хорошего английского мыла.

Против мыла колдунья не устояла и со вздохом мне открыла дверь. Вскоре мы с ней подружились. Вся хата была завешена травами. Она мне объясняла, какая трава от чего помогает. Но по юности лет не запомнил, а жаль.

Тут я познакомился с доктором Каталевцевым. Он был доктором дивизиона, маленький, с короткими руками и не совсем нормальный. Он был в Абиссинии и интересно рассказывал об этом. Лечиться у него было опасно, а гулять с ним было приятно. На одной из прогулок мы зашли в сад. Охранял его древний, но бодрый старик. Он жил в шалаше и отрекомендовался как улан графа Уварова полка. Оказалось, он сражался в турецкую войну 1877 года. Он очень скорбел, что у него нет ружья и парни воруют фрукты. Он мне так понравился, что я сделал глупость и принес ему винтовку и патроны. Он ужасно обрадовался и тотчас же промаршировал с винтовкой по всей улице. Знай, мол, наших! Но когда я снова к нему зашел, он неутешно плакал. Винтовку у него украли. Я старался его утешить и обещал дать другую. Но моя колдунья меня просила не давать. Старик поднял стрельбу, и пули летали по всей деревне. Он не отдавал себе отчета в том, что пули из винтовки летят на три версты. В турецкую войну они летали на 200 шагов.

С полковником Лукьяновым устроили грандиозное чаепитие. Под липой, с самоваром. Я выпил восемнадцать чашек. У Лукьянова был юмор, и я это ценил. После войны он поступил в Иностранный легион в чине сержанта.

СЕРОГОЗЫ

В сентябре 1920 года я был снова в батарее. Обе батареи работали с регулярной кавалерийской дивизией генерала Барбовича. Дивизия стояла в Нижних Серогозах, которые находились почти посередине Таврии, и по тревоге выходила навстречу наступающим красным и после боя возвращалась в Серогозы. На этот раз я поручил Андромаху солдату нашего орудия и получил ее без всяких затруднений и в хорошем состоянии.

Было несколько боев, ничем не замечательных. Красные обыкновенно после недолгого боя отходили. Запомнился только один случай. Мы выбили красных из хутора. Батарея остановилась на улице. Вдруг из-под амбара вылез наш фуражир. Он поехал за фуражом, когда красные заняли хутор, успел залезть под

амбар и просидел там все время боя. Он не знал, кто занимает хутор, и боялся вылезти. Но увидел нашу батарею, узнал лошадей и тогда вылез.

Брат решил запрячь в тарантас Андромаху и Анафему, лошадь Шакалова, которые были сестрами и совершенно одинаковые. Гордые кабардинцы не хотели идти в упряжи. Терпением и упорством мы их идти заставили. Получилась очень нарядная пара. Но раз мы встретили начальника штаба дивизии, который так ими восхищался, что мы решили прекратить поездки — еще чего доброго отберет.

В Серогозах произошел забавный случай. У крестьян я нашел книжку рассказов Горбунова. Лег на кровать, один в комнате, читал и смеялся навзрыд. Вошла хозяйка, постояла и ушла. Через несколько минут вошел поручик Мальцев.

—Как ты себя чувствуешь?

—Хорошо. Почему ты спрашиваешь?

—Так. Что ты читаешь?

—Горбунова. Вот послушай.

—Ах, тогда я все понимаю.

—Что ты понимаешь?

—К нам в соседнюю хату прибежала твоя хозяйка и сказала, что ты с ума сошел — лежишь один и хохочешь.

Я стал читать, и мы оба смеялись до слез. Вошла хозяйка, с недоумением на нас уставилась и исчезла.

— Ха, ха, ха. Она побежит и скажет, что оба спятили. Ха,ха, ха!

Я любил сигналы, которые играл горнист. Поэтична заря. На обед: “Бери ложку, бери бак, хлеба нету, иди так”. Но не любил очень красивый “генерал-марш”. “Всадники други, в поход собирайтесь...” — потому что это значило поход и бой.

ЗА ДНЕПР (25 сентября — 1 октября 1920 года)

Как-то по “генерал-маршу” поседлали, заамуничили и пошли по направлению к Днепру. К нашему удивлению, боя не было и красных мы нигде не встретили. Дошли до деревни Лепетихи. В ней постояли и пошли обратно.

Стало смеркаться, когда мы подошли к Днепру южной города Никополя. Берег был отлогий, и саперы наводили понтонный мост. Было тепло, квакали

лягушки. Наша пехота уже переправилась, но стрельбы слышно не было. Вскоре мост был окончен, и дивизия Барбовича пошла на ту сторону.

Шли мы всю ночь, не встречая красных. В одном месте проходили под высоким железнодорожным мостом. В то время когда шла наша батарея, на мост наверху выехал тихонько красный бронепоезд. Мы фактически шли под ним. Мы видели высунувшуюся из него фигуру, чтобы спросить нас:

—Какой вы части?

Никто не ответил.

—Эй, вы! Какой вы части, спрашиваю.

Мы молча прибавили шагу.

—Что за черт? Оглохли вы совсем?

Так он от нас толку и не добился. Когда мы немного отошли, сзади раздался взрыв. Очевидно, наши подорвали путь.

А мы все шли. Наконец стало светать. Перед нами была небольшая река Бузулук с довольно крутыми берегами. Пехота и кавалерия перешли ее вброд, но для артиллерии она была препятствием. Мы стали переправлять орудия при помощи малого плота. А там впереди уже постреливали. Сперва переправилась конно-горная и ушла вперед. Там бой разгорался. Мы долго валандались с плотом. Когда мы наконец были на той стороне реки, бой где-то дальше кипел вовсю. Мы рысью пошли искать наши части.

В самое то время, когда мы подошли, был убит генерал Бабиев, начальник всей операции. Граната угодила в мельницу, на которой он устроил свой наблюдательный пункт. Команду принял генерал Барбович. Смерть Бабиева произвела у нас заминку, особенно у кубанцев. Красные этим воспользовались и атаковали нас. Наши не выдержали и побежали. Части перемешались. Наши обе батареи тоже повернулись и пошли рысью наутек, но в полном порядке.

Кругом черт знает что творилось — крики, выстрелы, разрывы снарядов, отдельно бегущие люди, и всюду пыль. Врезались в память два эпизода. Бежит наш пехотинец, его нагоняет красный кавалерист и рубит. Пехотинец падает. Из пыли выскакивают несколько всадников. Один наш, у него пика, и он ею крутит над головой и тем не дает приблизиться к нему трем красным всадникам (у красных пик не было). Вдруг наш останавливает пику и колет одного из преследователей, тот падает, а пика уже снова завертелась.

Другие два красных задержали лошадей и не стали преследовать.

Красные нас не атаковали. Мы шли строем. Наша батарея шла крупной рысью за конно-горной. Но конно-горная ошиблась дорогой и захала в хутор, в тупик,

а мы прошли вперед по правильной дороге. Теперь мы шли впереди, а конно-горная сзади.

Обозненко о чем-то говорил с братом перед нашим первым орудием. Говорил — это не то слово: при этом гвалте нужно было кричать. Они обернулись и подозвали меня знаками. Я выехал к ним.

ЧЕРЕЗ РЕКУ

— Нужно перейти реку на рысях. Иначе мы погибли. Если у нас будет несколько орудий на той стороне, мы сможем остановить красных. Важно, чтобы первая лошадь не запнулась... Другие за ней последуют... Вы уверены в Андромахе?

— Андромаха пойдет.

— Тогда идите вперед, выберите место и ведите батарею. Бог в помощь.

Я дал шпоры Андромахе, проскакал вперед к речке, которая была уже недалеко. Оглядел внимательно ее берега. Налево было место, где тот берег, на который придется лезть, был не так крут. Раздумывать было некогда. Я поскакал к батарее. Обозненко на меня взглянул, я наклонил утвердительно голову, он тоже. Я повернулся к ездovým. Они все трое кивнули мне головой — поняли. Я направил свое первое орудие слегка влево. Батарея пошла за нами. С бьющимся сердцем я подошел к реке. Осенил себя крестом и толкнул Андромаху. Она запнулась на полсекунды, вытянула вперед передние ноги. Я откинулся назад, и мы съехали как на салазках. В воде мы подняли каскад брызг. Только бы дно не было вязким! Я бросил стремяна, но Андромаха шла, вода доходила ей до груди. Я обернулся, надо мной висел передний мой вынос. Я пришпорил Андромаху, и она полезла, как кошка, на тот берег. Я лег ей на шею и вцепился в гриву. Здесь я оценил кабардинскую породу — горную. Андромаха сделала еще усилие всем телом и выскочила наверх. Сзади грохнулось в воду орудие. Передний вынос уже карабкался. Ездовой, красный от напряжения, вопил. Я спрыгнул на землю, ухватил под уздцы подручную лошадь и тащил ее наверх. Появились мои солдаты и схватились за построшки. Все орали. Передний вынос был наверху, тянули средний. Появились солдаты других орудий и налегли на построшки. Вот и средний вынос наверху. Появился коренник. Было одно мгновение, когда орудие и передок, казалось, утянут лошадой назад. Но солдаты налегли дружно, и коренник и орудие покатались по ровному. А там уже бухнулось второе орудие. Уф! Отер дрожащей рукой лицо, где грязь смешалась с водой и потом. Там теперь знают, что это возможно, и знают, как делать, и там народу много. А у конно-горной орудия совсем легкие. Пошел к своему орудью. Лошади еще дрожат и дымятся, а ездové улыбаются с перекошенными лицами. Появились брат и Обозненко, изливая водопады воды. Второе орудие наверху, и третье лезет. Обозненко уже устанавливает батарею.

Наши обе батареи перешли реку на рысях. Это длилось — разве можно сказать, сколько времени длятся такие дела, — очень недолго.

Обе батареи выстроили сейчас же фронт. К ним пристроилась гвардейская и восьмая батареи. Они должны были пережить то же, что и мы. Получился внушительный фронт из шестнадцать орудий. Не помню, право, кто им командовал. Мы встретили зарвавшихся красных картечью, и они отхлынули так же быстро, как пришли. Слева с горы спускались красные конные резервы, чтобы нас прикончить. Они были так уверены в победе, что шли сомкнутыми колоннами. Мы повернули огонь на них и сделали у них буквально кашу. Было видно, как взлетали кони и люди. Вся эта конница перемешалась и пустилась наутек врассыпную. И тогда наступила тишина. Наши части смогли собраться, перейти реку и отступить к Днепру. Красные нас не преследовали. Их артиллерия послала нам вслед несколько снарядов для очистки совести. Когда все стихло, мы с Обозненко подошли к тому месту.

— Неужели тут прошли на рысях две батареи?

— Если бы мне это рассказали, я бы не поверил.

Во время перехода никто не обращал внимания ни на снаряды, ни на пули — так все были заняты делом.

Красные успели перевести с польского фронта громадные силы. Вероятно, две конные армии. Севернее нас, у города Александровска, у другой нашей группы, перешедшей через Днепр, была тоже неудача. Очевидно, красным удалось узнать через своих шпионов наши намерения, и мы наткнулись на массы войск. Но благодаря хорошему действию нашей артиллерии мы избегли разгрома и смогли спокойно отойти на наш берег Днепра.

Тут в тумане эскадрон Изюмского гусарского полка свалился в крутой овраг. Были раненые — и люди, и лошади.

Очень странно, что красная артиллерия смолкла, как только наша открыла огонь. Дивизия вернулась в Серогозы. Было, вероятно, начало октября 1920 года.

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Армия представляла еще очень внушительную силу. Но народ устал от войны и приток добровольцев прекратился. Земельная реформа Врангеля была объявлена слишком поздно и не дала еще результатов. Ее бы надо было объявить, когда мы были под Орлом. С крестьянскими восстаниями мы не сумели связаться. Они были плохо организованы и жестоко подавлялись красными. У нас не было резервов. Все наши части должны были все время сражаться и непременно побеждать. В случае неудачи их нечем было заменить, и неудача могла обратиться в катастрофу. Как наше командование не создало

резерва, когда у нас было пол европейской России? Даже сейчас тылы кишели окопавшимися военными, всякими ненужными учреждениями и обозниками.

Мы не смогли убедить “союзников” в опасности коммунизма и в необходимости помочь нам как следует. Польша заключила мир с большевиками, и надо было ожидать притока массы войск на наш фронт.

А главное — Красная Армия стала много лучше. Она выросла не только численно, но и в боевых качествах. Этим она была обязана мобилизации офицеров старой русской армии. Эти мерзавцы не пошли к нам добровольно, не исполнили своего долга. Старались спрятаться и отсидеться. Но они не посмели ослушаться красной власти и пошли ей служить, и служили усердно. Это каиново предательство не спасло их от концентрационных лагерей, тюрем и расстрела.

Слабым местом нашего фронта была Каховка на Днепре. Там у красных был высокий берег, а у нас низкий. Много раз под защитой артиллерии красные пытались перейти Днепр. Наши части давали им отойти подальше от прикрытия артиллерии и потом опрокидывали и гнали до воды. Но красные не считались с потерями, усиливали части и артиллерию.

Тогда наше командование придумало очень смелый маневр: пропустить красных к Перекопу и потом атаковать их в спину.

Перекоп все лето укреплялся. Там были вырыты прекрасные окопы и даже несколько рядов с проволочными заграждениями. Но, как водится, командование забыло, что защитники — люди, и не приготовило ни землянок, ни колодцев, ни дров, ни складов провианта, ни складов патронов и снарядов. Когда мы попали на Перекоп в лютый мороз, снег и ветер, то жизнь там была невыносима. Правда, невыносима она была и для красных. Но их было много и они могли меняться.

У Каховки наши батареи никогда не были, а на Перекопе побывали. Перекопские укрепления были заняты пехотой, а мы, кавалерия, остались в Серогозах.

Был октябрь 1920, стало холодно, и выпал снег. Я заказал себе валенки выше колен и пошел их получать. Валенки были хороши и хорошо мне служили. Когда я расплатился с мастером, он пожал мне руку и сказал:

— Вы один из немногих, которые мне заплатили, большинство забирает и уходит.

Я был сконфужен за наших. Вспомнил такой же случай в маньчжских степях с бараньими полушубками. Когда я шел от мастера в валенках, то услышал сигнал: “Всадники други, в поход собирайтесь...” Как вовремя я получил валенки.

Мы выступили и пошли к юго-западу, в направлении Каховки. Смеркалось, и шел снег. Я заснул идя. Колонна шла в поводу, и я проснулся, наткнувшись на круп идущей впереди лошади, когда колонна остановилась. Думал, что спать на ходу нельзя. Ан можно. Остановились в какой-то деревне, название которой не записал. Мы не вошли в деревню, остались ночевать в сараях на окраине. Очевидно, чтобы быстро собраться. Ночевали отвратно. Простояли тут день.

Отсюда уехали и брат, и Александров в обоз в Феодосию. У меня было двойное чувство. С одной стороны, я был рад за него, потому что предстояли жестокие бои. Но с другой — не хотелось расставаться в такое тревожное время. Я дал ему карабин. Это был последний раз, что я пожал руку брату. Больше я его не видел. Он умер в Константинополе от менингита.

БОЙ

Наша дивизия была где-то очень близко от Каховки. Рано утром приказ: “Седлать, замуничивать”. Мы вышли из деревни и сразу же наткнулись на красную кавалерийскую дивизию. Начался очень упорный бой. Мы стояли возле генерала Барбовича, когда в его свиту ударила граната и один всадник улетел волчком вверх, как под Егорлыцкой. Близость Каховки давала себя знать, красная дивизия упорно выдерживала все наши атаки, бой был жаркий. Но с нашей стороны, откуда ни возмись, появились штук двадцать светло-серых легких грузовиков-“фордов” с пулеметами. Они выстроились цепью и пошли на красную кавалерию. Метод был новый и увенчался полным успехом. Красные бежали, а “форды” их преследовали и нанесли значительные потери. К сожалению, вечером почти все “форды” бросили, предварительно испортив, из-за недостатка бензина.

Мы шли рысью сейчас же за “фордами”. В одном месте прошли мимо разбитой красной батареи. Стояло два покинутых орудия, лежали убитые лошади и люди в красных чакчарах (штанах), что указывало, что это была хорошая часть. Мы взяли снаряды из передков, а орудиями не заинтересовались. Сняли только затворы и прицелы и побросали их в колодец в следующей деревне. Мы не остановились в этой деревне, а шли всю ночь и весь следующий день. Было очень холодно.

Уезжая, брат сказал мне, что поедет на Геническ и через Арбатскую стрелку, там, где мы стояли на фронте. Брат и Александров уехали, а на следующий день мы узнали, что красные перешли Днепр у Каховки и один красный кавалерийский корпус прошел по всей Таврии до Геническа (18/31 октября 1920 г.). Я страшно волновался за брата. Успел ли он проскочить на стрелку или?.. Но возле Геническа оказалась наша пехота, тяжелая батарея и Донская дивизия генерала Абрамова. Они взяли красных в переделку, разгромили, и красные бежали так же быстро, как пришли. Красные были разбиты, но про судьбу брата я ничего не знал.

После упорного боя с красной кавалерийской дивизией мы поняли, что идти атаковать красных у Перекопа мы не можем. Красные навели громадное количество войск, а кроме того, у нас был недостаток снарядов и патронов. Это был наш хронический недостаток. Патроны и снаряды мы получали из старых военных русских запасов из Франции, и нам их давали понемногу... Теперь мы были бы рады уйти в Крым.

РОЖДЕСТВЕНКА

Проходом красной конницы до Геническа мы были отрезаны от Крыма, но я почти не волновался. Мы были прекрасной дивизией с хорошим командиром и, так или иначе, сумеем пробиться в Крым.

Было ужасно холодно. Но из-за того, что земля промерзла, идти было легко, не застревали. Мы шли уже не на Перекоп, а на Чонгарский мост. После боя с красной кавалерией мы, не останавливаясь, шли ночь, весь день и всю следующую ночь. Останавливались только для кормежки лошадей. Под утро мы оказались перед селом Рождественкой. Но тут дорогу в Крым нам преградила красная кавалерийская дивизия. Начался бой, который длился весь день, и в конце концов мы не могли оттеснить или прогнать красных.

Стало темнеть, бой постепенно замер. Мы отошли. Но вдруг, откуда ни возьмись, появился батальон корниловского пехотного полка. Они ехали на повозках и направлялись в Рождественку, занятую красными.

— Эх, кавалерия, слабо, значит? Мы должны вам подмогнуть? — иронически кричали нам Корниловцы.

Они это сделали крайне просто. Из-за холода красные, думая, что они нас окончательно отбили, не выставили охранения. Очевидно, все жались к теплым хатам. Корниловцы, никого не встретив, въехали в село, доехали до главной площади, слезли с повозок, выстроились развернутым фронтом. Дали залп по хатам в одну сторону, еще один залп, прокричали “ура”, повернулись кругом и дали туда два залпа и прокричали “ура”. Этого оказалось вполне достаточным, чтобы привести в полную панику прекрасную красную конную дивизию, которая еще час назад выдержала все наши атаки.

Услышав залпы и “ура”, мы на рысях пошли в Рождественку и наткнулись на спасавшихся красных кавалеристов. Они были всюду: на улицах, в садах, в амбарах, в хатах. Батарея взяла семнадцать пленных, вовсе их не отыскивая, они сами натыкались на нас. А сколько взяли полки, которые шли перед нами?

Я тоже взял пленного. Смертельно усталый, я вошел в дом, указанный квартирмейстером, и увидел винтовку и шашку, прислоненные в углу.

— Где он?

Хозяйка молча указала на громадную печь.

— Выходи оттуда, — сказал я грозным голосом.

Появился трясущийся кавалерист. В это самое время вошел капитан Малов.

— А, красный? Сейчас мы тебе выколем глаза иотрежем нос.

Тип затрясся.

— *Laisse donc, Sacha, tu vois qu'il va pisser de frayeur.*

— Что ты на меня уставился, как дурак. Поработай немного. Ставь самовар.

Пленный не осознал сказанного, в такой он был панике. Но хозяйка, обрадованная мирным исходом, толкнула его к самовару. Тогда он схватил ведро, налил не туда, куда следует, и залил водой всю хату.

— Ах, паршивец, даже самовара поставить не умеешь.

— Простите, господин офицер, это я от радости ошибся.

Мы очень устали, хотелось спать. Что делать с пленным?

— Полезай на печь и не двигайся. Если ты слезешь с печи ночью, я убью тебя, как собаку, — сказал ему Малов.

Мы легли на лавки и моментально заснули. Пленник легко мог нас зарезать. Но он этого не сделал. Наоборот, как только мы проснулись, он принес воды, чтобы мы умылись, поставил самовар и всячески услуживал.

А вот об его коне мы спросить не догадались, только сейчас, печатая это, вспомнил о коне. Поздновато.

Опять горнист трубил поход и, вероятно, бой. К Рождественке приближался красный кавалерийский корпус. Мы пошли ему навстречу.

Взвод нашей батареи встал на возвышенности. В долине перед нами наступали полки, а на той стороне, на возвышенности, открыли огонь три красные батареи. Конно-горная занялась одной из них, мы заставили замолчать другую. Но в это время произошла знаменитая атака кавалергардов на центр красной кавалерии, и мы увлеклись и стали им помогать, обстреливая красную конницу. Этим воспользовалась третья красная батарея. Она взяла наш взвод под обстрел. Две шрапнели лопнули сзади нас, две другие впереди. Вилка. Нужно было ожидать, что следующие будут по батарее.

Я крикнул моему соседу, поручику Меншикову, чтобы он скорее скрылся за щит орудия, и сам побежал к своему орудию, и только наклонил голову за щит, как над нами лопнули четыре шрапнели. Меншиков, не успевший скрыться, и один солдат моего орудия были ранены, а коновод моего орудия, Чудук, был

убит шрапнельной пулей в висок. Он упал, но лошадей не распустил. Так он нес службу даже после смерти. Я убедился, что он крепко держит лошадей, и оставил его держать. Орудия же пошли врозь в поводу, чтобы избежать дальнейших потерь. Но к нашему изумлению, красная батарея больше не стреляла. Оказалось, что другой взвод нашей батареи видел огонь красной батареи и поспешил подавить ее.

Когда я вернулся взять у мертвого Чудука повод Андромахи, то должен был с силой разжать его руку. Мы взяли тело Чудука, чтобы похоронить, но так как мы все время шли, то похоронили его только в Крыму, на хуторе близ Юшуни. Сколотили гроб, похоронили. Каждый прочел те молитвы, которые помнил. Это было трогательно. Не всякому и такие похороны доставались. Сделали из досок крест и чернильным карандашом написали имя. Дождь вскоре, вероятно, смыл надпись. Мать напрасно ждала его возвращения.

Мы отбросили, но не уничтожили красную дивизию. Очевидно, перед нами находились массы красной кавалерии, вероятно, вся армия Буденного. Если бы он лучше ею управлял, он не пустил бы нас в Крым.

Мы решили, благо путь был свободен, идти в Крым. Конечно, красные все сделали, чтобы нас туда не пустить.

ВЕРНОСТЬ ПЛЕННОГО

Я вернулся в хату за вещами. Мой пленный меня с нетерпением поджидал.

— Вы уходите? Не оставляйте меня здесь. Возьмите меня с собой.

Я был в затруднении. Стеснительно обладать пленным. Что я с ним буду делать? Он не был крестьянином, вероятно, фабричным.

— Знаешь что, красные вскоре придут сюда, останься в этой хате и дождись их.

— Нет, я боюсь остаться. Случайно один из ваших заглянет сюда и меня расстреляет... Затем мне вовсе неохота возвращаться к красным, для которых я стал подозрительным. Кто их знает, как они меня встретят?

В этом он был прав. Но верность моего пленника меня очень стесняла. Как от него избавиться?

— Тогда спрячься в саду, и ты скажешь, что сидел там во все время нашего здесь пребывания.

— Нет, нет. Мне повезло, что я попал к вам, и я не хочу с вами расставаться. Другой бы меня просто пристрелил.

—Пожалуй, ты прав, но пойми, что мне некогда с тобой цацкаться. Будут бои. А мои солдаты не захотят тебя принять, потому что ты буденновский кавалерист. Оставайся, это самое простое, что ты можешь сделать.

Наконец, обманом, я удрал от своего пленного, оставив его на произвол судьбы. Но раньше этого я снял с него его шпоры. При случае я говорил, как бы нехотя:

— Шпоры эти я снял с буденновского кавалериста... Это было под Рождественкой, были жестокие бои...

В общем, я не врал, но это произошло совсем иначе, чем можно было подумать. А вот коня его я проворонил и седло тоже.

НА ЧОНГАР

Дорога в Крым была как будто свободна после боев у Рождественки, но нужно было поспешать, потому что красные, конечно, приложат все усилия, чтобы преградить нам путь. Поэтому мы шли опять день и ночь, нигде не останавливаясь на ночлег. Было холодно, снегу не было. Иногда днем значительно теплело, но ночью был жуткий холод.

Кроме орудия, меня назначили следить за обозом. Я часто останавливался и пропускал обоз мимо себя. Считал повозки, следил за тем, чтобы грузы были равномерно распределены и чтобы солдаты не спали на повозках. Это утяжеляет повозки, и солдат может легко замерзнуть. Как-то ночью проверил повозки. Все было в порядке. Тогда мне пришла мысль сделать самому то, что я запрещал другим. Я решил поспать на повозке. Выбрал наименее нагруженную, прицепил Андромаху и завалился на повозку. Но раньше, чем заснуть, удивился, что повозка идет пустая. Стал шарить рукой, чтобы узнать, что на ней находится. Моя рука встретила ледяную руку. Это был труп Чудука, про которого я забыл. Я соскочил с повозки, спать расхотелось. Я сел на Андромаху и догнал орудие. Возчик рассказал солдатам. На следующий день я услышал шепот между моих солдат:

—Поручик Мамонтов по ошибке лег рядом с Чудуком.

—Плохой признак... Мертвый его позвал.

—Вот увидите, в одном из следующих боев...

Я старался себя убедить, что это глупости, а все же было неприятно.

Из-за холода походы казались бесконечными. Мы все шли, Крым как будто уходил от нас. Мы шли не на самый Чонгар, а на оконечность северного лимана Сиваша. На деревню Ново-Троицкую. Чтобы перехватить путь у идущих нас отрезать красных.

В течение дня сильно потеплело, то есть не было так холодно. Отдельные наши части из Таврии сходились вместе. Образовалась очень внушительная колонна. Тут были кавалерия, пехота и артиллерия. С такими силами мы, конечно, пройдем в Крым, даже если красные дойдут раньше нас к Сивашу.

Подошли и красные. Но пока что это были разъезды, хоть и с пулеметами. Они не решались нападать на нашу громадную колонну, но забегали вперед и вбок и строчили из пулеметов. Помню один случай. Красный разъезд затаился на хуторе, шагах в четырехстах от нашей колонны, и, не смолкая, строчил из пулемета. Но наводчик волновался, и был малый недолет. Наша батарея шла как раз мимо. Пыль от цепочки пуль была ясно видна шагах в тридцати от нас. Мы почему-то не реагировали и шли. Стоило ему поднять прицел на одно деление, и пули были бы на батарее. Наконец все же какая-то батарея решилась, снялась с передков и послала в хутор несколько низких шрапнелей. Стрельба тотчас же смолкла. Давно бы так.

Наконец мы дошли до деревни Ново-Троицкой и увидели Сиваш. В это же самое время подошли и красные, которые должны были нас отрезать от Сиваша. Слишком поздно. Произошел короткий бой, в котором мы участия не принимали. Красных отбросили, и все успокоились.

Наша батарея встала на юго-восток от деревни, возле дороги. Колонна остановилась.

НОВО-ТРОИЦКАЯ

Офицеры нашей батареи и многие солдаты ушли в деревню, шагах в трехстах, искать съестного. Я же почему-то остался на батарее. Вдруг я услышал частую и близкую стрельбу. Судя по звуку, стреляли в нашу сторону, то есть красные. Но видеть я ничего не мог — высокая сухая трава загораживала от меня то, что там происходило. А происходило скверное. Я оглянулся и увидел, что я единственный офицер на батарее. Проскакал всадник и крикнул мне: “Красные!”. Тогда я решился. - Батарея к бою! Направо марш. Стой. С передков. Солдат на батарее было мало. Потому я собрал их всех к трем орудиям, прибавив к ним ездовых. Не загорелась бы сухая трава от выстрелов...

— Прямо на стрельбу. Прицел 20, трубка 20. Первое, второе, третье. Первое, второе, третье!

Трава, к счастью, не загорелась. Стрельба в нашу сторону смолкла, как по волшебству, и даже раздалась отдельные ружейные выстрелы от нас к ним. Мы все привыкли по слуху определять, куда и кто стреляет.

Появился запыхавшийся от бега Шапиловский. Я думал, что он меня разнесет за стрельбу вслепую и без его приказа. Но он кивнул мне головой и крикнул:

— Продолжайте, так хорошо.

Я прибавил слегка прицел — ведь красные бегут — и выпустил еще три очереди. Стрельба наших усилилась, заработал наш пулемет, и все снова смолкло.

— Отбой.

Появился начальник штаба нашей дивизии, верхом.

— Вы очень вовремя открыли огонь, — сказал он Шапиловскому. — Благодаря вам их внезапная атака не удалась. Поздравляю вас с точной пристрелкой.

— Хм... — ответил Шапиловский и скосил глаза в мою сторону.

Наши офицеры прибежали один за другим и рассказали, что произошло. Успокоенные тем, что в предыдущем бою красных, видимо, отбросили, наши расположились бивуаком и стали закусывать. Охранения, конечно, не поставили. Этим воспользовался красный батальон и, прикрываясь несжатой полосой кукурузы, подошел вплотную к нашим и внезапно атаковал их. Поднялась паника, и наши побежали. Но в это самое время прилетели мои шрапнели и по чистой случайности поразили красных, а не наших. Две низкие шрапнели разорвались очень хорошо и на глазах у всех свалили нескольких красных пехотинцев. Красные замаялись, наши приободрились, и красные побежали в ту же кукурузу, откуда пришли. А наши стали их преследовать. Вот и все.

Обозненко не хотел верить, что я ничего не видел и стрелял на слух.

Человек восемь наших офицеров собрались группой, открыли консервы “корнед-биф”, как вдруг над нами разорвалась на этот раз красная низкая шрапнель, самая смертоносная, и окатила нас всех конусом пуль. По дикому счастью, никто не получил царапины, а теоретически мы все должны были быть убиты. Красные тоже стреляли на слух, не видя батареи, но по слуху подозревая ее позицию. Они не видали блестящего результата своей стрельбы и огня не повторили. Мы все же быстренько разошлись, Мы пошли вдоль Сиваша на Чонгарский мост. Одна красная батарея стреляла прекрасно. Она до самой темноты преследовала нашу колонну, оставаясь сама невидимой. Только сумерки заставили ее замолчать. Стрелял, конечно, офицер, он хорошо применял гранаты с замедлителем, чего солдат бы не сумел.

Капитан Деревянченко, пулеметчик конно-горной, был ранен осколком гранаты в живот, рана почти всегда смертельная. Его провезли мимо меня. Я ему что-то сказал. Он не ответил, но взгляд его говорил, что он понимает, что это конец. В темноте мы прошли предмостное укрепление Чонгарского моста. Были хорошие окопы с проволокой, и заняты нашей пехотой. Мы перешли мост. Наконец-то мы были в Крыму.

Я крепко заснул в седле, и благодаря холоду Андромаха прибавила шагу и завезла меня в гусарский полк, шедший впереди нас. Проснувшись, я никого не узнавал.

Меня послали квартирьером на какой-то хутор. Квартирьерство было смехотворное. На наши две батареи дали одну маленькую хату. Все поместиться в ней не могли и постоянно менялись, чтобы погреться. Потому что с наступлением темноты стало дико холодно и поднялся ветер. Я же на правах квартирьера завладел стулом и спал, несмотря на воздух, “где топор вешают”. Бедные наши лошади, некормленные и непоеные, стояли на холоде. Но все же мы были в Крыму. Красным не удалось нас от Крыма отрезать.

ЧИРИК

Нашу кавалерийскую дивизию поставили на отдых в резерв. Наши две батареи стояли на хуторах западнее Чирика. После походов и холода нам казалось, что квартиры замечательны. Тепло, просторно, сытно, и даже книги.

Тут похоронили Чудука.

Со стороны Перекопа раздавался день и ночь, не смолкая, орудийный гул. Нельзя было различить отдельных выстрелов, это был общий гул. Там должно было быть неуютно.

Сиваш отделяет Крым от материка. Это неглубокие морские озера с вязким дном и очень соленой водой. Из-за солености Сиваш не замерзает. Крым соединяется с материком тремя перешейками. Перекоп в 8 верст ширины, Чонгарская дамба и мост и Арбатская стрелка. Средняя ширина Сиваша 12 верст. Но в том, 1920 году в октябре и ноябре наступили сильные морозы, да еще с ветром. Мороз доходил до -17 и даже до -21 градуса по Реомюру. Сиваш промерз до дна, чего никогда не случается. Это очень увеличило наш фронт. Сама природа помогала красным.

Красная пехота перешла по льду на Чувашский полуостров и ночью захватила там наш конный разъезд-охранение. Тут погиб с эскадроном Сумских гусар мой дядя Николай Саввич Мамонтов. Но тогда я этого не знал.

Нас подняли по тревоге, и мы пошли на Чувашский полуостров. С рассветом произошел бой. Мы согнали красную пехоту, она ушла на лед Сиваша, где наша кавалерия их преследовать не могла — лошади скользили на льду. Лед был до дна. Даже наши гранаты не вызывали столба воды, как обыкновенно. Мы отошли, и ночью красная пехота снова перешла Сиваш. Снова бой, и опять мы их отогнали на лед.

На берегу Сиваша стояли наши орудия без запряжек. Артиллеристы просили перевезти орудия дальше от берега, что мы и исполнили нашими запряжками. Какая-то пехотная часть нас тут сменила, а нашу кавалерийскую дивизию

двинули к Перекопу. Крым горист к югу, а на севере очень плосок и низок. Солончаковые степи, без деревьев, без ручьев и рек. Селения очень редки.

ПЕРЕКОП

Окопы на Перекопе были хороши и даже с проволочным ограждением. Но опять наши штабы забыли, что имеют дело с живыми людьми. Ни землянок для людей, ни складов, ни дров, ни колодцев предусмотрено не было. Стоял единственный громадный стог соломы. Но его заготовило не интендантство, а жители. Мы к этому стогу и притулились. Стог спасал нас от ветра и отчасти от холода, служил для кормежки лошадей и для топлива, когда это было возможно. Он даже служил нам наблюдательным пунктом для батареи. Воды не было. Лошади и мы должны были есть снег, а его было мало.

Сколько времени мы пробыли в боях на Перекопе, не могу в точности сказать. Был один сплошной и очень упорный бой, днем и ночью. Время спуталось. Может быть, всего несколько дней, вероятнее, неделю, а может быть, и десять дней. Не знаю. Время казалось нам вечностью в ужасных условиях.

Красные были, понятно, в таких же плохих условиях. Но у них было громадное преимущество в количестве войск. Части сменялись и уходили на отдых, чего у нас не было. У нас дрались бесменно все те же части, и утомление доходило до апатии. Спали мы следующим образом: каждый вытягивал из стога как можно больше соломы, и все падали в кучу и покрывались соломой. Каждый старался залезть в серединку кучи. Спали 20 минут, потом кто-нибудь будил всех и начинали танцевать, чтобы согреть онемевшие члены. Потом опять падали в кучу и спали еще 20 минут. А иногда из-за боя совсем не спали.

Батарея стояла в низине недалеко от стога, полускрыта от глаз противника. Окопы были от нас в ста шагах.

Мы испытывали чувство голода и жажды. Есть было нечего, а вместо воды ели снег. Мои валенки приобрели громадное значение. Под английскую шинель я напихал соломы на грудь и на спину и стянул ремнем, чтобы не вываливалась. Понятно, все эти дни не раздевались и не мылись. Вшей хоть отбавляй.

Красные стянули громадные силы, не считаясь с потерями. Артиллерия их гудела день и ночь. Снаряды с визгом проносились над нашими головами. Атаки следовали одна за другой. Я был свидетелем, как целая бригада красной конницы атаковала окопы и вся погибла на проволоке. Они не отступали, кричали и махали шашками, а их косила наша картечь и пулеметы. Наши смеялись над красными, но меня это испугало. С войсками, которые гибнут, но не отступают, они нас прорвут рано или поздно. Казалось, что красные кавалеристы были или пьяны, или под наркотиками.

Мы все стали нервничать. Я видел, как Обозненко “кланялся” пролетающим снарядам, чего он никогда не делал. Были потери и у нас, и у конно-горной. Раз

нашей кавалерии пришлось загонять нашу же пехоту обратно в окопы, которые она хотела покинуть. Тоже нужно их понять. Бессменно сидеть под сильным огнем, в мороз, без пищи — можно впасть в отчаяние.

Было несколько линий окопов, и иногда мы все же меняли позиции и отходили на следующую линию. Очевидно, когда красная артиллерия разбивала проволоку и окопы. Но перемена позиции не вносила долгого облегчения. Красные подходили и подвозили артиллерию, и атаки снова начинались.

Как-то ночью я почувствовал, что меня теребят за ногу. Я поднял голову. Один из солдат моего орудия, приложив палец к губам, манил меня. Обеспокоенный, я последовал за ним. Вдалеке от всех, в дыре, солдаты моего орудия сварили суп из снега и барана, которого они достали кто их знает как и где. Варили они суп в ведре, из которого поили лошадей, не очень чистого, но, ах, как он был вкусен, этот суп! Черпали по очереди ложкой из ведра. Я был очень тронут тем, что мои люди не стали есть без меня, а позвали. Обыкновенно в такие трудные моменты люди становятся эгоистичными. Я почувствовал дружескую связь с моими людьми, и это чувство было приятно.

МАЛЫЙ ПОДВИГ

Мы собирались отступить на новую позицию. Полковник Шапиловский позвал меня.

— Поручик Мамонтов, я даю вам приказание найти еды для батареи. Мы голодаем.

— Слушаюсь, господин полковник, но скажите, где я должен ее искать?

Жестом руки я указал на пустынную равнину.

— Это ваше дело. Купите, украдите, ограбьте, делайте что хотите, но достаньте нам еды. Вот все деньги, которыми располагает батарея. Тут двести тысяч. При обесценении денег это немного, но больше у меня нет. Идите и не возвращайтесь без еды. Это приказание.

Это была трудная миссия. Я сел на Андромаху, взял двух солдат с собой и отправился, сам не зная куда. Как богатырь в старой былине. Немного дальше был довольно большой хутор. На дворе расположились кавалеристы. Я обратился к хозяину хутора. Он безнадежно махнул рукой. — Вы же видите, что творится!

Я видел и понимал. Но вдруг я увидел громадную свинью.

— Продай мне свинью. Все равно ее у тебя заберут, а я дам тебе деньги.

— Не хочу я ваших денег. Они больше не имеют цены. Это единственная свинья, которая у меня осталась.

— Посмотри, свинья ранена, она все равно сдохнет.
Свинья была действительно ранена пулей, но очень легко.

Я нарочно преувеличивал.

— Нет, нет. Не хочу.

Ситуация была нелегкой. Что тут поделаешь? В этот критический момент я получил помощь... от красных. Да. Они стали обстреливать хутор шрапнелью. Я заметил, что крестьянин обалдел от страха. Нарочно я еще увеличил его панику. Мы-то на шрапнели едва реагировали, так привыкли.

— Ты видишь, что все пропало! По крайней мере, ты сохранишь деньги.

И почти насильно я втиснул пачку денег ему в руку.

Теперь я стал владельцем свиньи. Но нужно было еще ее взять и охранить от притязаний кавалеристов. Это вовсе не было просто. Свинья очень резво бегала. Я попросил у кавалериста одолжить мне винтовку, чтобы пристрелить свинью, и промазал в двух шагах. Свинья от меня, я за ней, кавалерист за мной, чтобы отобрать винтовку. Потому что пули начали свистеть кругом и наши отходили. Надо было торопиться.

Кавалерист взял свою винтовку и пристрелил свинью. Один из моих солдат перерубил ее шашкой надвое, потому что поднять ее целиком было бы невозможно — она была громадная.

Я послал одного из моих людей за повозкой, но было уже слишком поздно. Мимо хутора уже шли рысью последние повозки, и пули зачастили. Неужели бросим свинью? По счастью, я увидел удиравшую нашу дивизионную кухню. Я вскочил на Андромаху и погнался за ней. На мое приказание остановиться и заворачивать повар не реагировал и продолжал нахлестывать. Тогда я вытащил револьвер, и это сразу помогло. Я привел кухню к свинье и общими усилиями мы ее погрузили и удрали почти самыми последними. Уже закрывали колючую проволоку рогатинами. Мы отыскивали батарею. Я поставил своих двух людей сторожить свинью, а сам явился к Шапиловскому.

— Господин полковник, я нашел свинью.

— Какого размера?

— Громадная.

— Bravo. Я же знал, что вы достанете. Хватит и для конно-горной?

— Вполне.

— Возьмите людей, чтобы они охраняли кухню, пока она сварит суп, а то разворуют мясо. Все одичали от голода.

Я расположил кордон охраны вокруг кухни с приказанием не допускать никого до мяса, даже командира батареи... Сам же нарушил свое приказание и отрезал кусок мяса. Взял немного муки и стреляную гильзу от орудия.

Случайно я встретил гимназического товарища брата, Герасимова. Он был офицером в тяжелой батарее. Мы отошли в сторону. Я замесил муку со снегом и засунул тесто в гильзу. Обложил ее сухой травой и зажег. Получилось плохо пропеченное тесто. Сгоревший порох гильзы служил солью. А мясо жарили на вертеле. Это была роскошная еда. Все ведь относительно.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

А бои на Перекопе шли все с большим напряжением и в ужасных условиях. Однажды утром, это, мне кажется, было 12 ноября 1920 года, мы увидели черную линию южнее нас. Она двигалась справа налево, в глубь Крыма. Это была красная кавалерия. Она прорвала фронт левее нас и отрезала нам путь к отступлению. Вся война, все жертвы, страдания и потери стали вдруг бесполезными. Но мы были в таком состоянии усталости и оцепенения, что приняли почти с облегчением ужасную весть:

— Уходим грузиться на пароходы, чтобы покинуть Россию.

Сперва, однако, нужно было пробиться до пароходов. Нужно было пересечь колонны красной кавалерии.

Регулярная кавалерийская дивизия генерала Барбовича построилась в резервную колонну, то есть самым компактным образом. Впереди поредевшие полки, сзади конные батареи. Было четыре батареи: гвардейская, восьмая и две наши. И началось последнее отступление.

В этот день значительно потеплело. Могло быть около одиннадцати часов утра.

Простым глазом было видно два красных конных корпуса. Между колоннами корпусов был промежуток версты в три. Голова первой колонны исчезала в сторону Юшуни. Хвост второй не был виден. Фактически обе колонны закрывали нам весь южный горизонт.

Наш план был крайне прост и смел. В резервной колонне мы направились на рысях на хвост первой колонны и пересекли дорогу между двумя красными корпусами. Красные не могли себе представить такой дерзости и поняли, кто мы, только когда мы пересекли дорогу и продолжали уходить на юг, под прямым углом к дороге. Тотчас же от второй колонны отделилась масса кавалерии и пошла нам наперерез по диагонали. Думаю, что это была бригада (два полка). До них было версты четыре.

Все происходило в полном молчании. Ни выстрела. Почему их артиллерия не стреляла? Может быть, они не были совершенно уверены, что мы белые? Это молчаливое преследование длилось часами. Все время рысью. Впереди наши полки, затем, на некотором расстоянии, наши батареи и сзади, все приближаясь, красная кавалерия. Лошади наши были изнурены плохими условиями перекопских боев. Батареи, более тяжелые, чем кавалерия, стали отставать от полков все больше и больше. По мере того как проходили часы, батареи оказывались все дальше от наших и все ближе к красным. Сперва мы оказались посередине, а потом даже ближе к красным, чем к нашим.

Наши лошади изнемогали. Было около трех часов дня. По-прежнему царило молчание. Солдаты начали кое-где срывать погоны — плохой признак. Офицеры молчали. Было ясно, что наши полки не останутся, чтобы нас защищать. Нужно было на что-то решиться: или бросить орудия и удирать, или же стрелять. Все батареи донесли о неимении снарядов, но каждое орудие зажало несколько шрапнелей на всякий случай. И этот случай представился. Молчание было прервано красным пулеметом. Я не видел поражений, но готова была возникнуть паника.

Вот тогда-то молодой генерал, новый инспектор конной артиллерии Щеголев вышел легким галопом перед батареями, повернул лошадь и зычным, спокойным голосом скомандовал:

— Ба-та-ре-и! Слушать мою команду!

“Слава Богу, — подумал я. — Наконец-то, кто-то на что-то решился”.

— Батареи, строй фронт!

И Щеголев развел руки, указывая направление фронта. Начиная от первой конно-горной, батареи на рысях вытянули внушительный развернутый фронт в шестнадцать орудий. Это сила!

— Стой. С передков. К бою!

Все же была секунда заминки. Слезать ли? Сознаюсь, я тоже. Но от точного выполнения приказаний зависела наша жизнь. Я спрыгнул с лошади, другие последовали моему примеру. Я отдал повод Андромахи коноводу и подумал: “Увидимся ли с тобой, Андромаха?” Побежал к орудию. Мои солдаты исчезли, как случилось в моменты большой опасности. У орудия остались прапорщик Казицкий, Медведев (доброволец из Ромен) и я. Было поздно искать солдат. Я встал за наводчика, но забыл, как это делается. Тогда я открыл затвор орудия и, вертя рукоятку, опускал ствол до тех пор, пока не увидел атакующих через ствол орудия. Это вполне достаточно, потому что картечь летит конусом.

— Картечью... Три патрона...

Щеголев галопом перешел на левый фланг нашего фронта и чуть выдвинулся вперед, чтобы все орудия могли его видеть. Он поднял над головой фуражку.

Медведев зарядил, Казицкий закрыл затвор. Я взял боевой шнур и впился глазами в фуражку Щеголева. Наступила тишина. Потом из степи народился звук как бы града. Было ли это биение моего сердца или топот тысячи скачущих лошадей? У меня было страстное желание взглянуть туда, на атакующих. Но важно дать хороший залп, и я не отвел глаз от Щеголева.

Щеголев наклонялся, наклонялся вперед с напряжением (говорили, что он их подпустил до последней возможности). Он резко опустил фуражку. Шестнадцать орудий полыхнули огнем в реве залпа. Медведев еще зарядил, и я опять выпустил.

Что-то ударило меня в плечо. Ранен? Я обернулся. Лошадь без седока проскакала мимо и ударила меня стремями. Я остановил огонь. Раз лошадь проскакала, то впереди нас никого нет. Или они ускакали, или же мы их уничтожили.

Я посмотрел через щит орудия. Пыль все заволокла. Перед нами лошадь бьет воздух четырьмя ногами и вправо можно отгадать силуэты трех удирающих всадников. Это было все, что я видел от этого последнего классического и решающего боя. Классическим я его называю потому, что каждый артиллерист мечтает остановить конную атаку картечным залпом.

Мои солдаты выросли как из-под земли с сияющими лицами и погонами на месте. Они копошились вокруг орудия, стараясь заставить меня забыть их дезертирство.

— Как мы их! Просто смели!

Тогда только я отдал себе отчет, что мы победили. Слабость овладела мной. Я сел на лафет и ничего не сказал солдатам за их исчезновение. Коновод подвел Андромаху.

— Все же свиделись, милая.
Я ее погладил.

Отступление продолжалось, но уже шагом. Больше мы красных не видели. Солдаты смеялись и обсуждали бой. Офицеры молчали. У меня болела голова. Я не знаю, как выбралась пехота, но мы, кавалерия, были вне красного окружения. Дорога на юг была свободна. И этим мы были обязаны хорошей и спокойной команде Щеголева, способствовавшей дружному залпу. Красная бригада перестала существовать.

Были офицеры, которые считали главной ошибкой красных то, что они атаквали нас в лоб. Я же думаю, что они не были так не правы. Они ведь

судили по себе. Не нужно забывать, что наши солдаты срывали погоны и удирали. Если бы батареи были солдатскими, атака красных имела бы успех. Но батареи были офицерскими, и это изменило все. Офицеры не побежали.

ПОСЛЕДНЯЯ ШРАПНЕЛЬ

К вечеру мы добрались до какой-то деревни, название которой, к сожалению, не записал. Перед деревней была возвышенность. Дивизия здесь остановилась. Кавалерия встала внизу, а батареи остановились на возвышенности. Тотчас же прилетели две шрапнели и лопнули над нами. Очевидно, красные следовали за нами издали, но не решались больше соваться.

Никакой необходимости стояния нашего наверху не было. Внизу, рядом, было закрытое от взоров красных пространство.

— Евгений Николаевич, — крикнул я Обозненко, — почему мы торчим тут наверху, когда в нескольких десятках шагов можно стать закрыто?

— Ничего не знаю, — ответил он. — И нахожу глупым выставлять себя без надобности.

Две гранаты ударились в конно-горную. Там были раненые. А приказания двигаться все не было. Тогда, не дожидаясь приказа, которое, видимо, никогда не придет, я повернулся к своему оружию и приказал:

— Рысью за мной.

Я послал Андромаху и опередил оружие шагов на двадцать. В это самое время низкая шрапнель совершенно меня покрыла. Пули вспахали землю кругом Андромахи. Андромаха даже села на зад. Я думал, что и я, и она, не только ранены, а изрешечены пулями. Но опять ни у меня, ни у нее не было царапины. Даже удивительно. Только одна пуля пробила мне шинель над пахом и застряла в передней луке седла.

Это была последняя шрапнель, которую красные выпустили по нам, и как раз по мне. Поздней мы красных больше не видели и не слышали. Для меня эта шрапнель была предупреждением, что мой договор с Судьбой кончается. Я как бы слышал голос моего ангела-хранителя: “Я тебя сохранил во все время войны. Теперь ты становишься уязвимым. Не надо больше сражаться”.

Действительно, это было впервые, что пуля коснулась меня совсем близко. Никогда пули не пробивали моей одежды, и никогда лошадь подо мной не была ранена. Мне даже кажется, что я был исключением в батарее. А тут последняя шрапнель была как бы специально выпущена исключительно в меня. Странно.

Наша дивизия встала на ночевку в этой деревне. В ней оказался наш обоз. Смеркалось. Мы пополняли снарядами наши пустые передки. По улице шли донцы.

— Спасибо, батарейцы, — крикнули они нам. — Славно вы их попотчевали. Мы наловили хороших лошадей.

Донская конница шла уступом слева за нами. Они видели издали погоню и наш залп. Казачье сердце не могло удержаться, чтобы не броситься ловить всадников и лошадей без всадников.

В обозе мы получили чай и сахар. Но мои товарищи все повалились спать, и я был единственным, который этот чай пил. С каким наслаждением после перекопских боев! Горячий чай да еще с сахаром! Раньше, чем заснуть, я пошел поить и кормить Андромаху, потому что я ее взял у вестового. В последнем бою у меня сложилось неприятное убеждение, что в случае неудачи коноводы не подали бы нам лошадей, а пустились бы наутек. Мне было приятно знать, что Андромаха у меня под боком, и в случае ночной атаки я ее поседлаю вмиг. Кроме того, думаю, что я ее кормил и поил лучше, чем солдат.

Конюшня была хорошая. Вопреки приказанию не расседлывать я расседлал и разнуздal Андромаху. Она пила долго, с наслаждением, ела ячмень и вздыхала от удовольствия. Она тоже оценила хорошую конюшню после десяти голодных дней, проведенных на морозе.

— Андромаха, дорогая, ты мне верно служила. Сослужи мне еще службу, довези меня до парохода.

— А там ты меня бросишь!

— Что делать, Андромаха, да, брошу. Я уже бросил Дуру. Будет невозможно грузить лошадей. Да и что с тобой будет за границей? Нет, уж лучше останься в России. Поверь, расстаться с тобой будет мне очень горько.

Затем впервые после долгого времени я заснул на полу, не раздеваясь, но в теплом доме, а не на дворе. Какая роскошь! Красных мы больше не видели. Значительно потеплело. Снег совсем сошел. На солнце было почти тепло. Я все еще ничего не знал о брате и очень за него волновался. Успел ли он проскочить на стрелку или попал к красным?

БОЛЬШОЙ ПОДВИГ

Выглянуло солнце, и совсем потеплело. Наша кавалерийская дивизия шла на юг к пароходам. Судя по карте, перед нами лежала узловая станция Сарабула. Тут находились склады нашего интендантства. В полной уверенности в неспособности этой организации обеспечить питание на пароходах я решил взять дело в свои руки. Я выехал к голове колонны, где был полковник Шапиловский.

— Господин полковник, что вы скажете, если поехать в Сарабулу и разыскать продовольствие, чтобы питаться на пароходах?

—Прекрасная идея. Насколько мы знаем наше интендантство, оно, конечно, ничего для этого не приготовило, все оставит красным и само удерет... Возьмите людей и отправляйтесь вперед.

Я взял с собой всего двух солдат. Как я жалел потом, что не взял больше, но я не любил больших свит. На рысях мы опередили колонну и вошли в Сарабулу. Тут творился полный хаос. Интенданты, увидя издали приближение нашей колонны, приняли нас за красных, бросили все и удрали. Толпы вооруженных солдат-мародеров бродили и грабили.

На главной улице мы смогли поймать корову и молодого бычка, должно быть, отбившихся от стада. “Уже кое-что, — подумал я, — но, наверное, тут можно найти и лучше”.

Мы остались на дороге ждать прибытия батареи. Вдруг я увидел повозки обоза конно-горной батареи и полковника Лебедева, заведующего хозяйством. Я бросился к нему.

— Господин полковник, хотите я подарю вашей батарее корову, но с условием, что вы мне сохраните бычка?

—Идет, я сохраню его вам даже за морем. И к моему удивлению, он действительно его сохранил. Как-то в Галлиполи он меня спросил:

—Что же делать с вашим бычком?

—Как, неужели сохранили?

—Сохранил.

—Дарю его батарее.

Освободившись от животных, мы направились на станцию. Тут на запасных путях стояло несколько вагонов с пломбами на дверях. Я взломал пломбы. Это было как раз то, что я искал: пять вагонов с корнед-бифом, с мукой, с сахаром, с английским обмундированием и с подошвенными кожами. Я быстро закрыл двери, закрутил их проволокой, поставил своих людей сторожить, а сам бросился на дорогу искать подкрепления против мародеров, которые уже стали собираться вокруг вагонов. Втроем мы не могли удержать вагоны от разграбления. Мародеры были многочисленны, вооружены и агрессивны.

Попав на улицу, я наткнулся на самого генерала Барбовича. Я решительно протолкался к нему и отрапортовал о своей находке.

— Ваша находка чрезвычайно важна, поручик. Но я хочу видеть это своими глазами.

— Идемте, ваше превосходительство, это рядом... Вот эти пять вагонов.

В это время мародеры, предупрежденные своим каким-то мародерским нюхом, собрались внушительной толпой.

— Откройте, я хочу видеть, — сказал Барбович.

— Ваше превосходительство, прошу вас этого не делать. Мы недостаточно многочисленны, чтобы удержать мародеров, — запротестовал я.

— Откройте, — настаивал Барбович.

Один из солдат его свиты открыл дверь. Это был вагон с обмундированием. То, чего я боялся, и произошло. У меня был, видимо, больший опыт, чем у генерала. Толпа мародеров ринулась, оттолкнула генерала и его свиту, ворвалась в вагон и вмиг его опустошила. Барбович был сконфужен. Он хотел было открыть следующий вагон, но я воспротивился самым энергичным образом, и он не стал настаивать.

— Оставайтесь здесь, поручик, я пришлю вам помощь и извещу полки, чтобы они прислали повозки за продуктами.

— Ваше превосходительство, прошу известить также и батареи. И чтобы подкрепление пришло как можно скорей. Человек двенадцать, по крайней мере.

— Я пришлю вам тридцать, чтобы удержать эту банду.

— ...И чтобы повозки приходили с охраной.

— Хорошо, поручик. Я отдам все нужные распоряжения.

И Барбович со штабом ушли на дорогу. А мы остались с вагонами и грозно бушующей толпой мародеров. Было, вероятно, четыре или пять часов вечера.

Подкрепление не прибыло. Повозки от полков являлись начиная от полуночи и до двух часов ночи, врозь, каждая с офицером, но без охраны. К счастью для полков, повозки нашей батареи явились последними, около трех часов ночи. Если бы они прибыли раньше, я с ними уехал бы и бросил вагоны. Потому что это была борьба сверх всяких человеческих сил. И я эту борьбу выдерживал в течение по крайней мере одиннадцати часов кряду. Не знаю, право, как мне это удалось и почему мародеры меня просто не убили. Это был сплошной крик, драка, угроза револьвером, ныряние под вагон, чтобы прийти на помощь моему солдату-часовому, которого толпа уже оттеснила. И так без перерыва. Ни об еде, ни о питье нельзя было и подумать. Дивизия ушла ночевать далеко на юг. Сарабула осталась незанятой. Каждую минуту можно было ожидать появления красных. Толпа мародеров, видимо, все разграбив в местечке, вся нагрянула на станцию. Она состояла из озверевших, потерявших человеческий образ преступников, вооруженных и бушующих.

Один из моих солдат держал наших лошадей. В случае появления красных лошади были нашим единственным спасением. Другой солдат стоял часовым, но струсил и стоял столбом, не проявляя инициативы. Так что вся защита четырех вагонов, то есть восьми дверей, выпала мне одному. Правда, я все надеялся, что появится обещанная помощь в виде тридцати солдат, и это поддерживало мой дух.

Самыми трудными минутами был приезд повозок от какого-нибудь полка, без охраны и с робким офицером. Надо было открывать двери, чтобы грузить продукты, а это было самое опасное. Тогда я шел на переговоры.

— Да замолчите вы на минутку. Послушайте, что я вам скажу. Я дам вам мешок сахару, делите его сами между собой. Отойдите от дверей!

Выкидывали в толпу мешок сахара, который они тотчас же разрывали, как звери, и, ползая на четвереньках, мешали друг другу взять с земли. Пользуясь этой возней, я закрывал и закручивал проволокой дверь, а в другую дверь быстро выкидывали на повозку два или три мешка сахару и закручивали двери снаружи. Начинались переговоры о корнед-бифе. Корнед-биф очень хорошо упакован. Добротный ящик и перевит толстой проволокой. Коробки конические, и можно вытащить коробку, если захватить одну ногтями. Но если захватить одновременно несколько, вытащить их нельзя. Я выкидывал два ящика. Мародеры бросались и начиналось молчаливое кручение. Несколько человек одновременно тянули и вытащить не могли, пока наконец не разрывали проволоку и доски ящика. У меня было время нагрузить и корнед-биф, и муку, и даже подошвенные кожи.

Каждый офицер, уезжая, клялся мне, что пришлет охрану, что известит нашу батарею... и ничего не делал... “Мы получили, а до других нам дела нет...” А я все надеялся и клял нашу батарею, что они все не едут. Приехали повозки от конно-горной. Я слезно умолял офицера предупредить наших.

И наконец, часа в три ночи появились повозки нашей батареи, тоже без охраны. Их я нагрузил сколько мог и даже через меру. В дальнейших походах, в горах, одна из перегруженных повозок сломалась и в мое отсутствие была брошена, так как замены ей не нашли. Вторая же, глядя на первую, решила тоже сломаться, чтобы воспользоваться продуктами. Но я был тут и заставил починить и следовать под надзором солдата с плетью. Продуктов нам хватило не только во время переезда, но и первое время в Галлиполи.

Интендантство же, конечно, ничего для переезда не заготовило. Противное меня бы очень удивило.

Эту свою деятельность в Сарабуре я отношу к самому большому подвигу во время всей гражданской войны. Благодаря мне вся наша дивизия была сыта на пароходе и после, а все другие голодали.

Обессиленный, я лег на повозку, прицепил бедную Андромаху, некормленную и непоеную. И еще доставил себе удовольствие, отъехав шагов сто, науськать мародеров на остатки провианта в вагонах. Они бросились, как дикари, и вмиг опустошили все. Когда они ворвались в вагон с мукой, то выскочили все белые, как мельники. Собственно, они мало пользовались — все рвалось и затаптывалось.

На квартире меня ждала награда за мою полезную деятельность. Меня ждал Леня Александров, который привез мне братнин полушубок и рассказал, что они не нашли квартир в городе Геническе и проехали на стрелку, а через час Геническ был занят красными. Так случайно они избежали гибели. Слава Тебе, Господи, брат жив.

ЧЕРЕЗ ГОРЫ

Мы выступили на следующее утро, и нас предупредили, что в Симферополе, через который мы должны были пройти, восстание и мы должны быть готовыми. Это известие было неприятно, но на практике оказалось, что по нам не стреляли. Восставшие, видимо, трусили и сами попрятались. Все же дивизия шла, не останавливаясь и не отрываясь частями друг от друга. С той стороны Симферополя начинаются скалы и вскоре за ними горы.

На этот раз эвакуация была хорошо разработана. Армия грузилась в разных портах. Пехота в Севастополе, мы, кавалерия, в Ялте, кубанцы в Феодосии и донцы в Керчи. Толкотня была только у кубанцев. В Феодосии стоял наш обоз и оттуда грузился брат. В других портах все прошло гладко.

Вскоре мы вступили в горы, покрытые с северной стороны мелким лиственным лесом. По мере подъема становилось холодно. Я надел полушубок брата. Людям часто приходилось нажимать на колеса орудий и повозок в местах, где подъем был особенно крут. Упряжные лошади дымились, и приходилось останавливаться, чтобы дать им отдышаться. Только к вечеру, как раз перед закатом солнца, мы достигли перевала и, как зачарованные, остановились. Грандиозная картина. Налево красные скалы отражали солнце, направо Чатырдаг (1525 м). Перед нами до бесконечности темно-синее море, и у наших ног зеленый сад с белыми домиками. Красота. Так бы и остался любоваться, но на перевале места было мало и нужно было его освободить для других.

Дорога круто спускалась вниз. Мы поставили тормоз на колесо орудия. Я сел на лафет, обнял обеими руками затвор орудия и крепко заснул. Солдатам я строго запрещал садиться на лафет. Во сне можно свалиться и быть раздавленным орудием. Орудие пошло рысью со спуска. Из-под заблокированного колеса летели искры, а я спал самым безмятежным образом.

Я проснулся из-за того, что орудие остановилось. Кругом темнота. Я задыхался в полушубке. Какой-то странный шум меня удивил. Ах, это же шум волн. Мы на берегу моря. Мы были в Алуште. Какая разница. С той стороны гор зима, а с

этой — весна. Мы остановились на ночь в Алуште и купили, очень дорого, скверное вино.

ВИНО

От Алушты до Ялты идет прекрасное шоссе, недалеко от берега моря. Справа крымские горы отделяли нас от красных. Горы непроходимы, их можно пересечь только по двум-трем дорогам. По нашим сведениям, таких дорог между нами и Ялтой не было.

Кругом был земной рай. Сады и виноградники. Синее небо и темно-синее море, белые домики и часто прекрасные виллы. Справа зеленые горы. Дивизия выступила утром из Алушты и направилась на запад к Ялте.

Обозненко подъехал ко мне.

— Шоссе проходит как раз у ворот винных погребов. Это представляет большой соблазн для наших солдат. Но сегодня ночью мы остаемся в арьергарде. Я вас прошу не напиваться, и постарайтесь удержать людей.

— Я-то не напьюсь. Но что касается солдат, то я бессилён. Они будут пьяны во всяком случае.

Очевидно, шоссе было проведено специально для перевозки вина. На всем протяжении дороги были погреба, один рядом с другим. Они были вырыты в горе. Ворота были у всех распахнуты. Были видны ряды бочек, из которых лилось вино на землю. Солдаты вырывали кляп из бочки и, конечно, не трудились его опять воткнуть.

Колонна дивизии становилась все шумней и веселей. Под конец она походила скорей на свадебную процессию, чем на доблестную армию накануне ухода с родины. Я отыскал Обозненко.

— Евгений Николаевич, мне кажется, что вы и я — единственные трезвые в колонне. Это больше неважно, погреба будут нашим лучшим арьергардом. Красные, конечно, тоже перепьются, а наши, может быть, уже протрезвеют... Я хочу тоже воспользоваться необыкновенным случаем...

— Да, вы правы, валите.

Я прицепил Андромаху к повозке и сам вошел в погреб. Он уходил глубоко в гору. С двух сторон на козлах лежали бочки в три ряда, друг над другом. Из всех лилось вино. На земле его было уже сантиметров десять—двенадцать.

Я сложил руки ковшом, попробовал вино и его выплюнул.

— Это молодое, хорошее должно быть в глубине.

Я побрел по вину в глубь погреба, изредка пробуя. Но из-за частых проб я потерял вкус. Пол слегка наклонялся и вино прибывало, пришлось подтянуть голенища сапог. Я чувствовал, что начинаю пьянеть от паров вина. Лучше вернуться. Можно опьянеть, свалиться и утонуть в вине. Конечно, это неплохая смерть, но все же... Тут я наступил на что-то, что задержалось, и свалился в вино. Я задираю ноги, чтобы вылить вино из сапог. Темнота была полная. Видно было только далекий светлый квадрат ворот. Ощупью я стал искать, обо что я споткнулся, и нащупал Мертвецки пьяного солдата. Я взял его за шиворот шинели и попробовал тянуть. Но вся его одежда пропиталась вином, он был слишком тяжел. Еще из-за него сам свалишься и утонешь.

Я подтянул его к козлам, на которых стояли бочки, и заклинил его голову в развилке. Сперва он выскользнул. Тогда я нажал сапогом и заклинил лицо. Рот его возвышался на несколько сантиметров над уровнем вина.

— Вот, неизвестный солдат, я сделал для тебя все, что мог. Не взыщи. Коль вино поднимется выше твоего рта, значит тебе не повезло.

Я вышел из погреба и был поражен. Шоссе было пусто, колонна исчезла. А я-то думал, что всего проваландался минут двадцать.

Я отстегнул кобуру револьвера, чтобы скорей его вытащить в случае чего, и пошел крупным шагом по шоссе, внимательно осматривая кусты. Потому что в горах водились “зеленые”, род бандитов, которые нападали на одиночек. По обочине дороги лежали недвижимые тела солдат, только следы блевотины указывали, что это не трупы, а пьяные. Их было десятка с два. Вдруг я увидел всадника, который сильно качался в седле. Присмотревшись, я с радостью узнал Леню Александрова.

— Леня, как я рад, что тебя встретил.

— Я тоже, Сережа, рад тебя видеть.

Он расчувствовался и чуть не упал с седла.

— Слушай меня внимательно. Я остался без лошади.

— Возьми мою.

— Нет, но поезжай в батарею и пришли мне Андромаху с солдатом, который не очень пьян. Это очень важно. И не свались.

Он пошел крупной рысью, и я с беспокойством следил за ним глазами. Но он не упал, и через некоторое время Половинкин привел мне Андромаху. Как я ей был рад! Я присоединился к батарее, которая с эскадром гвардейской кавалерии стояла на громадном обрыве, доминирующем над дорогой, долиной и местечком Гурзуф, там, у моря, между двумя скалами. Одну из скал звали Аю-Даг. Вся же дивизия ушла в Ялту грузиться на пароход.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

К моему удивлению, Александров и все офицеры батареи были уже трезвы, чего нельзя было сказать про солдат.

Поставили мою пушку на шоссе. Это была прекрасная позиция с обстрелом всех подходов и обходов. Таким образом, моему оружию выпала честь стоять на последней позиции. Мы послали одного офицера вниз, в большую виллу, и он нам принес пять жареных гусей и два ящика прекрасного вина. Мы поделились с солдатами.

Мы не спали эту последнюю ночь в России. Сидя на обрыве около орудия, мы обменивались с Александровым мыслями. Что делают наши родители в Москве? Как известить их о нашей судьбе? Завтра уедем. Куда? Что мы будем делать за границей? Как нас там встретят? Нужно будет начинать жизнь с самого начала. Вернемся ли мы в Россию или это навсегда? Что станется с Россией под коммунистами? Что станется с народом?

Мы написали открытку домой и отдали жителям, прося отправить ее немного позже, когда все успокоится. В ней было лишь две фразы: “Мы живы, здоровы и едем в далекое путешествие. С нами Ленья”. Подписал я “Сима”, это значило Сергей Иванович Мамонтов. Открытка дошла и очень обрадовала мать. Она известила отца Лени.

Иногда проезжала повозка, нагруженная телами мертвецки пьяных. Сердобольные крестьяне нагружали их и везли. Мы осматривали пьяных и вытаскивали из кучи наших солдат. Клали их на травку, и на следующее утро вся батарея была в сборе и протрезвленная.

ПО ЗЕМНОМУ РАЮ

Рано утром явился из Ялты ротмистр Чичерин с волнующим известием. Оказалось, что через гору существует “царская тропа”, дорога, которая вела в удельное имение Массандру, находившееся у нас в тылу. Красные могли нас отрезать от пароходов. Мы забеспокоились и тотчас же двинулись к Ялте. Опасения наши были излишни, красные ничего не предприняли.

В Массандре мы взяли несколько ящиков очень хорошего вина. Директор хотел нам воспрепятствовать, но нам было некогда.

— Отчитаетесь завтра с большевиками.

— Что это значит?

— А то значит, что мы уходим и завтра придут большевики и все тут разнесут. Он страшно растерялся.

— Берите все, что хотите.

На этот раз шоссе шло высоко в горах над морем. Солнце сияло, море блестело, было тепло, и горы как-то светились. Кругом стояли зонтичные сосны, красиво вырисовываясь на небе. Там, далеко внизу, совсем маленькие домики в садах. И синее море до горизонта. Казалось, что Россия улыбалась нам при нашем уходе. Решили уничтожить мою пушку, чтобы она не досталась красным. Выбрали глубокое ущелье. Сняли прицел и замок, подкатили к самому краю и по команде столкнули вниз. Орудие ударилось о скалу, перевернулось в воздухе, отскочило, ударилось о противоположную скалу и упало на дно пропасти. В бинокль мы не заметили сломанных частей. Хорошо сконструировано орудие. Прицел и затвор кинули дальше в другое ущелье. Сердце сжималось при виде идущего одного передка в запряжке.

Мы дошли до предместья Ялты и остановились. Испортили орудия, распрягли лошадей. Расседлали. По тревожному гудку парохода мы должны были идти на пристань. Нас предупредили, что, возможно, местные коммунисты будут в нас стрелять.

ПРОЩАНИЕ

Я обменял подошвенную кожу у жителей на чашку и ложку, которые мне оченьгодились в Галлиполи.

Трое старых солдат орудия, линейные казаки братья Шакаловы и Бондаренко подошли ко мне.

— Что вы будете делать, господин поручик?

— Я уезжаю.

— А что вы нам посоветуете?

— Я не знаю. Мы поедем за границу. Там жизнь будет трудной. Без языка. Кто знает, сможем ли мы вернуться.

— В том-то и дело. У нас семьи. Мы решили остаться. Но мы не хотели уйти, не простившись с вами. Ведь так много пережили вместе.

— Спасибо. Не забудьте, что красные вам не простят. Но если вы думаете, что сможете выкрутиться, ступайте. Я ничего против не имею... Возьмите с собой Андромаху. Советую вам идти по “царской тропе” из Массандры — там будет меньше встреч. Возьмите консервов в обозе. И дай вам Бог удачи.

— Спасибо. Дай Бог и вам счастья.

Мы пожали крепко руки. Я долго гладил Андромаху. Они пошли. Повернулись.

— Если вернетесь с армией, мы вас отыщем.
С тяжелым сердцем я смотрел им вслед.

ОТЪЕЗД

На этот раз эвакуация была хорошо организована. В Ялте нас ждал большой пароход “Сарыч”. На него из войск грузились только регулярная кавалерия и конная артиллерия, и, конечно, беженцы из Ялты. Никакой толкотни не было.

Мы оставили на границе города орудия (испорченные) и лошадей.

К нам пришел офицер с парохода и сказал, что тревожного гудка решили не давать, чтобы не вызывать паники. Все готово, и мы можем идти. Как только мы подыдемся на пароход, он отойдет. Молчаливая цепочка солдат с винтовками за плечами пошла к пристани. Последние белые, оставляющие Россию. Победенные.

На душе было тяжело. Но было гордое сознание, что мы честно исполнили свой долг. Никто в нас не стрелял. Мы пересекли часть города и поднялись на пароход, который тотчас же отошел. Мне кажется, что это было 3/16 ноября 1920 года.

Генерал Врангель* подошел к нам на своей яхте “Кагул” и сказал нам несколько слов. Борьба не кончена. “Ура” было ему ответом. Люди гвардии запели национальный гимн. Это было волнующе.

Крым исчезал в вечернем мареве.

Мы покинули Россию навсегда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В период между 1917 и 1920, а в Сибири даже до 1922 года было четыре антибольшевистских армии:

1. Армия адмирала Колчака в Сибири.
2. Добровольческая Армия на юге европейской России.
3. Армия генерала Юденича у Петрограда.
4. Армия генерала Миллера у Архангельска.

Была у большевиков и польская война, и много внутренних восстаний. Главные из них в Ярославле, в Кронштадте, в Тамбове, на Урале, в Туркестане, в Сибири и много мелких. И конечно, в Петрограде и в Москве.

Взглянув на карту, можно заключить, что мы были очень близки к победе. Но не нужно заблуждаться. У антикоммунистических движений не было координации. Они возникали не одновременно, а одно после другого. Особенно местные восстания — без всякой связи с нами, армией.

Когда мы достигли Орла, Воронежа, Царицына, армия Колчака уже отступала. Армии Юденича и Миллера не были многочисленны и были вскоре

ликвидированы красными. Но армии Колчака и наша Добровольческая представляли реальную опасность для коммунизма.

Первой причиной нашего поражения была одновременность возникновения восстаний. Второй причиной я считаю то, что мы не сумели убедить западные страны в опасности коммунизма. Они почему-то думали, что коммунизм чисто русское явление, поэтому они нас плохо поддерживали. Как они ошибались! Третья причина и, пожалуй, самая главная: мы слишком поздно объявили земельную реформу: “Земля народу”, предоставляя это сделать Учредительному Собранию. Это была ошибка. Народ, крестьяне не были с нами, а реформа могла бы их привлечь. Практически нам всегда не хватало снарядов и патронов, не хватало резервов. Боеприпасы мы получали с Запада, и недостаточно, а резервы могли быть созданы земельной реформой, то есть крестьянами.

Мы наивно надеялись на помощь “союзников”. Помощь эта была недостаточной и неискренней. Все лимитрофные, вновь образованные государства — Польша, Прибалтийские, Грузия и Азербайджан — были нам враждебны. Мы не сумели наладить внешнюю политику...

Во всяком случае наша борьба была крестовым походом против дьявольского наваждения, но нас не поддержали, за что все виновные теперь горько расплачиваются, в особенности русский народ, крестьяне и интеллигенция. А мы исполнили свой долг, хоть и были побеждены.

Примечания (В. А.)

* Из поэмы **Хорошо**

Глядя
на ноги,
шагом
резким
шел
Врангель
в черной черкеске.

Город бросили,
на молу –
голо,
лодка
шестивесельная
стоит
у мола.

И над белым тленом,
как от пули падающий,
на оба
колена
упал главнокомандующий.

Трижды
землю
поцеловавши,
трижды
город
перекрестил.
Под пули
в лодку прыгнул...

- Ваше
превосходительство,
грести? –
- Грести! –

В. Маяковский